

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ
три экземпляра. С. Петербургъ, 26 Іюня 1836 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 53.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ годъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюля 1 дня 1836 года.

Что Клавъ меня лечилъ, слухъ эпошь, другъ мой, лживъ:
Когда-бъ по было шакъ, по какъ же-бъ я былъ живъ?

А. Мерзляковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БАРМЕСИДЪ.

(*Восточная повѣсть.*)

Въ великолѣпномъ дворцѣ, гдѣ курятся благовонія Воспока, гдѣ мягкіе ковры Арака заглушаютъ шаги черныхъ невольниковъ и лучъ солнца играетъ на перлахъ арабесковъ, сидитъ великій *Арунъ-Рашидъ*, и облокотясь на апласныя подушки, шипыя зломпомъ, хранитъ глубокое молчаніе.

Что занимаетъ думу калифа и приводитъ въ недоумѣніе царедворцевъ его?

Арунъ размышляетъ о первомъ любимцѣ своемъ *Джафаръ*, котораго уважаетъ онъ за тонкій умъ его, тихоспъ и права и блестящее краснорѣчіе. Онъ предпочитаетъ *Джафара* брату его *Фадулу*, и намѣреваетъ сдѣлать его визиремъ Багдада и всей имперіи.

Калифъ велѣлъ позвать отца ихъ *Ягія* и сказалъ ему: Я желаю взять отъ *Фадула* государственный печати и отдать ихъ *Джафару*, но мнѣ совѣстно написать ему о томъ самому, и поному я поручаю эпо тебѣ. —

Ягія пошелъ къ себѣ и написалъ сыну: «Повелитель правотѣрныхъ, которому великій *Алла* далъ власть надъ нами, повелѣваетъ тебѣ снять кольцо свое съ правой руки и надѣть его на лѣвую.»

Фадулъ отвѣчалъ такъ:

«Я исполнилъ повелѣніе государя моего, и не думаю, что лишаюсь его милостей, когда онъ удостоиваетъ ими брата моего. Уступая мѣсто мое брату, я только раздѣляю его съ нимъ—и за то благодарю калифа.»

— Хвала *Алль*, за краснорѣчіе и умъ, которыми одарилъ онъ *Фадула*! — сказала *Джафаръ*, прочитавъ письмо! — Какая прекрасная душа—и какое рѣдкое самоопроверженіе! Я не знаю человека, который бы имѣлъ столько истиннаго благородства! —

Съ этого дня счастье и могущество *Джафара* спали съ каждымъ днемъ возрастать болѣе и болѣе. Цѣлый кварталъ Багдада, отдѣлявшійся рѣкою Тигромъ отъ *Казръ-Аль-Кулда* или калифскаго дворца, занятъ былъ его лошадьми, верблюдами и невольниками. Не смотря однакожь на величіе свое, *Джафаръ* былъ доступенъ каждому и обходился со всѣминисходящельно и ласково.

Каждый день, каждый часъ визирь ходилъ къ *Калифу* по дѣламъ государственнымъ. Въ это время Калифашство управляло всѣмъ Востокомъ и большею частію Африки; слѣдовательно Багдадскіе калифы были на высочайшей степенѣ славы и могущества.

Въ великолѣпномъ дворцѣ *Арунъ-Рашида*, при звукахъ Маврипанской музыки, среди плясокъ и забавъ, которые пророкъ не воспрещаетъ заповорникамъ гаремовъ—цвѣла прекрасная одалиска, радость очей супруга своего, пышная роза, между цвѣтами Востока—которую калифъ любилъ болѣе жизни своей и желалъ всегда имѣть передъ собою.

Уважая *Джафара* и имѣя къ нему полную довѣренность, *Рашидъ* позволялъ *Абассъ* быть съ нимъ, тогда какъ визирь приходилъ къ нему съ докладами; но непроницаемый покровъ скрывалъ прелести молодой одалиски, и *Джафаръ* не могъ видѣть черныхъ глазъ ея.

Разъ однакожъ нечаянно спало съ *Абассъ* покрывало—и восхищенный взоръ *Джафара* увидѣлъ небесную красоту ея. Нѣтъ, подумалъ онъ, ни нѣжная *Газелла* съ алмазными глазами своими, ни самая *Гурія* пророка, не могутъ сравняться съ этою обворожительною женщиною; ей нѣтъ подобной ни на землѣ, ни въ раю *Магометовомъ*.

Съ этой минутой сердце его не знало покоя, и онъ каждый день выдумывалъ средства видѣться съ одалискою. То нужно было ему поговорить съ калифомъ о войнѣ съ императоромъ Византійскимъ, то представилъ необходимость новаго налога на Харазанскую область, то потолковать о возможности выгнать изъ Испаніи *Оміадовъ* и возвести на престолъ династію Абассидскую. Но не война съ Византіею, не желаніе доставить Испанскую корону Абассидамъ влекли визиря въ чертоги *Рашида*.—Нѣтъ!—А надежда видѣть ея, которая воспламенила душу его, и одна занимала всѣ его мысли.

Джафаръ былъ молодъ, хорошъ, спашень; черная одежда (черный цвѣтъ принадлежалъ Абассидамъ) придавала особенное выраженіе благороднымъ чертамъ его и разливала на нихъ прогашельную блѣдность. Слѣдовательно *Абасса* не могла видѣть его равно-

душно, и спросить ея къ нему дѣлалась съ каждымъ днемъ пламеннѣе.

Наконецъ напустилъ мѣсяць *Реби*, и *Арунъ-Рашидъ*, который, какъ ревностный мусульманинъ, возилъ всякой годъ на поклоненіе *Каабы*, велѣлъ приготовить приспа верблюдовъ для свиты своей, и собрался ѣхать въ Мекку.

Уже верблюды, покрытые парчевыми полами, выступили за Багдадскіе ворота, которые назывались *Кальвадгою*, и находились близъ башни *Аджелли*; трубы и мѣдные преугольники, раздавались передъ дворцомъ калифа; гордый верблюдъ, украшенный перьями и алмазами, ожидалъ государя у подъѣзда, и народъ при приближеніи его палъ ницъ на землю.

Калифъ, вышедши на крыльцо, подошелъ къ *Джафару* и тихо сказалъ ему:

«Поручаю тебѣ *Абассу*, и надѣюсь, что ты не употребишь въ зло моей довѣренности.»
— Клянусь великимъ Аллаю!— вскричалъ *Джафаръ*, но калифъ остановилъ его.

«Нѣтъ, ты долженъ дать мнѣ другую клятву, *Джафаръ*. Призови на себя проклятіе небесъ, если ты обманешь меня.»

Бармесидъ содрогнулся; какое-то внутреннее чувство сказало ему, что призваніе ему будетъ не напрасно... но дѣлать было нечего—онъ спремился въ пропаснь невольно, не пропиваясь, какъ горній голубь, котораго буря пустыни несетъ прямо на охотника, уже напрягшаго лукъ свой.

«Пусть грозный Алла!» сказалъ онъ записался: «лишишь меня надежды на его милосердіе... пусть онъ навѣки оставитъ меня, если взоръ мой дерзнетъ оскорбить цѣломудріе *Абассы* пвоей.»

Калифъ не успѣлъ еще выѣхать на большую дорогу, какъ уже *Бармесидъ* плакалъ у ногъ вѣрной жены его.

«Цвѣтъ жизни моей!» говорилъ онъ нѣжной одалискѣ: «пламенная спросить сжигаетъ мое сердце и не даетъ мнѣ покою. О! позволь мнѣ испить на устахъ твоихъ вина любви, которое слаще райскихъ водъ *Сесалы*, или, по крайней мѣрѣ, послушай, что я скажу тебѣ съ безсмертнымъ пѣвцомъ *Моинъ-Эдинъ-Ахметомъ*».

«Ты спройна и гибка, какъ быспрая лань, когда она въ легкомъ бѣгу своемъ покачиваепся, какъ спонкое копье въ рукѣ всадника. Дыханіе пвое слаще меду, упоипельнѣе вина; оно одно можетъ упоипшь жажду души моей. Чшо въ радости эдема для того, кто можетъ вкусипть на цвѣтущихъ ланипахъ пвоихъ плоды, которые прелестію своею превосходятъ всѣ дары осени. — Жеспокая, ты ранила сердце мое и не хочешь облеглишь рапы моей—ни однимъ упѣшпелнымъ словомъ. О! сжался надо мною, пролей лучъ радости на бесполезную жизнь несчастнаго любовника, копорый спрадаептъ безопрадно. Долго шашъ я спраспы мою, но ручы слезъ, пролиппыхъ мною, оспавипли глубокіе слѣды на лицѣ моемъ и измѣнили мнѣ, какъ нескромный фонарь измѣняептъ спому, кто искалъ убѣжища во мракѣ. Ахъ, я не дорожу жизнью, и съ радостью опдамъ её, но кто можетъ винипть меня за любовь, копорую загли во мнѣ черные глаза пвои, блестящіе какъ солнце, прелестные и спомные, какъ глаза Гурія?»

Абасса оперла слезы свои—и опвѣчала сппхами *Оманъ-Бенъ-Фареда*, копорого сочиненія не выходипли у неё изъ рукъ:

«О! для чего не могу я упоипшь на успахъ пвоихъ жажды, копорая помиптъ меня и наполняептъ душу мою горестію! Жеспокая судьба, опдавъ меня во власть другому, велиптъ мнѣ быть жерпвою несчастной спраспы, и я умру—умру съ наслажденіемъ, если могу опдамъ послѣдній вздохъ мой на груди пвоей.

«О прекрасный! о несравненный! лѣпнее солнце темно передъ побою и ты царь ему. Походка пвоя легче горнаго вѣпра, спанъ прямѣ пальмы. Ты нѣженъ и привыкъ къ роскошнымъ пканямъ кашемира; грубая одежда недостойна тебѣ.

«Легкій пухъ опѣняептъ алыя пвои щеки, пріятныя взгляды пвои раждаютъ любовь и ревность; ахъ, лучше умерепъ, нежели лишипться любви пвоей!

«Дорогіе перспни украшаютъ бѣлыя руки пвои, и полные пальцы не дозволяютъ имъ упасть или двпгаться. Дыханіе пвое—аромашъ мускуса,

«Легкій поясъ пвой всегда шпрокъ для спройнаго пвоего спана, копорый понипною и легкостію превосходитъ его сполько же, сколько любовь моя превосходитъ вслкое выраженіе.»

Любовники обнялись, проливая слезы, и скоро забыли всё—кромѣ любви своей.

Но увы! блаженство ихъ продолжалось недолго; скоро пріѣхалъ *Сеифъ-Эдола*, хранитель *герильницы*, съ извѣспіемъ, что калифъ былъ уже сполько въ нѣсколькихъ мплахъ опъ Багдада.

Фадулъ, сынъ *Реби*, ѣздившій съ *Рашидомъ* въ Мекку, былъ пайнымъ врагомъ *Бармесидовъ*—и домогался визирства. Онъ замѣспилъ, что жптели Мекки прпняли калифа не съ спакимъ воспоргомъ, какъ въ прошломъ году *Джафара*. Напропивъ того, народъ пѣлъ *Кассаду*, сочиненную въ честь *Бармесидовъ*, въ копорой не было ни слова о калифѣ. — Вотъ содержаніе эпной оды:

«Мы вспрѣспили сыновъ *Бармесиды*, на копорыхъ возлагаемъ всю надежду свою. О, какъ дорога намъ ихъ слава! Какъ радостно прпсутствіе ихъ между нами!

«Каждый годъ оспавляютъ они домъ свой, чшобы разипть враговъ вѣры или посѣспипть древнюю, свящую обипель ея!

«Когда являюпся они въ долинахъ Мекки, тогда новое солнце восходитъ надъ градомъ *Магометовымъ* и озаряептъ его лучами своими.»

Фадулъ, сынъ *Реби*, увидѣлъ пайную досаду на лицѣ *Арунъ-Рашида* и всячески спарался внушипть ему ненависть къ *Джафару*, говоря, что *Бармесиды* прпсвоипли себѣ всю власть въ госудаpствѣ.

Калифъ возвратился полный негодованія въ *Хазралкудскій дворецъ* свой, и на другой день, увидя съ терассы множество лошадей и верблюдовъ, копорые спояли у крыльца *Джафаровыхъ* палатъ, по шу спорону *Тигра*, сказалъ самому себѣ: О! да здѣсь калифомъ не я, а онъ; въ немъ ищупъ милоспшп и покровительспва, а я ничего уже не значу въ Багдадѣ.—

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

81.

Прекрасно, незнакомецъ. Только, право, ошибки еспь.....

Кукольникъ.

Но спрашный Симумъ, засыпающій песками Аравійскія пустыни, ничто въ сравненіи съ бурей, копорая воспала въ душѣ калифа, когда онъ узналъ о невѣрности одалиски своей.

Онъ велѣлъ позвать евнуха *Мезрура*, и сказалъ ему:

«Сей часъ иди — и принеси мнѣ голову *Джафаръ*.»

Мезруръ пошелъ къ визирю. *Джафаръ* въ это время пировалъ съ врачомъ своимъ *Бахтитишемъ* и слѣпымъ поэмомъ *Абудахаромъ*, копорый услаждалъ его пѣснями своими, соединявшими прелестнъ гармонию съ красопою мыслей и силою выраженія. Евнухъ вошелъ безъ доклада въ самую пу минушу, какъ *Абудахаръ* пѣлъ слѣдующую спрофу:

«О! не удаляйся изъ дому. Смерть можетъ посягнуть тебѣ или сегодня поутру—или вечеромъ.»

—Я радъ видѣть тебѣ, *Мезруръ*,—сказалъ *Джафаръ* евнуху: но лучше-бъ было, если бы ты велѣлъ доложить о себѣ. —

«Я пришелъ къ тебѣ съ важнымъ порученіемъ;» отвѣчалъ евнухъ: «повелишель правовѣрныхъ пребуешь головы пвоеей, опдай еѣ сей часъ!»

—Евнухъ, возрапись къ повелишелью правовѣрныхъ; онъ вѣрно пошупилъ, или выпилъ лишнее.—

«Визирь, я не смѣю медлить, опдавай голову свою!»

—Ну, пакъ дай же мнѣ время написать завѣщаніе; я на минушу удалюсь въ заднія комнаты и попчасъ же возвращусь къ тебѣ. —

«Нѣтъ, этого нельзя, но ты можешь написать завѣщаніе свое здѣсь.»

Джафаръ написалъ короткую духовную—и вышелъ съ евнухомъ. *Мезруръ* повель его въ палатку на калифскомъ дворѣ, опрубилъ ему голову и, положивъ еѣ на щипъ, принесъ *Рашиду*.

T.

«Какая разница между мною и *Правономъ*?» сказалъ однажды *Расинъ*: «па, что я умѣю писать!» Та же разница между *Пушкинымъ* и *Кукольниковъ*, между *Жуковскимъ* и *Кукольниковъ*. Сочинитель превосходныхъ прагедій *Рука Всевышняго отечество спасла*, *Скопина-Шуйскаго*, *Тасса*—пворипъ гладкіе, опряпные, гармоническіе стихи, если захочешъ; но онъ спѣшилъ работою, не имѣетъ шерпннѣ ихъ выработашъ, и опъ того выхидипъ большая разница между стихами его драмъ и стихами *Юанны д'Аркъ*, *Бориса Годунова* и даже, не во гнѣвъ его милоспи, съ стихами барона *Розена*, у копорого бываюпъ иногда смѣшные, уродливые, за то большая часпъ—червонное золото.

Пятистопные ямбы безъ сочепанія и рифмъ чрезвычайно легко соспавляюпся: пѣтъ спыднѣе позволяпъ себѣ соспавляпъ и печатапъ такіе, копорыхъ никакому искусному чпещу прочешъ нельзя. Заглянише въ новое произведение нашего славнаго прагика, въ драматическую фантазію *Джюліо Мости*. Выпишемъ здѣсь нѣсколько стиховъ для доказательства, что мы не клеветемъ:

Возьму ли кисть, и дивныя картины
Сами собой падушъ на полопно.

Какъ ривмы дѣл его уста.

Въ бѣлыхъ стихахъ непроспипельны пакія переспановки; слогъ долженъ быпъ правилень. Надлежало бы поспавипъ

Какъ двѣ ривмы его уста.

Эту грудь разбей на двое.

Здѣсь удареніе не на *о*, а на *а*: на-двое.

Здоровіе маркиза.

Или *здравіе*, или *здоровіе*.

Изъ *Крестовыхъ* походовъ.

Неправильно. *Крестовые* походы, а не *Крестовые*.

О, вамъ не нужна лесть!

По Русски произносится не *нужна*.

Изъясчивость лица, *грудь* волнение.

Надлежало бы *волнение* груди.

И *Буонаротти* былъ богачъ и щастливъ.

1. 2. 3. 4. 5. 6.

Лишний слогъ, дѣлающій стихъ шероховатымъ.

Сегодня же проси ко мнѣ обѣдай

Всю Академію. Ученымъ *мужали*

Представляю я художника-поэта,

Грамашика пребуешь *ударенія* не на *у*—*мужали*, а на *а*—*мужали*.

Иной разъ пробуждаешь бурю.

Стихъ прудный для произношенія.

Очень мало

Астрологовъ правдивыхъ вы найдете.

Астрологовъ, а не *Астрологовъ*.

Почтенный мой собратъ, я сомнѣваюсь,

Чтобы болѣзнь могла открыться въ *звѣздахъ*.

Въ *звѣздахъ*, а не въ *звѣздахъ*.

Сами собою школы создавали.

Сами собою школы создавались.

Не такъ! *Сами*, а не *самии*. Мы уже замѣтили ошибочное употребленіе этого слова выше.

Довольно на сегодня.

Вялая проза и погрѣшность пропивъ языка.

Да! я читала *Аврелья*. Прекрасно.

1. 2. 3. 4. 5.

Не досаждаетъ одного слова, чтобъ стихъ былъ шекучь. За чѣмъ авторъ не поспавилъ *Аврелия* вмѣсто *Аврелья*?

Лаурета говорила, что маркиза

Въ саду одна гуляетъ по упрямя.

Погрѣшность! Чтобъ сдѣлать первый изъ сихъ стихомъ чистымъ, надо бы написать: *Лаурета*.

Напрасно

Вамъ кажется, что я могу сердить,

За что васъ хвалятъ вся Европа.

Распянутая, разслабленная проза. Такихъ оборотовъ весьма много попадаетъ въ драмахъ нашего автора, хотя ничего нѣтъ легче, какъ избѣжать ихъ.

Я съ немалымъ восхищеніемъ.

Опять самая вялая проза!

О, еслибъ

То было спрасью *возрата* другаго.

Вѣроятно, опечатка; если не опечатка, то.....

Искусство, молодость, благообразье.

Свѣтская, хорошо воспитанная дама не только не скажетъ, но и не вѣдаетъ энаго семинарскаго слова.

Розина разцвѣла! Въ устахъ *вишневыхъ*;

Какъ соблазнительно прещущу рѣчи!

Прекрасно поступилъ благородный поэтъ, упобребя *уста*, а не соблазнился введеннымъ съ недавняго времени барономъ *Бралибеусамъ* грубымъ словомъ *губы*; но всё таки *вишневыя уста* больше признакъ лихорадки, чѣмъ красоны, особливо же, искривенныя пропивъ ударенія.

Ему падутъ руги жемчужныхъ слезъ.

Этого сказать нельзя, а надобно для него прольются руги.

Я говорилъ вамъ, что чужая помощь

Для *вѣрныхъ* невѣрный якорь. Что же?

Вы повторили *вѣрный* призывъ,

Я *вѣрному* ему повиновался.

Это не описка, не опечатка; ибо при разѣ попадаетъ на одной страницѣ. Это погрѣшность.

Вы его отвергли!
Вы снова добродѣтели кумирь,
Кому легко, оправдно поклониться!

Не кому, а которому.

И ничего не взяла за шруды.

Удареніе не на своемъ мѣспѣ. Спрогоспъ
языка пребуешъ поспавишь его вопъ такъ:
не взяла. Загляните въ грамапику *Ломоно-*
сова, Грета, Востокова, Никольскаго.

Вопъ что меня наиболее смущаетъ.

Лишній слогъ. Оно бы ничего, да спихъ-
по не музыкаленъ.

Честныя склонности къ высокимъ *знаньямъ*.

Тупъ два непочныя выраженья, *честныя*
вмѣсто *честныя* и *знаньямъ* вмѣсто *познаньямъ*.

Намъ *далъ* обрѣзки своего *незнанья*.

Можно дать что нибудь положительное,
а не отрицапельное.

Прочешъ општунику опъ глубокой спрашти.

Повпорлю, что спихъ, неправильно сло-
женный, худо произносится. Не описка ли
и здѣсь? Я весьма бы радъ былъ, еслибъ всѣ
щероховагыне, ухабисные спихи оказались
ошибочно напечатанными; ибо никто споль-
ко, какъ я, не уважаетъ дарованія поэта
Кукольника, никто не гордится сполько его
успѣхами, какъ я, скучавшій во весь двадца-
типятилѣтній промежутокъ опъ *Озерова*
до него, и ожидавшій геніальнаго Русскаго
прагика съ большимъ неперпѣніемъ, съ боль-
шею надеждою, нежели Жиды своего Мессію.
Тасъ г-на *Кукольника* порадовалъ не одну
мою надежду, но надежду всѣхъ Россіянъ,
гордящихся славными пвореніями своихъ
согражданъ. Опъ него зависипъ вполнѣ ис-
полнить наши ожиданія: для эпоаго не на-
добно спѣшишь, надобно перечипывать то,
что написано, и совѣтоваться съ людьми,
одаренными изящнымъ вкусомъ. Умъ хоро-
шо, а два лучше.

Раздайтесь, звуки рая,

О, заиграйте пѣсню торжества!

А. Кораблинскій.

Мая 14-ое

1856.

Мыза Эллисфера.

КТО ОНА?

(*Подражаніе Блумагеру.*)

Какъ ту прелесную зовушь,
Которую въ различныхъ видахъ
То какъ *Сивиллу* древность чтушь,
То какъ эмблему въ пирамидахъ?
То розы свѣжія кладушь
Къ спопамъ волшебницы прелестной,
То перновый вѣнокъ племущъ
Для сей богини неизвѣстной!
Она, какъ юная весна,
Всегда блистаетъ красотою
И чистой радости полна,
Сливѣтъ здѣсь гостью неземною.
Еѣ *Сатурна* зубъ лихой
Ни разу въ жизни не укусишь,
И, мудрый съ чистою душой,
Всегда ея блаженства вкусишь.
Она все паже, какъ была
При нашемъ праощѣ *Адамъ*;
И нынѣ и всегда жила
Въ недоспижномъ смерпнымъ храмѣ.
Каковъ же у неѣ нарядъ?
Красавицы, были можешъ, спросяшь,
И что за спанъ, и что за взглядъ,
За что еѣ такъ превозносятъ?
Ея вся прелестъ состоипъ
Въ неподражаемой природѣ,
Искусство опъ неѣ бѣжипъ,
Къ ней неизвѣстенъ доступъ модѣ.
Румяны ей неидушь къ лицу,
Лишь проспота—ея убранство,
И напыщенное жеманство
Ей не сопустствуетъ къ вѣнцу!
Никто браслетовъ, медальоновъ
На ней ни разу не видаль;
И щеголѣкъ не распилалъ
Предъ ней съ ужимкою поклоновъ.
Ни лавръ, ни миртъ вокругъ чела-
Смиренномудрой не обвивы,
Лишь незабудка разцвѣла.
На персяхъ неземной *Харины*!
Пріемъ ея неизьяснимъ:
Еѣ не застѣняетъ младость;
Она искапелятъ своимъ

Является, какъ свѣтъ, какъ радость!
 Высокой мудрости полна,
 Но не надменна, не сурова,
 Любимцу своему она
 Всегда отдашь себя готова;
 Въ ней нѣтъ щеславья, но омиъ всѣхъ,
 Она любима бытъ желаетъ,
 И кто предасия ей, для тѣхъ
 Всѣ блага въ жизни соспавляетъ.
 Она любимца своего
 До гроба вѣрно охраняетъ,
 И въ смертный часъ успа его
 Лобзаньемъ запечатлѣваетъ!
 Какъ лилія мила, скромна,
 Предъ недоспойнымъ молчалива,
 Но съ избраннымъ своимъ она
 И весела и говорлива!
 Наружный блескъ земныхъ честей
 Очей ея не ослѣпляетъ,
 И челоуковъ отъ ливрей
 Она искусно опличаетъ.
 Сердца всѣхъ радуешь собой:
 Отъ Запада и до Востока,
 Друзья спремаяся къ ней толпой,
 Отвсюду быспротою потока.
 Она отъ всѣхъ равно людей
 Здѣсь на землѣ боготворима,
 И отъ враговъ и отъ друзей
 Всегда, вездѣ равно любима!
 Сію богиню кто позналъ,
 Тотъ вѣрно *Добротель* знаетъ
 И совршенства идеалъ
 Въ душѣ своей осуществляетъ!

Н. Баталинъ.

Винница.

Ш А Р А Д А.

Нагало годно для забора,
 Для тына, для плешня въ садахъ;
Конецъ почти всегда есть сборъ въ спихахъ
 Великолѣпнаго, напыщеннаго вздора;
 А *цѣлое*—найдемъ на ломберныхъ столахъ,
 И у извощиковъ на всѣхъ мы встрѣшимъ площадяхъ.

Въ No 52-мъ, помѣщенная шарада значить: *Сourare*.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Другъ. *Сочиненіе* Н. Т. м. ш. в. к. го (*).
 С. П. Б. 1836.

При появленіи первоначальнаго опыта писателя, мы не входимъ въ подробный разборъ его произведенія. Снисходительно пропуская всѣ недоспапки, мы хопимъ только удословѣриться: носить ли оно на себѣ оппечатокъ таланта, ибо почти всегда можно судить по немъ, чего ожидать отъ сочинителя. Въ этомъ отношеніи молодой авторъ *Друга* подаетъ самыя леспныя надежды. Въ его повѣспи есть нѣсколько живо снятыхъ сценъ; характеръ друга добраго, безпечнаго, веселаго, который не пропускаетъ ни одной выгоды жизни, словомъ настольщаго *Епикурейца*, очень милъ и выдержанъ удачно. Разговорный языкъ во многихъ мѣспахъ очень занимателенъ и вообще соопвѣспивуетъ употребляемому въ образованномъ общеспвѣ.

Мы соопвѣспуемъ, если г. Т. м. ш. в. к. му. угодно принять наши соопвѣспы, мы соопвѣспуемъ ему заняться тщательною обработкою своего предмета, употребить болѣе спаранія на улучшение своего слога и, главное, на образование вкуса—и не помѣщать ни сценъ, ни выражений, оскорбляющихъ благородную спыдливость образованной женщины. Для честолобія молодаго челоука гораздо пріятнѣе, если книга его развернута и въ роскошномъ будуарѣ замужней дамы и въ скромномъ кабинетѣ дѣвушки—и соспавляетъ предметъ ихъ разговора. Развратная сцена, грубая, неприличная двусмысленность, не принося ей ни достоинства, ни занимательности, выгоняетъ ея изъ этаго очаровательнаго пріюна и оппалкиваетъ ихъ отъ погонежнаго участія къ незнакомому романиспу, которымъ пользуются нѣкоторые любимые ихъ писатели. Благодаря нашимъ чиспымъ правамъ, Россія долго еще не упраситъ моральнаго достоинства своего до того, чпобы отдавать такую липера-

(*) Продается въ книжной лавкѣ *Лисенкова*.

турную известность *Поль-де-Кокамь*, копрою пользуются они во Франціи.

М.

М О Д Е С.

Robes. Le plus grand nombre est encore des robes d'étoffe, corsage drapé ou recouvert de trois gros plis qui viennent aboutir dans la ceinture. Le jupon excessivement ample avec un ourlet haut de la main pour robes fermées; pour redingotes, la jupe liserée en pareil ou couleur tranchante, fermée sur le côté ou devant avec des nœuds ou des pattes. Les robes de mousseline ont souvent un volant qui termine la jupe; ce volant est presque toujours à tête retombante, ou le borde d'une ganse ou d'un ourlet contenant un ruban. Le corsage carré, froncé sur une pièce que l'on brode quand la robe est en mousseline unie, et autour de laquelle on *badine* une petite valenciennes.

Chapeaux. La paille de riz est ce que l'on porte le plus pour toilette habillée, avec des plumes ou des fleurs. Les capotes de *pou de soie* plissées sont charmantes pour promenade, la couleur *lilas* est la plus distinguée pour le moment avec le blanc. Le matin, un chapeau de paille cousue avec un simple ruban est de très bon goût.

Lingerie. Jamais la lingerie ne fut portée à un plus haut point de perfection. C'est peut-être l'objet de toilette pour lequel les femmes déploient cette année le plus de luxe.

Bijoux. Les bracelets vont en diminuant de taille chaque jour, on en voit qui ne sont formés que de deux fils de chaîne de *Venise*, terminés par un fermoir le plus simple possible. Les boucles d'oreilles sont aussi moins grandes et d'un travail plus léger que l'année dernière.

Fleurs. On en fait en *plumes* et en *marabouts* d'un goût délicieux; les blanches surtout réussissent parfaitement de cette façon, l'intérieur en est légèrement coloré de rose ou de vert, ce sont presque toujours des fleurs de fantaisie. L'acacia blanc, la fleur de pêcher et d'amandier, voilà les fleurs du jour.

Rubans. Ils varient de tant de manières, qu'il serait difficile de rien assigner; cependant nous dirons que les rubans de couleur les plus distingués sont glacés de blanc.

Pl. No 19. Turban en gaze satin et or. — Robes de pou de soie, garnies de blonde. — Echarpes en blonde et cachemire.

М О Д Ы.

Платья. Большая часть платьевъ еще изъ матерій, лиць драпированный или съ широкими накладными складками, оканчивающимися подъ поясомъ. Для закрытыхъ платьевъ, юбка чрезвычайно широкая съ рубцомъ, шириною въ ладонь; для реденгошовъ выпушка подъ цвѣтъ, или рѣзкаго цвѣта юбка, схвачена съ боку баншами или клапонами. Кисейныя платья часто оканчиваются оборкою, которая всегда почти съ загнутымъ верхомъ; ее обшиваютъ шнуркомъ или рубцомъ съ леншою. Лиць вырезанъ четверугольно, собранъ къ вышитой полоскѣ, когда платье изъ гладкой кисеи, и около котораго извивается узенькое кружево.

Шляпки. Баспа всего болѣе въ употребленіи для наряда, съ перьями или цвѣтами. Капоты изъ *pou de soie*, сложенные складками, прелестны для прогулокъ; теперь самый отличный цвѣтъ лиловый съ бѣлымъ. Упрямъ, сшивная соломенная шляпка, просто съ леншою, весьма въ хорошемъ вкусѣ.

Бѣлье. Никогда бѣлье не доведено было до такой степени совершенства. Этого предметъ шуалепа, въ которомъ можетъ быть женщины наиболѣе выказываютъ роскоши нынѣшній годъ.

Вещи. Браслеты все становятся меньше; видны нѣкоторыя, составленные только изъ двухъ рядовъ Венеціанской цѣпочки съ самымъ простымъ замочкомъ. Серьги также меньше прошлогоднихъ и работа легче.

Цвѣты. Ихъ дѣлаютъ изъ перьевъ и марабу отличнаго вкуса; бѣлые особенно удаются въ этомъ. Видѣ, внутренность слегка окънена розовымъ или зеленымъ. Цвѣты эти всегда почти бываютъ вымышленные. Бѣлая акація, цвѣты персиковые и миндальные, вотъ самые теперь употребительные.

Ленты. Они такъ разнообразны, что трудно что нибудь опредѣлить; однако мы скажемъ, что цвѣсныя ленты самыя отличныя съ бѣлымъ опливомъ.

Карп. No 19. Турбанъ изъ золотого атласа-стага газа. — Платья изъ *pou de soie*, обшитыя блондами. — Шарфы изъ блонды и кашемира.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 54.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
справкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 4 дня 1836 года.

Дѣвица, кою обильнѣ скорѣе съ рукъ желаютъ
И шщатся для сего богатѣй нарядитъ,
Сходна съ пилкою, кою пошщатъ,
Дабы скорѣй ее заставишь прогонишь.

П. Сумароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

(Отрывокъ изъ новаго романа Юлія Жанснля.)

Порядочный человекъ изъ бездѣлицъ умѣетъ сдѣлать прекрасную и щеголеватую вещь; я называю прекраснымъ и щеголеватымъ то, что не поражаетъ глупой чернѣ, чего она имѣть не желаетъ и чему не завидуетъ. — *Порядочный человекъ*, одаренный тонкимъ и изящнымъ вкусомъ, не носитъ, какъ женщина, того, что слишкомъ бросается въ глаза — и потому онъ одѣвается всегда просто. — Волосы его причесаны гладко, чисто, галсдукъ повязанъ безъ вычуръ; карепца у него темная безъ бронзы, хомуцы черныя безъ лабора, лакей въ шелковыхъ чулкахъ, но не въ дивреѣ. Онъ ѣздитъ тихо, безъ шума и не давитъ пѣшеходцевъ; — а это рѣдкое достоинство въ богатомъ человекѣ; — подѣхавъ къ крыльцу, онъ пошщасъ выходитъ изъ карепцы, и лакей его опускаетъ и подымаетъ подножку безъ всякаго спуска. — Вы бы сказали, что онъ пришелъ пѣшкомъ:

такъ онъ учивъ съ пѣми, кто приходъ въ дражномъ извошчьемъ экипажѣ.

Онъ входитъ въ гостиную скромно и приказывал доложитъ о себѣ, никогда не прочитываешь во всеуслышаніе шипуловъ своихъ; за то каждый любитъ величать его, кто графомъ, если онъ только бароць, кто княземъ, если онъ не боде ше какъ графъ. Онъ кланяется не расправляя волосъ своихъ и садится не много поодаль; однакожь вы пошщасъ замѣните, что онъ имѣетъ въ себѣ что-то чрезвычайно опличное. Сначала однакожь вы не найдете въ немъ ничего особеннаго, ничего рѣзкаго; но посмотрите на него приспальнѣе, и вы невольно отдадите ему преимущество передъ всѣми. Часы у него серебряныя, это правда, — но они работы *Брегета* и стоятъ гораздо дороже золотыхъ; цѣпочка его не велика, но настоящая Венеціанская; печать, по видимому простая; но знаете ли, что это камень современникъ Императору *Августу* и вѣдланъ въ печать знаменитымъ *Бенвенуто-Челлини*, ювелиромъ королевы *Екатерины Медицисъ*. Онъ носитъ древней работы

кольца и перстни, составляющіе славу Ипа-
ли. Табакерка его не золотая; но она рѣд-
кость въ своемъ родѣ, и почти не имѣешь
цѣны; однимъ словомъ, всё на немъ дорогое,
благородное, но не блестящее, не казистое,
не мѣщанское! — И самые черты лица его
имѣютъ въ себѣ что-то невыразимо оплеч-
ное. — Играя въ карты, онъ плащитъ новы-
ми ассигнаціями или золотомъ, не проситъ
ни у кого совѣта и самъ никого не учитъ.
За словомъ онъ рассказываетъ мало, — рѣдко
смѣется и ни съ кѣмъ не споритъ; онъ, по
большой части, холоденъ и даже немного
сухъ въ обращеніи; никогда не шутитъ,
ни надъ кѣмъ не острится и не забавляетъ
общества умомъ своимъ или любезностью,
находя это ниже своего достоинства; за то
онъ учивъ со всеми, внимателенъ къ по-
жилымъ дамамъ и къ людямъ съ нѣкопы-
рымъ вѣсомъ. *Порядочный человекъ* презираетъ
ложную знаменитость, но оказываетъ ува-
женіе истинной славы; онъ льститъ ино-
гда и великимъ гениямъ и знаменитымъ вельмо-
жамъ, но съ понкою смѣлливостью — и по-
гда только, когда видитъ въ томъ для себя
какую нибудь выгоду.

Порядочный человекъ не знаетъ ника-
кихъ анекдотовъ; никогда не читаетъ на-
изусть стиховъ и не хвастается знаком-
ствомъ своимъ или коронностію съ княземъ
М., съ графомъ *Н.*, занимающими важныя
мѣста въ государствѣ. — Онъ осперегается
говорить о театрѣ, о новой пьесѣ; не обя-
вляетъ своего мнѣнія о модномъ липера-
турномъ произведеніи, зная, что ничего
нѣтъ глупѣе въ свѣтѣ, какъ полкованъ о
литературѣ.

О король, королевѣ, дофинѣ и принцахъ
крови онъ говоритъ съ почтеніемъ и вели-
чайшею оспороженностью; слушаетъ, когда
другіе рассказываютъ о своихъ помѣстьяхъ,
лошадяхъ, собакахъ, о старости отца свое-
го, о красотѣ сестры; самъ же никогда не
говоритъ ни о себѣ, ни о домашнихъ дѣлахъ,
ни о семействѣ своемъ, зная, что хорошо
воспитанный человекъ не долженъ ни въ
какомъ случаѣ надѣлать собою обществу.

Порядочный человекъ не хвалится ни добро-
дѣтелями своими, ни пороками; — онъ не раз-

сказываетъ ни о ночи, проведенной имъ на
пиру, ни о проповѣди, которую слушалъ
по утру въ церкви, и когда при немъ го-
ворятъ дурно о какой нибудь женщинѣ —
и спрашиваютъ: ѣдитъ ли онъ въ домъ
ея; онъ отвѣчаетъ: «я не имѣю чести
быть коронно знакомъ съ нею!» И такимъ
образомъ уклоняется отъ злословія.

Если дама уронитъ вѣеръ или платокъ,
онъ не бросится поднимать его, — но если
сидитъ возлѣ нея, по слушаетъ её со вни-
маніемъ, или припворяется будно слушающъ,
давая ей между прочимъ замѣнить, что она
испощаетъ любезность свою не понапра-
сну. Все это однакожь показываетъ онъ
слегка, и такъ, чтобы ни она сама, ни дру-
гіе не могли вывести изъ того никакого
заключенія.

Онъ имѣетъ много орденовъ, но ни одно-
го не носитъ; изрѣдка однакожь, когда одѣтъ
въ чѣрный фракъ: по вдѣваетъ въ пепличку
узенькій, едва приметный кончикъ красной
ленты, копоралъ доказываетъ, что онъ
имѣетъ честь быть кавалеромъ.

Наконецъ, онъ уважаетъ домой — и выхо-
дитъ изъ комнаты также тихо и скромно,
какъ вошелъ въ неё. Онъ мало говоритъ,
мало улыбается, и быть совсѣмъ не любезенъ
съ дамами; но не менѣе того, мужчины и
женщины, старики и молодые — всѣ едино-
гласно превозглашаютъ его любезность,
знаніе свѣта, хорошее воспитаніе и высо-
кую и упонченную образованность.

T.

П Р И Я Т Н А Я О Ш И Б К А .

Въ Галфордѣ случилось пресмѣнное проше-
щество. Въ одномъ спектаклѣ умерла слу-
жанка. Подмастерье гробоваго мастера съ
работниками явился шуда, чтобы снять
мѣрку. Но лишь только спали мѣрятъ шѣ-
ло, какъ мертвая вскочила и съ досадою спро-
сила у нихъ: что имъ надобно? Мастеровые
обмерли отъ испуга, наслу нашла дверь и
бросились въ неё опроремью. По справкѣ
оказалось, что они, вмѣсто комнаты усоп-
шей, попали въ спальню хозяйки, копоралъ,
послѣ обѣда, легла опдохнуть.

СЛОВЕСНОСТЬ.

УЖИНЪ МЕРТВЕЦОВЪ У КАЛОСТРО.

(Изъ записокъ графини А...)

Въ 1785 году явился въ Парижъ славный *Калиостро*. Говорили, будто онъ принадлежалъ къ Египетскому Франкмасонству и, посредствомъ его, сообщался съ духами и міромъ неведущественнымъ. Нѣкоторые изъ придворныхъ утверждали, что они ужинали у него съ многими знаменитыми женщинами древности, и вотъ что между прочимъ рассказывалъ мнѣ несчастный маршалъ *Ноэль*, который былъ человекъ праведный, не суевѣрный и, слѣдовательно, внушалъ къ себѣ уваженіе и довѣренность.

Это было въ моемъ домѣ, и въ это время, кромѣ маршала, сидѣли у меня: епископъ *Аррасскій*, архіепископъ *Руанскій*, кардиналъ *Рошефуко*, маркизъ *Сокуръ*, маршалыша *Обтёръ*, госпожа *Кастеланъ* и маркиза *Рош-Эмонъ*, которая, такъ какъ и я, была шпатель-дама (*Dame du Palais*) *Маріи Антуанетты*.

Я намѣрена передать вамъ рассказъ маршала въ собственныхъ словахъ его.

«Я давно,» говорилъ онъ: «спросилъ принца *Лудовика* доставить мнѣ свиданіе съ *Калиостро*, и онъ обѣщалъ мнѣ не забыть меня, когда будетъ у духовидца первый ужинъ мертвецовъ. Дѣйствительно, 14-го Іюня 1782 года, я получилъ слѣдующую записку:

Господинъ маршалъ!

Я не забылъ моего обѣщанія и приглашаю васъ ужинашь сегодня съ кѣмъ вамъ будетъ угодно. Опѣваю вамъ за вкусный ужинъ; но не за гостей. Подумайте о вашемъ гостѣ потому, что вы должны непременно привезти съ собою одного. За симъ честь имѣю быть и пр.

Часть ужина назначенъ былъ въ концѣ записки; и принцъ приглашалъ меня къ себѣ въ Пале-Рояль, гдѣ онъ живетъ. Я нашелъ у него кавалера *Буфлера*, принца *Нассау*, адвоката *Жербье* и г. *Депремения*. Хозяинъ повелъ насъ въ Кипайскую залу и сказалъ, что онъ ждетъ *Калиостро*.

Волшебникъ вошелъ—и глаза наши устремились на него съ неизъяснимымъ любопытствомъ. *Калиостро* былъ одѣтъ съ опмѣннымъ великолѣпьемъ. Его взглядъ, поступь, физиономія, были важны—и внушали уваженіе, не смотря на то, что большая часть изъ насъ видѣли въ немъ только искуснаго шарлатана. Онъ говорилъ мало, и часто впадалъ въ глубокую задумчивость. Когда пробило одиннадцать часовъ, онъ вспалъ и сказалъ намъ:

«Господа, назовите мнѣ пѣхъ, кого вы здѣсь видите желаете.»

И, взявъ чистый листъ пергамену и новое перо, которое обмакнулъ онъ въ какую-то красноватую жидкость, *Калиостро* приготовился записывать имена, которые каждый изъ насъ долженъ былъ назвать ему.— Принцъ *Лудовикъ*, какъ принцъ и кардиналъ, выпунилъ первый; кавалеръ *Буфлеръ* не могъ выпереться, чинобы не сказать мнѣ:

«Его святость забыть, что онъ хозяинъ.» Это было сказано такъ громко, что кардиналъ *Роганъ* услышалъ и смѣшался; онъ назвалъ кардинала *Дюперона*, *Буфлеръ* — *Іоанну д'Аркъ*, принцъ *Нассау*—*Цесаря*, г. *Жербье*—*Цицерона*, совѣтникъ *Депремения*—*Катилину*, а я—конешабля *Ана-Монморанси*.

Калиостро, записавъ всѣ эти имена, подошелъ къ конфоркѣ, въ которой былъ налитъ спиртъ, положилъ въ него кусочикъ пергамена, обмыленный бѣлымъ воскомъ, зажегъ его, и въ эту мину по сильнѣй, благовонный запахъ наполнилъ всю комнату.

Ударило 12—вдругъ двери въ споловую отворились насрѣчь сами собою; блестящая, но плаинственная иллюминація освѣтила залу, въ которой люстры представляли какіето небесные знаки; на столѣ было принадлецать приборовъ, у стола стояло принадлецать кресель, между нѣмъ, какъ насъ было только семеро. Принцъ *Лудовикъ*, который зналъ весь обрядъ, пустилъ насъ впередъ. Первый вошелъ я, за мною принцъ *Нассау*, потомъ *Буфлеръ*, *Депремения*, адвокатъ, и наконецъ самъ хозяинъ; послѣ чего дверь затворилась. Мы съли; за сподомъ не было

ни одного слуги, и мы молча смотрѣли другъ на друга. Вдругъ дверь въ господнюю, изъ которой мы вышли, опворилась опять съ такимъ звукомъ, что мы всѣ вздрогнули—и увидѣли передъ собою молодую женщину.

Она была средняго роста, имѣла круглое лицо, покрытое яркимъ румянцомъ, блестящія глаза и улыбку, которая имѣла въ себѣ что-то небесное. Это была *Юанна д'Аркъ*, одѣтая въ полу-мѣщанскую, полу-воинственную одежду, ни мало не похожую на ту, въ какую живописцы одѣваютъ её на картинахъ. Мы замѣтили на ея лапахъ гербъ, пожалованный ей *Карломъ VII*, и у пояса серебряную шпагу, съ золотою короною на эфесѣ и двумя золотыми же лиліями. За нею вошелъ великій *Юлій-Цесарь*—и мы тотчасъ узнали его по пѣшивой его головѣ, увѣнчанной лавровымъ вѣнкомъ и по просодушной и вмѣстѣ важной его физиономіи. Онъ посмотрѣлъ на каждого изъ насъ, и съѣлъ возлѣ принца *Нассау*, который отодвинулъ кресла свои, вѣрояпно изъ учтивости, хотя правду сказать, лицо его въ эту минуту выражало отвращеніе и ужасъ. Потомъ явился краснорѣчивый *Маркъ-Тулій Цицеронъ*; и я какъ теперь гляжу, какими мѣрными шагами выступалъ онъ, закутанный въ шюгу и длинную мантію, блѣдный, съ неподвижными глазами, съ краснымъ рубцомъ на шеѣ, который напомнилъ намъ что опрубленная голова его служила ужаснымъ украшеніемъ рипторской кафедры. Послѣ него вошелъ кардиналъ *Дюперонъ*, въ широкомъ пунцовомъ полукафтанѣ, въ кардинальской шапкѣ, которую онъ не спиналъ во весь вечеръ, и съ густою бородою, закрывавшею до половины оспроумное лицо его. Черезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли свирѣпаго и дикаго *Катилину*. Узнавъ согражданъ своихъ, онъ вздрогнулъ, и взглянувъ на *Цицерона*, какъ на извѣснаго врага своего и виновника его казни, хотѣлъ было на него броситься; но *Калиостро* допронудся до него жезломъ своимъ—и гордый Римлянинъ въ ту же минуту зачихъ и впалъ въ глубокое молчаніе, котораго не нарушилъ онъ во весь ужинъ. Въ это время медленно и величественно приблизился конешабль *Анъ-Монморанси*, опи-

рался одною рукою на огромную шпагу, иззубренную въ сраженіяхъ, въ другой держа чепки изъ лаписа, украшенныя множествомъ св. образовъ и медалей. Онъ шелъ съ трудомъ—и тотчасъ взглянулъ на *Цесаря*. Проходя же мимо двухъ кардиналовъ, онъ пожалъ плечами, и когда съѣлъ возлѣ меня, то удостоилъ меня ласковымъ поклономъ.

Видъ спранныхъ гостей нашихъ опнялъ у насъ всю охоту къ ѣдѣ; намъ очень хотѣлось допронудиться до нихъ, чтобы узнать, что они были такое, живыя шѣла, или фантастическія привидѣнія; и никакъ не осмѣливался сдѣлать эшаго опыта; но я, будучи опъ природы опваженъ, подѣ предложомъ, что шпага безокоила *Конешабля*, хотѣлъ у него взять её, и схватилъ его за руку,—но въ эту самую минуту почувствовалъ такой жестокой элекпрической ударъ и припомъ. *Анъ-Монморанси* сдѣлалъ такую ужасную рожу, что у меня прошло желаніе продолжать наблюденія. Я спалъ думать о средствахъ защитить себя, въ случаѣ какихъ нибудь немирлолюбивыхъ намѣреній со стороны *Конешабля*.

Между шѣмъ, всѣ мы сидѣли молча и какъ испуканы. Графъ *Калиостро*, желая оживить общество, оборотился къ *Юаннѣ д'Аркѣ* и заговорилъ съ нею.

«Скажите, сударыня,» сказалъ онъ ей: «справда ли, будто васъ не сожгли въ Руанѣ, а что вы гораздо послѣ того, вступили въ супружество съ однимъ изъ членовъ Армуазской фамиліи, которая разноситъ эти слухи?»

Дѣва-героиня улыбнулась. — Не оправдывайте Англичанъ; вѣчно безчестіе, которое казнь моя на нихъ набросила!—опвѣчала она голосомъ, опъ котораго всѣ мы вздрогнули.—Смерть моя будетъ вѣчнымъ, неизгладимымъ пятномъ ихъ имени.—

«Клянусь Богомъ!» закричалъ *Монморанси*: «что всякой разъ, когда я убивалъ или приказывалъ вѣшать эшихъ проклятыхъ Англичанъ, я приносилъ ихъ въ жертву памяти твоей, благородная дѣва и другъ мой!»

Между шѣмъ *Цесарь* говорилъ *Цицерону*:

«*Туллий!* эпи Галлы, которыхъ я побѣждалъ цѣлыедесять лѣтъ, порядочно усилились послѣ меня.»

— Ваше величество, — подхватилъ *Конетабль*: они не одинъ разъ побѣждали Римлянъ, и великій *Карль VIII*, возлюбленный король нашъ, вошелъ въ Римъ съ опущеннымъ забраломъ и съ копьемъ на правомъ бѣдрѣ, въ знакъ побѣды, какъ извѣстно вашему величеству. —

«Не мудрено: Цесаря шамъ не было;» подхватилъ вслѣрчивый орапоръ.

— Или, лучше сказать, опъ того, что Французы вошли шуда; — возразилъ *Конетабль*.

Цесарь молчалъ; но улыбнулся съ презрѣниемъ. Эпо меня подспрвкнуло; однакожь я не смѣлъ вмѣшаться въ эпо ссору. Кардиналъ *Дюперонъ*, которому молчаніе надобло, сказалъ имъ:

«И, господа, что за споры! будемъ жить въ мирѣ, если Богъ запрешилъ намъ воевать.»

— *Дюперонъ*, любезный другъ, — вскричалъ *Монморанси* съ неперпнѣемъ и насмѣшкою: не можешь ли ты помолчать, когда изволишь говорить его величество, императоръ *Юлій Цесарь*? Кажется, ты довольно поговорилъ въ жизнь свою — и всё по пустому и безъ всякой пользы! —

«О, кумъ королевскій!» отвѣчалъ *Дюперонъ* хладнокровно: «ты черезъ чуръ хвастаешься своими побѣдами, но право никто изъ насъ не слушалъ тебя въ Совѣтъ! Впрочемъ, не будемъ ссориться; намъ недолго господить на землѣ.»

Помомъ *Конетабль*, который безпреспанно величалъ *Цесаря Императоромъ*, спросилъ его: знаешь ли онъ, что такое кардиналъ? — По эпому случаю завязался между ними прелюбопытный разговоръ, который однакожь скоро намъ наскучилъ. *Калиостро*, замѣтивъ эпо, сдѣлалъ знакъ жезломъ своимъ. Пяшь привидѣній потчасъ вспали и, не поклонясь намъ, ушли въ госпиную. *Катилина* остался за столомъ.

«Развѣ ты не понялъ меня?» сказалъ ему *Калиостро*.

— Зачѣмъ мнѣ уходить, когда я скоро долженъ ворошиться? — грубо отвѣчалъ угрюмый Римлянинъ. — *Дюваль Депрелениль!* — сказалъ онъ, оборотясь къ совѣтнику парламента: ты идешь по слѣдамъ моимъ, ты зайдешь также далеко, какъ и я, и умрешь опъ руки палача! —

Онъ вспалъ, взглянулъ лрспно на *Дюпрелениль* — и вышелъ. Мы осполбенѣли — особливо я. Эпопъ проклятый *Катилина* предсказалъ мнѣ равную участь съ совѣтникомъ.

Нозъ замолчалъ, и маршалъ *Муши* вскрикнулъ опъ ужаса.

«Эпи мерпвецы ужасные люди,» сказала я: они вамъ, маршалъ, предсказали эшафотъ, вамъ, добродѣтельному человеку въ цѣлой Франціи!!!»

— Не ужьли думаете вы, графиня, что я вѣрю эпому вздору? И подлинно! возможно ли помыслить, чтобы я, въ мои лѣта, заслужилъ казнь, бунномъ прошивъ короля моего?... Я для шупки рассказалъ вамъ то, что видѣлъ, что слышалъ своими ушами. — Послушайте же до конца. —

Когда ушли госпи, которые съ того свѣта къ намъ пожаловали, мы признались, что бесѣда ихъ была совсѣмъ не забавна, и вспали изъ-застола, не допронувшись ни до одного блюда; когда же вошли въ госпиную, тогда *Калиостро* просилъ насъ храниить тайну эпого вечера только до извѣснаго срока. Послѣ того говорилъ онъ: я прошу васъ рассказывать кому угодно, для пользы *нашей ложи* и для того, чтобы доставить намъ побольше адептовъ. —

«Да съ кѣмъ же вы ужинали?» спросила я маршала: «съ мерпвецами, или съ хипрыми фильтрами?»

— Не знаю, сударыня; но если эпо обманъ: то онъ доведенъ до высочайшей степени совершенства. —

«Что вы хотите сказать?»

— То, что надъ нами забавлялись самымъ искуснымъ образомъ. — Невѣроятность, невозможность явленія доказывается недѣльнымъ пророчествомъ *Катилины*. — Однакожь, эпи

пѣни не шли, * легко скольздили по паркету;—онѣ такъ походили на мершвецовъ,— что я не взялъ бы спа тысячъ франковъ, чтобы въ *другой разъ видѣть ихъ.* —

T.

О Б Е Р Ъ.

Оберъ (Daniel-françois-Esprit) родился въ Парижѣ около 1780-го года; онъ сынъ богатаго купца, сколько намъ извѣстно по журналамъ, и учился музыкѣ единственно по склонности, для забавы; но революція разорила отца его, и молодой *Оберъ* воспользовался своимъ талантомъ для обезпеченія своего состоянія. Онъ учился у *Бозльды* и *Херубини*, хотя въ твореніяхъ его и менѣе замѣтна строгая школа послѣдняго, чѣмъ легкой характеръ произведеній перваго. Впослѣдствіи, вліяніе *Россини* измѣнило направленіе *Оберова* таланта. *Оберу*, какъ и всѣмъ композиторамъ въ Парижѣ, было сначала весьма трудно сдѣлаться извѣстнымъ. Первые произведенія его были ничто иное, какъ эфемерные призраки, которые появлялись и въ минути исчезали; онъ самъ это приписываетъ тому, что слишкомъ строго держался правилъ, предписанныхъ ему учителями, и не умѣлъ угадывать вкуса публики и сообразоваться съ нимъ. Онъ написалъ нѣсколько оперъ, которыя были играны только въ Парижѣ и изданы *Эрардомъ* и *Плейелемъ*: *Emma*, *Léocadie*, *la bergère-châtelaine* и *le Timide*. Первая его опера, игранная въ Франціи, была: *Концертъ при Дворѣ*, маленькая пьеса, въ которой есть нѣсколько веселыхъ сценъ и которая принята въ Германіи съ большимъ одобреніемъ. Въ этой оперѣ не замѣтно впрочемъ разительныхъ оборотовъ и оригинальныхъ формъ, которыя онъ умѣетъ придавать мелодіи и которыя такъ легко запечатлѣваются въ памяти слушающей. Другая его опера: *La neige* (der Schnee) дана была съ величайшимъ успѣхомъ на всѣхъ почти Нѣмецкихъ театрахъ (въ томъ числѣ и на нашемъ Петербургскомъ). Въ этой оперѣ нѣтъ значительныхъ музыкальныхъ произведеній, но *Оберъ* весьма щастливо употребилъ въ ней разго-

ворный тонъ и прелестно выразилъ кокетство. Такъ какъ постороннія обстоятельство всегда имѣютъ весьма важное вліяніе на судьбу драматическихъ произведеній: по успѣху сей оперы въ Германіи весьма много содѣйствовало то, что когда еѣ давали на Берлинскомъ, такъ называемомъ городскомъ королевскомъ театрѣ, главную роль занимала знаменитая *Зонтагъ*, которая играла и пѣла въ ней превосходно. Это вещь весьма важная въ городѣ, каковъ Берлинъ, который, такъ сказать, даетъ тонъ музыкальнымъ мнѣніямъ Германіи. Вниманіе Германскихъ театровъ обратилось такимъ образомъ на *Обера*, и всѣ новыя его оперы были играны поспѣшь по ихъ явленіи. Къ симъ послѣднимъ принадлежатъ опера: *Le Maçon* (der Maurer), которая не только заключаетъ въ себѣ прелестную музыку, но показываетъ въ композиторѣ глубокое познаніе театра. Надобно отдать справедливость *Оберу*, что онъ мастеръ производить театральные эффекты и скрываетъ слабую сторону пьесы, для которой пишетъ музыку. *Le Maçon* была нѣсколько времени любимой оперою на всѣхъ Французскихъ и Нѣмецкихъ театрахъ. Такой успѣхъ долженъ былъ возбудить въ *Оберѣ*, если не даръ, то, по крайней мѣрѣ, прилежаніе, попому что съ тѣхъ поръ произведенія его приносили ему большіе доходы. Въ весьма короткое время появились одна за другой оперы: *La muette de Portici* (Fenella), *la Fiancée*, *Fra-Diavolo*, *Le dieu et la Bayadère* и послѣднее его произведеніе: *Le Philtre*. Содержанія всѣхъ этихъ оперъ заимствованы изъ пьесъ неистощимаго *Скриба*. Музыка *La muette de Portici* несравненно выше, чѣмъ во всѣхъ прочихъ его произведеніяхъ; не смотря на это, мы полагаемъ, что безпримѣрный успѣхъ сей оперы въ Парижѣ, Берлинѣ и другихъ мѣстахъ, зависитъ отъ множества постороннихъ причинъ. *La Fiancée* содержитъ въ себѣ премилую водевильную музыку. На *Fra-Diavolo* талантъ *Обера* остановился и попомъ пошелъ внизъ: музыка *Le dieu et la Bayadère* не лучше обыкновенной балетной музыки. Восхищительные обороты мелодіи, казавшіяся въ первыхъ его операхъ (начиная съ *Le Maçon*)

оригинальными, въ послѣдующихъ его произведеніяхъ совершенно выходятъ изъ границъ и дѣлаются иногда очень спранными. Въ *le Philtre* недоспаесть вымысла и живописи; замѣтно, что *Оберъ* уже испощился и ослабѣлъ. Надобно думать, что эпою оперою онъ положилъ границу своей славы, и что эпо послѣднее его произведеніе въ семь родѣ, — если только онъ не боится судьбы архіепископа Гренадскаго. Говоря вообще, *Оберъ* богатъ оригинальностію; въ мелодіяхъ его много характеристическаго; онъ превосходно знаетъ театръ и, не будучи великимъ композиторомъ, мастеръ владѣть оркестромъ и производитъ большіе эффекты, кшани и удачно употребляетъ разные инструменты. Впрочемъ, во всѣхъ почти его операхъ болѣе веселости, легкости, пріятности, чѣмъ красота спрости и возвышенныхъ, и слава *Обера* блестяща, но, вѣроятно, непрочно. Вы не найдете у него ни глубокихъ соображеній, ни рѣзкаго очерченія характера дѣйствующихъ лицъ, ни искуснаго развитія музыкальныхъ идей, ни ученой оркестровки; даже легкой, поверхностный *Бозльде* превосходитъ его въ этихъ качествахъ, не говоря уже о глубокомысленномъ, гениальномъ *Херубини*, который и найдеть съ нимъ въ сравненіе. Въ важныхъ мѣстахъ, оперы, въ которыхъ великіе композиторы только что начинаютъ развивать свои силы: въ финалахъ, секстуорахъ, септуорахъ, хорахъ, *Оберъ* ничтоженъ, — за исключеніемъ только лучшаго его произведенія: *La muette de Portici* (*Фенеллы*), въ которомъ онъ превзошелъ себя. Главное достоинство всѣхъ его оперъ состоитъ въ шестипи, осьми мелодическихъ тактахъ, которые, надобно сказать правду, онъ весьма искусно и какъ можно болѣе выпавляетъ — и вопшъ почему онъ такъ скоро запечатлѣваются въ памяти.

ПРИЧУДЫ АНГЛИЧАНЪ.

Одинъ чудакъ въ Англійской провинціи Соупгамптонѣ закупорилъ въ 14,000 огромныхъ бупылей 14,000 экземпляровъ *Всеобщей Англійской исторіи* и зарылъ ихъ въ самыхъ

глубочайшихъ пещерахъ Гренландіи, чтобы, при могущемъ случиться всеобщемъ попопѣ, можетъ быть черезъ 14,000 лѣтъ, его бупыли плавали *сверху воды* и сохранили для попомства исторію его опечесства.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

82.

Въ No 98-мъ Съверной Пчелы почтеннѣйшій Оадей Венедикповичъ *Булгаринъ* помѣстилъ преблагонамѣренный, и самый безприсраспный критическій разборъ комедіи *Ревизоръ*, соч. *Гоголемъ-Яновскимъ*. Эпопъ разборъ напоминаетъ рецензіи г. *Булгарина* на *Юрія Милославскаго*, на *Послѣднюю Главу Онъгина*, на сочиненія *Шевырѣва*. Надобно просить того, кто будетъ писать біографію автора романовъ *Вилъгина* и *Димитрія Самозванца*, чтобы онъ не позабылъ упомянуть объ этихъ рецензіяхъ: они покажутъ настоящую почку зрѣнія, съ которой надобно смотрѣть на книжные разборы г. *Булгарина*.

А. Кораблинскій.

Мая 14,
1836.

Мыза Эддисеръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Л И С Т О К Ъ.

Кто такъ изячно извалъ
Тебя, скажи листокъ зеленой,
Изъ жилокъ понѣнькихъ сопкалъ
И напоилъ росой студеной,
Опъ въпра буйнаго сберегъ
Подъ кровомъ роцъ уединенныхъ,
Кто жизнь въ суснавахъ ескровенныхъ
Лучемъ полуденнымъ зажегъ:
Скажи мнѣ, препешный листокъ?
Все Онъ, который словомъ силы
Возвалъ на жизнь пьмы пемъ міровъ,
Разрадужилъ пернашихъ крылы
И подъялъ кедръ до облаковъ,
Кто горы увѣчалъ громами,
Кто бриляпшъ сквалъ огнями

И кто на ясный сводъ небесъ
 Изъ пучь накинулъ занавѣсъ,
 Кто океанъ спѣснилъ брегами,
 Кто духа съ червякомъ связалъ
 Неразрушимыми цѣлями;
 Кто ночь смѣняешь свѣпомъ дня,
 Кто въ буряхъ говоришь небесныхъ,
 Кто дивныя впушилъ мнѣ пѣсни
 И подаль лиру изъ огня,
 Раскрылъ природу предо мною,
 И надъ спрощивую полпою
 Поспавилъ высоко меня!....

М. Делидовъ.

1835.

С H A R A D E.

Aloûgé d'un c, mon premier
 Au marais prend naissance ;
 Le bruyant jeu de mon dernier
 Plait beaucoup à l'enfance ;
 Et mon entier, très-cher lecteur,
 Incessamment présente
 Le nom d'une brillante fleur
 D'odeur suave et pénétrante.

Въ No 53-мъ, помѣщенная шарада-омойный значить: *Колода*.

M O D E S.

Nous avons, dans notre dernier numéro, parlé de la mode dans sa généralité, et spécifié autant que possible ses formes et ses couleurs; aujourd'hui nous donnerons des *toilettes modèles*, celles qui nous ont paru les plus distinguées et du meilleur goût. Pour *peignoirs de chambre*, jaconas à petites rayures, bordés tout autour d'une garniture en pareil, festonnée en crêtes de coq, les manches larges et tombantes, serrées au bas par un poignet large d'un doigt et garni d'une petite dentelle. Le peignoir ouvert, laissant voir une jupe en batiste d'Ecosse, brodée au-dessus de l'ourlet d'un courant. Un petit bonnet en tulle brodé en application et garni de Valenciennes; les rubans du bonnet lilas ou paille. Des pantouffles de cuir *ails de hanneton*, découpées et doublées de soie. On les

borde d'un petit galon de la couleur de la doublure et plissé à plis ronds.

Pour *robes du matin*, une robe de cachemire unie, gris foncé, ouverte sur le côté et liserée de velours noir sur la fermeture; au lieu de rubans, une rangée de boutons pointus, recouverts de velours noir. Un chapeau de paille cousue, orné de nœuds de ruban de velours noir; des bottines noires. Une redingote *mousseline-laine*, fond chamois à petits dessins verts; la jupe liserée de vert, ainsi que les poignets, qui forment les manches en spirales. Une petite pélerine, garnie d'un pli rond de rubans verts, fendue sur l'épaule et rattachée par trois nœuds. Une capote plissée en *pou de soie vert*.

М О Д Ы.

Мы, въ послѣднемъ номерѣ, говорили о модѣ вообще, и означили сколько возможно ея виды и цвѣта; нынѣ же мы представимъ образцы нарядовъ, показавшіеся намъ отличными и хорошаго вкуса.

Для *домашнихъ шлафрокковъ*, жаконетъ съ мелкими полосками, обшитъ кругомъ такою же оборкой, выметанной пѣшущими гребешками; рукава широковисящіе, внизу обшивка шириною въ палецъ, обшита узенькимъ кружевомъ. Шлафрокъ опкрытъ; внизу юбка изъ Шотландскаго батиста, вышита надъ рубцомъ узенькой гирляндой. Небольшой пюлевой чепчикъ вышитъ въ проборъ и обшитъ кружевами; ленты на чепчикѣ лиловыя или соломеннаго цвѣта. Туфли изъ кожи *ails de hanneton*, вырѣзныя на шелковой подкладкѣ; ихъ обшиваютъ узенькимъ галуномъ, подъ цвѣтъ подкладки, сложеннымъ круглыми складочками.

Для *утреннихъ платьевъ* гладкое кашемировое платье, темно-дикаго цвѣта, разрѣзанное съ боку и выпущенное чернымъ бархатомъ на разрѣзѣ; вмѣсто ленты, рядъ высокихъ пуговицъ, обшпущыхъ чернымъ бархатомъ; шивная соломенная шляпка, опдѣланная бантами изъ черныхъ бархатныхъ лентъ; черныя сапожки; реденгошъ изъ шерстяной кисеи, по группу верблюжьяго цвѣта; юбка съ зеленой выпушкой, какъ обшивки у рукавовъ, которые дѣлають ихъ винпомъ. Небольшая пелеринка, обшитая круглой складкой изъ зеленыхъ лентъ, разрѣзанная на плечъ и прихваченная премо бантами. Капотъ складками изъ зеленого *pou de soie*.

(Продолженіе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 55.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Пешербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюля 8 дня 1836 года.

Однихъ я самъ пугаюся,
Другой бѣжнись меня.
Всѣ други, всѣ пріатели
До чернаго лишь дня!

А. Мерзляковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СКУЧНЫЙ.

Скудный зимою и лѣпомъ воспаелъ ровно въ семь часовъ, и поспѣшь выходишь со двора, чтобы возврашиться домой не прежде полуночи. Люди, которые имѣютъ несчастіе бытъ съ нимъ знакомы, — должны волею или неволею сносить его посѣщеніе, когда жребій упадетъ на нихъ. — Онъ ночью еще составляетъ планъ дневнаго своего путешествія и рѣшаетъ, гдѣ ему завтракать, гдѣ обѣдать или провести вечеръ. — Въ 8 часовъ утра онъ являетъ ко мнѣ и читаетъ у меня журналы; это бы еще ничего, еслибъ онъ только читалъ ихъ; но нѣтъ; онъ терзаетъ меня вопросами объ Америкѣ, о прѣшнегодншнемъ водевилѣ и о всѣхъ старыхъ новостяхъ, также несносныхъ для меня, какъ и самъ онъ. — Въ 10 часовъ онъ отправляется къ вамъ, и чтобы поскорѣе отъ него отдѣлаться, вы приказываете подать завтракъ. Не безпокойтесь, отъ него не такъ легко отвяжеться! — Ему некуда дѣвать тѣхъ трехъ часовъ, которые онъ положилъ провести у васъ. Слѣдовательно,

будьте увѣрены — что онъ не уступитъ вамъ ни одной минуты. Въ часъ съ половиною онъ звонитъ у подъѣзда знакомой ему дамы, которая, къ счастью ея, больна горячкою и никого не принимаетъ. Однакожь онъ нашелъ способъ пробраться тихонько въ коридоръ и, не замѣченный слугами, дошелъ до самой спальни; но дверь въ нее заперта и горничная не хочетъ впустить его. Это ничего; онъ подходитъ къ дверямъ и во все горло кричитъ въ замочную щелку: я только хотѣлъ пожелать вамъ добраго утра, сударыня. Позвольте мнѣ припсти завтра. — Ему не отвѣчаютъ, и онъ, ворча про себя, идетъ къ пріятельницѣ этой дамы, съ тѣмъ, чтобы подарить еѣ тѣми двумя часами, которые онъ назначилъ было для больной, не щипая другихъ двухъ, къ которымъ онъ приговорилъ самую еѣ. Въ печеніе этого времени, несчастная хозяйка получила два письма и нѣсколько записокъ — на которыя надобно было отвѣчать; но не могла написать ни строчки. — Въ гостиной ея перебивали однѣ за другими двѣ тѣтки, двоюродный братъ ея, модная шортовка, дансистъ, порпника, — всѣ приходили

и уходили, но скучный оспавался и пережилъ всѣхъ.— Не церемоньтесь со мною, говорилъ онъ, пишите, разговаривайте, примѣряйте вашу шляпку или плаще — я не смотрю на васъ — и буду грѣться у камина или смотрѣть въ окошко.— И онъ подходитъ къ окну, изъ котораго бы споймъ быль выброшеннымъ, между тѣмъ какъ бѣдная хозяйка съ неперпѣниемъ смотритъ на часовую стрѣлку и, вздыхая, щипаетъ минушы. Наконецъ бьетъ пяшь; онъ идетъ куда нибудь обѣдать, и ровно въ шестъ съ половиною является опипъ ко мнѣ. Мы еще за споломъ; онъ садится безъ всякихъ чиновъ и говоритъ мнѣ: сегодня по упру я чпто хотѣлъ сказать тебѣ — но теперь никакъ не могу вспомнить. — Жаль! конечно это было что нибудь интересное? — Ахъ Боже мой! совсѣмъ нѣтъ! — Тутъ мы встаетъ изъ-за стола и ѣдемъ въ театръ; онъ безъ приглашенія садится въ карету пятый, не смотря на то, что она узка и въ ней едва помѣщаются чепыре человека. Послѣ спектакля, онъ велитъ кучеру оспановипъся у ворошь дома, гдѣ дается въ этошь вечеръ балъ, и входитъ въ залу, когда шамъ нѣтъ еще ни одной свѣчи, и выдепъ изъ неѣ не прежде, какъ тогда, когда всѣ онѣ будутъ погашены. Такимъ образомъ проходитъ вся жизнь его; — сегодня, завтра, черезъ годъ, черезъ десять лѣтъ — онъ будетъ топъ же до самой смерти своей; когда же умретъ въ глубокой старости, то другой *скучный*, по несчастію также мнѣ знакомый, заступитъ мѣсто его въ обществѣ. Такого рода люди не только несносны, но вредны для нравственности, потому что имъ поневоля желаешь иногда пого, чего вѣрно не пожелалъ бы врагу своему; это приводитъ въ ужасъ, когда послѣ первой минушы досаднаго чувства, придешь въ себя и начнешь разбираться въ сердцѣ своемъ.

Скучный не всегда бываетъ глупъ; онъ можетъ быль даже умень — но тѣмъ хуже. Скучный съ умомъ въ тысячу разъ несноснѣе скучнаго дурака, потому что у него гораздо больше средствъ надѣяться вамъ; онъ находитъ ихъ въ знаніяхъ своихъ, въ воображеніи, даже въ чувствительности, и я

знаю прехъ пакихъ людей, съ которыми проводя однажды вечеръ, я внупренно жемаль смѣнить ихъ тремя пошлыми дураками, — и самъ дивилъя этому желанію.

Въ то время, когда еще во Франціи смѣялись, графъ *А.* собралъ однажды лучшихъ докторовъ въ Парижѣ и заставилъ ихъ написать диссертацию на вопросъ: *можно ли умереть отъ скуки, когда она дойдетъ до нѣкоторой степени?* — Доктора всѣ согласились въ утвердительномъ мнѣніи, — и графъ *А.*, съ этою диссертациею въ рукахъ, явился въ уголовную камеру и пребовалъ къ суду князя *Н.*, обвиняя его въ намѣреніи умертвить жену свою, и прибавляя, что, какъ князь *Н.* былъ самый скучный человекъ въ свѣтѣ и не покидалъ ни на минушу жены своей, по это самое и было явнымъ доказательствомъ злоумышленія его на жизнь ея. Не смотря на очевидность такого ужаснаго умысла, князь однакожь не былъ приговоренъ къ смерти — и судъ оправдалъ его. — Какая несправедливость! Я знаю еще... но какъ говоритъ *Буало*: *Le secret d'ennuyer est celui de tous dire*; я также слишкомъ много заговорился и забылъ, что, разсуждая о скукѣ, надобно болѣе всего бояться наскучишь слушателямъ. И такъ я замолчу, чптобы не соединилъ примѣра съ поученіемъ.

Г.

ОДИНЪ МУЖЪ ЗАМѢНЯЕТЪ ПЯТЬ ДОМАШНИХЪ ЖИВОТНЫХЪ.

Въ одной иностранной газетѣ, было напечатано, что продается по сходной цѣнѣ: обезьяна, попугай, двѣ болонки и кошка, принадлежащія одной вдовѣ, которая, выходя замужъ, не имѣетъ въ нихъ болѣе надобности.

КОМНАТА СТЕРНА.

Въ городѣ Кале, въ гостинницѣ *Дессель*, показываютъ комнату, гдѣ жилъ славный Англійскій писатель *Стернъ*. Жаль только, что эта комната построена послѣ его смерти.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГРЕЧЕСКАЯ ОДЕЖДА ВЪ XIX ВѢКѢ.

1-е Юня молодому королю Греціи *Отону I* исполнился 21 годъ, и онъ въ этотъ день въ первый разъ надѣлъ на себя національное Греческое платье. Нынѣшняя Греческая одежда не только красива и великолѣпна, но такъ живописна, что художники наши завладѣли ею для картинъ своихъ, находя въ ней гораздо болѣе вдохновительной поэзіи, нежели въ нашей Европейской. Мы постараемся дать о ней нѣкоторое понятіе.

1) Красновапо-синяя шапочка, называемая *феси*, которую моряки украшаютъ зеленою кистью. 2) *Фустанелла*, или родъ широкой, короткой юбки изъ бумажной матеріи, которая надѣвается сверхъ шароваръ и идетъ опъ пояса до колѣнъ. Полнопа ея соразмѣрна роскоши и богатству носящаго, и мы видѣли *фустанеллу*, въ которую пошло сто полотнищъ бумажной матеріи, бѣлой какъ снѣгъ, не успулавшей въ тонкости драгоцѣннымъ шкрямъ Индіи. Ширина всей юбки проспиралась внизу до 36 футовъ, но полотнища были вверху скошены. 3) *Щиблеты*, или чулки, вышитыя шелками и золотомъ. 4) Жилетъ и короткое полукафтанье опмѣнно узкіе и обыкновенно испещренные узорами.

Эллины приняли для себя небесно-голубой цвѣтъ, который опличаетъ ихъ опъ всѣхъ другихъ Грековъ. «*О Греція! твой цвѣтъ долженъ быть цвѣтъ неба, котораго достойна ты и по великимъ подвигамъ и по несчастіямъ своимъ!*» такъ восклицаетъ *Лудовикъ*, король Баварскій, отецъ *Отона I*, въ одномъ изъ стихотвореній своихъ, переведенныхъ на Французской языкъ Вильгельмомъ *Докетомъ*. Поэзія короля Баварскаго дышетъ любовью къ Эллинамъ; онъ писалъ въ 1813 и 1826 годахъ, слѣдовательно, эта чрезвычайная любовь къ Греціи можетъ назваться пророческою; но кпо-то сказалъ однакожь, что: въ политикъ пророгество есть изъясненіе сильнаго желанія, и что угнетенные народы обыкновенно съ жадностію принимаютъ политическія пророгества.

Кспати о Грекахъ, мы должны сказать нашимъ данди и пениметрамъ, что въ Греціи называются *Ганимедами* пѣ молодые щеголи, которые всё щастіе и славу свою полагаютъ въ красивой наружности и слѣпомъ повиновеніи модѣ и ея дурачествамъ. Они бѣлы и нѣжны, какъ женщины, носятъ длинные локоны, которые падаютъ на полуоткрытую шею; имѣютъ томные голубые глаза, свѣпдые волосы, длинныя рѣсницы, и съ перваго взгляду, кромѣ усиковъ ихъ, совершенно походятъ на заспѣнчивыхъ молодыхъ дѣвушекъ.

Г.

БЛАГОЧИНІЕ ВЪ ТЕАТРАХЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТОВЪ.

Недавно славный Лондонскій прагическій актёръ *Ботъ* игралъ въ Нью-Йоркѣ, въ Сѣв. Америкѣ, ролю *Ригарда III*-го. Театръ до того былъ полонъ, что многіе зрители принуждены были занять мѣста въ оркестрѣ, а человекъ до прехъ сопъ мапросовъ, ремесленниковъ и мальчишекъ взмопдился на самую сцену. Бѣдный *Ботъ*, не смопря на пакую пѣснопу, игралъ съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ. Въ явленіи *Ригарда* съ леди *Анною* пришло въ голову сидѣвшимъ въ галерейхъ зрителямъ бросить на сцену горсть денегъ: чернь, бывшая на сценѣ, жадно кинулась подбирать ихъ. Мальчишки чупъ, чупъ не сбили съ ногъ героиню и героя трагедіи. Эта величественная сцена кончилась кулачнымъ боемъ, который гораздо больше *Шекспировой* драмы позабавилъ посѣпителей. Въ слѣдующемъ явленіи оборванные, съ синяками подъ глазами и съ разбитыми носами зрители перемѣшались съ пѣнями Англійскихъ королей и, зазѣвавшись на поединокъ *Ригарда* съ *Ригмондомъ*, со всѣмъ заслонили всю эту опмѣнно занимательную сцену.

Вопъ вамъ, милоспивые государи, обращикъ въжливости и образованности свободныхъ и просвѣщенныхъ Американцевъ!

НРАВСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА ТЕАТРОВЪ.

Въ прошломъ году въ Женевѣ представлена была драма, соч. *Коцебу*: *Прилиреніе*

двухъ братьевъ. При концѣ спектакля, одна дама изъ партера подошла къ дородному человеку, сидѣвшему въ бенуарѣ и сказала ему: хочешь ли ты помириться со мною? — «Съ большимъ удовольствіемъ,» отвѣчалъ полстякъ. Это были братья и сестра, которыхъ двадцать лѣтъ вели между собою тяжбу, и помирились, благодаря убѣдительному нраву драмы.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

83.

Жалкіе Русскіе люди! Они увѣрены, что ихъ лирики, ихъ баснописцы, ихъ сказочники, ихъ романисты, ихъ комики (1), ихъ духовные писатели, ихъ проповѣдники, ихъ историкъ, стоятъ на ряду съ первоклассными иностранными писателями, что ихъ *Крыловъ* равенъ *Лафонтену*, что *Державинъ* выше всѣхъ Французскихъ *Жанъ-Баттистовъ-Руссо*, *Лѣбрѣней*, *Викторовъ Гюго*, что сочинитель путешествія къ св. Мѣстамъ Палестины и къ Русскимъ святымъ Мѣстамъ общаетъ имъ своего собственнаго *Шатобриана*, что повѣсти *Павлова*, *Погодина*, *А. П. Степанова* не уступаютъ повѣстямъ *Бальзака*, *Библіофила Жакоба*, *Жюль Жанена*. Жалкіе Русскіе люди! они воображаютъ, что у нихъ есть литература.

Жалкіе Русскіе люди! *Н. И. Грегъ* сочинилъ исторію Россійской литературы; *Ө. В. Булгаринъ* собираетъ сочинить свою исторію Россійской литературы въ огромномъ, новомъ твореніи своемъ о Россіи; *Мерзляковъ*, *Глаголевъ*, *Плаксинъ* написали курсы словесности, гдѣ опечиственная словесность и разборъ славнѣйшихъ ея писателей поставленъ ими въ одной ширинѣ съ словесностями просвѣщеннѣйшихъ Европейскихъ государствъ; *А. А. Бестужевъ* въ Полярной Звѣздѣ, *В. И. Козловъ* въ *Русскомъ Инвалидѣ*, баронъ *Дельвицъ* и *О. М. Соловъ* въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ, помѣщали ежегод-

ные обзоры новыхъ произведеній Россійской словесности, въ Сѣв. Пчелѣ—Издавателями и ихъ сопридниками, въ Библиотекѣ для Чтенія *О. И. Сеньковскимъ*, въ Современникѣ *А. А. Краевскимъ*, въ М. Наблюдателѣ *Шевырѣвымъ*, въ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду мною *Кораблинскимъ* и даже въ злополучномъ *Телескопѣ* (2) г. *Надеждинымъ*—помѣщаются крипическіе разборы вновь выходящихъ произведеній Россійской литературы. Что же они печатаютъ, когда нѣтъ на свѣтѣ Россійской литературы? А еѣ конечно нѣтъ! Когда *Виссаріонъ Бѣлинскій* говоритъ, что нѣтъ—такъ нѣтъ! Что вы, жалкіе Русскіе люди, съ такимъ негодованіемъ на меня смотрите, какъ будто хотите разорвать меня по кускамъ, какъ бѣшеную собаку? Сперва послушайте, а потомъ наказывайте!

Знаете ли вы, кто такой *Виссаріонъ Бѣлинскій*? Не знаете? Вамъ же хуже! По крайней мѣрѣ, хотите ли вѣдать объ этомъ необыкновенномъ писателѣ? Читайте *Телескопъ*; да трудно въ *Пишереѣ* достать его; ну, такъ спросите о немъ у *В. А. Ушакова*; говорятъ, что онъ написалъ его біографію и поирачилъ удивительно; вишь *Василій Аполлоновичъ* мастерски рисуетъ такіе портреты.

Этотъ-то *Виссаріонъ Бѣлинскій*, а по другимъ *Бѣлинскій*, писнулъ въ No 5 *Телескопа* то, что вы читаете будете.

«Можетъ ли быть у насъ даже какая нибудь крипика, когда у насъ нѣтъ литературы?» восклицаетъ онъ. (Надобно предупредить читателей, что г. *Бѣлинскій* никогда не говоритъ, а кричитъ или восклицаетъ. Такъ ужъ онъ привыкъ!) По его мнѣнію,—«нашей литературѣ должна предшествовать нѣкоторая образованность вкуса (3),

(1) *Аблесимовъ*, *Фонъ-Визинъ*, *Княжнинъ*, *Грибоедовъ*, *Офросимовъ*, *Хильмицкій*, князь *Шаховской*, *Загоскинъ*, *Гоголь-Яновскій*.

(2) Мы назвали *Телескопъ* злополучнымъ не по прихоти, а потому, что ничего не можетъ быть несчастнѣе, какъ журналъ, не имѣющій читателей, а *Телескопъ* ихъ не имѣетъ. Въ 1835 году получалось въ Петербургѣ на 450,000 жипецей—XIV экземпляровъ, а въ 1836-мъ выписывается—IX, да изъ нихъ VIII даровыхъ, въ промѣнъ на Петербургскіе журналы. Ну, не горемычный ли это журналъ?—К.

(3) *А. И. Ш. Дмитриевъ*, *Д. В. и И. И. Давыдовы*, *Ө. Н. Глинка*, *Мих. Никитичъ* и *Андрей Николаевичъ Муравьевъ*, *И. И. Козловъ*, *Веневитиновъ*, *Маршескій*, *А. Н. Сит-*

или, другими словами, у насъ сперва должны явиться читатели (4), *dilletanti*, а потомъ уже литература.»

Что, жалкіе Русскіе люди! видишь ли что у васъ также, какъ у Башкировъ, у Камчадаловъ, у Алеушовъ, нѣтъ своей родной литературы? Не видишь? Посмотримъ же еще въ черныя очки Виссаріона *Бѣльмискаго*.

«Я не знаю политической экономіи,» восклицаетъ онъ: «я потому не могу рѣшить, продуктивнѣе ли родитъ погрѣбителей, или погрѣбители родятъ продукты; по крайней мѣрѣ, у насъ сперва должны явиться требователи на литературу. А то, смѣшное дѣло! Хотимъ, чтобы у насъ были поэты; когда ихъ еще читали некому! Цвѣтущее состояніе нашей книжной торговли не только не опровергаетъ этого положенія (5), но еще подтверждаетъ его: тамъ, гдѣ съ равною жадностью (6) читаются и хорошее и дурное, гдѣ равный успѣхъ имѣютъ и пѣсенники г. *Гурьянова* и спихопиоренія *Пушкина* (7), тамъ видна охота къ чтенію, но не потребность литературы. Когда наша читающая публика сдѣлается многочисленна, взыскательна и разборчива: тогда явится и литература.»

Но не ахайте объ этомъ, добрые Русскіе люди, и не теряйте духа. Видишь у г. *Бѣльмискаго* 32 разныхъ, проповѣдывающихъ одно другому, мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ. Поищемъ, нѣтъ ли у него уже напечатанной снѣпейки о существованіи и самобытности отечественной словесности. Я почти могу ручаться, что найду, навѣрное найду. До тѣхъ поръ, прощайте! Изви-

никова, графиня Радогрина, Телова, Баратынскій, Ложечниковъ, Павловъ, Мельгуновъ, развѣ необразованы? — К.

(4) А развѣ 7,000 подписчиковъ на Энциклопедическій Словарь; 5,000 (въ 1834) 4,500 (въ 1835) 3,600 (въ 1836) на Библиотеку для Чтенія; 5,000 на *Булгарина* книгу о Россіи, не читатели? — К.

(5) Напротивъ, очень, весьма, совершенно опровергается.

(6) Пѣсенникъ *Гурьянова*, 12 пѣсенокъ *Тимофѣева*, романы *Селиванова* и *Александра Амфилия Арлофа* не расходятся въ Петербургѣ, мало преобладаютъ въ Москвѣ, а имѣютъ сбытъ въ степныхъ захолустьяхъ. Самая Библиотека для Чтенія у насъ въ сподвижъ образованною Публикою вовсе не читается. — К.

(7) Кто сказалъ это г. *Бѣльмискому*? Изъ какихъ фактовъ составляешь свои выводы авторъ этой снѣпейки? Это несправедливо! Басень *Крылова* разошлось 30,000 экземпляровъ, а спихопиореній *Христофора Тростина* и штабсъ-капитана *Тягеева* 30!!! — К.

нише насъ съ г. *Бѣльмискимъ*: мы оба выѣдемъ на враньѣ. *C'est notre fort!*

А. Кораблинскій.

Мая 19 ое

1836.

Мыза Эддисферъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КАРТ И Н Ы.

Пароходъ. Плаваніе днемъ. Черты освѣщенія и праздникъ въ Петербургѣ. Ночь въ каютѣ. Утро на пароходѣ.

(1825).

1.

Плаваніе днемъ.

Все взморье—серебро липое!
Погодный день!—и солнце золотое
Глубоко въ зеркалѣ водѣ горитъ!
Ужъ Петербургъ опъ насъ, какъ пышный сонъ
бѣжитъ:

Чуть видны острова съ зелеными елями,
И дома съ флагами и башни со шпильями...
На лѣвомъ берегу мелькаетъ монастырь,
И мыза Спрѣльная съ дворцомъ своимъ бѣлѣетъ;
Кругомъ по берегамъ по дачи, по пуспырь.
Вдали Кронштадтъ и Сеспрорыцкъ синѣетъ...
Спокойствіе... погода... пишина,
И спекловидная поверхность водѣ яснѣетъ,
Какъ ясный слогъ *Карамзина*;
Какъ вѣрная земныхъ событий повѣсть,
Какъ, въ чувствѣ правоты, свѣтлѣющая со-
вѣсть...

Нашъ пароходъ—особый міръ!

Тутъ люди разныхъ странъ, чиновъ и разной вѣры:
Калмыкъ и Жидъ—красавицы и офицеры;
Играетъ музыка—какъ званый пиръ!—
Близъ насъ и мимо насъ безопасно рѣжутъ чолны;
За нами синія веревкой вьются волны...
Неясныхъ думъ и ясной вѣры полный,
Я думалъ: будь земля—огромный пароходъ;
Будь пассажиръ—весь смѣртныхъ родъ:
Друзья! спокойно плыви и въ безпокойствѣ водѣ!
Опкинѣмъ спрахъ: путь правитъ пароходомъ
Уже лучше *Берда* кто нибудь!

(Но *Берду* всё и честь и слава!)

И такъ—спокоенъ, смертный, будь!
Будь жизнь — доверенность, — и будетъ пущь—
забава...

Не унывай! подѣшки веселись!
И, доброе дитя, Опцу добра молись!
Не рабствуй суешь—крѣпись!
Безъ воли Кормчаго пшой не погибнешь, волось.—
Съ такой надеждою—вся жизнь игра!...
Покуда, съ палубы, раздастся звонкій голосъ:
«Вопь приставь, господа, гуляшь въ саду пора!»

2.

Черты освѣщенія и праздника.
... Оно прошло, какъ сновидѣнье,
Сие блестящее круженье!...
Картины дивныя узористыхъ огней...
Толпы живыхъ... движенье пѣней...
Сии огромные, кипящія фонтаны,
Какъ въ давнихъ сказкахъ великаны,
И спашуй золоченыхъ спрой,
И свѣплый домъ надъ пышною горой,
И садъ съ зелеными лугами,
И водопадъ съ кристальною игрой,
И длинный рядъ деревъ, подъ свѣплыми дугами...
Исчезло всё, какъ думы... какъ мечпы...
Оспались въ намяти разрывныя черпы...
Я слышу музыку... я вижу освѣщенье—
И дворъ Царей... и чернь... несвязное движенье...
Все повпорлещя и въ слухъ и въ очахъ:
И храмъ съ короною и буква *М* въ лучахъ...
Я помню прудъ, кругомъ его заборы—
И все огонь!... Огонь здѣсь выцизанъ въ узоры—
И все волшебнo пущь!
И, съ разноцвѣтными огнями, спклянки
И, изъ огней, богатыя вязанки,
Все потонуло въ синій прудъ...
И тонкою, кристальной пеленою,
Плывешь вода по золошой горѣ!
И даль горитъ въ лучахъ и въ розовой зарѣ!...
Какъ пышно на землѣ! Чшожь въ небѣ?—Чшо
съ луною?...

Какъ пѣнь блѣдна,
Едва видна,
Чшо думала тогда забытая луна?...
Мнѣ показала—она,

Какъ будто ласково шепталася съ огнями,
И говорила имъ, съ улыбкой и надъ нами:
«Красуйтесь, милые! а я свое найду:
Вы всё погаснете... а я опять взойду!»

3.

Ночь въ каюшѣ парохода.
И пассажировъ шумный рой,
Въ каюшы скромныя пѣснится.
Инымъ, опъ пихой качки, спитъ...
Другимъ мѣшалъ уснушь колесъ гремучихъ
шумъ:
Всѣ, какъ свои, другъ съ другомъ говорили;
Сигары жгли, пабакъ курили
И, для разсыянія думъ,
Вино и прокъ и пиво пили...
Я видѣлъ, сквозь растворъ окна,
Какъ въ небѣ упреннемъ распаяла луна:
Въ водѣ удвоилась игривоспъ...
Разсвѣпъ!.. свѣпмо!.. У всѣхъ видна—
Въ одеждѣ небрежностъ и въ глазахъ сонли-
воспъ....

4.

Упро. на палубѣ...
Свѣжо!.. и пихо!.. и красиво!...
У насъ, на палубѣ все дремлетъ молчаливо;
Но позже полчаса—и вопь
Пошелъ ходѣ пароходъ,
И просыпаются... и спало говорливо...
Повѣялъ упренникъ, и облаковъ сѣдыхъ
Лепяпъ послѣднія часпички...
И пассажирокъ молодыхъ
Виднѣй хорошенькія лички.

Θ. Глинка.

Въ No 54-мъ, помѣщенная шарада значить: *Jon-quille*.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Сѣрый армякъ, или исполненное обѣщаніе. *Повѣсть для дѣтей, соч. князя Владимира Львова. М. 1836, съ раскрашенными картинками. Ц. 5 р. (*)*.

Эпопъ *Сѣрый армякъ* пріятное явленіе на полѣ нашей дѣтской литературы, которая право важнѣе пого, какъ объ ней ду-

(*) Въ книжной лавкѣ А. Фарикова.

мають наши поргаши, книжники и издапель дурно переведенныхъ книжонокъ и еще хуже изданныхъ. Липерапура дѣшею важна, очень важна, и пріятно видѣть, что нѣкоторыя изъ хорошихъ нашихъ липерапоровъ посвящаютъ досуги свои дѣшамъ, а другіе и совершенно предопредѣляютъ себя этому предмету. *Князь Владимиръ Владиміровичъ Львовъ* принадлежитъ, какъ кажется, къ числу вторыхъ, по крайней мѣрѣ. Я знаю, что мнѣ будетъ очень, очень жаль, если я ошибся въ моемъ предположеніи: его *Сѣрый армякъ* есть въ своемъ родѣ произведеніе и оригинальное и истинно прекрасное, которое и не дѣши могутъ прочесть съ чистымъ удовольствіемъ. Вся эта повѣсть-романъ заключаетъ въ себѣ такъ много опечесственныхъ воспоминаній, такъ много драгоценныхъ подробностей объ нашей святой, прекрасной Руси, отъ неѣ такъ вѣетъ Русскимъ, что, читая еѣ, не пропускаешь ни одной строчки. Тутъ нравы не передѣланные съ Французскаго или съ Нѣмецкаго, нѣтъ, они чисто Русскіе, они наши опечесственные нравы. Добрый отецъ семейства живетъ въ деревнѣ на берегахъ живописной Волги, недалеко отъ Кинешмы; у него двое милыхъ, добрыхъ сыновей, возрастающихъ въ страхъ Божіемъ, въ любви къ родителямъ и къ ученью. Ихъ любопытство подспръкаемо сѣрымъ проспымъ армякомъ, который бережно виситъ на гвоздикѣ въ кабинетѣ ихъ опца. Разъ они особенно хорошо учились и вели себя, отецъ беретъ изъ бюро тетрадь и читаетъ имъ исторію эпата сѣраго армяка, послужившаго къ спасенію благороднаго дитяти, на котораго умирающій отецъ надѣлъ препещущими руками эту одежду въ тѣ дни, когда *Наполеонъ* былъ съ войскомъ своимъ въ Москвѣ; спарець велѣлъ мальчику хранить эпотъ армякъ какъ зѣницу ока. Мальчикъ исполнилъ волю родительскую, не взирая на множество различныхъ бѣдствій, которымъ онъ подвергался, но отъ которыхъ былъ всегда спасаемъ Провидѣніемъ; ему пришла мысль пойти въ Кіевъ, и безпомощный ребенокъ пошелъ въ Кіевъ, встрѣчая на дорогѣ препещствія, бѣдствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и

добрыхъ людей. Онъ помолился св. угодникамъ въ святомъ градѣ, онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Богъ сподобилъ ему встрѣпиться съ добрымъ споляромъ, который полюбилъ его и взялъ къ себѣ въ работники, и вопъ нашъ мальчикъ въ Москвѣ работаетъ у споляра, болѣе и болѣе входитъ въ его довѣренность и, наконецъ, дѣлается его подмасперьемъ. Тутъ находятся новыя лица, узнаютъ мальчика; спарый слуга опца его спрашиваетъ объ армякѣ; армякъ цѣль и невредимъ; его распарываютъ и находятъ тамъ всѣ доказательства на то, что *Петруша*, такъ имя мальчика, прямой владѣлецъ того большаго имѣнія, которымъ по смерти опца его завладѣлъ какой-то злой родственникъ. И эпотъ *Петруша*, эпотъ самый отецъ семейства, который рассказываетъ эту повѣсть и сохраняетъ эту простую одежду. Прочтите, право прочтите эту книжку: вы не раскаетесь. Подробности, карпины, очерки прелестны! — Кіевъ, на примѣръ, нашъ первопрестольный Кіевъ, купель Россіи, какъ говоритъ безсмертный *Карамзинъ*, очерченъ кистью мастерскою; а пожаръ Москвы, а бытъ Русскаго просполодья, а жипье-бытѣ нашихъ помѣщиковъ, а сельскія работы, представляющія собою въ сжатой рамѣ весь процессъ нашего землеобрабатыванія и хлѣбопроизводства; а эпата Малороссія съ своими нравами, съ своимъ лазоревымъ небомъ, съ своимъ быпомъ проспымъ, но оригинальнымъ. О! прочтите, прочтите эту книжку, прочтите еѣ вслухъ въ кругу вашего семейства, когда маленькія *Сонигъна* и *Машенька* кончили свой урокъ на фортепіано и принялись за вышиванье подушки для милаго папеньки; когда *Эрасть* и *Петруша*, пользуясь каникулами, досыпа наскакались по вашимъ Парголовскимъ горамъ на лихихъ Чухонскихъ коняхъ, и когда все эпато скромно утѣлось около кипящаго самовара, подъ тѣнью липъ, акацій и черемухи вашего скромнаго садика. Я не знаю книги, которая бы могла доставить болѣе удовольствія и пользы Русскому ребенку, который шупъ найдетъ для себя множество такого, что невольно заставитъ его призадуматься; а вы знаете

не хуже меня, что въ эти два года дума ведеть за собою много, очень много такого, что способствуешь къ развитію способностей, къ тому, чтобы дать имъ направле- ніе сколько новое, сколько вѣрное, если только эта дума направляется знающимъ наставникомъ, попечительнымъ ономъ, нѣжною матерью. — Книжка издана чисто, картинки очень милы, а приложенный къ ней планъ Кіева не уронилъ бы собою книги, имѣющей и серьезнѣе этой цѣль. Еще разъ нельзя не пожелать, чтобы князь *Владимиръ Владиміровичъ* не остановился на своемъ благородномъ и прекрасномъ покрыв- шѣ.

Викторъ Бурьяновъ.

MODES.

Robes de promenade. Une robe de mousseline imprimée, à grands bouquets détachés; corsage plat à la vierge, avec une draperie au milieu, retenue par un étroit poignet; manches larges, ayant en haut un large jockey, serrant le bras, et bordé d'une petite garniture. En bas de la manche, un poignet venant jusqu'à la moitié du bras et garni de même dans le haut, de sorte que la largeur de la manche se trouve entre deux garnitures. Deux volans garnissent la jupe. Un chapeau de paille de riz, orné de trois petites boules d'*hortensia*, avec les rubans de satin blanc; l'intérieur de la passe rayée en biais par des rubans de satin blanc, avec une touffe d'*hortensie* sur un des côtés. Une écharpe de *pou de soie* noir, garnie d'une très haute dentelle noire. Une robe de gros de Naples, à larges carreaux blancs et lilas; manches plates, avec trois rangs de ruches d'étoffe pareille, sur le haut de la manche; corsage plissé à pièce carrée. Un fichu à la paysanne, avec double collet en filet, brodé en applications. Une écharpe-mantelet, en gros de Naples lilas, garni de blondes noires.

Toilettes de soirées d'été. Une robe de mousseline de l'Inde, avec volans à chefs, ainsi que tous les accessoires de la toilette. Sur la tête une couronne de bluets naturels. Une écharpe de mousseline de l'Inde, brodée au crochet, bleu et or. Une robe *organdi broché de blanc*; le jupon orné d'une double rangée de

rosettes de satin rose pâle, formant le tablier; corsage plat, très décolleté, à collet faisant pointe derrière et devant, avec trois rosettes au milieu de la poitrine; le collet est garni de dentelle, et forme jockey sur des manches demi-courtes, avec manchettes de dentelle. Pour coiffure, un nœud de velours noir avec une simple *rose nymphe*.

МОДЫ.

Платье для прогулокъ. Платье изъ кисеи, печатанной большими отдѣльными букетами; лифъ гладкой *à la vierge*, съ драпировкою въ серединѣ, прихваченною узенькой полоской; рукава широкіе, съ широкими эпюлетами, схватывающими руку, и обшиты узенькой оборочкой, внизу рукава обшивка до пол-руки и также обшита сверху, отъ чего вся ширина рукава находится между двухъ оборокъ; юбка обшита двумя оборками; шляпка баспоялая, отдѣланная премо маленькими цвѣтами гортензін, съ бѣлыми апласными лентами; поле внушри выложено вкось бѣлыми апласными лентами, съ кушикомъ гортензін на спорохъ. Шарфъ, изъ чернаго *pou de soie*, обшитъ чрезвычайно широкою черною блондой. Платье изъ гроденапля съ крупными клѣтками бѣлаго и лиловаго цвѣта: рукава гладкіе; сверху рукавовъ рюшъ изъ такой-же матеріи положенъ въ при ряда; лифъ чепвероугольный, складками. Косынка *à la paysanne*, съ двойнымъ филейнымъ воронникомъ, вышитымъ въ проборъ. Шарфъ-маншилья, изъ лиловаго гроденапля, обшитъ черною блондой.

Наряды для лѣтнихъ вечеровъ. Платье изъ Индѣйской кисеи, оборка съ каёмками, какъ и всѣ принадлежности наряда, на головѣ вѣлокъ изъ наслоящихъ васильковъ. Шарфъ, изъ Индѣйской кисеи, вышитъ крючкомъ голубымъ шелкомъ съ золомомъ. Платье изъ бѣлаго запканнаго органди; юбка отдѣлана двойнымъ рядомъ апласныхъ розетокъ блѣдно-розоваго цвѣта, составлявшихъ передникъ; лифъ гладкой, весьма открытой; кругомъ воронникъ, съ мыскомъ сзади, и спереди по срединѣ груди при розетки; воронникъ обшитъ кружевомъ, на плечахъ составляетъ эпюлеты надъ полу - коропкими рукавами, съ кружевыми манжетами. Уборъ на головѣ: бантъ изъ чернаго бархаша съ простою розою *nymphe*.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 56.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 11 дня 1836 года.

Прославился хозяйствомъ Тинъ,
Убытку въ домъ онъ не терпитъ никакого,
И ѣсть и пьеть и говоритъ
Всегда на щель другаго.

В. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДЯДЯ ИЗЪ АМЕРИКИ.

(Повѣсть.)

«Любезный племянникъ!

Тебѣ едва исполнилось три года, когда я оставилъ опечесиво; следовательно, я не думаю, чтобы ты могъ помнить меня; не сморя на то, однакожь, я не пишу ни къ кому изъ родныхъ моихъ, кромѣ тебя. Мнѣ неизвѣстно, какіе у тебя волосы; какіе глаза, нравъ, склонности; но я предпочтительно адресуюсь къ тебѣ, пошому что, рассорясь передъ отъѣздомъ съ опцомъ швимъ и матерью, хочу, чтобы ты предупредилъ ихъ о моемъ возвращеніи. Я провелъ въ Америкѣ ровно двадцать лѣтъ, въ безпрестанныхъ трудахъ и разныхъ торговыхъ и денежныхъ оборотахъ. Теперь же намѣренъ отдохнуть, и переслать копилку презрѣнный металлъ, называемый золотомъ. Это письмо получишь ты изъ Гавра, куда я прѣхалъ на Американскомъ пакетботѣ. Черезъ нѣсколько дней буду въ Парижѣ,

чтобы ужъ никогда съ тобой не разлучаться. При свиданіи я скажу тебѣ, какъ я узналъ—гдѣ ты и на какой улицѣ живешь. Проспи, остаюсь любящій тебя дядя—

Генрихъ Леклеркъ.»

Эрнестъ, прочитавъ письмо, долго не вѣрилъ самому себѣ, и щипалъ все это сномъ; наконецъ, опомнившись, прошелся по комнатѣ и перечиталъ опять письмо, останавливаясь на каждомъ словѣ.

«Не худо!» сказалъ онъ, наконецъ, засмѣявшись... «Да это почъ въ почъ, какъ въ старинныхъ комедіяхъ и новомъ водевилѣ; вдругъ какъ съ неба сваливается ко мнѣ дядя, который цѣлые двадцать лѣтъ пропадалъ безвѣсти, накопилъ въ Америкѣ денегъ и прѣхалъ сюда, вѣроятно для того, чтобы сдѣлать меня своимъ наследникомъ. О, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Прекрасно! Милости просимъ! любезный дядюшка—я съ радостью приму такого дорогаго гостя.... Однакожь мнѣ невозможно помѣстить его здѣсь. Надобно пріискать для него богатую кварширу; къ щаспію, у меня есть деньги для задатка!»

Въ эту минупу вошелъ слуга въ ливревъ.

— Вы господинъ живописецъ *Н.*? —

« Я. »

— Графиня *Д.*... приказала вамъ кланяться, сударь, и спросить, въ какомъ часу можно ей прѣхать сюда, для ея поршрета. —

« Засвидѣтельствуй глубокое мое почтеніе графинѣ, — и доложи, что, къ крайнему моему сожалѣнію, я не могу имѣть сегодня чеспи принять ея у себя, цопому что ко мнѣ прѣхалъ изъ Америки дядя. — Я самъ буду съ извиненіемъ у ея сіапельства, и попрощу ея назначить мнѣ другой день. »

Едва лакей вышелъ, какъ толпа молодыхъ друзей *Эрнеста* вбѣжала въ комнапу, съ шумомъ и громкимъ смѣхомъ.

— Ну, *Эрнестъ*, гоповь ли ты? Пора завпракать — пойдѣмъ! —

« Не могу, господа, » отвѣчалъ онъ.

— Эпо почему? —

« Да — пакъ!... »

— Эпо не отвѣшь. —

« Вотъ, видите ли, господа, — ко мнѣ прѣхалъ изъ Америки дядя, который оспановился у меня, и я долженъ сдѣлать нѣкоторыя приготовленія, чтобы принять его порядочно. Онъ страшный богачъ! »

— Право? —

« Не ужьли? »

— И прѣхалъ изъ Америки? —

« И будешь жить съ побою? »

— Эпо дѣло другое; слѣдовательно теперь не мы тебя, а ты долженъ на свой щепъ угостить насъ. —

« Право мнѣ никакъ нельзя. Я долженъ ипши искать другую кварширу. »

— Мы всѣ пойдѣмъ искать ея съ побою. А теперь съ нами завпракать!... —

И всѣ опроремъ побѣжали внизъ, шаща съ собою *Эрнеста*.

— Мальчикъ! усприць и самого лучшаго соперну. —

« Сей часъ, сударь. »

— Дядя изъ Америки, дядя спарый, богачый!... Какое щаспіе! Ну, *Эрнестъ*, теперь прощай кисъ, прощай живопись — и вдохновеніе художника! Не правда ли? —

« Совсѣмъ нѣтъ! Во-первыхъ, дядя мой не обѣщалъ сдѣлать меня своимъ наследникомъ, во-вторыхъ, я не изъ хлѣба, а единспвенно по спраспи, по внуспреннему внушенію сдѣлался живописцемъ. »

— Мальчикъ, вина! —

« Топчасъ, сударь. »

— Вотъ *Эрнестъ*, когда ты сдѣлаешься богачъ, тогда забудешь прежнихъ своихъ товарищей. —

« Не спыдно ли тебѣ обижать меня? Развѣ вы не знаете, что живопись и дружба ваша, равно для меня драгоценны? Нѣтъ, друзья мои, вѣрите, что у меня всегда будешь масперская — и вы по прежнему спанете навѣщать меня, съ пою только разницею, что сигары наши будутъ лучше и, сверхъ того, мы можемъ тогда курить изъ дорогихъ яншарныхъ трубокъ Леванскій шабакъ. »

— Мальчикъ, вина! —

— Мальчикъ, самый дорогой завпракъ! —

« Что жъ прикажете приготовить, господа? »

— Развѣ ты не слыхалъ? Говорятъ тебѣ, подай все, что есть рѣдкаго и дорогаго въ Парижѣ. —

« У насъ есть славная рыба, превосходная дичь... »

— Хорошо! хорошо! давай все, что есть у васъ лучшаго! —

« Господа, не правда ли, что нѣтъ ничего прогашельнѣе дружбы, которая не оставляетъ насъ въ нищету? Но что скажете вы о той дружбѣ, которая неизмѣнна и тогда, когда мы вдругъ разбогатѣемъ? »

— Bravo, bravo!... —

— Ха! ха! ха! —

« Господа, выпьемъ за независимость Америки! »

— За вѣчное благосостояніе этой благородной земли, заключающей золото въ нѣдрахъ своихъ! —

«За здоровье добраго и почтеннаго моего дядюшки!»

— Мальчикъ! возьми эти бупылки назадъ; вино въ нихъ слишкомъ для насъ дурно и дешево. . . . Подай намъ Цекубскаго и Фалернскаго вина! —

«Да какъ можно скорѣе! слышишь ли?—и какъ можно спарѣе; нельзя ли пого, которое было разлипо въ бупылки въ попятъ день, когда *Мецената* съ громкимъ рукоплесканіемъ приняли въ шею?»

— Не забудь обложить чаши наши вѣнками изъ цвѣповъ. —

Ну что-жь ты споишь, какъ вкопанный? Цекубскаго—говорять тебѣ.»

— У насъ, сударь, такого вина нѣтъ! —

«А Фалернскаго?»

— Никогда не бывало. —

«Господа, я объявляю, что эта респорация никуда не годится.»

— Хуже всякой Генгеппы! —

«Мальчикъ, скажи своему хозяину, что я никогда не приведу дяди моего сюда объѣдаться.»

— Какъ, подумаешь, двадцать лѣтъ прожилъ въ Америкѣ! Это не шутика, братъ *Эрнестъ*! —

«Тамъ, въ двадцать лѣтъ, самой плохой экономъ можешь сосланишь себѣ 500,000 франковъ ежегоднаго дохода.»

— А дядя пвой вѣрно мастеръ наживаться. —

«Слушай, мальчикъ! если ты почто увѣренъ, что въ погребахъ вашихъ нѣтъ ни Цекубскаго, ни Фалернскаго вина, то по крайней мѣрѣ принеси намъ Шампанскаго, только смотри-жь, самаго лучшаго; слышишь ли?»

— О, сударь! въ цѣлой Франціи не найдете такого Шампанскаго, какъ у насъ. —

«Хорошо—давай!»

— Что-жь вамъ угодно еще кушать? —

«Всѣ то, что чрезвычайно дорого. Мы за все заплашимъ золотомъ.»

«Какой бы десертъ, господа? Какъ вы думаете?»

. . . . Dulcia roma

Castanea molles et pressi copia lactis.

«То есть яблокъ, кашпановъ и больше сыру.»

— Ты не такъ переводишь, *Castanea mollis* значить вареные кашпаны. —

«Мальчикъ—зубочиспокъ!»

— Что ты это, дуракъ, за кого ты насъ принимаешь? Развѣ ты не слыхалъ, что къ намъ ѣдетъ изъ Америки дядя, у котораго два миліона ежегоднаго дохода?— Убирайся съ своими гусиными перьями, и подай намъ золотыя зубочиспки съ поюзами. —

«Мальчикъ, карпу!»

Щетъ доходилъ до 100 франковъ; друзья сдѣлали складчину и заплатили.

— *Эрнестъ*, поставь это въ расходъ на щетъ дяди пвогого—и пойдёмъ искать для него квартиру. —

Они вышли розовые, съ блестящими глазами и, шапаясь, пришли къ дому, къ которому приближно было объявленіе.

— Войдемъ къ хозяйкѣ! —

«Сударыня, у васъ отдаются въ наемъ комнаты?»

— Отдаются, сударь. —

«Съ мебельми?»

— Съ мебельми, сударь. —

«А по чему въ мѣсяцъ?»

— По 100 франковъ. —

«Я найму ихъ для дяди моего, пріѣхавшаго изъ Америки. Онъ богатъ и попому я не торгуюсь съ вами. Позвольте посмотрѣть. . . .»

«Сударыня, прошу васъ снять все эти эспампы, представляющіе оленей и кроликовъ, не по дядя мой, который двадцать

лѣтъ провелъ подъ жаркимъ небомъ Америки—глядя на нихъ—умремъ опъ спужд.»

—А когда переѣдете вашъ дядюшка?—

«Да, завтра—послѣ завтра, можете быть и черезъ недѣлю; но я нанимаю эпи компаны съ сегоднешняго дня, и прошу съ эпой минушы приказать каждый день попить ихъ.»

—Какъ, сударь! цѣлую недѣлю?—

«Разумѣется; мнѣ кажется, сударыня, что мнѣ лучше вашего извѣсны привычки дяди моего. Онъ соспарѣлся въ Америкѣ, и опмѣнно зябокъ, слѣдовательно непременно нужно, чтобы, войдя въ эпи компаны, онъ нашель ихъ пещдѣ бани. Чшо-жь вамъ нужды до эшаго? Вамъ за дрова заплапашъ.»

—Не забудьте приказать слугѣ нагрѣвать поспель его жаровню.—

«Разумѣется.»

—И въ жаровню класъ сахаръ.—

«Конечно!... А! кспапи! проину васъ, сударыня, чтобы эпотъ сахаръ былъ настоящй проспниковый, а не свекольный,—что можете уморить дядюшку, потому что въ Америкѣ его не признають за сахаръ. Не безпокойтесь, вамъ щедро заплапашъ за всѣ издержки.»

—Сверхъ того споль его долженъ быть самый роскошный.—

«Да, да! вмѣсто огурцовъ въ салапъ ананасы и райскія ппички вмѣсто рябчиковъ.»

—Скажи, Эрнестъ, какъ одѣвается дядя пвой, нѣ ужь-ли онъ ходитъ въ передникъ и въ перьяхъ на головѣ?—

—Или въ шигровой кожѣ, съ полспою дубиною въ рукахъ?—

«Какой вздоръ! Впрочемъ, если-бъ онъ и пакъ ходилъ, то развѣ мало порпняхъ въ Парижѣ? развѣ десятъ царъ плащя послѣдняго фасону соспапашъ какой нибудь щепъ для милонщика?»

—Милонщика? Нѣтъ, милой! у него не одинъ, а можете быть десятъ, двадцатъ—сорокъ милоновъ.—

«Ого!»

«Вивапъ Американской дядя!»

На другой день Эрнестъ, проснувшись, чувспвовалъ въ себѣ усалоспъ, слѣдспвие излишеспвъ, копорымъ онъ предавался накануне. Голова его была ппажела, глаза не опворядлись, но восхипипельная мысль о будущемъ скоро оживила его, и онъ съ воспторгомъ думалъ о возможности соединиться скоро съ Терезою, молодою двѣушкюю, копорую онъ любилъ, но на копорой не могъ женипъся, потому что оба они были бѣдны, и ему надобно было прежде напшпъ себѣ прудами какое нибудъ сосполнне.

Въ это время кшо-то поспучался у дверей.

«Войдите,» сказалъ Эрнестъ, и увидѣлъ передъ собою человека лѣтъ ппятидесяти ппяти, почти исполнскаго роспу, но припомъ пакой спрашной худобы, что кости локпей его, плечъ, колѣнъ, казалось, гошовы были прудрапъ ему и кожу и плашь. Эпотъ человекъ имѣлъ два профиля, копорые вмѣсптъ не соспапляли никакого лица, и что-то чрезвычайно спранное. Онъ по временамъ горбился, когда не думалъ о шомъ; когда же вспоминалъ, проворно расправлялся, и замѣпно было, что онъ щипалъ высокй ростъ леспнымъ преимущеспвомъ и ни за что въ свѣсптъ не успупилъ бы изъ него ни поль-лини.

На немъ былъ поношенный серпукъ Польскаго покроя, съ мѣховымъ выптерпымъ воронникомъ и широкими лацканами; очень неновые панталоны верблюжьяго цвѣпа, и сапоги ппщательно налакированные, но съ подметкамд и немного проперпными носками. Галспукъ на немъ былъ доводно понкой и чиспой, но рубашка хопя не полспая и не черная, казалась, однако-жь, надѣпою вчера и не имѣла свѣжеспи галспука.

—Здѣсь ли г. Эрнестъ N.?—

«Вы видите его, м. г.»

—Я пришелъ къ вамъ опъ имени дяди вашего, м. г., и радъ, что имѣю чеспъ познакомиться съ вами.—

«Опъ дяди моего, сударь? Ахъ, Боже мой! милоспни прошу садипъся; извините, что вы заспали меня въ поспель; я сей часъ вспану.»

— Не безпокойтесь, прошу васъ . . . Дядюшка вашъ поручилъ мнѣ кланяться вамъ и извѣститьъ васъ о возвращеніи своемъ въ Парижъ. — Я думаю, вы его не узнаете, онъ пишетъ ко мнѣ, что совсѣмъ перемѣнился. —

«Я былъ такъ малъ, когда дядюшка разспался съ нами, что не могу помнить его; но не прошло дня, чтобы въ нашемъ семействѣ о немъ не говорили, и мапушка каждый вечеръ заспавляла меня молившись за него Богу. О, бапушка и мапушка нѣжно любящъ его!»

Эрнестъ лгалъ безъ зазрѣнія совѣсти. Дядя его былъ въ молодости такой негодяй, что отецъ и мать его безъ памяти обрадовались, когда Богъ ихъ опять него избавилъ.

— Такъ они помнятъ, они любящъ его, — сказалъ незнакомецъ . . . — Признаюсь, это для меня странно, потому что я всегда слышалъ, что онъ разспался съ бапушкою вашимъ въ ссорѣ. —

Надобно знать, что отецъ *Эрнеста* выгналъ шурина своего изъ дому за разные безчестные поступки. Но незнакомецъ, казалось, не зналъ этихъ обстоятельствъ, и *Эрнестъ* не щипалъ за нужное выводилъ его изъ заблужденія.

«Да! можетъ быть они немного поразмодвились, — сказалъ онъ; — это бываеетъ въ самыхъ дружныхъ семействахъ; но увѣряю васъ, что, не смотря на это, родители мои искренно привязаны къ дядюшкѣ, особливо мать моя, которая долго безпокоилась о его участи, и когда подымалась буря, или приходили вѣсти о какомъ нибудь кораблекрушеніи, то она всегда со слезами говаривала: о Господи! спаси и помилуй бѣднаго брата моего!»

— Жаль, что дядюшка не можетъ слышать словъ вашихъ . . . я старинный другъ его и знаю, какъ бы онъ былъ ими пронутъ. —

Споры были спущены, но не смотря на это, *Эрнестъ* по немногу разсмотрѣлъ наконецъ, что эпитъ человекъ былъ почти въ нищенскомъ рубищѣ.

Бѣднякъ имѣетъ также какъ и я нужду въ дядиной помощи, подумалъ онъ. . . Но если

любовь дяди ко мнѣ искреннѣе той, которую я имѣю къ нему припворно; если онъ подлинно сдѣлаеетъ щастіе мое и *Терезы*, то мнѣ совсѣмъ не прудно будетъ въ самомъ дѣлѣ полюбить его.

— А когда будетъ дядюшка? —

«Другъ мой, ты его видишь передъ собою!»

И длинный, сухощавый дядя, бросаясь вдругъ на племянника, чуть было не задушилъ его въ своихъ объятіяхъ.

Эрнестъ молчалъ — не двигался. . . Онъ окаменѣлъ отъ удивленія; да, правду сказать, совсѣмъ не весело было, вмѣсто богатаго дяди, обнимать бѣдняка, отъ котораго нельзя было ожидать никакой выгоды. — Наконецъ, *Эрнестъ* кое-какъ пришелъ въ себя, собрался съ духомъ, и едва внятнымъ голосомъ пробормоталъ какое-то привѣтствіе.

— Любезный племянникъ, — отвѣчалъ дядя: намъ надобно о многомъ поговорить; но прежде всего, прикажи мнѣ подать чего нибудь позавтракать. —

«Сей часъ, дядюшка, позвольте мнѣ встать и одѣться.»

— Ты видишь, другъ мой, — продолжалъ онъ, ты видишь, какъ щастіе плохо мнѣ благопріятствовало. Другіе въ Америкѣ наживаются, а я, проживъ тамъ 20 лѣтъ, воропился такимъ же нищимъ, какъ поѣхалъ. —

«Ахъ!» думалъ *Эрнестъ*, одѣваясь: «разрушились воздушные замки мои; *Тереза* моя должна будетъ работать; она не будетъ одѣваться, какъ первыя Парижскія модницы, не будетъ носить всегда перчапокъ, и руки ея сдѣлаются жестки и красны отъ работы. . . Да что за вздоръ! я не женюсь на ней!»

Онъ сошелъ внизъ и велѣлъ принести изъ респораціи двѣ порціи бифспекса, сыру и два прибора, — потомъ вынулъ изъ шкапа почашую бутылку вина и сказалъ дядѣ:

«Надѣюсь, что вы извините эпитъ скромный завтракъ. У бѣднаго художника нѣтъ роскоши.»

Сѣли за столъ, и дядя ѣлъ за четверыхъ, какъ человекъ, который ѣдетъ недѣлю не видалъ куска хлѣба.

— Ну, — сказалъ онъ окончивъ: теперь ты долженъ помѣспить меня у себя, пока я не переписусь съ доброй сестрой моей и не найду случая къ ней доѣхать.—

«Слава Богу, что я еще не далъ задатку за квартиру!» подумалъ Эрнестъ. «Вчера я былъ такъ пьянъ, что, не торговавшись, согласился взять еѣ за 100 фр. въ мѣсяцъ.— Какъ перемѣняются обстоятельства!.. Но здѣсь на чердакѣ есть пустая горенка, которую, вѣроятно, уступятъ мнѣ за сходную цѣну, и я помѣщу его тамъ.»

— Суди меня, любезный племянникъ, деспотомъ франковъ, я задолжалъ проводнику дилижанса за то, что онъ въ Гаврѣ сперегъ чемоданъ мой. —

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

С В А Т Ъ Б А.

Знаменимый Россини уѣхалъ на эпихъ дняхъ съ Яковомъ Ротшильдомъ въ Франкфуртъ на Майнѣ, праздновать свадьбу одного изъ членовъ эшаго многочисленнаго семейства миліонщиковъ, Ліонеля Ротшильда. Говорятъ, что любимый музыкальный писатель нашъ сочинилъ новую оперу въ одномъ дѣйствіи, подъ названіемъ *Ревекка*, которая будетъ играна на одномъ изъ пышныхъ праздниковъ, приготовляемыхъ по этому случаю. Содержаніе оперы: бракосочетаніе *Исаака* съ прелестною дѣвою воспока, которую *Элиазаръ* вспрѣчае у кладезя.— Эта поэпическая и папріархальная сцена представлена кистію Горація Вернета, и выгравирована *Жазетомъ*, слѣдовательно, сюжетъ ея почти уже не новъ для публики.— Безъ сомнѣнія, любители музыки зайлапили бы дорого, чтобы насладиться первыми звуками эшаго новаго произведенія, не уступающаго, какъ сказывають, лучшимъ операмъ славнаго Россини.

T.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПОДАРОКЪ.

Послѣ доспославной битвы при Абукирѣ, Галловой, капитанъ Англійскаго корабля, приказалъ сдѣлать изъ гром-мачпы Французскаго Адмиральскаго 124-хъ пушечнаго корабля Ориента (Orient), который, какъ извѣстно, взлетѣлъ на воздухъ, красивый гробъ, и послалъ его къ адмиралу Нельсону при слѣдующемъ письмѣ: «Адмиралъ, осмѣливаюсь препроводить къ вамъ гробъ, сдѣланный изъ гром-мачпы Ориента, чтобы вы, окончивъ доблестное поприще славы своей, могли покоиться въ проѣяхъ побѣдъ вашихъ. Въспѣ съ тѣмъ умоляю Провидѣніе, чтобы время сіе не скоро приблизилось.»

СИГАРОЧНАЯ ФАБРИКА НА ОСТРОВѢ МАНИЛИ.

Огромная сигарочная фабрика на островѣ Манили ни въ чемъ не уступаетъ славной Гаванской. Манильскія сигарки славятся не только въ Индіи, но и въ Европѣ. На этой фабрикѣ работаютъ 1,500 мужчинъ и 3,000 женщинъ, въ чрезвычайно большомъ зданіи. Въ каждой палатѣ приспавлена особая надзирапельница, которой должностъ соспоить въ помѣ, чтобы осмапривать каждую сигару. Послѣ того, онѣ укладываются по 500 и по 1,000 штукъ въ нарочно сдѣланные прочные ящики и отсылаются за море.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

84.

Заглянули-ль вы, милоспивые мои читатели, въ послѣднемъ листкѣ Лип. Прибавленій въ *восемьдесятъ третью* Литературную Запѣнку? Если заглянули: попригорюнились, свѣдавъ ошъ г. *Виссаріана Бѣльинскаго*, что нѣтъ на свѣтѣ Россійской литературы, — что Лѣтописи *Нестора*, *Сильвестра*, священника *Іоанна*, письма царя *Іоанна Грознаго*, исторія *Татищева*, *Шербатова*, *Карамзина*; переводы *Гомера* — *Кастровыль*, *Гндигель*

и Жуковскимъ, Виргилія — Петровымъ, Раичемъ и Воейковымъ, Тасса — Мерзляковымъ, Раичемъ и Шевырѣвымъ, Шиллера — Жуковскимъ, г-жею Глинкою и Шишковымъ 2-мъ, Байрона — Жуковскимъ и Козловымъ, Преложенія Давидовыхъ псалмовъ и книги *Иова* — О. Н. Глинкою, писаны не по Русски. У Русскихъ нѣтъ литературы (1)! опчаянно восклицаетъ г. Бѣльинскій. Къ нашему щасію, у него не каменное сердце; онъ сжался надъ нами бѣдными соотечественниками и объявилъ, что онъ пошупилъ надъ нами, что у Русскихъ есть литература.

Въ той же самой книжкѣ (2) г. Бѣльинскій провозгласилъ: «Мы думаемъ, что у насъ тогда будетъ литература, когда явится вдругъ нѣсколько талантовъ. Пушкинъ, Грибоедовъ, Гоголь явились (3).»

На стр. 130-й той же книжки напечатано: *Иванъ Выжигинъ явился въ то время, когда еще наша литература не была торговлею, когда она была во всемъ цвѣту своемъ.*

Изъ вышеприведенныхъ нами спрокъ, слѣдуетъ, что Русская литература не только существуетъ, но и имѣла свое цвѣтущее время также, какъ Италіанская, Французская, Англійская, Германская.

Если эпихъ доказательствъ кому нибудь покажется мало: то мы представимъ еще десятокъ; на примѣръ, на стр. 131 той же книжки г. Бѣльинскій прокламировалъ: «Пушкину платили дорого, огонь дорого, но посмотрите на его литературное поприще: его *Кавказскій Пльнникъ былъ хороше, но Бахчисарайскій фонтанъ лугше; но Цыганы еще лугше, а тамъ еще остаются Евгений Онпгинъ, Борисъ Годуновъ, Полтава.*»

Видите ли, сколько гонимель Россійской словесности опыскалъ въ ней хорошаго, прекраснаго, превосходнаго, испинно въ Рус-

(1) Телескопъ, 1836, No 5, стр. 123 и слѣдующія. — К.

(2) 1836, No 5, стр. 149, 150 и слѣдующія. — К.

(3) Прибавимъ: Литке, Краевскій, Востоковъ, И. И. Длмтріевъ, Данилевскій, А. Н. Муравьевъ, Мельгуновъ, Инокентій, Маловъ, Беллинсгаузенъ, Бенедиктовъ, Кольцовъ, Скобелевъ, Кукольникъ, Велтманъ, Н. А. Полевой, Карлаговъ, А. В. Висковатовъ, Владиславлевъ, Устреловъ, Небольсинъ, Базиліи, Джуліани, Ершовъ, Срезневскій, и пр. и пр. и проч. — Ж.

скомъ духъ написаннаго. *Есть, есть Русская литература!* Живъ, живъ Курилка!

На стр. 132-й пошь же сопрудникъ журналіспа, копорый уничпожилъ *Ломоносова, Державина, Хемницера*, копорый на 123 спраницѣхъ напргалъ всѣ свои силы, всѣ мускулы, чтобъ доказать, что у насъ нѣтъ литературы, поелику нѣтъ изящныхъ Русскихъ сочиненій, хвалилъ спашью г. Шевырѣва, въ Библиотеку для Чпенія имъ подаренную.

Въ шестой книжкѣ злополучнаго (4) *Телескопа*, нашъ анпагонистъ опыскалъ еще прехъ даровитыхъ Русскихъ пѣснопѣвцевъ.

Разверните эпую книжку на спраницѣхъ 234-ой и чипайте:

«Опдаяя должное г. Бенедиктову, г. Шевырѣвъ долженъ же былъ, по своему-жъ убѣжденію, не обижать заслуженныхъ *Корифеевъ нашей литературы.*»

Изволите ли слышать? У Русскихъ не только есть литература, да и имѣетъ своихъ *Корифеевъ.*

Пойдемъ далѣ!

«Гр. Языковъ и Хомяковъ, изъ копорыхъ первый есть неоспоримо пошь, пошь испинный, впорой же блистательный пошь выраженія.» Стр. 234.

Теперь о *Жуковскомъ.*

«Конечно многія его піесы, какъ-то Пѣвецъ во спанѣ Русскихъ воиповъ (5), Пѣвецъ на Кремль, Пѣсь Барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей, большая часпъ посянцій, нѣкопорые переводы, какъ на примѣръ, піршество *Александра изъ Драйдена*, бошьшая часть баллады; конечно, все эпю не бошьше, какъ прекрасные спіхи, копорые все-таки въ миллионъ разъ лугше спіховъ г. Бенедиктова; но за Жуковскимъ остаюпся еще его элегіи, романсы, пісни, переводныя и оригинальныя его *Агилль* и Эхова арфа, его переводъ *Іоаннъ д'Аркъ.*»

И пакъ, успокоимся, почпенные мои соотечественники! Соспрадапельный *Висса-*

(4) Злополучнаго между прочимъ и пѣмъ, что г. Надеждинъ далъ волю г. Бѣльинскому публиковать въ немъ на весь Свѣтъ пакія спранныя ідси, какія самъ издапель Моск. Телеграфъ высказывалъ между чепырехъ глазъ и по шопотомъ. — К.

(5) Эпо спіхопвореніе, исполненное благочестивыхъ думъ, высокихъ чувспвованій, эпю геронческаго поэма, въ копорой Жуковскій воспѣлъ освобожденіе опчества опъ чуждаго ига; поэма, сдѣлавшаяся споль драгоцѣнною для побѣдоносныхъ Русскихъ армій, не поэзія.... Поздравляю! Ай-да г. Бѣльинскій! Ура! Виватъ! — К.

рионъ *Блѣвскій* изъ жалости позволяеть намъ
имѣть свою родную липературу!

А. Кораблинскій.

20-го Мая,
1836.

Станція. Торна.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДУША И МОРЕ.

Душа чловѣка—невѣрное море:

Засвѣпишь ли радость—и ясенъ кристалъ,
И блещущъ по безднамъ жемчугъ и коралъ!
Завоешь ли бурей суровое горе:
Всю глубь поколеблешь гигантская мочь —
Вскипишь, почернѣешь, какъ адская ночь;
Запишишь надежды, какъ ушлые чолны;
Чудовищъ свирѣпыхъ со дна возмешетъ;
Запѣнаешь съ судьбою въ бой страшный поидетъ,
И жизнь всю захлещешь сердитыя волны.

Мызниковъ.

CHARADE.

Chez les Grecs autrefois de nombreux spectateurs
Admiraient mon premier dans sa course rapide.
De mon second les attraita séducteurs
Touchent souvent une âme où la vertu réside,
Et pour lui rarement, de ma troisième part,
Met-on en jeu le négatif usage.
Dans mon dernier, toujours fait avec art,
A l'être libre on donne l'esclavage,
Soit sur la terre, ou dans l'air, ou dans l'eau;
Et mon entier, charmant petit oiseau,
Par son emploi, peut se trouver en cage.

MODES.

On ne saurait nombrer toutes les inventions mises en mouvement pour varier le plus possible la couleur et le *mode* de garnitures à employer pour les écharpes. C'est devenu un objet de toilette tellement indispensable pour une femme maintenant, qu'il a bien fallu penser au moyen de le mettre à la portée de toutes les fortunes: aussi en voit-on garnies de hautes bandes de taffetas découpées ou festonnées; d'autres

en tulle uni, ourlé ou bordé d'une très basse dentelle; d'autres avec des franges, c'est ce qu'il y a de plus léger et de mieux pour remplacer la dentelle. Les écharpes en mousseline blanche, doublées ou non doublées en taffetas blanc ou de couleur, sont de la dernière élégance. On les garnit en point d'Angleterre ou d'Alençon, les plus simples en tulle brodé. Les tabliers sont toujours en vogue chez soi; on les fait d'une telle élégance, que, pour les demi-soirées, les maîtresses de maison les gardent sur des robes d'organdi. On en voit de fort jolis dont les lez ne sont pas cousus, mais simplement assemblés par quatre nœuds de rubans de couleur tranchante.

Pl. No 20. Redingote de drap noir anglais.— Gilet poil de chèvre brodé en laine.— Pantalon peau de taupе à côtes.— Chapeau de pou de soie fleurs.— Redingote de mousseline brodée de dentelle.— Châle crêpe de chine.— Ombrelle, passage des panoramas.

МОДЫ.

Нельзя исчислить всѣхъ напряженій изобрѣтательныхъ умовъ, чпобъ разнообразить цвѣта и способъ опдѣлыванія шарфовъ. Этого предметъ сдѣлался нынѣ столь необходимъ для дамскаго наряда, что надо было придумать, какъ приспособить употребленіе его ко всякому состоянию: опъ того виды нѣкоторыя, обширныя просто широкими пафляными оборками, вырѣзанными или вышитанными городками; другіе гладкіе плюшевые, подрубленные или обширныя узенькимъ кружевомъ; также съ бахрамою, это всего легче и всего приличнѣе для замѣщенія кружева. Бѣлыя кисейныя шарфы, подложенныя или неподложенныя бѣлою или цвѣтною пафлюю, оплично щеголеваты. Ихъ обшивають Англійскими кружевами или *point d'Alençon*, простѣе вышитымъ плюшемъ. Передники для дома продолжаютъ бытъ въ большомъ употребленіи; ихъ дѣлають такъ щеголеваты, что, для полу-вечеровъ, хозяйки дома остающія въ нихъ съ плащями органди. Видно чрезвычайно красивыя съ несшитыми полошницами, а просто схваченными чепырьми бантами изъ лентъ яркаго цвѣта.

Карп. No 20. Рединготъ изъ чернаго Англійскаго сукна.— Жилетъ изъ козьяго пуху, вышитый шерстью.— Кожаныя панталоны.— Шляпка изъ pou de soie fleurs.— Кисейный рединготъ съ кружевами.— Шаль изъ Кипайскаго крену.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 57.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ моды, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюля 15 дня 1836 года.

Какъ схожъ порпуреть Климены!
Его не узнають однѣ лишь полько спѣны;
Несходство-жь полько въ помѣ, чпо онъ всегда молчишь,
Но подлинникъ за двухъ довольно говоришь.

П. Сумароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

МАЛЕНЬКІЯ НЕЩАСТІЯ ЖИЗНИ.

Написано много толстыхъ и даже умныхъ книгъ о тѣхъ маленькихъ непріятностяхъ жизни, которыхъ, повпоряясь ежечасно, могутъ назваться совершенными нещастіями—или, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту кажутся намъ несперными.

Напримѣръ: я не знаю ничего несноснѣе какъ жить съ человѣкомъ, который имѣетъ привычку сидѣть послѣ обѣда прошивъ васъ и по цѣлымъ часамъ болтать ногою, положи ея на колѣно другой ноги.—Одинъ изъ пріятелей моихъ умеръ коликою опъ того, чпо дядя его, съ которымъ онъ жилъ, безпрестанно болталъ ногами и мѣшалъ его пицеваренію. Дядя эпомъ конечно былъ добрый человѣкъ, и не желалъ смерти племяннику, которому завѣщалъ 40,000 рублей годового дохода; но со всемъ тѣмъ онъ не только пережилъ, но уморилъ его.

Другое, не менѣе несносное нещастіе, еспъ чрезвычайная грязь на улицѣ, погда какъ вамъ надобно спѣшить къ назначен-

ному свиданію—и широкій сапогъ, который, безпрестанно вертясь на ногѣ вашей и увязая въ грязи, ежеминутно заспавляетъ васъ оспанавливаясь. Прибавьте къ эпому темную ночь, невозможность нанять извозчика и—для увѣнчанія всего—нещастіе опоздать.

Большая шакже бѣда имѣть густые усы, когда ѣшь рыбу на большомъ и церемонномъ обѣдѣ. Вы чувспвуете чпо-то во рту; эпо коспочка. Тихонько вынимаете ея—но она оспаеетъ у васъ на усахъ и вцѣпляетъ въ нихъ; вы хопите опорвать ея, но вырываете клочокъ усовъ, чпо заспавляетъ васъ морщиться опъ боли; попомъ она попадаетъ вамъ подъ носъ, щекочитъ его и заспавляетъ васъ чихать въ парелку. Эпо въ одно время и неловко для васъ и непріятно для сосѣдей вашихъ.

Большое злопслучіе, когда любимая вами женщина—охотница писать письма, или когда дымится печь въ вашей комнатѣ.

Великое нещастіе, когда воропникъ рубашки вашей слишкомъ перекрахмаленъ и царапаетъ вамъ шею.

Трепье великое несчастіе, спрадая насморкомъ, ѣхашъ куда нибудь далеко, и дорогою вспомнишь, что вы забыли носовой платокъ свой.

Наконецъ, величайшее изъ всѣхъ вѣпоркласныхъ несчастій человѣчества есть, по моему мнѣнію, имѣть искренняго и вѣрнаго пріятели, который надписываетъ письма свои къ вамъ: Г-ну *Киру*, когда вы называетесь *Карръ-Госселель*, или васъ зовутъ *Госланоль*,—или *Суллеру* вмѣсто *Сулль*, и, сверхъ того, внизу пакета прибавляетъ—*погтенно му литератору*.

Т.

КАРМАНЫ ЗАМѢНА ПЕРЧАТКАМЪ.

Актеръ *С.*, представляя Французскаго маркиза въ одной комедіи, приносилъ жалобу репертуарному начальнику на костюмера, который не приготовилъ ему перчатокъ: «Прикажете мнѣ ихъ выдать,» говорилъ *С.*—Какъ вамъ не стыдно хлопотать о такой бездѣлицѣ!—сказалъ репертуарный начальникъ: да вы, играя вашу роль, спрячьте руки въ карманы: никто и не догадается, что у васъ нѣтъ перчатокъ.

ВЫСОКОЕ МНѢНІЕ О МЕДИЦИНѢ.

Малуэнъ, извѣстный врачъ въ Парижѣ, былъ столь высокій почтитель *Иппократовой* науки, что часто говаривалъ: «смерть *Мольера* есть справедливое наказаніе за неуваженіе къ медицинѣ.» Увидя однажды, что больной принималъ отвратительнѣйшее вкусомъ лекарство безъ гримасы, произнесъ онъ съ чувствомъ: «милосливый государь, вы достойны быть больнымъ!»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДЯДЯ ИЗЪ АМЕРИКИ.

(Окончаніе.)

Эрнестъ вѣль мало и былъ погруженъ въ глубокое размышленіе.

Между пѣмъ пракпирный слуга вошелъ съ Брисскимъ сыромъ.

Вдругъ *Эрнестъ* изо всей силы ударилъ кулакомъ по столу, какъ человекъ, озаренный какою нибудь внезапною идеею, улыбнулся, взглянулъ на дядю, и, съ презрѣніемъ ополкнувъ парелку съ сыромъ, закричалъ:

«Мальчикъ! сей часъ давай сюда куропапокъ съ трюфелями, Брюсельской капусты, салату, индѣйку и бушылку Шампанскаго.»

Мальчикъ опъ удивленія разинулъ ротъ, а дядя пожалъ руку племяннику.

Послѣ завпрака *Эрнестъ* повелъ госпя своего въ наняшую имъ наканунѣ для него квартиру, и, поручивъ его попеченіямъ хозяйки, пошелъ самъ за его чемоданомъ,—помомъ къ поршному, у котораго купилъ готовое платье, чтобы дядя его могъ быть поспѣшь прилично одѣтымъ.

«А! любезный дядюшка!» говорилъ онъ, самъ съ собою ввечеру, входя на чердакъ свой: «славно же ты пошупилъ надо мною! Да и кто бы не обманулся! Но эта булавка съ солиперомъ, которую ты такъ неосторожно выставилъ, измѣнила лѣбъ... Ты хотѣлъ испытать меня, почтенный *Генрихъ*—и самъ попался въ просакъ.»

«Да и я дуракъ, какъ я прежде не догадался! Во-первыхъ бѣдный человекъ не согласился бы съ такою радостію нанять квартиру по 100 франковъ въ мѣсяцъ, а напрошивъ того, съ ужасомъ бы отказался отъ неѣ;—во-вторыхъ въ одеждѣ его слишкомъ было много напаяжкы; человекъ раззорившійся не нищій; на немъ платье можетъ быть поношено, но не въ лоскутьяхъ—не рублище! Не понимаю, какъ это не поразило меня съ перваго взгляду. Припомъ, гдѣ былъ у меня разумокъ, чтобы не понять, что въ Америкѣ не ходятъ въ шубахъ, да еще Польскаго покроя!... Ну, дражайшій дядюшка, эта Польская шуба не дѣлаешь чести вашему избобрѣпательному уму.... Польская шуба!... ха! ха! ха!... Какой же я гусь!.. Что мнѣ поспѣшь не пришло эпаго въ голову!»

На другой день поутру *Эрнестъ* пришелъ къ дядѣ.

«Чего вы ищете, дядюшка?»

—Такъ, ничего! вопъ, не знаю куда дѣвалась булавка, коѳороу я обыкновенно зашпиливаю рубашку.—

«И это для васъ ничего!... Солиперъ обыкновенной величины!...»

—Какой солиперъ! просно хрусталь.—

«О! это невозможно!»

—Какъ невозможно? Хочешъ ли биться объ закладъ, что эта сущая правда?... А! нашель! вопъ она въ пепелъ камина!—

Они пошли къ ювелиру. «Это простое стекло,» сказалъ онъ, и обдѣлано въ мѣди.

Черезъ недѣлю послѣ шого дядя Эрнеста принялся въ прикащики къ одному банкиру за 1,800 франковъ въ годъ — и безъ памяти былъ радъ такому щаспію.

Т.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛЬ-РЕКЕТМЕЙ-СТЕРА АРКАДІЯ ИВАНОВИЧА ТЕРСКАГО.

Полководцы защищаютъ Отечество отъ внѣшнихъ и внутреннихъ нападений враговъ; государственные люди оберегаютъ душу Отечества: душу, заключающуюся въ правосудіи, порядкѣ, въ пожертвованіи собою пользамъ общественнымъ; наконецъ, живоотвормую плѣмъ *добросердечіемъ*, безъ котораго всѣ качества государственныхъ людей, какъ будто бы для нихъ только существуютъ. Не всѣхъ просителей можно удолетворить; но каждаго можно утѣшить ласкою и привѣтливостію. Слова искреннаго доброжелательства переселяются въ души людей, прибѣгающихъ къ покровительству распорядителей ихъ жребія. Симвъ крошкимвъ голосомъ, чиновникъ государственный можетъ осушить слезы вдовъ и сиротъ; примирить съ надѣждоу бѣдныхъ опцовъ и матерей: разсѣять мракъ ихъ скорби на день, на два, на нѣсколько дней. А и сего уже иногда довольно въ сей жизни скоротечной, гдѣ слабый и сильный; — гдѣ всѣ на шагъ отъ темной могилы, приѣмлющей въ нѣдра свои и покровителей и просителей.

«Торопитесь дѣлать добро! поропитесь дѣлать добро не *завтре*, но *нынѣ*!»

Такъ говорилъ великій полководецъ Суворовъ; такому же слѣдовалъ правилу современникъ и искренній его почитатель государственный чиновникъ Аркадій Ивановичъ Терскій, ходатай за утѣсненныхъ въ царствованіе *Екатерины Второй*, сей милосердой матери народа.

Добросердечіе есть основаніе всѣхъ превосходныхъ качествъ людей государственныхъ: *добросердечіемъ* украшались всѣ дѣянія Терскаго, сплывшаго на неусыпной стражѣ къ защитѣ слабыхъ и невинныхъ.

Жизнь Терскаго не обильна чрезвычайными происшествіями; мирно пропекали дни его, посвященные Отечеству и Престолу. Безмятежными пупами переходилъ онъ отъ одного званія къ другому: и каждый переходъ его службы ознаменовывался новыми заслугами. Мирная его жизнь сопровождалась долготпѣемъ, изъясляющимъ, что не упражненія, но порывистыя спраспи преждевременно изнуряютъ жизнь челоѳеческую.

Аркадій Ивановичъ Терскій родился 1732 года; вступилъ въ службу 1744, вышелъ въ отсѣавку 1796, а умеръ 1815 года. Сіе одно изложеніе лѣтъ показываетъ, какихъ много различныхъ и необычайныхъ происшествій былъ онъ свидѣтелемъ! Переходя различныя степени служенія, онъ увѣнчивался и новыми наградами, всегда ожидающими въ Россіи ревностныхъ, постоянныхъ и праводушныхъ чиновниковъ. Въ Отечество нашемъ *порода* не преграждаетъ пупей ни къ чему; личныя достоинства и заслуги ведутъ ко всѣмъ преимуществамъ. Смыло можно сказать, что ни въ одномъ изъ такъ называемыхъ *вольныхъ правительствъ*, не существовало такихъ преимуществъ, прибрѣтаемыхъ личными заслугами, какъ въ Россіи. Славенъ былъ въ древнемъ Римѣ Цицеронъ; его именовали *отцомъ отечества* и *красноречивъ*; но гордые Римскіе вельможи, жившіе въ республикѣ, не могли забыть, что Цицеронъ происходилъ не изъ дворянскаго поколѣнія. Въ Россіи всѣ замѣняются истинными и личными достоинствами. Обладаю-

щій ими спановиися на ряду съ древними дворянскими родами, въ число которыхъ включается онъ Успавами Самодержавной власти, взирающей не на лица, но на достоинства и на заслуги Опечеспву.

Слѣдующая грамота, данная *Терскому* въ 1785 году, непреложно о томъ свидѣльствуетъ.

«Объявляемъ всѣмъ вообще и каждому особливо чрезъ сію Нашу жалованную грамоту,» вѣщаетъ *Великая Екатерина*: «что хотя Мы по Самодержавной отъ Всемогущаго Бога Намъ данной Императорской власти и по природной Нашей милости и щедрости всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ честь, пользу и приращеніе Всемилостивѣйше всегда защищаемъ и споспѣшествовать имъ желаемъ; однакожь наипаче къ тому склонны, чшобъ лѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ и ихъ роды честью, достоинствомъ, такожь и особливою Нашею милостию по ихъ сословію награждать, повышать и надлежащими преимуществами жаловать, во оныхъ подтверждать, которые по всегдашней своей къ службѣ Нашей ревности Намъ и Государству Нашему особливия предъ прочими услуги и вѣрность показываютъ.

«А извѣстно Намъ, что нашъ вѣрноподанный дѣйствительный камерскій совѣтникъ, правящій должность генералъ-рекепмейстера и кавалеръ ордена святаго равноапостольнаго князя *Владимира* препѣйшей степени *Аркадій Терскій* въ службу вступилъ въ 1744 году, въ 1758 году по опредѣленію Сената Нашего написанъ въ Дворянской списокъ и пожалованъ коллежійюнкеромъ, въ 1760 коллежскимъ секретаремъ, въ 1763 секретаремъ капитанскаго чина, въ 1765 сенатскимъ секретаремъ, въ 1769 надворнымъ совѣтникомъ, въ 1775 сената оберъ-секретаремъ, въ 1780 опредѣленъ въ должность генералъ-рекепмейстера и пожалованъ камерскимъ совѣтникомъ, въ 1784 году дѣйствительнымъ камерскимъ совѣтникомъ и во всю его продолжаемую службу оказывалъ пщаніе, прудолубіе и и прилѣжность, за что Мы въ знакъ Нашего къ нему благоволенія въ 1783 году 22 го Сентября пожаловали и орденомъ святаго Равноапостольнаго князя *Владимира* впорой

спешени; но какъ онъ на дворянское достоинство жалованной грамоты и герба не имѣетъ, по Мы, въ воздаяніе ревностныхъ его дѣйствительнаго камерскаго совѣтника и кавалера *Терскаго* заслугъ, такожь и по Нашей Императорской склонности и щедрости, кшпорою Мы для награжденія добродѣтелей ко всѣмъ Нашимъ подданнымъ имѣемъ и по дарованной Намъ отъ Всемогущаго Бога Самодержавной власти, Всемилостивѣйше соизволили помянушаго Нашего дѣйствительнаго камерскаго совѣтника и кавалера *Аркадія Терскаго* въ вѣчныя времена, въ честь и достоинство Нашей Имперіи Дворянства, равно обрѣпающемуся въ Нашей Всероссийской Имперіи царствахъ, княжествахъ и земляхъ прочему дворянству возвести, поспановиши, пожаловать и подтвердить, яко же Мы симъ и силою сего его *Терскаго* въ вѣчныя времена въ честь и достоинство Нашей Имперіи дворянства возводимъ, поспановляемъ и жалуемъ, и въ число прочаго Всероссийской Имперіи дворянства такимъ образомъ включаемъ, чшобъ ему и попомспву его по нисходящей линіи въ вѣчныя времена всѣми пѣми вольностями, честью и преимуществомъ пользоваться, которыми и другіе Нашей Всероссийской Имперіи дворяне по Нашимъ правамъ, учрежденіямъ и обыкновеніямъ пользуются.»

Съ 1780 года въ званіи генералъ-рекепмейстера или *ходатая* за *утпсненныхъ*, *Терскій* сдѣлался по своей часпи неусыпнымъ сопрудникомъ *Екатерины второй*, о которой *Долмоносозъ* сказалъ:

«Твой прудъ для насъ обогащеніе;
Мы чшимъ стѣною подвигъ пвой;
Твой разумъ наше просвѣщеніе,
И неусыпность намъ покой.»

При первомъ извѣстіи о жребіи припсненныхъ или почипавшими себя пиковыми, *Терскій* немедленно пребоваъ дѣло, и занимался изслѣдованіемъ онаго съ *Маперью* народа.

Екатерина, научавшая Государей царствовать; *Екатерина*, знакомая со славою героевъ: сія незабвенная Царица и на поприщѣ защиты правоты и невинности, пода-

вала примѣръ своему рекетмейстеру и какъ будто бы спорила съ нимъ въ неусыпности сего пруда. Собственноручныя ея записки къ *Терскому* служатъ тому доказательствомъ. Однажды писала Она къ нему:

«Возвратите ко мнѣ экспракты мои, кои я вамъ опдала при заготовленныхъ Указахъ, кои вы вчерашній день возвратно вручили и прикажите для меня списать: опредѣленіе Волчиннаго Департаментна по дѣлу *Чевкиныхъ*; оно мнѣ нужно при моей работѣ.»

Въ другой запискѣ начерпала она сія слова: «Прошу выправиться о семъ дѣлѣ (*); и чьей рукой написано письмо, и мнѣ доложить при первомъ случаѣ.»

1787 года Сентября 14, получа прошеніе отъ подпоручицы *Напальи Лошковой*, Государыня препроводила къ *Терскому* сію незабвенную записку: «посмотрите, подлинно ли она обижена и доложите мнѣ.»

Я уже сказалъ, что въ *вольномъ Римѣ* щитались родами; да и у насъ во времена *льстиваго* происходили вредные о томъ споры. Но въ новомъ Россійскомъ Самодержавіи, личныя заслуги идуть рядомъ съ древностію рода, и нерѣдко заимѣваютъ, если знаменитыя славными подвигами не поддерживаются первобытнаго блеска. Первоспешенные вельможи двора *Екатерины* совѣщались о дѣлахъ своихъ съ *Терскими*, и полагаясь на его опыты, пребывали его мнѣнія.

Княгиня *Екатерина Романовна Дашкова* въ Іюль 1793 года писала къ нему: «М. г. *Аркадій Ивановичъ!* По дружескому и милоспивому вашему обѣщанію даю мнѣ наспавленіе, извините, ежели я симъ ваше превосходительство затрудняю, включая при семъ двѣ копіи, кои я доспала съ производимыхъ дѣлъ. 1-я О деньгахъ, коими мнѣ *Юревичъ* по *Бѣлорусскимъ* моимъ деревнямъ должнымъ состоитъ. Великодушная Государыня не желаетъ пого, чтобы частной человекъ перялъ безвинно собственность свою. 2-я По записи *Настасьи Михайловны* о слободѣ *Чернявкѣ*. Я полагаюсь во всемъ на совершенное ваше знаніе въ законахъ и разумъ вашъ.

(*) Существо дѣла не означено.

Покорнѣйше прошу сдѣлать одолженіе; разсмопрѣть оныя и приказать написать ваши примѣчанія, или лучше сказать, ваши мнѣ предписанія, что мнѣ въ семъ случаѣ дѣлать: опозваться ли въ Сенатъ или просить Ея Величество чрезъ васъ, какъ генераль-рекетмейстера?»—

За годъ до кончины своей Императрица *Екатерина* пожаловала *Терскому* шестъ сотъ душъ въ *Бѣлорусскомъ* краю.

Съ заслугами ревностнаго чиновника соединялись всѣ награды, не къ поощренію его къ прудамъ, ибо пруды сіи одушевлялись содѣйствіемъ *Екатерины*: но къ засвидѣтельствуванію, что полезный и неусыпный прудъ достоинъ все приобрѣтать.

Не спало *Екатерины Второй*. Сынъ ея, *Павелъ Первый*, уважая службу и пруды *Терскаго*, наградилъ его орденомъ первой степени св. *Анны*.

Терскій вышелъ въ опспавку съ сладостными напоминаніями о томъ, что былъ ходатаемъ за упѣщенныхъ. И съ какимъ наслажденіемъ предспавлялъ онъ себя пѣ часы, когда опиралъ слезы злополучныхъ, когда защищалъ правоту, когда подкрѣплялъ невинность! Сіи несравненныя минуны соспавляютъ второе бытіе друга правоты и защитника упѣщенныхъ. Быспро улепаютъ шумныя упѣхи; припуцляютъ даже и чувствованія, поселяемыя въ сердцахъ громомъ военной славы, если сія слава не сопровождаетъ добродѣтелью. Но ничто не можетъ ослабить въ душѣ безмятежныхъ напоминаній о добрѣ.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ТРИДЦАТИ-ЛѢТНЯГО ЧЕЛОВѢКА.

Говорятъ, что великія мысли исходятъ изъ сердца, малыя изъ него же исходятъ: ихъ мелкость даже служилъ самымъ вернымъ доказательствомъ ихъ происхожденія. *Г. Жа Неккеръ*.

Въ пятнадцатъ лѣтъ я думалъ, что двадцати-пятилѣтній человекъ уже слишкомъ разсудителенъ; въ двадцатъ пять, я смо-

прѣлъ на осьмнадцати-лѣтняго юношу, какъ на ребенка. Теперь мнѣ кажется, что въ сорокъ лѣтъ человекъ долженъ быть еще очень молодъ.

Я замѣпилъ, что лучшей другъ мужчины—женщина. Чтобы увѣриться въ дружбу мужчины, подвергните его испытанію; чтобы положить на любовь женщины, никогда ея не испытывайте.

Прежде я плакивалъ, когда не удавалось быть на балѣ, въ спектаклѣ, на веселостяхъ; пришло время, что и я спалъ разсудительнѣе; теперь ужъ не плачу, за то и веселюсь меньше.

Въ дружбѣ я люблю согласіе, въ любви—противоположности.

Когда влюбляешься, то думаешь, что никогда не перестанешь любить; когда любовь просыпается, то дивишься, какъ могъ любить!

Чѣмъ больше прибавляется вѣсу, тѣмъ больше пріобрѣтаешь опытности; но теряешь мечты. Опытность дѣлаетъ насъ недовѣрчивыми, мечты дѣлаютъ щастливыми: по этому мы больше теряемъ, нежели выигрываемъ.

Когда подумаю обо всѣхъ дурачествахъ, какія дѣлаю въ осьмнадцать лѣтъ, и для такихъ предметовъ, которые не стоили, чтобы для нихъ дурачиться, — то иногда и потужу. Когда вспомню, съ какимъ удовольствіемъ ихъ дѣлывалъ: то право не хотѣлъ бы спать умнѣе и началъ бы съизнова.

Въ пятнадцать лѣтъ я бѣгивалъ и весело прогуливался по кладбищамъ. Въ двадцать лѣтъ, прогуливался, только не бѣгивалъ, и теперь иногда брожу тамъ задумавшись. Черезъ нѣсколько лѣтъ, я конечно стану ходить туда рѣже. Когда же соспарюсь, то вѣрно выберу себѣ для прогулки другое мѣсто.

Для меня очень понятно, что можно наскучить балами, театромъ и игрою; непонятно, какъ можно наскучить любовью, чтеніемъ и музыкой.

Въ двадцать лѣтъ, мнѣ казалось, что съдые волосы дѣлаютъ ужасно старымъ; те-

перь, мнѣ кажется, что это ни сколько не переменяетъ лица, тѣмъ больше, что, за нѣсколько мѣсяцовъ, я нашелъ ихъ много у себя на головѣ.

Пріобрѣтая опытность, мы цѣнимъ по настоящему достоинству пустыя обѣщанія, слова и клятвы мужчинъ; слушая, не всегда вдаемся въ обманъ обѣщаній, клятвъ и мѣдовыхъ рѣчей женщинъ.

К. Х—ва.

УТРЕННІЙ ПРАЗДНИКЪ.

Утренніе праздники чрезвычайно пріятны и сверхъ того выгодны для молодыхъ, свѣжихъ красавицъ, которыя еще не боялись нескромности дневнаго свѣта; которыхъ лицо не имѣетъ ни одной морщинки, волосы ни одного серебрянаго волоска. Для такихъ красавицъ, небо всегда ясно, луга вѣчно зелены—и праздникъ за городомъ исполненъ очарованія. Всѣ онѣ повторяютъ съ улыбкою удовлетвореннаго самолюбія, что ничего не можетъ быть прелестнѣе *утреннего бала*.

Это, вѣроятно, говорила не одна красавица на утреннемъ праздникѣ, данномъ на этихъ дняхъ посломъ *Аппони*.—Весь Парижскій модный Свѣтъ былъ на немъ, и можно сказать, что это многочисленное общество составлялось рѣшительно изъ однихъ только молодыхъ и прелестныхъ дамъ и дѣвушекъ; однако-же и всѣ значительные люди нашего времени были приглашены на праздникъ г. *Аппони*; но могущество знатности, легко въ этомъ случаѣ уступаетъ могуществу красоты, и въ саду, гдѣ танцуютъ, мы больше смотримъ на женщинъ и наряды ихъ, нежели на знаки, отличающіе вельможъ и искусныхъ дипломатовъ.—Милая хозяйка заслужила одобреніе госпней своихъ своею непринужденною любезностію, внимательною прослопою обращенія, и пою тонкою смѣливостію, съ которою она умѣетъ угодить каждому особенно—и доставить удовольствіе всѣмъ вообще. Госпроины хвалили холодный завтракъ, поданный послѣ танцевъ; но мы болѣе всего были увле-

чены очарованіемъ эшаго волшебнаго сада, украшеннаго рѣдкими цвѣтами, и прекраснѣйшими женщинами въ свѣтѣ. Платья и уборы ихъ согласовались съ праздникомъ, который вѣроятно не скоро изгладится изъ памяти моднаго Парижскаго общества.

T.

СТРАННЫЙ ПОЕДИНОКЪ.

Какихъ не случалось странныхъ поединковъ на эшомъ свѣтѣ; однакожъ такого, какой мы здѣсь описать намѣрены, слухомъ не слышано, видомъ не видано!

Двѣ Англичанки-красопочки, изъ ревности, вышли на дуэль, но не на сабляхъ, не на шпагахъ, не на пистолетахъ. Они выбрали для эшаго орудіемъ пожарныя ручныя трубы, налили ихъ горячимъ щелокомъ—и, при спеченіи многолюдной публики, до пѣхъ поръ поливали одна другую, пока одна изъ поединницъ не призналась побѣжденною и не попросила пощады. Щелокъ лилъ съ нихъ, какъ съ лягавыхъ собакъ, только что вышедшихъ изъ болопа.

ОТКРОВЕННОСТЬ ДИТЯТИ.

Маленькой сынъ одного пракирщика увидѣлъ, что гость подливаетъ воду въ вино. «Остановишесь! что вы дѣлаете?» вскричалъ онъ съ жаромъ: «это не нужно: бапюшка мой ужъ и такъ довольно подлил воды!»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

85.

Очень пріятно получать иностранныя газеты въ такомъ захолустьѣ, въ какое судьба зашвырнула меня. Я живу не такъ далеко отъ Писера, да въ такой дикой споронѣ, что кромѣ кораблей, и тѣ издали, да рыбачьихъ челновъ, да пустынцаго моря, ничего и никого не вижу,—а именно въ 15-ти верстахъ за Ораніенбаумомъ. Очень пріятно, ей Богу, право, въ такой глуши получать извѣстія о томъ, что въ блдомъ свѣ-

тѣ пворится. Признаюсь, я не охотникъ до ужаснаго; пропускаю мимо ушей извѣстія о кровопролитныхъ сраженіяхъ, о разбояхъ и самоубійствахъ, о грабежахъ и зажигательствахъ,—а люблю веселые анекдоты о женахъ, которыя обманываютъ мужей; оспроумныя шутки лоскупницъ и салоппницъ; анекдоты о порпныхъ и сапожникахъ; но всего пуще люблю пѣтушью драку и ссоры между журналистами. Живописки, право, надорвешь со смѣху!

Вотъ еще недавно въ Quaterly Review писнуто письмо изъ Опайпи, презаманчивое, прегаланперейное. Я вамъ вкратцѣ разскажу его содержаніе.

«Одинъ Опайпскій журналистъ чрезвычайно загордился передъ своею собратіею, поднялъ носъ на 90 градусовъ, и спалъ почъ въ почъ Индѣйскій пѣпухъ съ брыжами, началъ обо всемъ судить и рѣдить, задиралъ пѣхъ, кто постарше его бабушки, и подпрунивать надъ пѣми, кто его умнѣе, выказывать свою ученость передъ пѣми, которые учились и прилежиѣе и основательнѣе. Надоѣло, наконецъ, такое хвасповство его поварицамъ. Вотъ они уговорились поколотить его.

На бѣду его, въ одно воскресенье, когда сердитые на своего спѣсиваго собрата журналисты уже были на-веселѣ отъ Английскаго джина, вспрыпились они съ нимъ въ королевской кокосовой роцѣ. Одинъ началъ пузить его по головѣ, другой подъ сердце: журналистъ не охнулъ. И не чудно! Випъ у него мѣдный лобъ, а вмѣсто сердца природа сунула ему камень за пазуху.

Тутъ одинъ старый газетчикъ (правленый волкъ!) догадался и ударилъ по карману: заревѣлъ скряга, какъ быкъ, котораго рѣжутъ; откуда взялся голосъ у него.

Ихъ обспунила толпа зѣвакъ—и сцена кончилась всеобщимъ хохотомъ.»

Павелъ Смирновъ.

Юля 3

1836.

Мыга Грюеносельдъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЭПИГРАММА.

Ты, брашець, правъ въ своихъ словахъ:
Ты почно геній... въ дуракахъ.

Фонъ-Бейеръ.

Въ No 56-мъ, помѣщенная шарада значить: *Chardon-ne-ret.*

M O D E S.

Oh! ma grand'mère, que diriez-vous si vous voyez mes hautes manchettes, mes hauts volans, mes manches presque collantes et mon mantelet noir! Vous me diriez: il faut reprendre les talons, la poudre et les paniers, parce que vous, ma grand'mère, vous ne faisiez pas les choses à demi, et que vous ne comprendriez rien à un esprit *cosmopolite* comme le nôtre, à un esprit qui ne veut pas d'unité et prend à droite et à gauche ce qui lui semble bon, comme les oiseaux sur un cerisier s'en vont becquetant les fruits brillans et mûrs.

Quoi de plus à l'appui de notre éloignement des *spécialités* que cet assemblage du velours et de la paille, que cet ornement de l'hiver avec la coiffure légère de l'été? Voilà une mode qui, toute bizarre qu'elle soit, est une charmante innovation; mais il ne faut employer à cet usage que les velours de couleurs foncées, comme *gros vert, gros bleu, violet, bois*; il faut se garder des nuances *tendres*, et un velours bleu de ciel ou couleur de rose est trivial et commun, autant qu'il est possible de l'être. Les fleurs les plus distinguées, à porter avec ces ornemens de velours, sont: le *chèvrefeuille*, la *violette de Parme*, le *gardenia*, le *laurier blanc*, toutes fleurs peu voyantes. Ce sont les chapeaux de paille d'Italie qui, cette année, ont le privilège d'être les chapeaux habillés, aussi les voit-on d'une finesse admirable.

Nous ne parlerons plus des mantelets qui sont devenus aujourd'hui un objet de nécessité, beaucoup plus que de mode; on les porte maintenant comme un joli châle d'été, dont la légèreté n'incommode point pendant les chaleurs; mais la multiplicité provenant justement de leur commodité a donné lieu à plusieurs innovations qui voulaient sortir de la route tracée. Parmi ces nouveautés, nous citerons comme les plus heureuses *les écharpes mantelets*, en filet fait à la main de soie grenadine; on les garnit d'une dentelle noire. Leur élégance, jointe à la transparence du travail, qui

laisse apercevoir d'une manière si gracieuse la forme de la taille et la couleur de la robe, en font un des plus jolis accessoires de la toilette d'une femme, qui désire se mettre avec goût et distinction.

M O D Ы.

О, бабушка! чпобы вы сказали, увидѣвъ мои широкія манжеты, мои широкія оборки, мои рукава почши въ обтяжку и мою черную манпилью! Вы бы мнѣ сказали: надо принялся за каблучки, пуару и фижмы, потому что вы, бабушка, ничего не дѣлали въ половину, и что вы никакъ бы не поняли нашего космополитскаго духа, кошорый не хочетъ единства, а беретъ справа и слева, что ему нравится, какъ пшпцы на вишняхъ клюють спѣлые и блестящїе плоды.

Что болѣе можешь служишь подтвержденїемъ нашей склонности къ общему, какъ это смѣшенїе бархана съ соломой, это зимнее украшенїе съ легкимъ лѣтнимъ уборомъ? Волѣтъ прелестное нововведенїе, какъ оно ни странно, но для этого можно употреблять только барханъ темно-зеленый, синий, фиолетовый, деревяннаго цвѣта; надобно осперегаешься нѣжныхъ цвѣтовъ, и свѣтло-голубой или розовый барханъ обыкновененъ какъ нельзя болѣе. Приличнѣйшіе цвѣты съ этими барханьными опдѣлками: каприфолїй, Пармская фиалка, gardenia, бѣлый лавръ, все не слишкомъ замѣтные цвѣты. Нынѣшній годъ Италїанскїя соломенныя шляпы имѣють привилегїю быть нарядными шляпами, и потому естъ необыкновенно спонкїя.

Мы не будемъ говорить о манпильяхъ, сдѣланныхъ необходимою болѣе, нежели модной вещью; ихъ носятъ теперь какъ красивый лѣтній плашокъ, кошораго легкость не пнягопншь въ жары; размноженїе ихъ, произшедшее дѣйствительнo оиъ удобствa, подало поводъ ко многимъ нововведенїямъ, выходящимъ изъ проложеннаго пути. Между сими новостями мы упомянемъ о самыхъ удачныхъ. Шарфы, манпильи, филейные изъ тренадионаго шелку; ихъ обшивають чернымъ кружевомъ. Ихъ щеголеватость и прозрачность, оспавляющая на виду шалїю и цвѣтъ платья, дѣлають изъ нихъ одну изъ красивѣйшихъ принадлежностей шуалета дамы, желающей одѣться оплично и со вкусомъ.

(Окончанїе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 58.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 18 дня 1856 года.

Гдѣ сердцемъ отдохнуть могу,
Когда гроза войдетъ?
Другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ,
На помощь не придетъ,

А. Мерзляковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДВА ПАЛЬЦА.

(Посѣсть.)

Въ концѣ небольшой деревни, неподалеку отъ города Тура, по дорогѣ изъ Парижа въ Бордо, споялъ за нѣсколько льтъ назадъ красивый прахпиръ. Домъ, какъ игрушечка, выкрашенъ былъ бѣлою краскою; на воротахъ его качалась пестрая вывеска, а кругомъ простирался довольно большой садъ и отдѣлялъ отъ сосѣдней слободы. — Это былъ удлиненный домикъ, выштукатуренный заполо, съ свѣтло-зелеными ставнями, съ красною кровлею, походивъ на тѣ хорошепкія дачки, которыя украшаютъ живописные берега рѣки Луары, и манилъ издали путешественника. Проѣзжіе, а особливо зажиточные купцы изъ Тура и Бордо, почти никогда не миновали его.

Внутренность дома отвѣчала его наружности. Верхнее жилье отдавалось въ най-

мы, а внизу была сподовая и кухня съ большимъ очагомъ, раздѣленная между собою коридоромъ, который шелъ отъ самаго входа. — При этомъ вездѣ царствовалъ порядокъ и чистота удивительная.

На кухнѣ этого прахпиря, въ одинъ сырой и дождливый вечеръ, въ Ноябрь 1818 года, сидѣлъ у очага честный г. *Эбрардъ*, съ премія дѣпмы и сосѣдомъ, пришедшимъ навѣстить его. Они разговаривали о своихъ дѣлахъ, поглядывая на свѣтлый огонѣкъ, который прещалъ, вспыхивалъ, и вѣялъ имъ отъ испуда пріятною теплою.

«Господи, какой дождь!» сказалъ г. *Эбрардъ* по долгомъ молчаніи: «Вотъ уже прое сутокъ какъ онъ льетъ безпрестанно; а погода, кажется, еще и не думаетъ перемениться. Я смотрѣлъ сегодня на облака. Все это проклятый западный вѣтеръ, а на небѣ черно, какъ въ печной трубѣ. Чортъ ли понесетъ кого по большой дорогѣ въ эту непогоду! За то во всѣ три дни не заѣзжало къ намъ ни души. Эй, *Луиза*, сбѣгай, на погребъ и принеси намъ бушылку

добраго вина. Ты знаешь, пого, что спойшь въ дальнемъ углу, у самой спѣны.»

При этомъ приказаніи, данномъ грубымъ и повелительнымъ голосомъ, *Луиза* вспрепенулась, какъ бы пробудясь отъ сна, или отъ какой нибудь глубокой думы. Она сперва посмотрѣла съ недоумѣніемъ на пракпирщика, потомъ вдругъ образумившись, вспомнила о его приказаніи и, не сказавъ ни слова, вышла изъ горницы.

Если бы кто нибудь видѣлъ эту молодую дѣвушку, въ то время, какъ она засвѣчала фонарь, шла на погребъ и потомъ возвращалась съ бутылкою вина: поэтъ бы вѣрно пораженъ былъ странною неподвижностію ея фizioноміи, и необыкновенною блѣдностію лица ея — и конечно принялъ бы её за мраморную статую. Въ самомъ дѣлѣ она походила на прекрасную статую, съ нѣжными чертами, съ прекрасными формами, но безъ души, безъ жизни и даже почти безъ движенія.

Вотъ отъ чего г. *Эбрардъ* безпрестанно кричалъ на неё, бранилъ, или оскорблялъ её грубыми своими шутками. Г. *Эбрардъ* былъ не отецъ *Луизы*. — Она родилась отъ богатого купца, который умеръ, раззорясь отъ долговъ, и ея мать вышла за г. *Эбрарда* для того, чтобы имѣть покровителя себѣ и дочери.

«Ну, ну! двигайся проворнѣе!» закричалъ пракпирщикъ, увидя *Луизу*, возвращавшуюся съ погреба. «Эта дѣвка уморитъ меня своею вялостію... Посмотрите на неё... точно какая нибудь картина, съ полусонными глазами своими и умирающимъ видомъ!»

— Ваше здоровье, г. *Эбрардъ*! — закричалъ сосѣдъ, наливая себѣ рюмку вина.

Въ эту минуточку послучались у воровъ; пракпирщикъ и сосѣдъ вмѣстѣ остановили свои рюмки на полу-дорогѣ ко рпу, а *Луиза* вздрогнула и вскочила съ мѣста.

«Кого чортъ принесъ въ такую пору?» сказалъ *Эбрардъ*. «Это не можетъ быть провѣжій, развѣ запоздалъ дилижансъ.»

Раздался опять стукъ и такъ громко, что спѣны кухни задрожали. Тракпирщикъ

вспалъ съ безпокойствомъ, взявъ фонарь, прошелъ черезъ коридоръ къ наружнымъ дверямъ и, не опирая ихъ, спросилъ: «кто тамъ?»

— Провѣжій... отворите скорѣе! —

«Что вамъ угодно?»

— Какъ что угодно? ужинаю и переночевать... Да отворяй же? —

«Не гнѣвайтесь, сударь!» отвѣчалъ *Эбрардъ*, поворачивая ключомъ въ замочной щели... «Извольте войти. Вотъ видите, сударь, теперь поздно, здѣсь по ночамъ не такъ-то смирно, то мы и боимся пускаемъ къ себѣ всякаго...» При этихъ словахъ онъ сунулъ фонарь свой подъ носъ молодому чело-вѣку, котораго наружность показалась ему не очень подозрительна, отвѣсилъ ему низкій поклонъ, заперъ дверь, взялъ чемоданъ путешественника на плеча, и пошелъ съ фонаремъ впередъ, ведя его за собою въ кухню.

Встряхнувъ свой плащъ, забрызганный дождемъ и грязью, *Фридрихъ* сѣлъ къ очагу пропивъ молодой дѣвушки, которую онъ замѣпилъ еще при входѣ. Первое слово его было спросить ужинаю.

— Я прошу васъ поспѣшить, — сказалъ онъ пракпирщику: потому что мнѣ надобно ѣхать завтра чѣмъ-свѣтъ въ почтовой каретѣ. —

«Сей часъ, сударь. Минутъ черезъ десять всё будетъ готово... Да не лучше ли бы вамъ было, сударь, доѣхать сюда въ дилижансъ, нежели оставлять его, и остановиться здѣсь ночью, чибобы уѣхать завтра рано поуспру? Извините мою нескромность.»

— Вы любопытны, г. пракпирщикъ, или, лучше сказать, вы прусите и всё еще не совсѣмъ успокоились на щепъ мой. Но не бойтесь, семейство мое живетъ въ сосѣднемъ городкѣ. Если бы я поѣхалъ въ дилижансъ, то пріѣхалъ бы туда ночью и разбудилъ бы весь домъ; остановясь же ночевать у васъ, я завтра сяду въ дилижансъ, который отправляется отсюда на разсвѣтъ; пріѣду часовъ въ десять, и такимъ об-

разомъ не обезпкою своихъ домашнихъ.— Ну! увѣрились ли вы теперь, что я не разбойникъ? —

«О! совершенно, сударь!» возразилъ пракпирщикъ немного смѣшавшись опть насмѣшливой улыбки, съ которою молодой чело-вѣкъ опвѣчалъ на его дерзкіе вопросы.

За эпимъ послѣдовало молчаніе, во время котораго глаза *Луизы* и *Фридриха* встрѣчались довольно часпо. Въ сердцѣ молодой дѣвушки происходило что-то непоняпное; лицо ея, всегда блѣдное, вдругъ оживилось яркимъ румянцомъ; между тѣмъ и удивленные взгляды ея высказывали по сильное волненіе души, которое внезапно по-трясло всё существо ея.

Толстый голосъ г. *Эбрарда* возвѣспилъ ужинъ, и вывелъ *Луизу* изъ ея воспорженнаго соспоянія, *Фридрихъ* сѣлъ за споль—и провель за нимъ минушь двадцать.

«*Луиза,*» сказалъ *Эбрардъ*: «зажги свѣчу и проводи господина въ его комнату.»

Бѣдная дѣвушка повиновалась, и *Фридрихъ* пошелъ за нею вверхъ.

«Вы не дочь пракпирщика?» сказалъ *Фридрихъ*, оставшись съ нею наединѣ.

— Нѣтъ, сударь; — опвѣчала она, сильно закраснѣвшись.

«Я бы побожился въ эпомъ; да и кто бы подумалъ пропивное, видя эпичи бѣлыя и нѣжныя ручки, и эпомъ румянецъ, который такъ прелестно оптѣнилъ теперь ангельскія черпы ваши?.... Чпо, у васъ много провзжихъ?» сказалъ онъ помолчавъ.

— Вы одни только сегодня. —

«Сдѣлайте милость, сударыня, скажите какъ зовушь васъ?»

— *Луизою*, сударь. —

И оба замолчали. Спранно! двадцатилѣпній офицеръ, только чпо выпущенный изъ лица, былъ робокъ передъ молодою дѣвочкою, служанкою пракпира!

Но по скромнымъ взглядамъ *Луизы*, по благородной заспвчивости, которая обнаруживалась во всѣхъ поступкахъ ея, *Фрид-*

рихъ увидѣлъ съ перваго взгляду, чпо она не поперпиптъ никакой вольности. И по-тому онъ чувспвовалъ къ ней невольное уваженіе.

— Вамъ больше ничего не нужно, сударь? — спросила она.

«Ничего! Благодарю васъ и желаю вамъ доброй ночи.»

Луиза, не поднимал опущенныхъ черныхъ глазъ своихъ, вышла поспѣшно изъ комнаты и сошла съ лѣспницы, сполыкаясь почти на каждомъ шагу.

Фридрихъ обезумѣлъ и долго въ глубокомъ размышленіи смотрѣлъ на дверь. Наконецъ выпадшая изъ камина головня вывела его изъ задумчивости; четверпи часа совершенно прозаическаго существованія было довольно чптобы охладить его; и онъ только удивлялся, чпо нашелъ въ пракпирѣ такую дѣвспвенную скромность, — но — думалъ онъ, раз-вѣ въ жизни мало неразгаданныхъ загадокъ? Развѣ нѣтъ непоняпныхъ гіероглифовъ, ко-торые еще не прочитаны ни кѣмъ на свѣтѣ?

II.

Луиза, возвращаясь въ кухню, нашла тамъ другаго путешественника. Эпо былъ чело-вѣкъ между 40 и 45 лѣтъ, — большой, силь-ный, съ довольно почпенною наружностью, хотя черные волосы съ просѣдою, гладко лежавшіе на лбу и взглядъ его, немного дву-смысленный, давали ему какую-то Езуип-скую физиономию.

Единспвенный вопросъ, сдѣланный имъ пракпирщику во время ужина, былъ:

— Я одинъ у васъ въ пракпирѣ? —

«Нѣтъ, сударь, возлѣ вашей комнаты но-чуетъ еще одинъ молодой господинъ, кото-рый, кажется мнѣ, чело-вѣкъ порядочный.»

Незнакомецъ задумался—и лобъ его поккры-лъ морщинами.

— Не забудьте, — сказалъ онъ по нѣкото-ромъ размышленіи: разбудить меня завтра ровно въ семь часовъ, потому чпо мнѣ пре-жде двѣнадцати надобно быть въ Турѣ.... Ахъ, да! — прибавилъ онъ, какъ бы спохва-

пившись: я попрошу васъ также нанять мнѣ лошадь, но какъ можно ранѣе.—

При каждомъ его порученіи, *Эрардъ* дѣлалъ головою знакъ, что всё будетъ исполнено; потомъ, подавая *Луизѣ* фонарь, онъ велѣлъ ей проводить приѣзжаго въ пригнотовленную для него комнату.

III.

Фридрихъ легъ, но свѣча еще горѣла на его столикѣ. Волнуемый произведеннымъ надъ нимъ впечатлѣніемъ, онъ не думалъ искать сна и отдохнуть отъ путешествія. Вдругъ какое-то пѣмное вдохновеніе заставило его вспаться, вынувъ изъ жипетнаго кармана ключъ, отпереть чемодавъ свой и достать изъ него саблю, которую онъ положилъ себѣ подъ подушку.

Въ кухню, на старинныхъ часахъ, пробило двѣнадцать, и въ домѣ давно уже всё спали, кромѣ, можетъ быть, одной *Луизы*, которой голова горѣла и которая въ невѣжествѣ своей старалась отгадать причину непонятнаго своего смущенія.

Фридрихъ начиналъ засыпать, какъ вдругъ кто-то пошевелилъ ключомъ въ двери его; онъ проснулся, спалъ прислушиваясь, но, не слыша болѣе ничего, подумалъ, что это ему приснилось во снѣ и скоро заснулъ опять.

.... Спустя нѣсколько минутъ, у дверей опять зашевелилось.... и, на этотъ разъ, *Фридрихъ* ясно слышалъ, что кто-то старался войти тихонько въ комнату. Онъ вспалъ, взялъ свою саблю, и такъ какъ свѣча его погасла, то ощупью дошелъ тихонько до двери и припался возлѣ нея.

Минутъ черезъ пять всё заглохло и *Фридрихъ* думалъ, что ночной посетитель его, найдя дверь крѣпко запертую изънутри на ключъ, рѣшился оставить свое намѣреніе и уйти къ себѣ,—но вдругъ невольнo взглянулъ онъ внизъ, и при лучахъ мѣсяца, ярко свѣтившаго въ окошко, увидѣлъ руку, которая просунулась въ щель между поломъ и дверью, и, толкая её вверхъ, силалась сбить съ петель. *Фридрихъ* со всего размаха ударилъ саблею по этой рукѣ и въ тоже мгновение за дверью тихо застонали, а потомъ

произнесли ужасное проклятіе.... потомъ раздався легкій шумъ шаговъ, который скоро исчезъ въ отдаленіи. На полу лежали два окровавленные пальца.

Фридрихъ подбѣжалъ къ камину, гдѣ было еще нѣсколько горячаго уголья, вздулъ свѣчу и спалъ разсматривать ужасные剖面 побѣды своей. Послѣ перваго удивленія, онъ поднялъ оба пальца—спѣръ съ нихъ кровь плапкомъ своимъ, и вымылъ ихъ водою.

«Какое щасіе, думалъ онъ, что я вздумалъ давича достать свою саблю.»

Онъ принялся приспально разсматривать пальцы.—Ого! говорилъ онъ, да у эшаго разбойника руки должны быть прецегольскія! Какая близна! какъ эти пальцы попки! какіе вычищенные и благородные ногти—кто бы думалъ?

И *Фридрихъ* завернулъ ихъ въ плапокъ и легъ спать такъ хладнокровно и спокойно, какъ будто ничего не бывало. Черезъ четверть часа онъ спалъ уже крѣпкимъ сномъ.

Еще до свѣту практирщикъ пришелъ разбудить его. *Фридрихъ* вспалъ, и, взглянувъ на руки г. *Эрарда*, вспомнилъ о ночномъ своемъ приключеніи, и смѣясь разсказалъ ему, показывая еще невысохшую кровь на полу комнаты. Слушая его, практирщикъ поблѣднѣлъ и чуть не упалъ въ обморокъ; наконецъ, пришедши въ себя, опромѣяно побѣжалъ посмотреть: нуль ли еще былъ незнакомецъ, приѣхавшій въ практиръ послѣ *Фридриха*.

Дверь его была распворена; практирщикъ вошелъ, отдернулъ занавѣсъ, но на кровати не было ни кого. Слѣды крови привели его къ окну, которое онъ также нашелъ открытымъ: онъ взглянулъ въ садъ, тамъ въ грязи видны были глубокіе отпечатки ноги челоувѣческой, которые шли къ большой дорогѣ. Г. *Эрардъ*, при всемъ спрахѣ своемъ, который почти совершенно лишалъ его ума, моръ по всемъ зпимъ признакамъ сдѣлалъ довольно благоразумныя соображенія, и удостовѣрился, что воръ, которому *Фридрихъ* отрубилъ пальцы, былъ не иной кто, какъ провзжій, который почевалъ въ домѣ его.

Трудно описать несчастное положение бѣднаго пракпирщика; однакожь онъ поспѣхъ побѣжалъ въ полицію, объявивъ о случившемся, и дорогою заходилъ ко всѣмъ своимъ знакомымъ, и съ опчаяннымъ видомъ рассказывалъ имъ о драмѣ, которой дѣйствіе произошло въ его пракпирь.

IV.

Около полудня *Фридрихъ* въѣхалъ на дворъ родительскаго дома; его не ожидали, следовательно вспрѣлились съ крикомъ радостнаго удивленія. Хорошая мать обняла его со слезами, молоденькія сестры бросились ему на шею, ласкали и не могли на него налюбоваться.

«Гдѣ же бапюшка?» сказалъ онъ наконецъ, вырвавшись изъ объятій меньшей сестры своей.

— Ты знаешь, — отвѣчала мать, что онъ часто оплучается по дѣламъ; при дня по-тому назадъ, какъ онъ поѣхалъ въ маленькой городокъ, который недалеко отсюда. Сегодня мы ждемъ его домой. —

«Хорошій бапюшка! Что, онъ всё также печаленъ и задумчивъ, какъ прежде?»

— Всё также, другъ мой, — сказала она съ тяжкимъ вздохомъ. Богъ знаетъ что съ нимъ! Точно какъ будто какая нибудь спрашная мысль не даетъ ему покоя. Авось привѣдъ твой развеселитъ его! —

Фридрихъ сълъ — и тогда посыпались тысячи вопросовъ. Мать и сестры хотѣли знать всё подробности жизни его, со времени отъѣзда его изъ дома.

— Не случилось ли съ тобою какой нибудь бѣды дорогою? — спросила мать.

«Бѣда, не бѣда, а большая спрашность; послушайте!»

Онъ рассказалъ имъ, что произошло ночью въ пракпирь. Въ это время, глядя на него, можно было ужаснуться: такъ живо изображалось на лицѣ его всё то, что онъ описывалъ.

«Я позабылъ рассказать вамъ,» продолжалъ онъ, окончивъ повѣсть свою: «что я

привезъ съ собою доказательства моей побѣды; воптъ они.

И онъ вынулъ изъ кармана плапокъ, въ которомъ было что-то завернуто.

Въ эту самую минуту дверь отворилась и вошелъ пожилой человекъ, блѣдный, изпуренный, въ плапѣ, вымокшемъ отъ дождя. Онъ шелъ шапаясь и, казалось, былъ очень боленъ.

«Бапюшка!» закричалъ *Фридрихъ*, и бросился въ его объятія. «Хорошій, любезный бапюшка! Наконецъ мы опять всё вмѣстѣ.... Какое счастье!»

Онъ протянулъ ему руку, но отецъ не принялъ её; пусть *Фридрихъ* замѣтилъ, что рука отца его была обвернута окровавленнымъ полотенцомъ.

«Боже! что это значитъ? не ушиблись ли вы, бапюшка?»

— Нѣтъ!... я раненъ сегодняшнюю ночь; на меня напали разбойники, я защищался и одинъ изъ нихъ отрубилъ мнѣ два пальца; но не безпокойтесь, это ничего. —

Вдругъ маленькая сестра *Фридриха* подняла плапокъ, выпавшій изъ рукъ *Фридриха*, развернула его и вскрикнула отъ ужаса.

— Маленька! тамъ два пальца! —

И всё замолчали — всё окаменѣли; громовый ударъ разразился надъ несчастными; — они поняли, что между ними былъ убійца.

Черезъ часъ послѣ того отецъ *Фридриха* былъ схваченъ и опведенъ въ шюрму.

V.

20 Декабря зала уголовного суда въ Туръ была наполнена зрителями и на лицѣ каждаго изображалось нетерпѣніе и радость. — Какъ не радоваться? Въ этотъ день отецъ семейства долженъ былъ предстать на судъ за то, что покусился на жизнь роднаго сына своего.

Наконецъ вошли судьи и сѣли на мѣста свои, — а отецъ *Фридриха* на скамейку подсудимыхъ, и засѣданіе открылось.

Выслушавъ обвиненіе, главный судья велѣлъ ввести свидѣтелей. *Иоаннъ Антонъ Эбрардъ* былъ позванъ первый.

Иоаннъ Антонъ Эбрардъ, въ первыхъ числахъ текущаго мѣсяца, волею Божіею умеръ.

Тогда вошла молодая дѣвушка въ черномъ плащѣ, закрывая лицо длинною косынкою. Это была *Луиза*.

Она подняла дрожащую руку свою, и на вопросъ: знаешь ли подсудимаго? отвѣчала *нѣтъ*. Несчастная мгла, чѣмобѣ пощадишь опѣца *Фридрихова*.

Отвѣты другихъ свидѣтелей подтверждали пресупленіе; но главнаго свидѣтеля недоспавало. *Эбрардъ* одинъ могъ бы совершенно обличить злодѣя.

Адвокатъ силится доказать, что обвиняемый не ночевалъ въ пракпирѣ въ ту ночь, когда совершилось пресупленіе, потому что служанка пракпирщика, которая одна могла видѣть его, объявила, что она его не знаетъ.—И такъ, мм. гг., сказалъ онъ, заключая рѣчь свою—подсудимый естъ только жертва, но не преступникъ, и раненъ ножомъ разбойника, а не саблею сына его.—

—И въ доказательство того, вопъ чѣмъ сбегать я!—закричалъ кто-то изъ толпы зрителей.

Въ ту самую минузу два пальца уцали на столъ передъ судьями.

Обвинитель и судьи взяли ихъ, разсмотрѣли, примѣрили, и удостоверились наконецъ, чѣмъ они принадлежали лѣвой рукѣ—у подсудимаго же недоспавало пальцевъ на правой.

Черезъ три дни послѣ того *Фридрихъ* умеръ отъ аншонова огня въ лѣвой рукѣ, у которой онъ самъ опрубилъ себѣ два пальца.

Въ слѣдующее воскресенье, въ тотъ часъ, когда туманъ ложился на землю, одна молодая дѣвица, закрывая длиннымъ покрываломъ, пришла на кладбище, спала на колѣна у свѣжей могилы и молилась до самой ночи. На другой день поутру могильщикъ нашель еѣ памъ, но бѣдная *Луиза* лежала на землѣ мертвая.

Т.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ОСОБЫ, ВЫѢХАВШІЯ ИЗЪ ПАРИЖА НЫНѢШНЕЮ ВЕСНОЮ.

(1836).

По случаю наступившихъ несносныхъ жаровъ Парижъ совершенно опустѣлъ, и всѣ наши писатели и художники просидѣлись съ пыльнымъ бульваромъ.

Г. Казимиръ де ла Винъ сочиняетъ новую комедію свою, подъ пѣвную деревъ, осѣнявшихъ нѣкогда *Дюсиса* и *Делиль*.

Г. Викпоръ Гюго окончиваетъ большую драму свою въ *Фуркѣ*, возлѣ замка, гдѣ въ 18-мъ столѣтіи жила графиня *Иудто*—оспроумная пріятельница *Вольтера* и *Жанъ-Жака-Руссо*.

Г. Лѣвъ Веймаръ скачетъ на почтовыхъ по дорогѣ въ С. Пешербургъ.

Г. Делатуишъ живетъ въ Волчьей долинѣ, (valléeaux loups) на Ангьенскомъ озерѣ, или на оплогоспяхъ Швейцарскихъ горъ.—Этого тайна!—

Беранже гуляетъ мечтая въ лѣсу *Фоншенбло*.

Ксавье Сентинъ сочиняетъ водевили и занимается пракпическою философіею въ уединенномъ домикѣ своемъ въ *Вельвилѣ*, а *г. Латуръ-Мезерѣ* занимается разведеніемъ цвѣтновъ въ райскомъ саду своемъ въ *Пигальской* улицѣ.

Г. Александръ Дюма, *Христофоръ Колумбъ* Средиземнаго моря, вдепъ искать на Океанѣ новыхъ путевыхъ впечатлѣній.

Мы еще не знаемъ навѣрное, въ какой странѣ Европы остановится проспѣтъ *г. Бальзака*.

Черезъ нѣсколько дней *г. Ламартинъ*, депутатъ, возвратился къ любезной своей поэзіи и своимъ густымъ деревьямъ въ *Сен-Пуапѣ*.

Горасъ Вернетъ отправился въ С. Пешербургъ, *Меерберъ* къ Баденскимъ водамъ, — а *Россини* въ Германію. Щастливый музыкантъ соединился во *Франкфуртѣ* съ пятью братьями *Ротшильда*, которые съѣхались туда на свашьбу *г. Мюнеля*—*Ротшильда* Лондон-

донскаго, съ его Неаполипанскою родспвенницею. Приданое невѣспы, и имѣніе жениха, соспавляютъ вмѣспѣ 5 миліоновъ. Богатспво же всѣхъ брагпьевъ *Ротшильдоеъ* проспвращспся слпшкомъ до 500 миліоновъ.

Т.

ШЕФЕРОВЪ ПАМЯТНИКЪ.

Торжеспвенное обновленіе колосальной спатуи *Петра Шефера* происходило въ Герншеймѣ. 9 Іюня въ присупспвіи ихъ свѣсплоспн Наслѣднаго герцога и герцогини Гессенскихъ — прі нещѣпномъ множеспвѣ народа. Памятникъ эпопѣ еспѣ верхъ испуспва и дѣлаетъ большую чеспѣ художнику *Шолю*, главному ваяспелю прі Дармшпадпскомъ дворѣ.

Если *Іоаннъ Гутенбергъ* и сопрудникъ его *Фаустъ Майнцкій* были первыи изобрѣтспателями книгопечатанія: то, безъ сомѣнія, *Петръ Шеферъ Герншеймскій* доведъ эпо испуспво почпн до нынѣшняго совершенспва его неусыпными прудами своими и важными открьспіями.

Т.

СЛАВНАЯ КАРТИНА РЕМБРАНДТА.

Лабронтенъ, извѣспный Французскій живописецъ, скончался недавно въ Парижѣ на 80-мъ году отъ рожденія. За 20 лѣтп передъ эпимъ онъ оспавилъ живопись и спалъ поргоспвать карспинами. Ему обязаны мы славною карспиною *Рембрандта* — Блудницею, которую пріобрѣлъ за 20 п. франковъ, а продаль въ Англію за 40 п. франковъ. *Наполеонъ* давалъ за неѣ 90 птысчъ; спеперь же знапоки оцѣнили еѣ во 100 п. франковъ (рублей).

АНГЛІЙСКІЯ ДОБРОДѢТЕЛИ.

Мы слѣпо удивляемса Англіи и вѣрпмъ, что эпо земля релпгпознаго благочеспія и всѣхъ добродѣспелей, а вопѣ что пишуптъ о ней въ

одной Англійской же газетѣ. — «Въ одномъ общеспвѣ, въ копоромъ раздаются награды за чеспноссп и безкорыспіе, гоповы уже были члены присудптъ награду молодому человеку, копорый нѣсколко лѣтп сряду исправно плапиль по щету своему порпному; но шуптъ открьпоеъ, что другой Англичанинъ до того просптеръ чеспноссп, что два раза отпдавалъ хозяину зоппкп, забыпый имъ у него. Споль высокое самоотспверженіе пропзвело безмолвное удпвленіе въ присупспвовавшихъ, не надѣявшихса найпн *толпкую* вѣру во Израпль. Попомъ, едпногласно дана награда сему послѣднему.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

86.

Державпнъ, Капнпстъ, И. И. Дмитрпевъ, Жуковскій, В. Л. Пугпкпнъ, Поповскій, Тугловъ, Сохацкій, Котельнпцкій, Волковъ, Востоковъ, Люценко, Мерзляковъ, Мплоногъ, Фплпмоновъ, Вердеревскій, В. И. Орловъ и многіе другіе переводпли *Горациа*. Многіе изъ нихъ очень хороши, сжацы, горячи, сильны; но чей переводъ лучше всѣхъ? *И. И. Дмитрпева*, а онъ не знаетъ по Латыни! — Какъ же эпо сдѣлалось? — Геній отгадалъ Генія!

А. Кораблинскій.

Мая 21,

1856.

Станція Большой Пулгернъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Я зрѣлъ черпогъ Спльфпдъ, и въ пламенныхъ мечпахъ

Блаженспвуя душой, ппль сладкое забвенье:
Тамъ Фея юная, съ улыбкаю на успахъ,

Лпла мнѣ въ душу наслажденье.

Какъ нѣкпй *Альнаскаръ* изъ чаши золотой

Ярайскій нектаръ ппль въ спранѣ очарованій..

Но время въ коробѣ толкъ — испезъ воздушный строй
Прпятныхъ сердца сповъ-мечпаній.

К.

Ш А Р А Д А.

Мой первый слог всё поже, что возьми,
Или прими.

Второй безмѣнъ, или гирю означаешь.

О цѣломъ сказывать хошь лѣнъ,

Однакожь объявлю, что оное, какъ сѣнъ,

Дожь посюлдый покрываетъ.

M O D E S.

Comme nous le disions au commencement de cet article, les volans sont revenus, et leur mode s'accroît chaque jour davantage.

Les corsages de robes se portent, depuis peu de temps, un peu plus décolletés; il est très joli, avec ces corsages bas, de mettre un fichu-pointe, garni tout autour d'un tulle, d'une dentelle ou d'un ruban passé dans l'ourlet. Nous dirons toujours la même chose pour les manches: rien de précis, rien d'arrêté; c'est le moyen que chacun porte ce qui lui sied le mieux, et les femmes sous ce rapport ont un art merveilleux.

Le noir est une fureur cette année dans la société élégante, et l'on fabrique des étoffes noires qui ne sont pas de deuil, dont on fait des redingotes garnies de dentelles noires, et ornées de nœuds de rubans de satin, qui font un charmant costume; les femmes ne sont jamais plus séduisantes que sous cette toilette sombre à laquelle on peut donner un peu de gaieté en y ajoutant une capote blanche.

Voici les canezous qui reparaisent, plus brillans et plus en vogue que jamais; seulement la plupart sont arrondis derrière, et les *jockeys* sont une haute bande bien touffue par ses plis, et qui garnit la naissance de la manche de la robe; on les enrichit, comme l'on fait de tout cette année, des plus fines et des plus belles broderies, car tout se brode maintenant, et la marque des services de table ne se fait pas autrement; on y ajoute même ses armes.

On voit toujours les redingotes de soie unie se doubler en taffetas de couleur tranchée. Le jupon de dessous brodé ou à volant; les chemisettes pour porter

avec ce genre de robe, ont un collet qui descend en biais sur la poitrine, et forme la pointe, ce qui nécessite le corsage ouvert, mais dégage le cou et produit un fort bon effet.

М О Д Ы.

Оборки опять вошли въ употребленіе, какъ мы сказали въ началѣ этой статьи, и мода на нихъ возрастаетъ каждый день.

Лифы, съ нѣкотораго времени, дѣлають немного открытѣе; весьма красиво съ этими низкими лифами надѣвать косыночки съ мыскомъ, общинныя вокругъ шюлемъ, кружевомъ, или съ подернутою ленною въ рубецъ. Мы все поже скажемъ о рукавахъ: ничего опредѣленнаго; это даетъ способъ носить кому что лучше идетъ, и женщины въ этомъ отношеніи удивительно искусны.

Черное въ удивительномъ употребленіи нынѣшній годъ въ щеголеватомъ обществѣ. Черныя матеріи, дѣлаемыя не для праура, употребляють для рединготовъ, которые обшивають чернымъ кружевомъ и отдѣлываютъ черными атласными бантами, что сослвляеть прелестный нарядъ. Женщины никогда не бывають обольстительнѣе, какъ въ этихъ мрачныхъ платьяхъ, которыя однако можно немного оживить, надѣвъ бѣлый капотъ.

Канзу опять появляются въ полномъ блескѣ и употребительнѣе, нежели когда нибудь; большая часть изъ нихъ однако сзади округлены; эполеты состоятъ изъ густо-собранный полосы, отдѣлывающей начало рукава платья; ихъ дѣлають цѣпными по самому мелкому и красивому шнурю, потому что теперь все вышивается, даже мѣшки столоваго бѣлья не дѣлаются иначе; шуда прибавляють также гербъ.

Рединготы изъ гладкой шелковой матеріи продолжаютъ подкладывать шафною рѣзкаго цвѣта. Нижняя юбка вышита, или съ оборкою; пемизепки для этого рода платья дѣлаются съ воронникомъ, который спускается на грудь мыскомъ, что дѣлаеть необходимымъ открытый лифъ, но придаетъ ловкой видъ шее и вообще весьма красиво.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ШВАЛІДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 59 и 60.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
сипавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюля 22 дня 1836 года.

«По милости твоей я весь насквозь расколопъ;»
Кирпичъ пѣнялъ гвоздо: «За что такаа злостъ?»
— За то, что ты не хочешь выйти изъ моды! —

Кн. Вяземскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВЛІЯНІЕ ХОРОШО СШИТАГО ФРАКА НА
СЕРДЦЕ ЖЕНЩИНЪ.

(Изъ Бальзака.)

Одежда составляетъ человека, — говоритъ по-
словица, и мы думаемъ, что если-бъ всѣ
портняжьи постигали эту несомнѣнную ис-
тину такъ совершенно и глубоко, какъ по-
стигаемъ её г. Буту: то конечно въ свѣ-
тѣ было бы меньше дурно-шитыхъ фра-
ковъ, больше порядочныхъ людей — и несра-
вненно болѣе щастливыхъ любовниковъ.

Если фракъ сидитъ на васъ неловко, или
сшитъ не совсѣмъ по самой послѣдней модѣ,
то вы никогда не заслужите вниманія нѣ-
котораго класса людей и любви нѣкоторыхъ
женщинъ. Будьте увѣрены, что портняжьи
Парижскаго портняжнаго перерѣзываютъ бо-
лѣ судебъ человѣческихъ въ одинъ день,
нежели перерѣжутъ ихъ старая Паркамрѣпо
въ цѣлую вѣчность. Сколько блестящихъ
будущностей ежедневно умираетъ на по-
рогѣ мастерской портняжьи! — Да, м. г., успѣхъ
молодаго мушкетера, падъ сердцемъ модной

красавицы, зависить единственно отъ фра-
ка его; и не думайте, чтобы это говорили
мы въ шутку, или для того, чтобы придать
важности нашему *людиному журналу* и боль-
ше вса мнѣнія пашимъ. Пѣнь; если же
вы намъ вѣрите: то по крайней мѣрѣ
послушайте, что скажетъ вамъ человекъ,
который подстерегъ пайну жестокаго сер-
дца и знаетъ женщинъ лучше, нежели онѣ
сами себя.

Лауренцъ разложилъ передъ господномъ
своимъ столько разныхъ прекрасныхъ без-
дѣлицъ, что Поль не могъ удержаться, и
сказалъ ему: «Ну, милый Эрнестъ! я вижу,
что ты сегодня проведешь по крайней мѣ-
рѣ два часа за шуалепомъ: смотри, сколько
ножичковъ, ножинокъ, гребешковъ, щепоч-
чекъ всякаго разбора.» — О, пѣнь! — отвѣчалъ
Эрнестъ: это займетъ меня часа два съ по-
ловиною, не больше. — «Послушай Эрнестъ,»
возразилъ Поль: «мы шеперь одни, и можемъ
говорить искренно обо всемъ. Скажи мнѣ,
какъ человекъ пакой высшей образованно-
сти, какъ ты, можетъ быть до пакой сте-
пени занять своею наружностію, и перять
столько драгоценнаго времени за зеркаломъ,

когда довольно для эпого чепверши часа? — Располкуй мнѣ эпо.»

— Надобно много любить человека, чтобы открыты ему все высокія мои соображенія; — опивчалъ молодой щеголь, выпирая ноги свои мягкою щепкою, намышленною Английскимъ мыломъ: и такъ слушаей же меня со вниманіемъ, добрый простаекъ! и если можешь, пойми меня.— Не замѣтилъ ли ты, если ты хотя немного способенъ замѣчать правдивныя явленія, не замѣтилъ ли ты, говорю я, что все женщины вообще безъ памяти любятъ довольныхъ собою щеголей (fat)? За что же онѣ любятъ ихъ? За то, что гордые собою щеголи основательно занимаютъ своею наружностію; а занимаешь собою не поже ли, что беречь себя для блага общаго? Женщины опимѣнно благосклонны къ тѣмъ мушкетерамъ, которые показываютъ сильное желаніе имъ нравиться. Нашелъ ли ты хотя одну изъ нихъ, которая бы влюбилась въ *неражу*, какъ бы умель, ученъ или знаменитъ ни былъ? и бывають такіе примѣры, то ихъ должно внести въ списокъ приходей, священныя беременныя женщинамъ; вообще же я очень часто видалъ людей самыхъ замѣчательныхъ, которые не получили успѣха въ любовныхъ исканіяхъ единственно отъ того, что они, лица благосклонности прекрасной женщины, пренебрегали своею наружностію.

— Конечно щеголь, который занимается собою, занятъ одними бездѣлками; но что-жъ такое женщина? Красивая игрушка, смѣсь всехъ возможныхъ бездѣлокъ, легкомысленное существо, которое думаетъ чепыре часа надъ двумя словами, которыми брошены были на вѣтеръ единственно отъ того, чтобы сказать что нибудь. Она знаетъ, что пустой человекъ, который весь свой вѣкъ съ важностію занимается мелочами — займется ею. Она увѣрена, что онъ не броситъ ее для славы, для орденской звѣзды или политики, этихъ прехъ всеобщихъ любовницъ — которые для нее опасныя соперницы. Прибавьте, что щеголь иногда добровольно дѣлается смѣшнымъ, лишь бы угодить ей, — и сердце ея благодаритъ его

за такое доказательство любви. Однимъ словомъ, милый мой, мы дѣлаемся модниками, по милости женщинъ; онѣ возводятъ насъ на эту степень свѣтскаго оплечія. Щеголь есть главнокомандующій любви; онѣ ищеть побѣдъ — и легко приобретаетъ ихъ. Онѣ набираетъ Донскіе полки свои и водитъ ихъ за собой — куда ему угодно. Вѣрь, другъ мой, что въ Парижѣ нѣтъ ничего пайпаго, и что никто не дѣлается самонадѣяннымъ щеголемъ *по-пустому*. Припомъ же, развѣ ты думаешь, что не лестно для молодого человека, имѣть право войти въ господнюю пастоящимъ шалуномъ, смотрѣть на всехъ съ высоты своего галстука или сквозь стекло лорнета, и презираетъ всякаго, какъ бы кто знаменъ или извѣстенъ ни былъ, если только живетъ его сипитъ ~~не по~~ послѣдней модѣ. —

T.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГАСПАРОНИ.

Истинное прѣдѣшество.

(Изъ записокъ герцогини Абрантесъ.)

Принцъ *Канино* (Луціанъ Бонапарте) занимался не только хлѣбопашествомъ, но и сельскою экономіею. — Скоповодство приносило ему значительный доходъ, благодаръ стараніямъ паспуха *Гаспарони*, который имѣлъ главный надзоръ какъ надъ многочисленными стадами его, такъ и надъ спроеніемъ скопнаго двора въ замкъ *Канино*. Этотъ старый паспухъ, характеромъ и наружностію походившій на какого нибудь древняго патріарха, имѣлъ жену, сына и племянницу, воспитанную въ его домѣ и обрученную молодому крестьянину. — Старуха, мать *Гаспарони*, была главою семейства, которое до происшествія, о которомъ я намѣрена рассказывать, не знало, что такое пещастіе и горестіи.

Молодой *Гаспарони* былъ почти исполнскаго роста, силенъ, какъ какой нибудь баснословный полубогъ, чрезвычайно смеленъ

и пригожь собою; но благородныя черты лица его, носили на себѣ оппечатокъ какой-то тайной и непонятной грусти, которая поражала и удивляла—въ челоуѣкѣ его званіи.

Онъ любилъ спраспню невѣсту свою и былъ пакже любимъ ею. *Тереза* слыла прекраснѣйшею дѣвушкою въ Римскихъ окрестностяхъ, и въ самомъ дѣлѣ заслуживала это пазваніе, особливо когда надѣвала праздничное платье *Чюгъяры* и въ эпомъ живописномъ нарядѣ приходила къ молодымъ принцессамъ, дочерямъ принца *Канино*. Онъ всегда оставляли её на нѣскольکو дней въ замкѣ, наряжали въ свои коралловыя ожерелья, золотыя браслеты и возили съ собою прогуливаться въ опкрытой коляскѣ.—Иногда подѣзжали онѣ къ паспушымъ хижинамъ, и завидя издали молодаго *Гаспарони*, кричали ему: «*Гаспарони! Гаспарони!* подойди къ намъ и полюбуйся на свою невѣсту; смотри какъ она хороша!—Какъ она нарядна!»

Молодой паспухъ подходилъ къ коляскѣ,—бросалъ на *Терезу* свою взглядъ—полный спраспни—и возвращался вздыхая и говоря самому себѣ:

«Какъ она хороша въ эпой прекрасной шляпкѣ, подѣ эпимъ кружевнымъ покрываломъ!—И какъ пріспіало ей сидѣть въ богатомъ экипажѣ вмѣстѣ съ принцессами!—Но ахъ! на долго ли эпю? Пріѣхавъ въ замокъ, она сплметъ всѣ эпн великолѣпныя наряды и возвращиися домой въ креспьянскомъ грубомъ корсетѣ.—О, *Тереза*, бѣдная *Тереза*, какъ тяжело должна вздыхать ты, отдавая назадъ золотыя серьги и снимая съ бѣлой шеи своей жемчужное ожерелье!»

Гаспарони родился поэтомъ; онъ зналъ наизуспъ *Тасса* и *Петрарку*, былъ довольно искусный ваятель и, по примѣру древнихъ паспуховъ *Кампаніи*, дѣлалъ изъ дерева флейты и свирѣли.—Онъ имѣлъ пламенную душу, огненное воображеніе и умъ нѣскольکو склонный къ мечпательности. Слѣдовательно былъ выше своего состоянія;—и такъ, удивительно ли, что учаспъ милой *Терезы* его казалась ему недоспойною ея предестей.

Мысль, что *Тереза* была рождена не для низкой доли; не для того, чтобы носить проспуую одежду бѣдной креспьянки, не давала ему покоя и дѣлалась для него съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе мучительною.—*Гаспарони*, воспитанный священникомъ деревни, гдѣ родился, былъ благочеспивъ и набоженъ, какъ всѣ креспьяне въ *Ипаліи*; но къ нещаспію, необузданное воображеніе мало по малу истребило всѣ добрыя семена, посѣянныя въ немъ съ младенчества; скоро самая вѣра, которая одна могла удержатъ его на краю пропасти, ослабла въ сердцѣ его, и нещаспный *Гаспарони* сдѣлался преступникомъ.

Сначала—онъ желалъ только щаспія *Терезы*;—потомъ спалъ думать о средспвахъ сдѣлать её щаспливою;—для эпаго надобно было золото,—думалъ онъ: много, много золота!... но гдѣ взять его?—А развѣ ты не чпшала испорію *Ипаліи*, шепнула ему злой духъ;—ты не слыхалъ какимъ легкимъ и свободнымъ ремесломъ *Дегезари*, *Барбоине* и другіе жили себѣ деньги?—При эпой мысли, *Гаспарони* содрогнулся.—*Дегезари*, *Барбоине* добывали ихъ цѣною крови—думалъ онъ,—а я?... О нѣтъ, нѣтъ!... никогда!—Долго онъ боролся самъ съ собою, — долго ужасался преступления; но—въ одну роковую минупу забылъ все—и спремглавъ бросился въ пропасть.

Принцъ съ семейспвомъ своимъ посѣщалъ почти каждый день паспушыя хижины и не рѣдко обѣдывалъ съ паспухами. Однажды вечеромъ пріѣхала принцесса *Канино* съ дочерьми и съ *Терезою*, на эпотъ разъ одніюко еще великолѣпнѣе обыкновеннаго, и взглядъ на дѣвушку рѣшилъ *Гаспарони*. По опѣздѣ знатныхъ своихъ гостей, онъ легъ, чтобы не податъ никакого подозрѣнія отцу своему; потомъ, когда спарикъ заснулъ крепкимъ спомъ, пошхоньку вспалъ, одѣлся, и спавъ на колѣна, со слезами молился, чтобы Богъ не попустилъ отца проклясть его.—Оконча молитву, онъ выислъ изъ хижины, и какъ будто боясь, чтобы голосъ совѣспи не заставилъ его воропишься назадъ, побѣжалъ опромешью по большой дорогѣ, и въ

нѣсколько минутъ достигъ лѣса, гдѣ ожидали его два извѣстные ему человека. Одинъ изъ нихъ былъ апаманъ разбойничьей шайки, къ которой онъ хотѣлъ присоединиться.

Этотъ человекъ былъ кровожадный злодѣй, жестокій по рачету и неимѣвший даже той физической храбрости, которая свойственна разбойникамъ. Наслышавшись о необыкновенной силѣ *Гаспарони*, онъ былъ очень радъ принять его къ себѣ, и съ помощію его надѣялся при случаѣ отбитья отъ Папскихъ и Неаполитанскихъ войскъ, посланныхъ за нимъ въ погоню. Онъ ввелъ его въ пещеру, служившую ему убѣжищемъ, и посмопрѣвъ на него недоувѣрчиво, сказалъ ему:

— Для чего пришелъ ты сегодня къ людямъ, которыхъ вчера презиралъ? Или почему нейдешь къ славному *Дегезари*? Онъ приметъ тебя охотно. —

«Онъ слишкомъ извѣстенъ;» отвѣчалъ *Гаспарони*, и посмопрѣвъ съ высоты исполненнаго спана своего на низкаго и кровожаднаго *Луиджи*, прибавилъ съ гордостію:

«Я не хочу быть вторымъ, — я хочу быть первымъ.»

При этихъ словахъ, произнесенныхъ громко и съ видомъ рѣшительнымъ, цѣлая шайка единогласно одобрила пребываніе *Гаспарони*; но *Луиджи* ухватился за саблю свою, и взглянувъ грозно на пришельца, захохоталъ во все горло.

«Ты въ правѣ недоувѣрять мнѣ, *Луиджи*,» сказалъ *Гаспарони*: «потому что еще не знаешь меня... Но я сегодня же вечеромъ покажу себя. Слушайте, товарищи: я сегодня опказался отъ общества, которое ненавижу — и хочу поссориться съ нимъ навсегда... хотите ли вы принять меня къ себѣ?»

— Хопимъ, хопимъ; — вивать, *Гаспарони*! — кричали разбойники.

«Хорошо;» возразилъ молодой паспухъ, и оставя пещеру, пошелъ пѣшкомъ въ Ви-

пербу, гдѣ жилъ кардиналъ *Ланте*, вице-легатъ Папскій. Его тотчасъ впустили къ нему.

«Ваше преосвященство,» сказалъ онъ кардиналу: «я прозываюсь *Гаспарони*, и принадлежу принцу *Калино*; я осмѣлился прийти сюда, чтобы сказать вамъ, что могу сегодня же вечеромъ выдать в. п. всю шайку разбойника *Луиджи*.»

Кардиналъ вскрикнулъ отъ радости; отрядъ Папскихъ войскъ давно уже преслѣдовалъ эпаго человека и не могъ поймать его. Иногда удавалось имъ схватить нѣсколько плѣнныхъ послѣ упорнаго и безуспѣшнаго сраженія; ихъ привозили въ городъ, и тотчасъ безъ всякаго суда предавали смерти. Это такъ оспервѣнло разбойниковъ, что они вели безпрестанную войну съ Випербскимъ карабинернымъ полкомъ.

— Сколько человекъ надобно тебѣ взять съ собою? — спросилъ кардиналъ у *Гаспарони*.

«Только шесть, в. п.,» отвѣчалъ *Гаспарони*: «да намъ нужна будетъ карета, запряженная четвернею. По этой дорогѣ часто проезжаютъ Англійскіе путешественники, идущіе въ Неаполь, — съ ними бываютъ женщины; я спороною дамъ знаю *Луиджи*, что въ эту ночь пройдетъ Англійское семейство, состоящее изъ старой леди, съ двумя молоденькими дочерьми; онъ выведетъ съ своими на дорогу — и шупъ мы схватимъ его.»

— Ты добрый малой, *Гаспарони*; — сказалъ кардиналъ; — вопъ тебѣ на ожерелье для твоей невѣсты. —

И кардиналъ подаль кошелекъ свой *Гаспарони*; онъ подошелъ, протянулъ было руку, чтобы взять его, но вдругъ опспунилъ назадъ.

«Нѣтъ, ваше преосвященство, не возьму;» сказалъ онъ. «Вы мнѣ заплашите тогда, когда дѣло будетъ сдѣлано. Я прошу васъ только помолиться о душѣ моей, если я буду убитъ.» Съ этими словами молодой разбойникъ вышелъ изъ комнаты.

Вечеру, ровно въ 10 часовъ, онъ пришель опять къ лагеру; шесть потребованныхъ имъ солдатъ были готовы и карета запряжена; они всѣ сѣли въ нее и поскакали, радуясь, что захвалятъ наконецъ разбойника.

Ночь была темная, — карабинеры долго молчали; но наконецъ путешествіе ихъ начало казаться имъ слишкомъ долгимъ и одинъ изъ нихъ рѣшился сказать *Гаспарони*, который сидѣлъ на козлахъ: да скажи, поваричъ, куда ты везешь насъ?—«Туда, куда обѣщамъ;» отвѣчалъ онъ. «Теперь ужъ близко; но у насъ засвѣченъ только одинъ фонарь, засвѣпи и другой, чтобы дать знать *Луиджи* о нашемъ приближеніи.»

Это долженъ былъ быть сигналомъ.

Солдаты захохотали, и одинъ изъ нихъ выскочилъ огня, и засвѣпивъ фонарь, подаль *Гаспарони*; онъ принялъ его съ пою адскою усмѣшкою, копорая, какъ онъ послѣ того самъ хвалился, придала физиономіи его ужасное выраженіе.

Лишь только фонарь былъ зажегъ и карета проѣхала нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ шайка *Луиджи*, соспывшая изъ припадани чловѣкъ, окружила еѣ; въ эту же минуцу раздакъ ружейный залпъ и пули посыпались въ карету.

— Измѣна!—закричали карабинеры—и хотѣли выскочить, но разбойники ихъ до того не допустили. Полагаясь на слова *Гаспарони*, они въ ожиданіи условнаго знака его, не приготовились къ защитѣ; сообщники *Луиджи* выпалили ихъ изъ кареты—и хотѣли жестоко мучить.

«Остановитесь!» кричалъ *Гаспарони*. «Вы говорили сегодня поупру, что я шпіонъ, подосланный отъ правительсва, чтобы обмануть васъ, и выдать въ его руки; теперь видите, могу ли я когда нибудь возвратиться въ общество, которое ненавижу и копорому съ этой минуцы объявляю войну на смерть!»

И выхвля изъ-за пояса кинжалъ свой, онъ бросился на несчастныхъ солдатъ, ко-

порые лежали на землѣ связанные, заколотъ ихъ всѣхъ, одного за другимъ, и такимъ образомъ кровью ихъ написалъ вѣчное отреченіе свое отъ общества. Смотря на жестокость, съ копорой онъ напалъ на людей, ему вѣрившихся, разбойники внутренно ужасались, и съ этой минуцы всѣ единодушно признали его апаманомъ своимъ.

«Теперь,» сказалъ *Гаспарони*, упирая съ лица холодный пощъ окровавленными руками своими: «теперь признаете ли вы меня бытъ достойнымъ предводительствовать вами?»

— Да, да,—закричали всѣ: вивать, *Гаспарони!*—

Луиджи сповлялъ въ споронѣ — и почти грозно смотрѣлъ на него. *Гаспарони* подошелъ къ нему.

«Отъ чего ты такъ сердитъ, *Луиджи*? Ты мнѣ завидуешь, не правда ли? Напрасно!... Я желаю славы и счастья нашимъ поваричамъ, ты также; следовательно между нами можетъ ли бытъ вражда или зависть? Припомъ же я дѣлаю тебя моимъ помощникомъ; доволенъ ли ты этимъ? Если нѣтъ то прощай;—ты можешь идти къ *Деззари*.»

Луиджи проворчалъ нѣсколько словъ и — нехотя подаль руку *Гаспарони*, копорый въ свою очередь пожалъ еѣ своею огромною и сильною рукою, еще омоченною въ крови несчастныхъ карабинеровъ.

«Хорошо!» сказалъ онъ *Луиджи*: «служи вѣрно,—не то... ты теперь узналъ меня и видѣлъ, что я могу дѣлать.»

«Гдѣ же пзвощики?» спросилъ онъ попомъ, смотря во всѣ спороны. Бѣдные люди при первомъ выстрѣлѣ такъ испугались, что спрятались подъ лошадей и лежали недвижимо. Ихъ привели къ молодому апаману.

«Не бойтесь ничего,» сказалъ онъ имъ: «но только смотрите выполните мое приказаніе, не то я вездѣ найду васъ—и тогда вы погибли! Побѣжайте назадъ въ Випербу, отвезите туда эти мерзвыя тѣла, объя-

више всё, что вы видели, и скажите отъ меня Папскому легату, что онъ, говоря сегодня со мною, говорилъ съ первымъ врагомъ своимъ; такъ, я ненавижу его, единственно за то, что онъ знаменъ, богатъ и щастливъ, и объявляю непримиримую войну всемъ тѣмъ, которые наслаждаются этими тремя преимуществами общественной жизни.»

Онъ сдѣлалъ знакъ—и тѣла несчастныхъ жертвъ его были брошены въ карету. Кучера, блѣдные и дрожа отъ страха, ударили по лошадямъ, и опрометью поскакали по дорогѣ въ Випербу. Можно-бъ было подумать, что смерть на крылатомъ конѣ своемъ гонится за ними въ погоню. Скоро карета пропала изъ глазъ разбойниковъ.

Они съѣли за ужинъ—и скоро всё утихло въ пещерѣ. На другой день, проснувшись съ разсвѣтомъ, *Гаспарони* отдавалъ свои приказанія, какъ вдругъ вошелъ горный паспухъ, который обыкновенно носилъ молоко и овощи разбойникамъ. Этотъ паспухъ былъ изъ одной деревни съ *Гаспарони* и зналъ его и семейство его. Увидя молодого апамана, онъ съ ужасомъ отступилъ назадъ, и хотѣлъ уйти не сказавъ ни слова,—но попомъ оборнулся, и подойдя къ *Гаспарони*, шепнулъ ему:

— Такъ это ты? Точно ты?... а отецъ твой и *Тереза* не хотѣли этому вѣрять... однакожь это правда; ты конечно знаешь, что твоя бѣдная мать умерла, услышавъ, что ты сдѣлался разбойникомъ?—

Гаспаронъ не могъ говорить и только попрыгалъ головою въ знакъ отрицанія.

— Да, умерла—въ ту же самую минуту... — продолжалъ паспухъ.

Гаспарони поблѣднѣлъ и вскрикнулъ.

— Она упала на землю и опдала Богу душу, не успѣвъ даже помолиться за себя.— Ты убилъ свою мать, *Гаспарони*! —

И паспухъ вышелъ.

Это извѣстie не пронудо, а еще болѣе ожесточило злодѣя. Ему казалось, что об-

щество, которое онъ преслѣдовалъ, зарѣзало его мать, и что онъ долженъ былъ мстить за смерть ея. Съ этой минуты *Гаспарони* предался ужасному ремеслу своему—и въ короткое время нажилъ нещетныя богатства. Имя его, соединенное съ именемъ *Дегезари*, заславляло прешасть область Римскую и Понтийскія болота; наконецъ онъ спалъ боясь самолюбія и гнушался собою. Глаза его открылись и увидѣли всю глубину бездны, въ которую онъ ежедневно сходилъ болѣе и болѣе. Съ этой минуты раскаяніе закралось въ зачерствѣлую его душу, и *Гаспарони* видимо умягчалъ прежнюю жестокость свою. Священникъ, который воспиталъ его, узнавъ о томъ, рѣшился употребить раскаяніе его въ пользу—и пошелъ однажды къ нему вмѣстѣ съ *Терезою*. Бѣдная дѣвушка всё еще любила его, и со слезами молилась о его спасеніи. Они пришли къ пещерѣ, вѣли сказать о себѣ и топчасъ были впущены. Часъ, проведенный тамъ, былъ примѣчательною эпохою въ жизни этого человѣка,—и дѣйствительно, эти три существа, соединенныя между собою узами дружбы и любви, сошедшія въ мѣсу; въ припѣтъ разбойничьемъ, одни съ горестію въ сердцѣ, другой съ горькими слезами раскаянія и сожалѣнія,—представляли зрѣлище не совсемъ обыкновенное. *Гаспарони* плакалъ и проклиналъ свое преступленіе, но судьи его были снисходительны и готовы простить ему. Священникъ увѣщевалъ его, какъ паспиръ церкви, какъ Христіанинъ, достойный великаго своего имени; онъ говорилъ ему о Богѣ, о будущей жизни и о возможности насладиться еще и въ здѣшнемъ мѣрѣ спокойствіемъ и щастіемъ, попому что ему обѣщаны не только прощенье и свобода, но и позволеніе удержавъ за собою *всѣ нажитыя или сокровища*. Мы не скажемъ, чтобы послѣднее обѣщаніе было очень нравственно; но не можемъ, для вѣрности исторической, не упомянуть о немъ. Что касается до *Терезы*, она молчала; но вы знаете, что краснорѣчіе сердца не имѣетъ нужды въ словахъ. Словомъ, *Гаспаронъ* былъ побѣжденъ, хотя не совсемъ довѣрялъ условіямъ и болѣе мще-

нїя людей, которыхъ намѣревался оставитъ. Это естественно; человекъ, рѣшившійся на преступленіе, легко отдается во власть сообщнику своему и признаетъ его преимущественно надъ собою; но не такъ легко позволяетъ ему отстать отъ себя, — и потому *Гаспарони* надобно было поступить оспорожно съ прежними товарищами. Онъ сказалъ это священнику, и съ помощію его, преодолѣлъ всѣ трудности. Скоро онъ возвратился въ селеніе, женился на *Терезъ*, сдѣлался хорошимъ мужемъ и опцомъ семейства, и ниско не могъ узнать въ немъ того ужаснаго, кровожаднаго разбойника, котораго вся Италія спрашивалась не менѣе *Дегезари*. — Конечно, если-бъ я писала романъ, по такое заключеніе показалось бы слишкомъ *безнравственнымъ*; но чтожь дѣлать? Я сообщаю истиннѣе происшествіе, случившееся въ наше время и котораго дѣйствующія лица еще живы, — следовательно не моя вина, если всё въ немъ произошло почто такъ, какъ я описываю. Многіе жители Италіи знаютъ *Гаспарони*, этого человека, котораго любовь къ роскоши довела до преступленія. *Гаспарони* можетъ назваться образцомъ человека, котораго отличительный характеръ есть гнусное своекорыстіе.

Г.

РОССІЙСКАЯ СТАТИСТИКА.

Городъ Кола спойтъ на мысъ, составленномъ устьями рѣкъ Туломы и Колы, впадающихъ въ Кольскую губу. Летомъ, зноишь городъ сухимъ путемъ неприспуненъ для шѣхъ, кои не привыкли ползати по горамъ и взлзупи во мхахъ и болотахъ. Высокія горы, усыпанныя самымъ мелкимъ куспарникомъ, окружаютъ Колу и лишаютъ удовольствія всякаго, къ нему приближающагося, видѣти его, пока не въѣдешь, или лучше сказать, не войдешь въ самый городъ. Гора Соловарка и многія другія, вышиною до 60 и болѣе сажень, у подошвы которыхъ

поспроены сей городъ, служатъ ему въ зимнее время защитою отъ непогодъ и снѣговъ, коими здѣшній край очень изобилуетъ.

Въ 1780 году, оспровъ, или лучше сказать, мысъ Кольскій, на коемъ находился одинъ только соборъ и нѣсколько домовъ, переименованъ въ городъ. Въ то же время назначенъ былъ полковникъ *Эриеръ* комендантомъ онаго, и учреждены присущственныя мѣста. Для населенія новаго города, царскій намѣстникъ, генералъ *Мельгуновъ*, приказалъ Кольскихъ уроженцевъ, служившихъ въ Архангельскомъ гарнизонѣ, и выслужившихъ законенный срокъ, обратиться по прежнему въ Колу; припомъ позволить имъ приписываться въ мѣщане. Въ теченіе того же года записалось въ это званіе болѣе ста человекъ.

Въ 1789, во время войны со Шведами, устроены были здѣсь бапарен, коими дѣйствовать назначено было гарнизонному офицеру съ подчиненными ему нижними чинами.

Въ 1797 году комендантъ переименованъ въ городничіе, по повелѣнію *Его Величества Императора Павла I*. Въ слѣдствіе сего же повелѣнія, выведенъ отсюда гарнизонъ, и въ 1801 году вывезены порохъ и всѣ артиллерійскіе снаряды.

До учрежденія города Колы, поспроены былъ въ 1696 году Воскресенскій соборъ, обнесенный валомъ, возобновленнымъ въ 1704 году, и существующимъ и понынѣ. По наружности собора сего, ни мало не видно, что онъ существуетъ 129 лѣтъ. Онъ имѣетъ видъ крѣпкаго зданія, и примѣчательность особенно своею архитектурою. Девятнадцать деревянныхъ главъ украшаютъ верхъ собора, высота коего съ крестомъ, поставленнымъ на средней главѣ, имѣетъ болѣе 120 футовъ. Подлѣ собора, поспроена въ 1807 году каменная цѣрковь Благовѣщенія, а пренія деревянная цѣрковь находилась на оспровѣ, лежащемъ противъ самаго города. Оспровъ этотъ образовался лѣтъ 30 тому назадъ, отъ перемѣны теченія рѣки Колы, которая быстрымъ стремленіемъ размыла землю, и превратила мысъ

въ оспровъ, копорый, опъ находящагося на немъ кладбища, названъ Кладбищенскимъ. Всѣхъ домовъ, въ числѣ копорыхъ половину можно назвать хижинами, щипается въ Коль до 120, а жителей, съ служащими, до 700, изъ коихъ большую часть составляютъ женскій полъ. До 1809 года населеніе было гораздо больше; но по разореніи и опустошеніи, произведенномъ въ семь году Англичанами, г. Кола примѣнно пришелъ въ упадокъ. Екатеринаинская гавань, къ копорой приспавало множество купеческихъ кораблей, разорена была до такой степени, что нынѣ едва замѣнить можно мѣсто, гдѣ она находилась; сверхъ того повальная болѣзнь, посѣпившая городъ Колу въ 1811 году; уменьшила число жителей, и въ печеніе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, болѣе 150 человекъ сдѣлалось жертвами заразы.

Опъ одного конца города до другаго щипается безъ малаго верса, и если узенькій переулочекъ, покрытый деревянною мостовою, не шире двухъ сажень, можно назвать улицею: то городъ Кола можетъ похвастать одною; ибо вся ширина сего города не простирается болѣе 50 сажень. Для рѣдкости, два Кольскихъ куница держатъ по одной лошади. Сколько это живописное полезно въ другихъ краяхъ, столько бесполезно оно здѣсь, потому что лѣтомъ здѣсь не знаютъ никакого другаго экипажа кромѣ лодки, а зимой снѣга такъ глубоки, что на лошади нельзя проѣхать десяти сажень: онѣ замѣняются оленями, на коихъ здѣшніе жители уѣзжаютъ нерѣдко въ сунки до прехъ сопъ верса. Для вывоза дровъ изъ лѣсу употребляютъ они собакъ.

Въ 1819 и 1821 годахъ было здѣсь землетрясеніе, но не продолжительное; оно не сдѣлало никакого вреда.

Въ 1770 году построена была обсерваторія на горѣ Содоаркъ, для астрономическихъ наблюдений.

Съ 12 Декабря мѣсяца короткіе дни начинаютъ здѣсь увеличиваться, и съ 12-го Мая по 7-е Юля, то есть въ печеніе 55 дней, солнце почти не сходитъ съ небосклона; въ печеніе же 52-хъ дней зимнихъ,

солнце невидимо. Однакожъ, жители пользуясь свѣтомъ въ продолженіе двухъ и болѣе часовъ въ день.

Рѣки Кола и Тулома вскрываются въ самое раннее время 7-го Мая, и въ самое позднее 28-го. Случается иногда, что рѣки сіи, не смотря на то, что находятся въ довольно близкомъ разстояніи, вскрываются въ разные времена: между вскрытіями ихъ бываетъ около 6 дней разницы.

АМЕРИКАНСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Въ Мексиканскихъ древностяхъ (*Antiquités mexicaines*) издаваемыхъ канипаномъ *Дюне, Фарси, Варденомъ, Барадеромъ и Сень-При*, изложеніи огромномъ и превосходномъ, копорого до сихъ поръ вышло уже гораздо болѣе половины, помѣщены весьма важныя указанія на родство народовъ Древней Азии съ народами, населявшими Новый свѣтъ. — Но что наша древность, — замѣчаютъ Французскій рецензентъ — не нова ли она? Перещитайте перевороты земнаго шара, опустошенія Океана, слои вулканической лавы: эта противоположность земли, столь уже старой, съ нашею исторіею, столь еще молодой, — присыдитъ васъ. Исторія Старого міра начинается такъ поздно, первыя страницы ея такъ искажены насильственными переворотами, изъ копорыхъ не всѣ замѣчены лѣтописями, что рѣшительно основы для сравненія поперяны. Старобытныя Американскіе народы дошли до насъ только въ тѣмныхъ преданіяхъ, пересказанныхъ путешественниками ихъ покорителями. И первобытныя народы Европы лучше ли извѣстны даже теперь? Тамъ и здѣсь мы не опычемъ большой половины прошедшаго: но много ли дѣлаетъ разница въ нѣсколькихъ вѣкахъ? Тамъ и здѣсь шестіе открываются народами баснословными, или безызвѣстными, предшествовавшими народамъ историческимъ. Тутъ Неласги, Аборигены, Цельпо-Скионы, тамъ Азтеки, Тольтеки, Хикмики. Въ пустыяхъ звукахъ не воскреситъ намъ исторіи. На обоихъ концахъ бездны неизмѣримыя. Кидайте сюда ваши оборван-

ные пексты, ваши ученые ссылки, запасы, сборники вашихъ разсужденій, ваши догадки объ осушеніи, о рысьѣ, ваши чудныя изображенія, ваши эспампы длинныя и предлинныя: все щцетно! Вы ихъ не наполните!

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Библиотека *Абдуль-Галина* помѣщена также, какъ большая часть подобныхъ заведеній, въ огромной, продолговато-четвероугольной залѣ, посреди которой стоить родъ рѣшетчатой кляпки, фузовъ въ двадцать пять шириною и столько же длиною. Въ этой-то кляпкѣ, опѣ которой ключъ находится у самаго библиотекаря, хранятся рукописи. Онѣ лежатъ всѣ по каталогу, и заглавія книгъ написаны крупными буквами не на переплесахъ, а на обрѣзахъ, слѣдственно, отыскивать ихъ очень легко. Чишпатели сидятъ на диванахъ около спѣнъ залы, въ которой царствуетъ глубочайшая тишина. Самъ же библиотекаръ обыкновенно располагается въ какомъ нибудь углу залы съ осьми часовъ утра до двухъ по полудни и головъ отвѣчаѣтъ на всѣ вопросы любопытныхъ. Какъ бы разнообразны и какъ бы нескромны ни были эти вопросы, библиотекаръ и его помощники почто также вѣжливо и благосклонно отвѣчаютъ на нихъ, какъ въ самомъ благоустроенномъ государствѣ Европы. Библиотека состоитъ опѣ 1200—1500 нумеровъ книгъ, въ числѣ коихъ есть *Коранъ*, писанный калифомъ *Османоми*; много богословскихъ и юридическихъ Турецкихъ сочиненій и очень мало литературныхъ, подѣ заглавіемъ *Адебъ*, что собственно значить полишическо-нравственныя.

УГОЛОВНЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ, ВІНЫ ПРОСТУПКА ВЪ ЛОНДОНѢ.

Лондонскіе суды производили въ 1833 году, по обвиненіямъ новой полиціи, 69,959

процессовъ, то естъ 7,584 менѣе, чѣмъ въ 1832 году. Не смотря на это, кажется, что обвиненія были большею частью неосновательны, потому что 27,000 подсудимыхъ освобождены по недоставкѣ доказательствъ. Всего больше было слѣдующихъ преступленій и проступковъ.

За пьянство были судимы	29,880 чел.
— дурное поведеніе	5,721 —
— развратъ	3,427 —
— побой	5,721 —
— кражу	7,858 —
— бродяжничество	675 —

Замѣчательно, что въ числѣ 28 тысячъ пьяницъ, больше 12-ти тысячъ женщинъ.

НОВАЯ МЕХАНИЧЕСКАЯ СИЛА.

Увѣряютъ, что джонъ *Вилльсъ* изобрѣлъ новой родъ судовъ, которые спроятся также какъ пароходы, движущіяся посредствомъ колесъ; но не имѣютъ нужды въ парахъ, потому что сила сообщается имъ четырьмя вертящимися парусами, расположенными въ срединѣ корабля. Съ которой бы стороны вѣтеръ ни дулъ, корабль все идетъ впередъ—и самый сильный порывъ вѣтра только ускоряетъ ходъ его.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

87.

Въ № 7-мъ нынѣшняго *Телескопа* напечатана прекрасная, шertzающая сердце повѣсть: *Она будетъ щастлива!*

Эта повѣсть, по совѣсти, не уступаетъ справедливо, расхваленнымъ повѣстямъ гг. *Павлова, Марлинскаго, Погорѣльскаго, Погодина*. Хотя подѣ нею подписано: *Ив. П—въ*; но мы давно не вѣримъ въ подписныя литеры

и даже, пускаясь въ догадки, подозрѣваемъ г. *Виссаріона Бѣлинскаго* въ ея сочиненіи. Вишь эпопѣй молодой человекъ не безъ таланта и писалъ бы по Русски очень порядочно, еслибъ въ сочиненіяхъ его не было излишней болтовни.

Несравненно лучше писать такія повѣсти, чѣмъ презрительно и неосновательно разбирать нашихъ славныхъ писателей. Эпи разборы Русскаго языка, Русскихъ произведеній словесности; однимъ словомъ всего Русскаго, пора совершенно предоставить барону *Брамбеусу*: онъ мастеръ эпога дѣла; онъ на помѣ споить!

А. Кораблинскій.

11-го Іюня,

1836.

Село Рыбацкое.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ М. П. ВР—КЪ.

(Въ Турцію.)

Я прочиталъ твое посланье,
Твоихъ всѣхъ милыхъ я узналъ,
И, въ край далекій, на свиданье,
Къ тебѣ я въ мысляхъ улетаю.
Съ тобой бродилъ я въ сѣняхъ лѣса,
Въ *Гомеровъ* гротъ съ тобой ходилъ;
Съ тобою, свѣтлаго Мелеса,
Струи студеныя я пилъ;
Съ тобой Олимпа зрѣлъ раскаты;
Мы ихъ достигли безъ препонъ!
Горъ—узрѣли небосклонъ,
А долу—громъ огнекрылатый.
Съ тобой я вмѣстѣ отдыхалъ,
(И памъ мечта моя выпала!)
На помѣ холмъ, гдѣ ты сказалъ:
«Сей холмъ—могила *Анибалла!*»
Величье древности съдой
Въ рукахъ безславныхъ зря пошомковъ,

Ходили мы рука съ рукой
Грустимъ средь Никей обломковъ.
Но, ахъ! не всюду-ль смерти гласъ
Намъ слышенъ каждое мгновенье?
На каждомъ шагѣ, каждый часъ,
Насъ окружаетъ разрушенье!
Такъ я, привычный домосѣдъ,
Его постигнувъ былъ ударомъ,
И въ тридцать лѣтъ
Спалъ спаръ и сѣдъ,
Какъ дубъ, опепленный пожаромъ.
Ни крѣпость духа не спасла,
Ни силъ не спало надъ судьбою:
Лихая смерть все унесла,
Все, что любилъ я всей душой!
Я миръ гошовъ былъ пережилъ,
Испить по каплѣ золь пучину,
Чтобъ жизнь ея лишь искупить,
И опдалить ея кончину;
Но тщетно! и подруги нѣтъ!
Вопъ холмъ могильный зеленѣтъ,
И все: природа, цѣлый свѣтъ,
Могильнымъ холодомъ мнѣ вѣптъ...

Мѣглицковъ.

13-е Мая 1834-го года.

Витебскъ.

ENIGME.

Jeune beauté, qui rêvez le bonheur
Aux apprêts de l'hymen promis à votre cœur,
Combien de fois peut-être, en me voyant fleurie,
Votre charmante main me prit dans mon berceau,
Velouteuse et jolie,
Pour me donner à votre jeuneveau,
En lui faisant jurer, par le dieu du village,
D'avoir présente un jour
L'emblématique image
Que je suis en amour.
Mais, en changeant de sens, sans changer de figure,
Je suis tout autre objet,
Et jamais, je vous jure,
Je n'eus le moindre trait:
Je suis sombre pourtant, sous un front de tristesse,

Couleur de rose et gai chez un homme riant ;
 Rien ne peut égaler l'excessive vitesse
 Que je mets à franchir l'espace le plus grand ;
 Rien ne peut arrêter ma course vagabonde ;
 Jamais le sommeil n'eut quelqu'empire sur moi ;
 Le croirais-tu, lecteur? je fais le tour du monde.
 Sans sortir de chez toi,
 Tu me cherches sans doute
 En ouvrant de grands yeux?
 J'habite un peu plus haut ;
 Ferme-les, c'est bien mieux ,
 Pour me trouver plus tôt :
 Dans ce moment, dis-tu, je me mets en déroute.

Ш А Р А Д А.

Когда щипаешь,
 То часто мною начинаешь ;
 Я старшій членъ,
 Но не введенъ
 Въ числишельну науку.
 Яжъ, младшій членъ, подобенъ пушекъ звуку :
 Блѣднѣешь Океанъ, дрожитъ земля,
 Когда во гнѣвъ я вѣщаю ;
 Однакоже людей не часто убиваю.
 Съ *Суворовыми* бывалъ на штурмъ крѣпостей,
 И тамъ, ей, ей!
 Я поступалъ по молодецки.
 Съ *Паскевичемъ* бралъ лагерь я Турецкій.

Въ No 58-мъ, помѣщенная шарада значить: *На-вѣсь*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Ревизоръ, соч. Н. Гоголя. *С. II. буржъ*.
 1836 года.

Мнѣ докпоромъ запрещена унылость:
 Оспавимъ это,—сдѣлайте мнѣ милость.

Пушкинъ.

Комедіи въ пяти актахъ, по большой
 части, бывають удивительно скучны. Сидя
 въ театръ, или чипая, пока дойдешь до смѣш-

наго, нѣсколько разъ надобно зѣвнуть и
 потянувшись! Это пѣтъ скучнѣе, что нѣтъ
 ничего несноснѣе, когда скучно по, опъ че-
 го мы ожидали непрерывнаго смѣха. Боль-
 щая и веселая комедія всегда была рѣдкимъ
 явленіемъ. Здѣсь человекъ какъ бы самъ се-
 бѣ противорѣчитъ. Онъ по природѣ жаждетъ
 веселаго, онъ опмѣчаетъ и вечеринки,
 и книги, и спранички въ книгахъ, которыя
 заспавляли его смѣяться, какъ память о
 пріятнѣйшихъ часахъ въ жизни; а между
 пѣтъ самый оспроумнѣйшій липераторъ,
 въ 50 лѣтъ прудовъ, не подаритъ вамъ тол-
 стой книги, которая бы вся смѣшила. У
 цѣлаго образованнаго народа не найдете де-
 сяти такихъ книгъ, у инаго—ни одной. Ве-
 селость — мимолетная ппичка. Подъ вѣ-
 яніемъ ея крылошекъ, сочинители успѣ-
 вають написать лишъ нѣсколько спраничекъ.
 Театральнымъ писателямъ едва доспаетъ
 еѣ на водевилъ, на маленькую комедійку. *Сер-
 вантесъ, Мольеръ, Болларше, Шериданъ, Фонъ-
 Визинъ*... еще пятокъ—и конецъ щету. Не
 споримъ, что и важные, даже печальные
 предметы въ изящныхъ произведеніяхъ до-
 спавляютъ величайшее удовольствіе; не го-
 воримъ также, что палантъ писатъ важ-
 ное, ниже паланта писатъ смѣшное; зна-
 емъ однако же, что послѣдній палантъ рѣ-
 же; еще знаемъ,—что рѣдкое дорого.

Казалось бы, что веселымъ, или по край-
 ней мѣрѣ колкимъ сочиненіямъ, нигдѣ такъ
 ни привольно роспи и роишься, какъ на
 Руси. На словахъ у насъ — опъ барина до
 крестьянина—всѣ комики. Ни въ какомъ об-
 ществѣ вы не услышите сполько шупочекъ
 и смѣха, какъ въ обществѣ Русскихъ. Не
 подпрунивъ, не посмѣявшись надъ пѣтъ,
 что смѣшно, имъ и бесѣда не въ бесѣду. По-
 камѣспъ, собспвенно комиками мы небогаты:
 но намъ не лзя роппать, чтобъ у насъ мало
 было оспроумныхъ писателей. Если намъ
 должно жаловаться, такъ развѣ на недоспа-
 токъ благодарности. У насъ были: *Державинъ*,
 который въ лирической сапирь под-
 нялъ, какъ говоритъ, на зубокъ всю
 свою современность; *Фонъ-Визинъ*, — ко-
 порому оспавалось лишъ писатъ споль-
 ко, сколько писалъ *Вольтеръ*, чтобъ бытъ

Фернейскою грозою. Не при насъ ли жилъ *Грибоедовъ*, сочинитель комедіи, не совсѣмъ комедіи—но безсмертной книги: по тонкости оспроуть, удивительно вѣрныхъ замѣтокъ и множеству истинъ, книги современныхъ по-словницъ, выраженныхъ прекраснѣйшими сти-хами? Еще живъ *И. И. Дмитриевъ*, съ своей тонкою, благородной шуткою. Еще пишутъ у насъ *Крыловъ и Пушкинъ, Марлинскій и За-госкинъ*... а у насъ на весь міръ кричатъ, что бѣдная Русь совсѣмъ не имѣетъ ни липе-ратуры, ни писателей, не говоря уже о писателяхъ оспроумныхъ... Бѣдная Русь! Проговоритесь же теперь про *Княжнина*, про *Кантелира*; назовите, между народными славами, *Курбскаго и Иоанна IV*, какъ оспро-умныхъ писателей... Боже васъ сохрани! вамъ, какъ *Галилею*, не найти и мѣста на бѣломъ свѣтѣ!—Повѣрьте, у насъ есть ли-пература, и больше писателей, нежели лю-дей, умѣющихъ цѣнить ихъ!

Съ комедіею *Ревизоръ* мы приобрѣли право щипать у себя и не одного отличнаго ко-мика. *Г. Гоголь* показалъ въ себѣ истинно ко-мическій талантъ. Онъ взялся именно за то, на что призванъ. Его комедія — суцая ко-медія! Въ *Современникъ* справедливо замѣче-но, что Русскіе такъ не смѣялись со вре-менъ *Фонъ-Визига*. Въ самомъ дѣлѣ, если ос-тавить сравненіе по слогу эпитихъ двухъ пи-сателей: то самъ сочинитель *Писемъ изъ Франціи* не отбрънетъ васъ эпиграммой, ко-гда вы посадите подлѣ него сочинителя *Ревизора*. Это двоюродные братья! *Г. Го-голь*, какъ и поэтъ, не даетъ вамъ отдыха отъ начала пьесы до конца. Самыя смѣшныя положенія, обороты въ словахъ, не опходя-щія однакожь отъ природы, онъ сыплетъ какъ миліонщикъ золоти, безъ жалости и испощенія. Что только немного разъ въ жизни вамъ удалось видѣть или услышать чрезвычайно смѣшнаго, вы видите здѣсь без-престанно, слышите почти въ каждомъ сло-вѣ дѣйствующихъ лицъ. Человѣкъ съ слабы-ми нервами можетъ болѣе спазмовъ; огор-ченный, задумчивый, долженъ бѣжать въ театръ, когда предсавляютъ *Ревизора*. Эта комедія исцѣлила многія печали, разгонила многія хандры. Теперь, чего давно не бывало,

вы не отъ одной *Споркиной* въ *Говорунѣ*, по отъ многихъ милыхъ дамъ услышите:

«Ахъ, я охотница большая до комедій!»

Содержаніе новой пьесы очень просто. Молодаго Петербургскаго чиновника при-няли въ уѣздномъ городкѣ (*между Пензою и Саратовымъ*) за ревизора. Онъ почванился передъ провинціалами, собралъ съ нихъ лёгенькій оброчикъ, поволочившись за женою и дочерью городничаго, помолвилъ на по-слѣдней—и уѣхалъ. Обманъ открылся; го-родничій и другіе прочіе поднимаютъ къ небу руки, а занавѣсъ опускается!—Нѣкопы-рые сомнѣваются въ возможности подобна-го происшествія: они говорятъ, что и Русь не та нынѣ, и городничіе ужъ не такіе... Мало ли они что говорятъ! А одинъ спен-ной помѣщикъ сказывалъ намъ, что въ ихъ именно городкѣ случилось почъ впочъ та-кое же происшествіе; другой, опноя это къ своему городку, называлъ мнѣ подлинными, крещеными именами чиновниковъ и чинов-ницъ, копорымъ онъ кланялся, какъ знако-мымъ, въ *Ревизорѣ*. Въ этомъ случаѣ, кажет-ся, надобно вѣрить меньше жителямъ спо-лицъ. Быть можетъ, спеняки нѣсколько и ошибаются; но эта самая ошибка лучше всѣхъ сужденій изъ Петербурга о провин-ціяхъ доказываетъ, что въ новой комедіи происшествіе бывалое; что сочинитель схва-тилъ съ природы разсыяныя общія черты провинціаловъ, умѣлъ перелить ихъ въ свои характеры съ такимъ искусствомъ, что мно-гіе думаютъ видѣть въ нихъ извѣстныхъ имъ людей. Повѣрьте, что *Гоголь* больше папурщикъ, нежели выдумщикъ. *Антонъ Антоновичъ, Анна Андреевна, Марья Антоновна, Иванъ Кузьмичъ, Аммосъ Ѳеодоровичъ, Лука Лу-кичъ*, нѣжнѣйшая его половина, а особенно созданные художническою кистью *Петръ Ивановичи* — еще найдутъ себѣ читателей, копорые, подобно марпышкѣ, увидѣвшей себя въ зеркало, будутъ показывать на нихъ пальцами и говорить: «спосмопри, куманѣкъ, какаѣ рожа!»

Лучшія мѣста въ комедіи: все первое дѣй-ствіе, гдѣ такъ живо, естественнo пред-ставлена тревога чиновниковъ уѣзднаго го-

рода, которые, услышавъ про ревизора, поднялись и не знаютъ что дѣлать, какъ галки передъ ненаשמь; монологъ сподличнаго слуги *Осипа*, который шакъ масперски рисуешь Сввернюю Пальмиру съ лакейской точки зрѣнія; образцовое хвасповспство *Хлестанова*; представленіе ему чиновниковъ; шумный съездъ церемоннаго городнишка для поздравленія семейству *Антоня Антоновича* и чтеніе письма въ послѣднемъ актѣ. Но верхъ комическаго искусства — это сцена, въ которой запыхавшіеся *Петръ Ивановичи* рассказываютъ о прїездѣ ревизора: сцена уморительная до нельзя! Бросимъ перо; пусть говорятъ они сами:

Бобгинскій. Чрезвычайное происшествіе!

Добгинскій. Неожиданное извѣстіе!

Всп. Что? что такое?

Добгинскій. Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостиницу...

Бобгинскій (перебивая). Приходимъ съ *Петромъ Ивановичемъ* въ гостиницу...

Добгинскій (перебивая). Э, позвольте, *Петръ Ивановичъ*, я расскажу.

Бобгинскій. Э, нѣтъ, позвольте ужь я... позвольте, позвольте... вы ужь и слога шакого не имѣете.

Добгинскій. А вы не помните всѣхъ обстоятельствъ; вы сей часъ собьетесь.

Бобгинскій. Э, нѣтъ помню, ей Богу помню. Ужь не мѣшайте, пусть я расскажу. Не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобы *Петръ Ивановичъ* не мѣшалъ.

Городнигій. Да что такое, говорите ради Бога, что такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! сдѣлайте милость садитесь! возьмите спудья! *Петръ Ивановичъ*, вошь вамъ спудь! (*Всп* усаживаются вокругъ *Петровъ Ивановичей*). Ну, что такое?

Бобгинскій. Позвольте, я сей часъ по порядку: какъ только вышелъ я опъ васъ... Э, не мѣшайте *Петръ Ивановичъ*, не говорите ужь ничего, сдѣлайте милость, я ужь самъ знаю... Какъ только вышелъ я опъ васъ, то побѣжалъ поспѣшь къ *Коробкину*, а не заспавши

Коробкина дома, заворотилъ къ *Ростановскому*, а не заспавши *Ростановскаго*, зашелъ вошь къ *Ивану Кузьмичу*, чтобы сообщить ему полученную вами новость, а идучи опшуда, встрѣчился съ *Петромъ Ивановичемъ*.

Добгинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобгинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Слышали ли вы, говорю я *Петру Ивановичу*, о пошй новостн, которую получилъ *Антонъ Антоновичъ* изъ достовернаго письма. А *Петръ Ивановичъ* уже слышали объ этомъ опъ ключницы вашей *Авдотьи*, которая не знаю за чѣмъ-то была послана къ *Филипу Антоновичу Погегуеву*.

Добгинскій. За боченкомъ для Французской водки.

Бобгинскій. За боченкомъ для Французской водки. Вошь мы пошли съ *Петромъ Ивановичемъ* къ *Погегуеву*... Э, сдѣлайте одолженіе, *Петръ Ивановичъ*, не перебивайте, пожалуста не перебивайте!... Пошли къ *Погегуеву*, да на дорогѣ *Петръ Ивановичъ* говоритъ мнѣ: сегодня, я знаю, привезли въ пракширь свѣжей сѣмки, шакъ пойдемъ закусимъ. Только что мы въ гостиницу, какъ вдругъ молодой человекъ...

Добгинскій (перебивая). Педурной наружности, въ партикулярномъ плащѣ.

Бобгинскій. Не дурной наружности, въ партикулярномъ плащѣ; ходитъ по комнатѣ и въ лицѣ такое разсужденіе и физиономія... шакіе важные поступки шакъ здѣсь (*вертитъ рукою около лба*) много, много всего. Я, шакъ какъ будто предчувствовалъ и говорю себѣ: здѣсь что нибудь да не даромъ. А *Петръ Ивановичъ* пошчасъ мигнули пальцомъ и подозвали пракширщика *Власа*: у него жена при педѣли назадъ тому родила, и шакой хорошей мальчикъ, большія надежды; со временемъ шакже какъ онецъ будетъ содержать пракширь. Подозвавши *Власа*, *Петръ Ивановичъ* спросилъ пошхоньку: кшо шакой эшонъ молодой человекъ; а *Власъ* говоритъ: это, говоритъ... Э, не перебивайте, *Петръ Ивановичъ*; вы не расскажете, ей Богу не расскажете; вы не

много шепеляете; у васъ, я знаю, одинъ зубъ со свистомъ... Эпо, говоришь, молодой человекъ, чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга: Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, а ѣдетъ въ Саратовскую губернію, и что чрезвычайно странно себя апестууетъ: больше полторы недѣли живеть, дальше не ѣдетъ, забираетъ все на щепъ и денегъ хопъбы копѣйку заплашилъ. Меня въ одну минуцу такъ и вразумило. Э! говорю я *Петру Ивановичу*...

Добгинскій. Нѣтъ, *Петръ Ивановичъ*, это я сказалъ: э!

Бобгинскій. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. Э! сказали мы съ *Петромъ Ивановичемъ*, съ какой снапи слѣтъ ему здѣсь, когда дорога ему лежишь Богъ знаетъ куда: въ Саратовскую губернію?— Это вѣрно не кто другой, какъ самый поипъ чиновникъ.

Городничій. Что вы говорите! не можете быть (*Придвигаетъ поближе стулъ*). Да нѣтъ, это вамъ такъ показалось. Это кто нибудь другой.

Бобгинскій. Помилуйте, какъ не онъ! И денегъ не плашишь и не ѣдетъ; кому же-бъ быть, какъ не ему? И съ какой снапи жилъ бы онъ здѣсь, когда ему прописана подорожная въ Саратовъ?

Добгинскій. Онъ, онъ, ей Богу, онъ... Я спавлю Богъ знаетъ что... Такой наблюдательный: все осмотрѣлъ и по угламъ вездѣ, и даже заглянулъ въ наши шарелки любопытствовать что ѣдимъ. Такой осмотришельной, что Боже сохрани.

Городничій. Ахъ, Боже мой! помилуй насъ грѣшныхъ! Гдѣ же онъ шамъ живеть?

Добгинскій. Въ 5-мъ Но, подъ лѣспницей.

Бобгинскій. Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

Городничій. И давно онъ ужъ здѣсь?

Добгинскій. Ужъ будетъ полторы недѣли. Приѣхалъ на *Власа* Египтянина.

Городничій. Полторы недѣли! что вы! (*въ сторону*): Ай, ай, ай! (*погесывалъ ухо*) въ эни полторы недѣли высъчена почти напрасно уншерь-офицерская жена! Боже мой! въ эни

полторы недѣли арестанпамъ никакое провизи не опшускали. На улицахъ кабакъ, нечиспома. О, Боже мой, Боже мой... (*хватается за голову*).—

Со спороны уѣзднаго городка г. *Гоголемъ* все исполнено прекрасно. Если чья роля не совсѣмъ у него выдержана, такъ это роля *Хлестакова*. Его принимаютъ за ревизора, а онъ думаетъ, что его хопяшь взять въ шюръму; ему дають займы денегъ, съ намѣреніемъ *тонкимъ и политичнымъ*, а онъ удивляется глупости чиновниковъ! Между тѣмъ, какъ поддерживая обманъ провинціаловъ, онъ увеличивалъ бы вѣролпность проишествія. Еще слабѣе выражень въ немъ столичный жипель. Спешняки не опливаютъ такихъ пулъ, какими онъ нѣжничалъ передъ *Анной Андреевной* и *Марьей Антоновой*! Словомъ, *Александръ Ивановичъ* ни умный, ни глупецъ, ни провинціалъ, ни столичный; ни на что не похожъ: *горть знаетъ, что такое*! Сколько по изданнымъ сочиненіямъ г. *Гоголя* замѣтно, онъ неподобно рисуешь сцены уѣздныя, людей средняго и нисшаго быта; но едва поднимается въ словы высшаго общеспва, какъ опъ души желаемъ, чтобы онъ опять спустился въ прежнюю свою сферу. Уѣздные городки—вопъ его царспво! Прибавлять ли и намъ, что комедія г. *Гоголя* по мѣстамъ забавна не для всѣхъ: двусмысленностями, словами и выраженіями низкими. Правда, это кровный недостапокъ комиковъ, доставшійся имъ опъ прапрадѣда ихъ *Фесписа*. Чѣмъ ближе къ этому родоначалнику, тѣмъ болѣе вольность комиковъ доходила до безспыдства. Писатели новыхъ народовъ въ эпомъ опношеніи еще опспали опъ *Плавта* и *Теренція*, опъ самаго *Аристофана*, хопя никто съ такимъ нѣжнымъ чувствомъ не понималъ прелести излщнаго, какъ Греки. Это не сполько потому, что испинный талантъ не въ соспояніи нравипсья однимъ благородносмѣшнымъ, сполько потому, что всякой талантъ упоминается и ищеть средствъ легчайшихъ: грубое скорѣе придумывается, чѣмъ благородное. Но шамъ нѣтъ опспроуміа, гдѣ заспавляють смѣлпсья опъ безспыднаго. Въ мысляхъ, выраженіяхъ, по-

спупкахъ челоѵѵка прекрасно — одно цѵло-мудренное.

Замѵчая эпи недоспапки, и попомъ вспо-мнивъ необыкновенную веселоспъ г. *Гоголя*, вспо-мнивъ какъ онъ сильно чувспвуепъ, какъ рѵзко выражаепъ челоѵѵческіе недоспапки, потчасъ шупѵепъ всякая насмѵшка надъ пѵмъ, который самъ сполько насмѵшливъ. На всѵхъ невозможно угодитъ. До скончанія мїра теоретикки будупъ чипапъ преполез-ныя наспавленія писателемъ, а писатели—ихъ не слушатъся. Правила сочинителемъ—пустая пѵсня! По-насполящему, не надобно никогда учить ихъ, ни бранить средспвъ, копорыми они нравятся, лишь бы нрави-лись, кромъ средспвъ безнравственныхъ. Какая нужда, хопя бы въ комедїи г. *Гоголя* были кое-гдѵ оплошности, памъ и здѵсь не по нашему, да если мы смѵемъ безъ памя-пи бипыхъ при часа, при каждомъ повпо-ренїи чпненія веселы, какъ при первомъ... какая нужда?

Въ рукахъ *Корреджіо* не было ни цырку-ля, ни маштаба, когда онъ въ первый разъ размапривалъ карпину *Рафаэля*: но какъ онъ чувспвовалъ! Помните ли, даже въ бы-лое, благословенное для рипорикъ и маш-табовъ время, съ какимъ негодованїемъ вспрѵ-чены были спатъи одного крипика, копо-рый, разбирая исторїю Н. М. *Карамзина*, эпопъ изящный, чудный храмъ вкуса и об-разованности, безпреспанно ссылаелся на Всероссійскую грамапикку, и говорилъ: а по-такому-по § сіе прилагательное не такъ надлежало согласовапъ съ сущеспвитель-нымъ! Нѵпъ, о произведенїяхъ литературы надобно судить по чувспву, которое онъ въ насъ производипъ: въ нихъ по прекрасно, что нравится людямъ образованнымъ, не поперявшимъ нѵжности сердца. Пусть г. *Гоголь* пишепъ, какъ онъ пишепъ: всякой великъ, пока дѵспвуепъ въ своей сферѵ. Пусть онъ еще подарипъ намъ комедїю, хопъ не лучше *Ревизора*: полько бы не по-впорялъ себя въ пѵхъ мѵспахъ, при копо-рыхъ краснѵепъ спыдлиность.

Вообще, неспощимоспъ оспропъ, по-большей части вызванныхъ изъ дѵспвї-тельного быпа; споспность проговаривапъ-

ся ими мїмоходомъ, какъ-бы печально; мы-сли не за волосы припаянупы, но сорвав-шіяся съ языка,—все эпо дѵлаепъ паланпъ сочинителю *Ревизора* чрезвычайно замѵча-пельнымъ. Кромъ того, въ г. *Гоголь* еспъ особенный взглядъ на предметы, копорому онъ научился въ мѵспѵ своей родины, и ко-порый такъ прїятно увеличиваетъ разнооб-разїе нашей словесности. Его произведенія надобно опнеспи къ тому роду поэзїи, ко-порую *Шиллерг* называлъ *простодушною*: намъ должно называпъ ихъ *Украинскими*. Г. *Гоголь* обыкновенно описываепъ мелочныя обспоя-пельспва и ничтожные случаи, но расска-зываетъ о нихъ съ важностью, какъ о не-обыкновенныхъ происшеспвїяхъ мїра. Объ-спняясь предположенїями ложными, однако же свойспвенными тому челоѵѵку, копо-рый предполагаепъ, мысля грубыми предразсуд-ками, оппуская даже глупоспи въ лицѵ ка-кого нїбудь глупца — онъ сохраняепъ при эпомъ сполько умспвующую, дальновїдную, убѵдипельную физиогномїю, что вамъ сна-чала покажется, не щипаепъ ли самъ онъ такими важными эпи бездѵлицы. Онъ ни-когда не подаспъ вамъ подозрѵнїя, что шу-пипъ. Простодушіе его такъ велико, что еще сомнїпельно, знаетъ ли самъ онъ, что онъ спакъ оспѵрь и забавенъ. Обманупый эпой простотою, другой нашъ писателъ, въ своемъ родѵ сполько же простодушный, до сихъ поръ думаепъ, что онъ оспрѵе *Гоголя*. Эпимъ сочинителъ *Ревизора* опли-чаепся опъ всѵхъ нашихъ писателей. Онъ не подражатель: по опъ него или напнеп-ся динаспїя особыхъ *Украинскихъ* писателей, или онъ оспанепся одинъ въ своемъ родѵ. Упвердипельно можно сказапъ, что до г. *Гоголя* у насъ не было *Гоголя*. Извѵспный всѵмъ любипелемъ словесности и прежде по *Вегераль* на хуторъ близъ *Диканьки*, *Сортъ* *Ивана Ивановича* съ *Иваномъ Никифоровичемъ*, *Запискамъ сумасшедшаго*, — комедїею *Ревизоръ* онъ упвердилъ за собою имя любипца Пуб-лики. Въ теапрѵ — оглушипъ васъ непре-рывный смѵхъ; въ общеспвахъ — какъ по-лько начнепся рѵчь объ эпой комедїи, пот-часъ всѵ засмѵюпся. Кажепся, нельзя гово-рїпъ о ней, не смѵявшись, и по крайней

мѣръ пеперь нечему и посмѣяясь, если не говорить о *Ревизорѣ*. Г. Гоголь нещасливѣе *Фонъ-Визина* только на криптику. У насъ писали, писали о первомъ, со всею размашкою рукъ, со всѣми манерами современной высокой криптики, исписали цѣлыя спираицы... Но еслибъ всё это было и безъ брани и безъ зависти: то и тогда сочинитель *Недоросля* не промѣнялъ бы на нихъ при слова, сказанныя ему великолѣпнымъ княземъ *Тавригескимъ* послѣ блистательнаго успѣха его комедіи: *Теперь умири, Денисъ!*

Петръ Сербреный.

Юля 5-го.

M O D E S.

Il semblerait que toute la mode se résume dans ce moment par le mot *écharpe*; c'est sur cet objet que s'exerce l'imagination, et c'est à en varier tous les jours la forme et les couleurs que travaillent nos habiles couturières. Maintenant que cette mode, qui sied si bien a été adoptée presque généralement, il faut, pour lui ôter sa vulgarité, l'orner d'accessoires assez riches pour que le prix ne puisse en être atteint par tout le monde. Il faut que la hauteur des dentelles noires soit d'un demi-pied pour les écharpes de *pou de soie* noire et que les *angletteres*, les *malines*, les *valenciennes*, et les points de *Bruxelles*, dont on garnit les écharpes, soient d'une grande beauté. Cette recherche peut seule sauver de la banalité qui devient si souvent funeste aux plus jolies choses. Puisque nous nous trouvons en train de donner des conseils qui, je l'espère, seront bien accueillis par nos aimables lectrices, et que la stagnation de la mode nous permet de raisonner un peu *théorie*, nous dirons, relativement aux chapeaux de paille d'Italie, ce que nous avons dit pour les écharpes: il faut les avoir beaux ou ne pas les avoir du tout; car si cette coiffure est charmante, lorsqu'on peut la porter d'un tissu léger et fin, elle devient affreuse et commune du moment que le travail en est grossier et inégal. Il est facile, lorsque la fortune ne permet pas de mettre un prix très élevé à un chapeau de paille d'Italie, de le remplacer par une de ces jolies pailles cousues que l'industrie a su rendre si souples et si molles: c'est un très joli chapeau du matin; et pour le soir n'a-t-on pas les chapeaux de paille de riz, sur lesquels les plumes et les fleurs sont d'un si agréable effet?

Pl. No 21. Chapeau de pou de soie. — Voile de tulle. — Robe de mousseline de laine. — Pelerine de mousseline brodée. — Chapeau de pou de soie. — Robe de mousseline. — Chapeau de paille anglaise. — Robe de pou de soie manches de mousseline.

М О Д Ы.

Кажется, что теперь вся мода заключается въ словѣ шарфъ; воображеніе упражняется только на этомъ предметѣ, а наши искусныя швеи спараются безпрестанно о разнообразіи цвѣтовъ и фасоновъ. Теперь, когда эта мода, которая такъ хорошо ко всѣмъ идетъ, вошла почти въ общее употребленіе, то надо, для сбереженія ея отъ простонародности, чѣмъ цѣнность принадлежитъ ей. Нужно, чѣмъ черныя кружева для шарфовъ изъ *pou de soie*, были шириною въ пол-рука, а бѣлыя: какъ-то: Англійскія, *malines*, *valenciennes* и Брюссельскія, коими обшиваются бѣлыя шарфы, были великолѣпныя. Эта изысканность только можетъ спасти отъ излишняго употребленія, что часно бываетъ гибелью самыхъ красивыхъ вещей. Если мы уже въ расположеніи давать совѣты, кошорые, надѣюсь, будутъ приняты нашими любезными читательницами, и какъ *стольнѣ* моды позволяеть намъ немного разсуждать о теоріи, мы скажемъ, въ отношеніи Италіанскихъ соломенныхъ шляпъ, тоже самое, что говорили о шарфахъ: надо имѣть ихъ красивѣйшія, или совсѣмъ не имѣть, попому что если этойъ уборъ предельно, когда ткань легкая и тонкая, то отъ дѣлается безобразенъ и слишкомъ обыкновененъ, какъ скоро выдѣлка груба и неровна. Впрочемъ, весьма легко, когда состояніе не позволяеть употребить много денегъ на Италіанскую шляпу, замѣнить ее этими красивыми сшитыми шляпками, столь улучшенными промышленностію: отъ весьма красивы для утра; а для вечера развѣ нѣтъ басновыхъ шляпъ, на кошорыхъ перья и цвѣты дѣлають столь пріятный видъ?

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карш. No 21. Шляпка изъ *pou de soie*; тюлевой вуаль; платье изъ шерстяной кисеи; пелерина изъ вышитой кисеи; другая шляпка изъ *pou de soie*; кисейное платье; шляпка изъ Англійской соломы; платье изъ пу дѣ суа; рукава кисейные.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ,

№ 61.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюля 29 дня 1856 года.

О роза нѣжная! почто нельзя съ побой
Мнѣяться мнѣ судьбой?
У Клеи на груди ты блекнешь, увядаешь;
А я бы обжилъ шамъ, гдѣ смерть ты обрѣшаешь!

П. Сумароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ТРИ ТРОСТИ Г. БАЛЬЗАКА.

Г. *Бальзакъ* имѣетъ три трости; одна изъ нихъ сдѣлана г. *Гюрстоломъ*, другая г. *Дантаноломъ*, а третья г-жею *Эмилиєю Жирарденъ*, бывшею *Дельфиною Ге*. Но всѣ эти три трости вмѣстѣ составляютъ одну и ту же трость.

1-я трость г. *Бальзака*, работы *Гюрста*, есть въ своемъ родѣ чудо-механизма. Но для чего она такъ огромна? для чего необыкновенною полщиною своею напоминаетъ намъ тѣ ужасныя дубины, называемыя *правомъ геловѣка и гражданина*, которыми *Боссіо* и *Карлъ Вернетъ* вооружали гудаконъ своихъ (*Incro-yables*) въ дѣло VIII-е Французской республики?—Что заключаетъ она въ обширныхъ нѣдрахъ своихъ? Зонтикъ, шпату, желѣзную кроватъ, кинжалъ—или заговоръ противъ правительствъ?—Ничего не бывало; трость эта въ верхней часпн своей сохраняетъ щегольской баписповый плашокъ г. *Бальзака*, замѣченный гописческими литератами Н и В. Въ нижнихъ же отдѣленіяхъ ея, копо-

рия идушь уменьшаясь каждая въ діаметрѣ до самаго конца, г. *Бальзакъ* помѣстилъ зубочистку, уховѣртку, щетку для волосъ, гребеночку для бакенбардъ, маленькое зеркальце—и тысячу другихъ вещицъ, принадлежащихъ къ туалету; но мы ихъ вычислять не станемъ, потому что самъ г. *Бальзакъ*, въ остроумномъ и полномъ логики опчепѣ своемъ, о пѣяжбѣ его съ *Парижскими Обозрѣніемъ* (*Revue de Paris*), очень справедливо сказалъ намъ: «Ничего нѣтъ грустнѣе, какъ присутствовать заживо при описи своего движимаго имѣнія (даже трости своей), и такими образамъ выставлять на показъ внутренность своего дома, этаго священнаго пріюта, гдѣ мы плачемъ, радуемъ, любимъ или наслаждаемъ любовною милаго существа.» Однако-жь, сколько разъ была уже дѣлана опись вещей этого, который описываетъ намъ домашнюю упварь героевъ и героинь своихъ, съ ппакою занимательною подробностію, что мы, по одной разстановкѣ мебели, угадываемъ характеръ ихъ, спраспи, склонности—однимъ словомъ—всю правспвенную жизнь ихъ!—Припомъ, развѣ *сдержніе нажалы не садились на софу г. Бальзака*, не входя въ его комнату,

и не рассказывали послѣ того, что у него дѣлалось въ это время? Развѣ не разстилали они у него какихъ-то мнѣмыхъ ковровъ, не ставили фантастическія диваны, не одѣвали лакеевъ его въ пригудливую ливрею и не покрывали лакомъ его экипажей?» И такъ, не будемъ спарашиваться разсматривать пророчи г. *Бальзака*, куда непоспимая пайна заграждаетъ намъ входъ, извѣстный только г. *Гюрсту* и ему. Г. *Гюрстъ*, который публично вызывалъ г. *Фишѣ* оппереть замки его, и эскимъ печатнымъ слѣсарскимъ вызовомъ облѣплялъ въ печеніе шести мѣсяцовъ всѣхъ спѣны Парижскихъ домовъ, г. *Гюрстъ* лучше бы сдѣлалъ, если бы предложилъ г. *Фишѣ* попробовать отворить пророчи г. *Бальзака*. — Мы бы никогда не повѣрили, если бы г. *Бальзака* самъ не сказалъ намъ того, что болѣе тридцати человекъ въ Парижѣ имѣютъ пророчи гораздо богаче его — и именно графъ *В.*, у котораго въ набалдашникѣ вдѣланъ солиперъ въ 6,000 франковъ; графъ *В.* познакомилъ пророчи свою съ пророчию г. *Бальзака*, и мы согласны съ *Бальзакомъ*, что шулка эта была чрезвычайно умѣстна и остроумна.

2-я пророчи г. *Бальзака*, работы г. *Дантана*, представляетъ родъ колонны, украшенной стѣклами, и съ эпою пророчию, г. *Бальзака*, какъ двѣ капли воды, походящъ на *Наполеона*, прогуливающегося съ *Вандомскою* колонною въ рукѣ. — Обыкновенная пророчи есть для другихъ только постороннее обстоятельство; но пророчи г. *Бальзака* составляетъ главное опличительное свойство его; слѣдовательно, её узнаютъ не по автору *Евгени Грандѣ*, физиологическому или отцу *Горид*, но эта пророчи чудовище — одна заспавляетъ узнавать г. *Бальзака*, и Парижскіе зѣваки на переходѣ панорамы, завидя её издали, говорятъ другу: «Смотри, вонъ идетъ г. *Бальзака*.»

3-я пророчи г. *Бальзака* работы г-жи *Эмилии Жирарденъ*. — За двумя первыми пророчи, о которыхъ мы говорили, происходитъ часпное замѣчаніе г. *Бальзака*; — но за эпою г. *Бальзака* исчезаетъ вдругъ, также проворно, какъ мушкатный орѣхъ подъ спаканомъ фокусника. Ему, или кому другому, спобитъ только взять её въ лѣвую руку. Съ помощію

эпою чудесной пророчи *Танкредъ Дориліонъ* избѣгаетъ неприятности сводить собою съ ума всѣхъ женщинъ, что, — вы согласитесь, есть совершенное нещасіе для молодого и прекраснаго мужчины. Оно преслѣдуетъ его вездѣ, всегда, на каждомъ шагу, и не даетъ ему покою ни днемъ, ни ночью. Словомъ, это пустое преимущество, которому завидуютъ глупцы, называлъ его щасіемъ, эпою несносный даръ боговъ, дѣлаетъ красавца опчужденнымъ опъ свѣта *Паріемъ*, осужденнымъ влачить бѣдственную жизнь между оспорожными опцами и ревнивыми супругами; но, благодаря *Гигетической* пророчи своей, *Танкредъ Дориліонъ*, невидимый какъ солнце во время заппѣнія, чинаетъ въ сердцахъ женщинъ также проворно, какъ г. *Бальзака* прочиталъ въ сердцѣ тридцатилѣтней красавицы, *Эмилии Грандѣ*, г-жи *Жюль*, и г-жи де *Боссейнъ*. Потомъ, когда пробѣжавъ всѣ спраницы эпою огромнаго и любопышнаго инфоліо, *Танкредъ* находилъ между ними одну, совершенно по своему вкусу: тогда онъ дѣлаетъ на ней опмѣтку, знакомится, женится, опвозитъ молодую жену въ *Блуа*, и наконецъ даритъ пророчи свою г. *Бальзака*, который имѣетъ въ ней нужду, для того, чтобы проникнуть въ душу наслѣдниковъ *Буаружей*, если только есть какая нибудь душа у наслѣдниковъ.

Нѣкогда г-жа *Жирарденъ* наблюдала оптренній мѣръ сквозь спекло своего волшебнаго лорнета; но теперь завела она оптическую пророчи, посредствомъ которой дѣлаетъ правственные замѣчанія свои съ пою неподражаемою смѣпливостію, съ тѣмъ понкимъ наблюдательнымъ умомъ, которые свойственны ей полу. — Извѣстно, что глубокое знаніе сердца человеческого дано только однимъ женщинамъ и г. *Бальзака*.

T.

РАЩЁТЛИВЫЙ.

«Тысячу палеровъ» сказалъ одинъ Гасконецъ: «назначилъ я своему повару, полпоры псылчи секретарю, сто лундоровъ камердинеру.» — Возможно ли эпо? — возразилъ его знакомецъ: какимъ образомъ располагаешь

ны, планишь такія важныя суммы, при ограниченныя доходахъ своихъ? — «Планишь! Кто говоритъ тебѣ это? Ты знаешь, что я никогда не плачу.»

МНѢНІЕ ОДНОГО БАРОНА О ГАЗЕТНЫХЪ НОВОСТЯХЪ.

Баронъ В. сдѣлался такъ недоувѣрчивъ къ газетнымъ повоспѣямъ, что всѣ оныя почтпалъ наконецъ за хипрїя выдумки купцовъ и спекулянтовъ. Однажды сказали ему, что явившюся погда комету можно было видѣть проспыми глазами. «И, другъ мой!» отвѣчалъ онъ: «Это опять какая нибудь биржевая спекуляція!»

НИЧЕГО НЕМУДРЕНО.

Извѣстный полстопкою своего шуловища и кошелька опкущикъ *Стакановъ* пришелъ въ Туль въ книжную лавку и спросилъ, чпобы ему подали *Согиненія Державина*. Но увидя на нихъ 1799 годъ, вскричалъ съ досадою: *это все старое; не написалъ ли онъ чего новинькаго?* —

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДОБРЫЙ СЫНЪ.

(Разсказъ.)

Братья *Докуры*, милїонщики и оба главные опкущики, опмичались примѣрною честностію и пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Они одолжали безъ грубости, сужали деньгами, не разоряя должниковъ своихъ безсовѣстными процентами, и вообще ни въ чемъ не походили на большую часть собратій своихъ, которыхъ имена я умалчиваю. Братья *Докуры* имѣли другъ съ другомъ тяжбу и, по этому случаю, писали одинъ къ другому такую злобу, что однажды спаршій, ругая брата при двухъ сыновьяхъ своихъ, забылся до того, что выговорилъ то ужасное слово Англійскаго короля *Генриха II*, которое стоило жизни *Бенешу*, архіепископу Камбрейскому:

«Не ужьли никто не избавитъ меня отъ этого негодяя?»

Сыновья спарались смягчить опца, но щещино. На другой день въ 8 часовъ утра, меньшей пришелъ въ кабинетъ къ опцу, заперъ за собою двери и подошелъ къ спарику, который видя необыкновенную его блѣдность, спросилъ, чпд съ нимъ сдѣмалось?

«Бапюшка,» отвѣчалъ молодой человекъ: «вы вчера приказали одному изъ насъ опспити дядѣ за вашу обиду.»

— Я? —

«Конечно! Развѣ не вы сказали: *не ужьли никто не избавитъ меня отъ этого негодяя?*»

— А! теперь помню!... но это было сказано такъ... въ запальчивости... —

«Я исполнилъ ваше желаніе.»

— Какъ? когда? —

«Сегодня поутру.»

— Боже! братъ мой! —

«Не существуетъ!»

— Несчастный! чпд ты сдѣлалъ... ты убилъ дядю, который вѣрно не хотѣлъ драхься съ злобою... Бѣги—возьми это золото,—эти ассигнаціи... Ты будешь имѣть въ нихъ нужду... —

Молодой *Докуръ* взялъ тысячу дуидоровъ, обнялъ опца и хотѣлъ иппи, какъ вдругъ опять воропился.

«Смѣю ли сказать вамъ, бапюшка, что у меня есть долги?»

— Я заплачу ихъ. —

«Я бы хотѣлъ избавитъ опъ нихъ прежде моего опъзда... Я боюсь, чпобы въ теперешнемъ моемъ положеніи это не сдѣмало огласки.»

— Понимаю!... Но поѣзжай, поѣзжай скорѣ... Я боюсь, чпобы не погнались за злобою въ погоню... А чпд, я думаю, ты надѣлалъ пьму долговъ? —

«Нѣтъ, только 80,000 франковъ.»

Опкущикъ опперъ сундукъ свой, опщипалъ 80,000 фр. и со вздохомъ опдалъ ихъ сыну.

— Твой безразсудный поступокъ сподѣишь мнѣ 100,000 ливровъ,—сказалъ онъ,—но спайся, ради Бога, спайся поскорѣе.—

Они опять обнялись, и наконецъ молодой *Докуръ* удалился.

Куда поѣхалъ онъ? въ Англію? О нѣтъ! но къ дядѣ—который совсѣмъ не былъ убитъ имъ, не видалъ его и совсѣмъ не ожидалъ его посѣщенія.

«Любезный дядюшка,» сказалъ онъ войдя въ комнату: «бапюшка желаетъ примириться съ вами.»

— Что ты говоришь? —

«О, дядюшка! вѣрите, что это суцая правда; я спарался примирить васъ, и успѣлъ въ моемъ предпріятіи. Бапюшка проситъ васъ сегодня къ нему обѣдать. Я провожу васъ къ намъ, не правда ли, любезный дядюшка?»

Докуръ, который внутренно радъ былъ помириться съ братомъ, началъ спрашивать племянника, и узналъ, что добрый молодой человекъ жертвовалъ собою.

— Какъ такъ?—спросилъ онъ.

«Я задолжалъ,» отвѣчалъ онъ, и гнѣваясь на меня за то, что я съ жаромъ принялъ спорону вашу, не хочешь заплащать моего долгу.»

— А сколько долженъ ты? —

«Бездѣлицу.»

— А какъ напримѣръ? —

«80,000 ливровъ.»

— Чортъ возьми!.... да это можешь сдѣлать состояніе честному человеку.... Слушай, проказникъ... воптъ возьми, отдай это въ зачетъ своимъ кредитпорамъ, и они согласятся подождать оспальной суммы. —

И 180,000 франковъ ассигнаціями умножили казну молодого человека, который не зналъ какъ благодарить дядю. Между тѣмъ время дешво и наспалъ часъ обѣда.—Откупщикъ вельѣ заложилъ карету, одѣлся въ праздничный кафтанъ и поѣхалъ къ брату.—

Карета оспанавливается у подъѣзда, гдѣ стоить экипажей прищцапъ; слуга докладываетъ о пріѣздѣ *Докура*—и, вообразите удивленіе хозяина.... Онъ осполбенѣлъ—разинулъ ротъ и не вѣрилъ ушамъ своимъ. Но понялъ однако-жь, что съ нимъ сыграли шупку.

Братъ вошелъ и, подойдя къ нему, сказалъ, что ему пріятно, что онъ наконецъ сознался въ винѣ своей.

— Въ винѣ моей?... Что это значить?—

«О, бапюшка!» закричалъ сынъ: «я сказалъ ему, какъ вы желаете примириться съ нимъ.»

— Сказалъ ли ты ему также, что ты обокралъ меня? —

«Бапюшка! милый бапюшка! обнимите брата вашего, это лучше ссоры, плябды, ненависти и поединка.»

Госпи присоединили просьбы свои къ просьбѣ молодого орапора, и распроганные спарики наконецъ обнялись. Спаршій *Докуръ* рассказалъ какъ его обманули—и сынъ его слушалъ это съ непоколебимымъ хладнокровіемъ.

— Ну чтожь?—сказалъ онъ наконецъ: это поже въ своемъ родѣ спекуляція, въ которой объ спороны въ выигрышѣ, потому что щедрость дядюшки....—

И онъ рассказалъ, какъ всё произошло, при громкомъ смѣхѣ и всеобщемъ одобреніи слушателей.

T.

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ

принца Пюклеръ-Мюскау.

Брайтонъ, 11 Марта 1827.

Сегодня ходилъ я въ церковь, чтобъ высипъ сердце и мысли мои къ Богу, — но долженъ признаться, что обряды Протестантскаго исповѣданія слишкомъ просты и слабо дѣйствуютъ на душу.—Въ Богослуженіи необходима пышность; оно должно говорить не только разсудку, но и чувству,

и воображенію!—Для чего бы кажется и въ религіи и даже въ правленіи, не подражать природѣ, которая поступаетъ всегда сообразно съ тайными нашими побужденіями? Не внушаетъ ли она въ насъ страха и благоговѣнія къ Создателю великолѣпнѣйшихъ явленій своихъ,—восходомъ и закатомъ солнца, ужасомъ бурь, прескомъ громовъ, кипѣніемъ бунтующихъ волнъ или необъятною высокою горь и утесовъ?—И такъ, друзья мои, не старайтесь быть умнѣе природы, и довольствуйтесь тѣмъ, чтобы по возможности не слишкомъ отстаивать отъ неѣ.

Я доволенъ своимъ вечеромъ;—очупись за городомъ; я взѣхалъ на одинъ изъ холмовъ, его окружающихъ, и попомъ на вътреную мельницу, откуда видна вся панорама Брайтона. Въперъ такъ сильно вертѣлъ крылья мельницы, что она качалась во всѣ споронны, какъ корабль во время бури. Мельникъ, который проводилъ меня сюда, желая услужить мнѣ, выпачилъ изъ мучнаго ящика какую-то спарую зрительную трубу, но къ несчастію она была вся изломана, хотя покоилась на довольно мягкой постелѣ. Впрочемъ, мнѣ не было въ ней нужды, чтобы любоваться предѣсною картиною, находившеюся передъ моими глазами и оживленною нещетнымъ множествомъ рыбачьихъ лодокъ, которые боролись съ ужаснымъ вихремъ. Я пробылъ шупъ до заката солнца; попомъ сошелъ съ горы и возвратился къ свѣпскимъ удовольствіямъ.

Я заспалъ немного госпей у графа Ф...; но за то всё общество, начиная съ хозяина, было очень интересно. Между прочими была тамъ одна красавица и нѣкто М., который когда-то игралъ важную ролю въ Парижскихъ гостинныхъ, былъ замѣшанъ во всѣхъ политическихъ дѣлахъ, и проводилъ теперь большую часть года въ Англии. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ въ нашъ вѣкъ людей, которые богаты, но живутъ Богъ знаетъ чѣмъ; присвоиваютъ себѣ вездѣ какое-то преимущество, Богъ знаетъ почему, и въ которыхъ вы всегда ищите чего-то особеннаго, чего-то таинственнаго,—Богъ знаетъ отъ чего.—Впро-

чемъ, М*** очень милъ, когда захочетъ; говоритъ прекрасно, и умѣетъ извлекать изъ походовъ спраннической жизни своей всё, что придаетъ соли и занимательности разговору.— Ни въ одной землѣ въ Европѣ нѣтъ столько эписъ пролазъ высшаго разряда, какъ во Франціи. Нельзя не удивляться ихъ глубокому знанію свѣта и сердца человѣческаго; знанія, которое служитъ имъ для того, чтобы искуснѣ обманывать; свѣпская любезность ихъ открываетъ имъ ко всему дорогу, между тѣмъ, какъ очень умеренная чувствительность и умъ опмѣнно оспорожный, и, если смѣю сказать, *скупой*—даетъ имъ всѣ средства обрабатывать грунтъ, на которомъ они поселились, и который остается навсегда за ними.

Тонкой плутъ эпотъ играетъ въ большую игру—и часно шупя говоритъ, какъ Фоксъ, что послѣ удовольствія выиграть, онъ не знаетъ ничего пріятнѣе проигрыша.

Сегодня рассказывали мнѣ много анекдотовъ о Наполеонѣ, о которомъ жозинъ нашъ, равно какъ и всѣ тѣ, которые издавна при немъ находились, опзываются съ великимъ уваженіемъ.—Вопъ что особенно поразило меня:—«Наполеонъ, говорилъ графъ Ф..., былъ такъ упомянутъ превогами *стодневнаго* своего царствованія и всѣми его послѣдствіями,—что послѣ сраженія при Ватерло, во время репиреды, раза два или три вздремнулъ на лошади своей, и въроптно упалъ бы, если-бъ я не поддержалъ его.» Графъ Ф... прибавлялъ, что кромѣ эпой тѣлесной слабости, Наполеонъ не показывалъ никакого внутренняго смущенія, и что въ первую мину репиреды происходила въ величайшемъ порядкѣ, подъ прикрытіемъ одного гвардейскаго баталіона.—Это совсемъ не похоже на то, что мы отъ другихъ слышали.

14-го Марта.

Спранный мой Шопландецъ, о которомъ я послѣ узналъ, что онъ большой забѣлка—и убилъ на поединкѣ двухъ или трехъ чело-вѣкъ, пришелъ сегодня ко мнѣ и припа-

вѣлъ съ собою свою печатную родословную и всю испорію поколѣнія (clan) своего; онъ жаловался, что кто-то изъ эпѣго поколѣнія оспариваетъ у него старшинство, и старался доказать мнѣ право свое, прибавляя, что судъ Божій скоро рѣшитъ споръ между ними. — Помомъ показалъ онъ мнѣ свой гербъ, — на которомъ въ голубомъ полѣ изображена окровавленная рука, и при этомъ случаѣ разсказалъ слѣдующую легенду:

«Два брата, воюя съ жителями одного изъ мелкихъ острововъ Шотландіи, уговорились между собою, что попъ изъ нихъ, чья *плоть и кровь* (Шотландское выраженіе) будутъ первыя на землѣ острова, сдѣлаются владѣльцомъ его. — Они прибыли къ нему на корабляхъ; но не могли пристать къ берегу, потому что спремисные утесы окружали островъ. Оба брата, съ войскомъ своимъ, бросились въ море, чтобы вплавь достигнуть берега; тогда старшій, видя, что меньшей опередилъ его, выхватилъ шпагу, положилъ на скалу лѣвую руку свою, опрубилъ её и, схвативъ правою рукою, бросилъ на берегъ, крича брату: *Богъ мнѣ свидѣтель, что плотъ и кровь моя пали первыя на землю.* — Онъ сдѣлался царемъ острова — и помомки его, чрезъ цѣлыя десятия поколѣній, владѣли имъ безъ всякаго сопротивленія.»

Эта испорія кровавой руки мнѣ полюбилась; въ ней есть что-то характеристическое, что-то свойственное въкамъ грубымъ, но сильнымъ и героическимъ. Чтобы не опспать отъ Шотландца, я въ свою очередь разсказалъ ему приключеніе одного изъ предковъ моихъ, о которомъ упоминается въ Nibelungen Lied.

И мы разспались искренними друзьями.

Т.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

88.

Г. Виссаріонъ Блльинскій любитъ чрезмѣрно рипорическую фигуру *противоположеніе*,

антитеза, до того любитъ, что часто употребляетъ въ своихъ сочиненіяхъ *противорѣчіе*, принимая его, по обманчивому сходству, за *антитезу*.

Съ нѣкотораго времени, онъ открыто принялъ образъ мыслей издавна покойнаго *Московского Телеграфа*, особенно во всемъ касающемся до Россійской испоріи, или, говоря словами г. *Полеваго*, до Испоріи Русскаго народа.

Любопытно замѣчать, какъ распространяется историческая ересь Н. А. *Полеваго*, ересь вредная для исторической истины.

«Царь *Иоаннъ Грозный* подаетъ руку иноку *Сильвестру* и безродному *Адашесу*,» провозглашаетъ *Виссаріонъ г. Блльинскій* въ пятой книжкѣ *Телеסקопа*: «Царь вѣрится имъ, онъ какъ будто понимаетъ ихъ, но поняли-ль они его?... *Люди народа* (1), они дѣйствуютъ благородно и безкорыстно, умно и удачно.»

«Трепещите, буйные и крамольные *болре!*..... Царь выздоровѣлъ, оглянулся назадъ: назадъ было его сирое дѣпство, казнь *Овчинъ-Телепнева*, поджвал неволя и *ненавистная болгарщина*; взглянулъ впередъ: впереди опять тяжкая неволя и *ненавистная болгарщина.*»

Хвала Русскую Испорію для первоначальнаго чтенія, сочиненную Н. А. *Полевымъ* (2), *Блльинскій* пишетъ:

«Въ эпоху междоусобій, въ яркомъ свѣтѣ являюща у историка мясникъ *Мининъ* и инокъ *Палицынъ*, эти два величайше героя нашей средней испоріи, которыми однимъ Русь одолжена своимъ спасеніемъ, потому что князь *Пожегарскій* былъ только годнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ.»

(1) Въ *Телескопѣ* было однажды напечатано: *Литература, какъ и общество, имѣетъ своихъ Плебеявъ, свою чернь, а чернь вездѣ бываетъ и невѣжественна, и нагла и безстыдна.*

Выраженіе *люди народа*, прошивъ грамашики.—К.

(2) Я нижеподписавшійся, зная превратный образъ историка Русскаго народа и готовность его исказить, перевернуть на изнанку, перекроить, перекрасить самыя достоверныя историческія факты въ пользу любезнаго своего парадокса, ни за что въ свѣтѣ не спану хвалить эту его книгу.—К.

Не ужели на поляхъ сраженій, всю кровь свою испочившій за опечесство, избранный воевода Русскихъ силъ спрашивался у мясника *Минина* и у монаха *Палицына*, какъ ему расположить войско, когда наскочатъ на непріятеля конницею, опколъ громить его полки пушками, гдѣ устроишь засаду? Въ 1812 году Московское купечество изъявило Императору *Александрѣ* I готовность принести въ даръ опечесству всё свое имущество, и дѣйствительно пожертвовало десятки миліоновъ; но не ужели спаситель Россіи, князь *Кутузовъ*, былъ только *годнымъ орудіемъ въ рукахъ богатыхъ купцовъ*? Напропивъ, ихъ, золото было полезнымъ орудіемъ въ рукахъ мудраго полководца.

Минину и *Палицыну* честь за жертвовапія, за возбужденіе въ унылыхъ Россіянахъ духа; *Пожарскому* честь, какъ вождю за победы!

Далье! Далье!

«Ничто такъ не поразительно;» продолжая восклицать г. *Виссаріонъ Бѣльскій*: «какъ дивная и горестная судьба этихъ прехъ великихъ мужей: *Минина*, *Палицына* и *Николѣ*, которыхъ колоссальные облики изображены историкомъ съ особенною любовью и особеннымъ успѣхомъ.»

Тупъ нѣтъ ничего удивительнаго. Г. *Поллово*му показалось мало того, что на великодушномъ Московскомъ памятникѣ, воздвигнутомъ щедротами Императора *Александра*, оба великіе сподвижники *Пожарскій* и *Мининъ* поравнены: ему хотѣлось возвысить одного и понизить другаго. Таковъ ужъ у него обычай!

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА СМЕРТЬ Е. Н. Г.

Подъ кровомъ опческимъ, безопасно,
Въ благомъ приютиши пишины,
Она, въ невинности сердечной,
Рвала цвѣтны своей весны.

Шли дни ея щастливо, ясно;
Она сама, какъ вѣтній цвѣтъ,
Альба юностью прекрасной...
Какъ вдругъ... о рокъ!... ея ужъ нѣтъ.

Ужель краса, невинность, младость
Судьбою не пощажены?

Ужель всѣ блага, жизнь и радость
Такъ ненавѣрно намъ даны? —

И дѣва юная безъ жизни;
Вокругъ ея прощальный стонъ,
И хладный пруръ слезами ближнихъ
Въ одежду смерти орошенъ.

Не съ другомъ къ алтарю предстала:
У спящаго, въ тѣни вѣшвей,
Въ землѣ сырой смерть постыла
Постель небрачную для ней.

Покойся шамъ, о прахъ любезной!
Храмъ сельскій сонъ пвой охранишь;
Подъ этой сѣнью безмятежной
Ничто его не возмутишь.

Когда же на пвой холмъ могильный
Порой повѣешь въперокъ,
И заколышешся безсильный
На немъ посаженный цвѣпокъ;

Когда сквозь солища лучъ, весною,
Его дождь теплый оросишь,
И свѣжестью на немъ двойною
Младая зелень заблещишь.

Знай, чистый духъ! что это слезы,
Что это вздохъ пвоихъ родныхъ;
Брось съ неба имъ улыбки розы,
И помолись Творцу о нихъ.

А. Глѣбовъ.

7 Юля,
1836.

L O G O G R I P H E.

Jadis, lecteur, je servais à la guerre;
Mais de nos jours, on ne m'emploîra guère

Qu'aux jeux, aux divertissemens.
Je vais t'offrir, sans changemens,
Cette fille héroïque,
Qui sauva les Français
Du pouvoir tyrannique
Des conquérans anglais.

Въ NN^o 59 и 60-мъ, помѣщенные значащъ: загадка
Pensée, шарада *Raz-грозилъ*.

M O D E S

Les rubans passés dans les ourlets s'adaptent maintenant à toutes les parties de la toilette; il faut cependant éviter d'en faire abus: c'est un genre d'ornement qui, lorsqu'il n'est pas employé à propos, dégénère souvent en *un maigre colifichet*. Lorsque *le fond* est en tulle, les rubans doivent être de nuances très pâles; sous l'organdi ou la mousseline on peut se servir de couleurs plus voyantes, l'épaisseur de l'étoffe en adoucissant l'effet. Les manches courtes prennent une certaine vogue pour la chambre; cependant nous osons prédire que jamais elles ne dépasseront les limites de ce sanctuaire et qu'on ne les verra plus, comme au temps du *Directoire*, courir les rues et les promenades, laissant voir des bras rougis par le froid ou le hâle de l'été. Dans la maison, c'est une mode gracieuse commode et qui permet de porter ces *prestigieuses* mitaines en filet noir, d'où sortent avec tant de grâce de jolis doigts dont l'un est *forcément* orné d'une bague noir en émail sans aucuns filets d'or: c'est l'imitation du velours noir autour du cou, simple collier que nos grandes dames ont *détaché* de la parure des filles des *Châlets*.

C'est avec joie que nous voyons les meubles en tapisserie reprendre le dessus: toutes les femmes s'en réjouissent aussi, heureuses d'avoir une occupation qui remplisse ces longues heures du milieu du jour, pendant lesquelles le soleil leur interdit les allées de leur parc. Pour ces meubles, on est à la recherche de tous les vieux bois de fauteuils, canapés, chaises longues, sur lesquels s'étendaient nos aïeules. Tous les vieux pieds *galb.* sont remis à neuf, et nos enfans s'asseiront sur l'ouvrage de leurs mères. Cette mode de faire de la tapisserie est au nombre de celles que

nous félicitons le plus de voir remettre en usage. Quand les hommes auront repris les habits galonnés, les femmes *parfileront*.

M O D Ы.

Ленты, прoderнутыя въ рубцы, приспособляются теперь ко всемъ опредѣленіямъ наряда; надо однакоже избѣгать злоупотребленія: эшотъ родъ украшенія, если онъ не употребленъ къ шаши, дѣлается самою *жалкою мелочью*. Когда рубцы шюлевые, то ленты должны быть самыхъ блѣдныхъ цвѣтовъ; когда же изъ органди или кисеи, то цвѣта ярче, потому что сквозь плотную матерію рѣзкость ихъ смягчается; однако мы смѣло предсказываемъ, что они никогда не перейдутъ границы эшаго святилища и что мы не увидимъ ихъ, какъ во время *Директоріи*, по улицамъ, на прогулкахъ, выказывая руки, или покрасившія отъ холода, или загорѣвшія отъ солнца. Дома эша ловкая и покойная мода позволяетъ носить обворожительныя черныя филейныя полуперчатки, откуда выказываются съ такою прелестью красивыя пальчики, изъ которыхъ на одномъ непременно черное эмалевое кольцо, совсѣмъ безъ золота: эшъ подражаніе черному бархату около шеи, просто ожерелье, опредѣленное нашими знаменными дамами отъ женскаго наряда *des Châlets*.

Мы видимъ съ удовольствіемъ, что шканыя мѣбели берутъ перевѣсъ. Женщины также пому весьма радуются, что будутъ имѣть занятіе для пѣхъ длинныхъ часовъ среди дня, когда солнце не позволитъ имъ пользоваться прогулкою въ паркѣ. Для эшихъ мебелией выскиваютъ всѣ старыя кресла, канapé, длинные стулья, на которыхъ покоились наши бабушки. Всѣ старыя, выгнувшія ножки опредѣлены заново, а наши дѣти будутъ сидѣть на работѣ своихъ матерей. Мода шканыя мебели въ числѣ пѣхъ возобновленій, которыхъ наиболѣе приносятъ цамъ удовольствія. Когда мужчины надѣнутъ плащъ съ галунами, женщины будутъ *распускать золото*.

П о п р а в к а.

Въ No 58-мъ Лип. Прибавленій, на страницѣ 463, во 2-мъ столбцѣ, надобно читашъ: *переводили оды Горацил.* Многія изъ нихъ...

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 62.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 наръшинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Августа 1 дня 1836 года.

Возьмите прочь все золото,
Всѣ почести назадъ;
Мнѣ родину, мнѣ милую,
Мнѣ милой дайте взгляды!

А. Мерзляковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СКОТОРАМА, ИЛИ ТЕАТРЪ ЖИВОТНЫХЪ.

Одинъ изъ шѣхъ промышленныхъ людей, которые безпрестанно ищутъ счастья, или, что все равно по ихъ понятію, богатства, бывъ долгое время очевиднымъ свидѣтелемъ отличныхъ успѣховъ, которыми увѣнчались скопы и звѣри на разныхъ Французскихъ спектакляхъ, предполагаемъ сославивъ прунцу изъ разныхъ животныхъ, гдѣ, по великому числу входящихъ въ составъ ея актеровъ, будетъ въ сословіи играть всякаго рода драматическія пьесы, особливо же мелодрамы и оперы, переводимыя съ Испанскаго языка.

Съ перваго взгляда, мысль сія кажется сумасбродною; однакожь, разсудивъ порядочно, мы найдемъ, что эпоиъ драматическій изобрѣтатель не долженъ быть включенъ въ число его актеровъ. Въ мелодрамахъ, на примѣръ, роли героевъ исключительно могутъ быть предославлены львамъ, слонамъ и барсамъ; роли злодѣевъ—волкамъ

и шиграмъ; несчастныхъ, гонимыхъ и невинныхъ женъ должны предославлять голубки, гусыни, цапли и овцы; женщинъ злыхъ и мспительныхъ—змѣя, сорока и самка-крокодилъ; предпочитаемыхъ любовниковъ—пѣсухъ, собака, кроликъ, баранъ и конь. Сычъ и сова прекрасно сыграютъ свои роли въ Пустынный дикой скалы, муха будетъ предославлять лазупчика, осель—необходимаго простиофилю, паукъ—трудолюбиваго поселнина. Побѣдоносныя арміи сославлены будутъ изъ коршуновъ, а разбишые войска изъ зайцевъ.

Соловей, малиновка, спрекоза, скворецъ, лягушка, усприца и каплунъ предпочтительно будутъ являться въ оперѣ; въ комедіи же увидятъ только говорящихъ животныхъ, каковы на примѣръ: сороки, попугай, скворецъ.

Новый сей театръ заслуживаетъ общее вниманіе, и мы заранее увѣрены, что публика его поддержитъ. Хотя *скоторама* кажется съ виду и пуспа; но она можетъ возвыситься до комедіи современныхъ нравовъ и до комедіи характерной: по свойству ея

актёровъ, она можетъ намъ одною черпою изображать пороки и спранныспи. Не въ состояннн ли павлинь представивъ намъ модника; змѣя, мѣняющая свою кожу—ращѣпливаго честполюбца; лепучая мышъ—поборниковъ тѣмы; яспребъ—одного изъ шѣхъ спаринныхъ подьячихъ, которые чуютъ полновъсные червонцы на десятиверспномъ разспояннн; ушка—писателя въ шѣхъ случаяхъ, когда она плаваеетъ подъ водою и ныряеетъ; ракъ—шѣхъ журналисповъ, которые дошедъ до 5000 подписчиковъ—пяпянся первый годъ къ 4500, во второй къ 3000 и далѣе къ $\frac{0}{0}$, или почкъ замерзанн? Лисица превосходно сыграеетъ льстеца, лицомѣра и пролаза. Полезное живошное, употребляемое для опысканнн прюспелей, не изображаеетъ ли намъ шѣхъ дѣловыхъ людей, которыхъ вездѣ вспрѣчаемъ за споломъ (ш. е. обѣденнымъ), и для которыхъ споловая служнш департаменпомъ, а ложка перомъ? Наконецъ, живошное—другъ ила, не испоршнш роль лѣнливаго барина, жалующагося на обремененне (желудка).

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГАБРИЕЛЛИ.

Повѣсть Юліа Жаненя.

Въ 1777 году, въ то время, когда писалъ *Метастазн*, одинъ молодой Французскн дворяннн путешествовалъ по Италнн, и, прнѣхавъ въ Венецію, сдѣлался тамъ героемъ слѣдующаго происшествнн.

Онъ поселился на Сен-Маркской площади, въ древннхъ чертогахъ, испещренныхъ гербами, и мрачныхъ какъ пошупленный взоръ Венеціанскаго вельможи.—Въ этомъ опустѣдомъ и великолѣпномъ зданнн, гдѣ, по длиннымъ переходамъ, свободно гулялъ въперъ, во весь годъ царствовала мертвая пшннна и совершенное *Венеціанское* молчанне; слѣдовательно не удивнтельпо, если молодому путешественнику скоро надобъ и дворець его, и эшотъ замаскированный городъ, гдѣ, вмѣсто вѣчнаго шуму, роскоши и любовныхъ приключеннн, онъ нашелъ одну скуку и вѣчное единообразне.

Разъ, однако-жъ, въ одинъ бурный зимнн вечеръ, когда густое облако ннже обыкновеннаго висѣло надъ Венеціею; когда уныло завывалъ въперъ и вся Венеціа была печальна и мрачна, какъ черныя гондолы ея, которые какъ гробы скользятъ по каналамъ и кажеется спремятся къ послѣдней пристанн: въ это время молодой графъ услышалъ необычайнн спукъ у подвѣзда пустыхъ палашъ своихъ, и къ несказанному удивленню своему увидѣлъ, что толпа слугъ, въ дорожномъ платьѣ, всходила по лѣспнщнцѣ и попомъ разсыпалась по коридорамъ; въ шу же самую минупу въ уединенную комнапу его вбѣжалъ спорожъ и, блѣднн, задыхаясь отъ спраха, сказалъ ему:

—Мы погнбли, сударь!.. или нѣтъ! я нещасннн, я погнбъ невозвратно! О я, прокляшнн! я употребилъ во зло довѣренность госпожн моен, которая уѣзжая поручила мнѣ домъ свой, полагааясь на меня какъ на добраго и вѣрнаго служншеля; а я—негоднн! пуспилъ въ него жильцовъ и дозволилъ, чтобы другой спалъ на ея дубовой кровати съ шпощнымъ балдахномъ и золотою короною; чтобы ноги прншельца пощпали дорогн ковры ея!... Что теперъ дѣлать? Я не думалъ, что она такъ скоро возвратнтся; — вопъ въ помъ-то и бѣда, сударь, что я не думалъ эшаго! Боже мой! Боже мой! куда бѣжать, куда спрячашься отъ гнѣва ея! Ваше сіапельспво! милоспнвный государь! будьте моимъ избавнтелемъ! выдѣте отсюда со мною, пока она васъ не заспала! Собрнте поскорѣ ваши вещи и убѣжнмъ, не перья времени! — Не прикажете ли, ваше сіапельспво, кликнуть вашего камердннера, или не позволнте ли мнѣ проводить высокородную особу вашу до ближннго праكتнра? О добрый господинъ, не мѣшкайте. Она прнѣдетъ скоро; сію минупу прнѣдетъ, и тогда что будетъ со мною! — И блѣднн спарнкъ рвалъ на себѣ волосы, и казался въ совершенномъ опчалнн.

Я не сказалъ еще, что путешественнн нашъ назывался графомъ *Рошталле*. Онъ носилъ довольно знатное нмя для провинціального дворяннна, имѣлъ не больше 20

лѣтъ, былъ не дурень собою и велъ праздную жизнь холоспаго человѣка, преданнаго и пѣломъ и душою пѣмъ пуснымъ и холоднымъ дурачеспвамъ, копорыя молодыелюди называютъ *страстями*. За шесть мѣсяцовъ до того оставилъ онъ опеческій замокъ, чпобы пупешествовать, то есть, чпобъ искапъ приключеній: слѣдовательно не очень ласково принялъ бѣднаго *Венедикта*, когда онъ, какъ сумасшедшій, вѣжалъ къ нему въ комнату, и просилъ его выѣхать изъ эпаго необыкновеннаго дома, гдѣ герой нашъ ожидалъ чего-то необыкновеннаго, и надѣялся видѣть какую нибудь необыкновенную женщину.

«Господинъ *Венедиктъ*,» опвѣчалъ онъ спорожу, копорыи въ смущеніи ломалъ себѣ руки: «я очень сожалѣю о тебѣ, но не могу и не хочу выполнитьъ твоей просьбы. Еслибъ теперь была и прекраснѣйшая погода въ свѣтъ, и ваше Венеціанское небо было не сырое, какъ теперь — а голубое и свѣплое; еслибъ сѣверный вѣтеръ превратился въ кропкій и теплый зефиръ, и вмѣсто облаковъ пыли, копорая вѣспя сполбамъ надъ улицею, поднялась вдругъ пыль изъ цвѣтцовъ, то и тогда бы я ни за что въ свѣтъ не вышелъ опсюда какъ же хочешь ты, чпобы я въ эту ужасную погоду, когда и шпиона совѣспне выгнать изъ дому — согласился на твое предложеніе? Нѣтъ, другъ мой, эпомъ дворець принадлежишь мнѣ, потому что я нанялъ его у тебя на 6 недѣль, и никто не имѣетъ права выгнать меня опсюда прежде срока.—Впрочемъ, какъ учпивый и хорошо воспитанный хозяинъ, я согласенъ уступитъ половину комнату монхъ, и если госпожа твоя заѣхала сюда для тебя не впадеъ, то я буду для неѣ снисходительнѣе, нежели ты ко мнѣ, и подѣлюсь съ ней моими домомъ. Припомъ она можетъ ожидать опъ меня всякой услуги.»

Дѣлать было нечего; графъ говорилъ такъ рѣшительно, что бѣдному спорожу оставалось только согласиться.—По крайней мѣрѣ, ваше сіяпельство,—сказалъ онъ сложа руки, какъ на моливѣ: по крайней мѣрѣ вы согласитесь выбрать себѣ другую спальню.—

Здѣсь почивальни госпожи моей, и вы вѣрно не захопите сдѣлать ей неудовольствіе.—

Графъ не удостоилъ его опвѣта, и съ любовьюспвомъ смопрѣлъ на суесту, происходившую въ домъ; слуги бѣгали, носили ящички, мѣбель, сундуки — и вдругъ нѣсколько лакеевъ вошли въ комнату, и совсѣмъ не замѣчая графа, начали разставлятъ разныя вещи. *Рошталъ*, не мѣшая имъ, сидѣлъ у каминна, развалился въ большихъ креслахъ и плашилъ имъ такимъ же равнодушіемъ. Черезъ нѣсколько минутъ спальня совершенно переобразилась; вѣпкій, запачканный доверъ, замѣнился другимъ новымъ и прекраснымъ; старинныя мѣбели, съ копорыхъ сняли черныя саржевыя чехлы, заблестали вдругъ рѣзбою и позолотою. Старый бархатъ ихъ былъ совершенно свѣжъ, старая позолота сіяла какъ нова. Скоро вошли другіе слуги и нанесли множество легкой, драгоценной мѣбели и пѣхъ комнатныхъ украшеній всякаго рода, безъ копорыхъ знапная молодая женщина не можетъ обойтись. Множество вазъ, богатыхъ корзинъ, канделябровъ съ восковыми свѣчами, фарфоровыхъ куколъ, Китайскихъ чашекъ и уродцевъ — однимъ словомъ, тысячу дорогихъ бездѣлокъ, за копорыя щеголихи всѣхъ временъ платили всегда щепетныя суммы. Но всего болѣе удивилъ нашего путешественника туалетъ бѣлый мраморный съ золотомъ, копорый два черныя невольника едва допашили до назначеннаго мѣста. Туалетъ, достойный королевы, на копоромъ золото, хрусталь, кораллы, все это искусно подобранное — ослѣпили зрѣніе; наконецъ вошла молодая горничная, и начала разпавлять на немъ бушылочки съ духами, опъ копорыхъ по всей комнатѣ распроспранилось такое обворожительное благоуханіе, что *Рошталъ* показалось, будто весь Воспокъ былъ закупоренъ въ эти прозрачныя, красивыя спкляночки.—О, какъ прекрасна должна быть эпа женщина! — подумалъ онъ, смопри на чудеса, его окружавшія, и не пропался съ кресель своихъ.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ДОБРОВОЛЬНОЕ НАКАЗАНИЕ.

(Рассказъ.)

Есть порочныя дѣйствія, есть даже преступленія, для которыхъ законы не имѣютъ наказаній, но нравственность не теряетъ отъ того силы своей; внутренній голосъ совѣсти замѣняетъ строгость законовъ, и бывали случаи, что человекъ добровольно наказывалъ себя за вину, которую бы судъ простилъ ему. Мы намѣрены сообщить здѣсь анекдотъ, объ извѣстномъ докторѣ *Джонсонѣ*, почерпнутый нами изъ Англійскаго Фран-Масонскаго журнала *Fra-Mason's Quarterly Review*, гдѣ онъ описанъ просто, но поучительно и прогашельно.

Въ Ноябрь 1776 года, въ ненастную и холодную погоду, всѣ знатные и примѣчательные люди городка Лихтфильда и его окрестностей (въ Варвикскомъ графствѣ) собрались къ графинѣ *С.*, чтобы видѣть знаменитаго *Самуила Джонсона*, посѣдившаго родину свою, послѣ долговременнаго отсутствія. Но наступило время обѣда и *Джонсонъ* не являлся; его ждали часъ, два; наконецъ рѣшились сѣсть за столъ; обѣдъ кончился,—пришло время пить чай, и его всё не было; также прошелъ вечеръ, гости спали уже разѣзжаясь, — какъ вдругъ слуга доложилъ о пріѣздѣ доктора, и когда онъ вошелъ, то всѣ едва не вскрикнули отъ удивленія.— *Джонсонъ*, обыкновенно грубый, надменный, и даже иногда дерзкій, что, не смотря на прекрасныя его качества, возставило пропивъ него множество пайныхъ и лвныхъ враговъ,—*Джонсонъ* былъ блѣденъ, унылъ, одежда его была въ безпорядкѣ и покрыта снѣгомъ. Гости молчали и смотрѣли на него съ безпокойнымъ любопытствомъ; шатаясь, подошелъ онъ къ графинѣ, и тихимъ, дрожащимъ голосомъ, сказалъ ей: «Извините меня, что я заспавилъ себя дожидаясь. Когда я далъ вамъ слово быть у васъ, я совсѣмъ забылъ, что сегодня 21 Ноября... Вы меня не понимаете, сударыня... Если такъ, то я скажу вамъ... причину, меня задержавшую, чтобы пѣтъ чувствительнѣе наказатъ себя за свое ужасное преступленіе... Слушайте-жъ: за сорокъ лѣтъ

назадъ, въ эпошъ самый день 21 Ноября, отецъ мой, преспарыль и больной, сказалъ мнѣ: *Самуиль*, я нездоровъ, найми коляску, поѣзжай на Вальспильской рынокъ, опопри мою лавку и продай памъ книги мои.—Я, дуракъ, гордясь знаніями, которыми обязанъ былъ его попеченіямъ,—я, который ѣлъ хлѣбъ, добытый его трудами и послѣ такъ часто не имѣлъ его,—я, сударыня, отказалъ въ просьбѣ опцу моему. Но онъ, вмѣсто гнѣва, съ ангельскою кротостію, которой воспоминаніе теперь убиваетъ меня, онъ ласково повпорялъ мнѣ: милый *Самуиль*, будь добръ, не откажи! сегодня рыночный день; жаль будешъ, если онъ пропадетъ у меня понарасну... Но я, гордецъ, я, извергъ—въ другой разъ отказалъ ему. И бѣдный, добрый отецъ мой поѣхалъ самъ,—погда была точно такая погода какъ сегодня... Онъ проспудился и... черезъ нѣсколько дней умеръ... Да!.. умеръ—отецъ мой умеръ, сударыня!!! При этихъ словахъ докторъ закрылъ лицо свое обѣими руками, но слезы текли ручьями по благороднымъ и мужественнымъ чертамъ его и капали ему на грудь. Черезъ нѣсколько минушь онъ однако жъ оправился, и продолжалъ, съ неизъяснимымъ сокрушеніемъ сердца: Такъ, сударыня, онъ умеръ, и съ тѣхъ поръ, въ печеніе сорока лѣтъ, я каждый годъ провожу 21-ое Ноября въ Лихтфильдѣ. Дорогу, которую погда не хотѣлъ я сдѣлать въ коляскѣ, я теперь дѣлаю пѣшкомъ, не ѣвши, и спую 4 часа безъ шляпы на порговой Вальспильской площади, на помъ самомъ мѣстѣ, гдѣ отецъ мой прирдапъ лѣтъ держалъ лавку свою, которая такъ долго кормила меня. Этому сорокъ лѣтъ, сударыня... Я прожилъ годы, въ которые умеръ отецъ мой, и... всё не умираю!»

Никто изъ присупствовавшихъ не смѣлъ упѣшатъ *Джонсона*,—и слезы всего общества смѣшались со слезами кающагося спарца.

Т.

МЕКСКАЯ МЕЧЕТЬ, ОПИСАННАЯ
Г. БУРКГАРДОМЪ.

Описаніе мечети и Каабы занимаетъ большое пространство въ рассказѣ *Буркгарда*.

Оно пѣмъ любопытнѣе, что дѣйствительность сего разсказа уничтожаетъ по ложное великолѣпіе, которыми географы надѣляются одинъ изъ самыхъ почитаемыхъ храмовъ Исламизма, вовсе не такъ прекраснаго, какъ большая часть прочихъ храмовъ Востока, и который замѣчательнѣе только находящаяся въ немъ Кааба. Если хотимъ имѣть общее ясное понятіе объ этой мечети: то надобно представить себѣ продолговатое мѣсто въ 250 шаговъ длины и 200 ширины, окруженное тремя рядами колоннъ, соединенныхъ между собою остроконечными сводами — и колоннъ неправильныхъ; онѣ сдѣланы изъ мрамора, порфира и проспыхъ камней въ 20 футовъ вышины и около 18 дюймовъ въ діаметрѣ. Однѣ изъ нихъ представляютъ на пьедесталахъ своихъ оппечатки Греческаго спила, въ капителяхъ другихъ видѣнъ грубый Срацінскій, а на иныхъ есть Арабскія и Куфическія надписи. Большая часть этихъ колоннъ, внутреннихъ колоннъ и внутреннихъ стѣнъ расписаны яркими красками, расположенными въ видѣ широкихъ полосъ, на которыхъ не примѣнно нигдѣ цвѣтовъ, приличныхъ подобнаго рода зданіямъ. Здѣсь ничто не можетъ служить историческимъ указателемъ оппосительно искусства Мусульманъ: зданія эти, болѣе или менѣе, но всѣ новѣйшихъ временъ; храмъ нѣсколько разъ былъ разоренъ и поправленъ вновь. Семь дорогъ ведутъ отъ колонады до Каабы, которая возвышается посреди мечети на основаніи въ нѣсколько футовъ вышиною. Это тяжелое и грубое зданіе въ 18 футовъ длины, 14 ширины и отъ 35 до 40 вышины; а какъ крышка на немъ плоская, то смотря на него въ нѣкоторомъ разстояніи, видъ его представляется совершенно кубическимъ. Кааба не имѣетъ другаго оппверстія, кроме одной двери, которая оппворяется только три раза въ годъ. Снаружи Кааба обвѣшена вся черными шелковыми обоями, и когда легкое дуновеніе вѣтра колеблетъ обои: то народъ, объемлемый благоговѣніемъ, приписываетъ колебаніе это движенію крыльевъ одного изъ семидесяти ангеловъ, хранящихъ святилище. Вся внутренность со-

стоитъ изъ одной комнаты, которая освѣщается проходящимъ въ дверь свѣтомъ, а крышка поддерживается двумя колоннами. Пополокъ и стѣны, на 5 футовъ въ вышину отъ помоста, украшены красными шелковыми обоями, на которыхъ богато вышиты серебромъ цвѣты и надписи; полъ же вымощенъ разноцвѣтными мраморными плитками. Множество золотыхъ лампъ, или, можетъ быть, позолоченныхъ, висятъ между колоннами.

Прежде *Магомета*, когда Аравія находилась въ идолоклонствѣ, на мѣстѣ, занимаемомъ теперь Каабою, существовалъ уже знаменитый храмъ, украшенный 360 идолами, въ который спекались всѣ племена. И тогда, какъ нынѣ, обойдя семь разъ вокругъ священнаго зданія, Арабы съ почтениемъ цѣловали черный камень.

Этотъ доспославный камень, о которомъ мы упомянули, вѣланъ близъ двери; видъ его похожъ на кусокъ лавы, составленной изъ разныхъ оппломковъ, соединенныхъ цементомъ. Поверхность его вся исперта и изрыта поцѣлуями нѣсколькихъ миліоновъ. Неподалеку оппуда находится колодезь Залеземъ, который почитается однимъ изъ чудесъ мечети. Кому неизвѣстенъ колодезь Залеземъ и всѣ чудеса его? Для этого надобно хотя нѣсколько чинать о религіи *Магомета*. Тамъ, съ самаго разсвѣта дня и до глубокой ночи, толпился народъ, алкая утолить жажду свою чрезвычайно сладкою и молочнаго цвѣта водою изъ этого колодца. Вся Мекка пьетъ еѣ, и воды этой не оскверняютъ употребленіемъ на домашнія потребности; но каждый правотѣрный бережетъ еѣ для своихъ омовеній; она находится при немъ въ часъ молитвы, и онъ почитаетъ еѣ вѣрнѣйшимъ лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней. *Буркгардъ* видѣлъ пилигримовъ, которые глотали воды этой почти невѣроятное количество: одинъ изъ нихъ, палимый жаромъ перемежающейся лихорадки, приходилъ каждый вечеръ къ Залезему и до тѣхъ поръ пилъ изъ него воду, что ему дѣлалось дурно; потомъ распростершись лежалъ нѣсколько часовъ на спинѣ, наконецъ вспавалъ и снова начиналъ глотать

папъ воду. Вскорѣ не замедлил онъ вку-
силь плоды такой діефы: съ нимъ случи-
лось поже, что и съ больными доктора
Санградо. Бѣднякъ находился уже при смер-
ти; но и въ этомъ жалкомъ состояніи онъ
не раскаявался нисколько въ своей неумѣрен-
ности, а увѣрялъ всѣхъ присутствующихъ,
что успѣхи выздоровленія его отъ того
единственно были замедлены, что онъ не
въ силахъ былъ выпить большаго коли-
чества воды. *Буркгардъ* не говоритъ, умеръ
ли этотъ чужакъ. Другіе пилигримы выди-
ваютъ на себя цѣлыя ведра воды изъ Зале-
зема, и думаютъ, что сердце ихъ очисти-
лось, если пѣло взмокло съ ногъ до головы.
Ни одинъ пилигримъ не выходитъ изъ Мек-
ки, не взявъ съ собою воды для своего се-
мейства и для друзей. Часто воду эту
приносятъ въ подарки; но еще чаще про-
даютъ её въ мѣстахъ опдаленныхъ, и про-
даютъ дороже, нежели мы платимъ за на-
ше вино романа, или Кло-Вужо.

Чувства благоговѣнія и почтенія Мусуль-
манъ къ своимъ храмамъ совершенно раз-
личны съ чувствами и понятіями нашими.
Христіанскій храмъ во всякое время есть
мѣсто святое, таинственное; между пѣмъ,
какъ мечети посвящаются божеству въ
одни только часы молитвы; когда же въ
ней не молятся, тогда она бываетъ про-
сто сборнымъ мѣстомъ: одни читаютъ тамъ
Коранъ; другіе, лежа на рогожахъ, разговари-
ваютъ; ѣдятъ, или спятъ; разнощикъ про-
даетъ пироги, цирюльникъ брѣшетъ; тор-
говцы хлопочутъ о барышахъ; дѣти игра-
ютъ на обширномъ дворѣ; спай дикихъ го-
лубей, неопъемлемая принадлежность мече-
ти, вездѣ порхаютъ и пишаются зернами,
которыя бросаютъ имъ набожные люди.
Оберните глаза въ другую сторону—и вы
увидите распроспертыхъ подъ колонадою
бѣдныхъ, изнеможенныхъ спрадальцевъ,
присутствіе которыхъ помрачаетъ живыя
сцены, мною изображенныя. Но при захо-
жденіи солнца представляется совѣтъ дру-
гая картина: иманъ спановишься подлѣ
двери, Каабы—и молитва начинается. Тогда
уже не видно никакого движенія, не слыш-
но ни малѣйшаго шума, даже шопота; одинъ

только голосъ имана раздаётся въ огромной
мечети. Но молитва кончилась—и праздно-
любцы принимаются опять за свои разго-
воры; дѣти пускаются въ игры, хохотъ и
бѣготню, и мечеть принимаетъ видъ зем-
ной суешности.

АУКЦИОНЪ РѢДКОСТЕЙ.

Не нынче только пламятъ большія
деньги за вещи, принадлежавшія нѣкогда ве-
ликимъ людямъ, и доказательствомъ тому
служитъ извѣстная лампада *Эпиктетова*. —
Но вотъ небольшая, довольно любопытная
опись, которая, можетъ быть, сдѣлаетъ нѣ-
которое удовольствіе нашимъ читателямъ:

1) *Кресла*, выпоченныя изъ кости, пода-
ренныя городомъ *Любекомъ* Шведскому ко-
ролю *Густаву Вазъ*,—въ 1739 году, доста-
лись за 58,000 флориновъ камергеру Швед-
скаго двора г. *Шинкелю*.

2) *Молитвенникъ*, который читалъ *Карлъ I*
споя на эшафотѣ, въ 1825 году оцѣненъ
Лондонскимъ аукциономъ въ 100 гиней.

3) *Мундиръ*, бывший на *Карлѣ XII* во время
Полтавскаго сраженія, сохранный пол-
ковникомъ *Розеномъ*, сѣдовавшимъ за коро-
лемъ въ Бендеры, былъ въ 1825 году про-
данъ въ Эдинбургѣ за 22,000 ф. стерл.

4) *Лоскутъ отъ платья Людовика XVI*, въ
которомъ онъ вошелъ на эшафотъ, помѣ-
щенъ подъ No 721 въ описи г. *Меона* въ
1820, и былъ бы можетъ быть оцѣненъ
очень дорого, еслибъ изъ благоприсойно-
сти не былъ вымаранъ изъ капаюга.

Къ этому списку можно прибавить еще
слѣдующія любопытныя вещи:

5) *Бѣлые атласные башмаки Людовика XIV*,
купленные очень дорого аббатомъ де *Тер-
саномъ*.

6) *Зубъ Невтона*, купленный въ 1816 году
лордомъ *Шефтсбури* за 730 ф. стерлинговъ.
Лордъ велѣлъ вдѣлать его въ перстень, ко-
торый онъ всегда носитъ. Кстапи о зубѣ,
г. Александръ *Ленуаръ* сказываеетъ, что ко-
гда переносили тѣла *Абеларда* и *Элоизы* въ
церковь *Малыхъ Августиновъ* (aux petits Augustins),
то одинъ Англичанинъ предлагалъ
100,000 франк. за зубъ *Элоизы*.

7) *Черепъ Декарта*, при продажѣ библіопеки докпора *Сормана* былъ оцѣненъ въ Спокгольмѣ въ 1820. году въ 100 франковъ.

8) *Гростъ Вольтера*, продана въ Парижѣ докпору *Д.* за 500 франковъ.

9) *Калзолъ Жанъ-Жака Руссо*, купленъ за 950 фр., а мѣдныя часы за 500 франковъ.

10) *Старый парикъ Канта*, былъ проданъ по смерти его, случившейся въ 1804 году, по словамъ иныхъ за 96, — по словамъ другихъ за 200 франковъ.

11) *Парикъ Стерна*, проданъ въ Лондонѣ въ 1832 году на публичномъ аукціонѣ за 200 гиней.

12) *Сиръ Бюрнетъ*, зять *Вольтера-Скотта*, въ 1825 г. заплашилъ 500 ф. сперлинговъ за два пера, которыми былъ подписанъ *Амьенской трактатъ* 27-го Марша 1801 года.

13) Наконецъ *шляпа*, покрывавшая голову *Наполеона* въ сраженіи при *Эйлау*, въ 1835-мъ 1-го Декабря оцѣдана за 1,920 фр. г. докпору *Лакруа*, бывъ оцѣнена въ 500 фр. и имѣвъ 32 покупщика.

В.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

88.

(Продолженіе.)

Г. *Виссаріонъ Бѣлинскій* упрекаетъ Н. А. *Полеваго* въ томъ, что—«онъ спавилъ Царя *Иоанна Грознаго* выше ошца его и ниже дѣда, въ которомъ онъ видишь какого-то *Петра Великаго*.»

«И такъ, очевидно,»—говоритъ г. *Бѣлинскій*: «что излишнее присраспіе въ пользу *Иоанна III* заспавило испорика быть присраспнымъ въ невыгоду *Иоанна IV*. Славный дѣдъ *Грознаго* неидеть ни въ какое сравненіе съ *Петромъ*.»

Мы бы сильно изумились, если-бъ начали эпи спроки у гг. *Буткова*, *Руссова*, *П. М. Строева*; но и не поморщились, увидя, что эпа спавья г. *Бѣлинскаго* и что онъ не чинялъ даже анекдотовъ о *Петрѣ Великомъ*, собранныхъ *Штелинымъ*. Тамъ нашель бы онъ, что когда въ Москвѣ, по случаю какого-то поржества, выставляемы были прозрачныя каршины: *Петръ I* прогуливался въ одноколѣ и съ воспоргомъ увидѣлъ передъ однимъ домомъ каршину, на которой оспроумно изображены были дѣянія *Иоанна III*

Великаго въ паралели съ Его подвигами. Преобразителю Россіи споль леспнымъ и пріяпнымъ показалось эпо сравненіе, что онъ вошелъ къ хозяину и поблагодарилъ его, сказавъ окружающимъ его рѣчь о томъ, что онъ всегда спавилъ себѣ образцомъ сего мудраго Монарха, котораго почипаеть однимъ изъ первыхъ виновниковъ благоденспія Россіи.

«Чтожь спалось съ *Минимъ*?» вскрикиваетъ помощникъ г. *Надеждина*: «Ему дали дворянство и боярство, но не пустили въ *Дулу*, гдѣ этотъ мясникъ моек оскорбитъ своими присутствіемъ достоинство знаменитыхъ бояръ, которые все были такъ доблестны, что и самъ *Мстиславскій* казался между ними геніемъ первой величины.»

Прежде всего мы хопимъ въдашь: откуда почерпнулъ Н. А. *Полевой* эпи извѣспія: ибо онъ и въ Испоріи Русскаго народа, написанной имъ не для ребяпишекъ, а для взрослыхъ, не указываетъ ни на рукописи, ни на печатныя книги, а пишеть на обумъ, почъ въ почъ, какъ *Сергій Николаевичъ Глинка*. На слово же мы не можемъ ему повѣрить, зная по опыпу, что онъ многихъ князей, преисполненныхъ доблестей и вѣры—предспавляетъ коварными, а злодѣевъ и кровопійцъ чуть не великими.

Плохо вѣримъ мы такъже, чтообъ въ царской Думѣ, послѣ смупъ и безцарспвенныхъ временъ, когда народное море, разбушевавшись, еще не совершенно успокоилось, засѣдали одни люди неспособные.

«Другой, свяшой и великій инокъ, раздѣлившій съ Нижегородскимъ мясникомъ вѣнецъ спасенія Ошечеспва,» замѣчаетъ вслѣдъ за г. *Полевымъ* г. *Бѣлинскій*: «примирившій въ люпую минупу спраспи вождей, ушцившій ропощъ буйной сволочи продажета священныхъ сосудовъ, золопой упвари лавры, льялется изгнанникомъ въ дальній монастырь, но волю полудержавнаго инока, и скрывается опъ глазъ изумленнаго его доблестію потомспва въ неизвѣспной могилѣ.»

Здѣсь нагромождены парадоксъ на парадоксъ.... *Николай Алексѣевичъ* какъ ни хиперь, но онъ насъ не надуеть: мы очень видимъ, что онъ продолжаетъ воздѣмывать ниву, которую 9 лѣтъ пахаль и засѣваль въ попѣ лица своего, п. е. сочиляетъ испорію безъ ссылокъ и безъ указаний. *Карамзинъ* въ каждой спрочкѣ даетъ

опчешь. Впрочемъ, легко можешь спасться, что мы и ошибаемся, что г. *Полевой* доспалъ изъ какого нибудь древняго монастыря, изъ какого нибудь недавно-открытаго книгохранилища новыя лѣтописи, современныя сей годинѣ граматы, указы, описки, записки, памятки, и проч.

Спросимъ же у него: почему онъ свѣдомъ, что келарь *Авраамій Палицынъ* започенъ въ Соловецкій островъ, а не самъ пожелалъ кончить памъ въ молитвѣ, постѣ и молчаніи, оспашокъ бурной жизни своей? Мы видимъ изъ исторіи, что часто архипаспыри, оспавляя свой посохъ и паспву, имъ опъ Бога ввѣренную, добровольно започади себя въ эту дикую пущыню.

Кто сей полудержавный инокъ, о которомъ здѣсь намѣкается? Не дожидаясь отвѣта, котораго долго ждаль, пойдёмъ далѣе; пора кончить. Моя спашья спановится такою же безконечною, какъ блаженной памятки крипика профессора *Кагеновскаго* на предисловіе къ исторіи государства Россійскаго, ппнувшаяся въ упокоенномъ имъ *Вѣстникъ Европы* два года, семь мѣсяцовъ и двѣ недѣли.

«Третій, (то есть *Никонъ*) другъ и напереникъ Царя, мужъ совѣта и разума, возопановилель вѣры, гонитель невѣжества и предразсудковъ, гибнеть жерпвою происковъ опашь той же *болрицины*.»

Историкъ Русскаго народа позабылъ, что папріархъ *Никонъ* былъ судимъ духовнымъ Соборомъ, на которомъ председательствоваль *Паисій*, папріархъ Іерусалимскій. Мы обязаны профессору *Кагеновскому* весьма дѣльною осемъ предметъ спашьею, которая, подъ заглавіемъ: *О низложеніи папріарха Никона*, была имъ напечатана въ *Вѣстникъ Европы*. Тамъ изложены важныя государственныя преступленія высокогѣрнаго *Никона*, который замышлялъ на Сѣверѣ захватить въ свои руки такую же власть, какъ Римскій Папа на Западѣ. Но на Россійскомъ престолѣ, къ щасстью государства, сидѣлъ Самодержецъ мудрый, твердый и не робкаго духа. Въ примѣрѣ безпредѣльнаго *Никонова* властполю-

бія мы приведемъ опъ важный случай, когда Царь *Алексій Михайловичъ* былъ оплученъ опъ причаспія св. Таинъ корыстполюбивымъ духовникомъ: папріархъ *Никонъ* не разрѣшилъ Царя до тѣхъ поръ, пока (одинъ изъ *ненавистной болрицины*) великосердый князь *Долгорукий*, справедливыми убѣжденіями, не заспавиль духовника снятъ съ Государя несправедливо наложенную эпипимию.

(*Ожоганіе въ слѣд. листкѣ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛѢКАРЬ-ВОИНЪ.

Губилинъ, славный врачъ, мориль людей ужасно:
Прощайся съ жизнью, лишь попадись къ нему;
Теперь онъ воинъ спаль, и всѣ кричашь: прекрасно!
Ужь смерщи опъ него не будетъ никому.

Ш А Р А Д А.

Передъ глаголомъ спаль, слогъ *первый* мой
Показываетъ опчужденье,
Оплученье,
Опдаленье.
Мой слогъ *второй*:
Брань; спычка, бипва, бой.
Я весь сигналъ, чпобъ изъ сраженья,
Иль съ шпурма, послѣ пораженья,
Подки назадъ ползли, какъ ракъ.
На барабанъ имъ даю сей грустный знакъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ МОДЪ.

Pl. No 22. Coiffure ornée de velours. — Robe de batiste ecru garnie de velours de dentelle noire. — Coiffure erubans. — Robe d'organdi broché garnie de dentelle.

Карш. No 22. Прическа съ бархатомъ. — Башпшовое небьяѣное плашье, опдѣланное бархатомъ и чѣрнымъ кружевомъ. — Плашье изъ органди broché, обшипное кружевомъ.

Въ No 61-мъ, помѣщенный логотифъ значить:

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 63.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АВГУСТА 5 ДНЯ 1856 ГОДА.

Будь милое дитя семейству украшеньемъ,
Расши, и съ быспрымъ дѣлѣмъ печеньемъ,
Что есть печаль—не знай!
Что есть порокъ—не понимай!

Б. Федоровъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГАБРИЕЛЛИ.

(Продолженіе.)

Рошталъ такъ занялся всѣми эпіми измѣненіями и разсмаприваніемъ мраморнаго шуалета, что не видалъ, какъ, вмѣсто законченныхъ мипкальныхъ занавѣсовъ, развѣсили на окнахъ богатыя шпофныя гардины; старыя же, изорванныя обои, закрылись бархатными съ золопомъ. Кровать такъ же оборопилась вдругъ въ жершвенникъ, сооруженный какимъ нибудь геніемъ—какой нибудь воздушной сальфидъ, или въ роскошный проиъ баснословной Цирцей. Скоро пришли другіе служители, и повѣсили на спѣнахъ дорогія карпины лучшихъ Ипаліанскихъ художниковъ. Молодой графъ не могъ налюбоваться обворожительными Мадонами *Рафаэля* и *Кореджія*, прелесными головками нимфъ, наядъ, паспушекъ и, наконецъ, величественнымъ Распяіемъ, выпоченнымъ изъ слоновой кости однимъ Флорентинскимъ художникомъ. Не вѣря чувспвамъ своимъ, онъ почти въ осполбѣ-

неніи смотрѣлъ на мраморъ, фарфоръ, порфировыя и малахитовыя вазы, на раззолоченные часы съ музыкою, на парчевыя подушки, Персидскіе ковры, Венеціанскія зеркала;—однимъ словомъ, на всю эпу ослѣпительную роскошь,—дивную, неслыханную, благородную и пустую, соединяющую великое съ ничтожнымъ, смѣшное съ разипельнымъ; роскошь, извѣстную однимъ щасливцамъ міра; роскошь царскую, но во времена давно прошекшя, и которая напоминала собою и пышность калифовъ и прихотливый вѣкъ сласполобиваго *Франциска I.*

Можете вообразить, что чувспвовалъ молодой *Рошталъ*, при видѣ эпаго воспочнаго и почти баснословнаго великолѣпія, о которомъ онъ, будучи самъ довольно богатъ, не имѣлъ до тѣхъ поръ никакого понятія, о которомъ не чиналъ даже въ *тысяча одной ноги!*—Всего болѣе изумляла его неожиданность и быспропа перемѣнъ, эпа непоспижимая скорость, съ которою каждая вещь, какъ бы сама собою, спановилась на свое мѣсто, съ такимъ порядкомъ, съ такою тишиною,—что, казалось, будто вол-

шебная рука невидимкою шуть распорядила.

Топъ же порядокъ, скороспъ и пишина присущствовали въ перемѣнъ другихъ отдѣлений дома. Въ одно мгновение лѣспница покрылась коврами и цвѣтами; залы, гостиныя украсились дорогими мѣбелями; въ кухнѣ зашопились печи и началась спряня; погреба наполнились винами, и, наконецъ, черезъ причаса, — старинный, грозный, мрачный замокъ заблиспалъ огнями и освѣпилъ собою всю Сень-Маркскую площадь. — Словомъ, всё было готово и хозяйка эпой волшебной обители могла топчасъ же сюда переселиться со всею своею дворнею.

Между шѣмъ *Рошталле* всё хранилъ глубокое молчаніе, и никто не говорилъ съ нимъ. — Онъ сидѣлъ такъ близко къ камину, что слуги могли разѣлать коверъ не безпокою его. Черезъ нѣсколько минушъ, невольникъ въ богатой одеждѣ подошелъ на цыпочкахъ, и почтительно просилъ его дозволить взять кресла и поставивъ вмѣсто ихъ маленькій Турецкій диванъ. *Рошталле* вспалъ, далъ вынести кресла и расположился на новомъ диванѣ. Слуги внесли еще новыя сокровища и разспановили ихъ возлѣ прежнихъ. Одинъ изъ нихъ, человекъ пожилыхъ лѣтъ въ черномъ бархатномъ кафтанѣ и въ шокѣ съ перомъ, принесъ шпагу и женскій порпирешъ, который поставилъ на позолоченный комодъ, прямо прошивъ графа, — потомъ онъ вышелъ; другой слуга засвѣпилъ въ комнатахъ люстры, канделябры и подсвѣчники; пренцій бросилъ въ каминъ нѣсколько полнѣтъ и, положи на серебряную жаровню два или три куса сандалнаго дерева, ушелъ. Богатая шпифная занавѣска опустилась на дверь спальни; *Рошталле* оспался наконецъ одинъ.

«Чудеса!» сказалъ онъ самъ себѣ. «Но кто она? Королева?... О, конечно! нѣтъ сомнѣнія; но какая же королева?... И, глаза его успремались на порпирешъ, который, казался, улыбался, и смотрѣлъ на него съ нѣжностію. Мы уже сказали, что онъ предспавлялъ женщину. Эпо была красавица во всемъ цвѣтѣ молодости. Ипаліанка, съ чер-

ными Ипаліанскими глазами, съ черными Ипаліанскими волосами, съ эпою Ипаліанскою блѣдностію на лицѣ, прозрачною, какъ янтарь, сквозь которую свѣспился пламя; съ обворожающею улыбкою любви, со взоромъ, полнымъ нѣги и величія; однимъ словомъ, совершенство и слава природы! — *Рошталле* забылъ всё чудеса, его окружавшіе, и съ нѣмымъ воспоргомъ художника смотрѣлъ на порпирешъ; какъ вдругъ услышалъ шумъ и спукъ у подъезда.

Наконецъ королева подъехала ко дворцу своему въ пышной гондолѣ, сопровождаемая другими гондолами. *Рошталле* бросился къ окну, и видѣлъ, какъ она, закупанная въ длинную мантію, подобно какому нибудь воздушному видѣнію, выпорхнула изъ лодки, полетѣла по лѣспницамъ и, прежде нежели *Рошталле* могъ опомниться, очутилась въ спальнѣ.

Она вошла безъ церемоній, и какъ будто не видя графа, между шѣмъ какъ онъ не зналъ, что ему дѣлать. — Такое невниманіе, такое пренебреженіе со стороны красавицы, казалось ему по крайней мѣрѣ страннымъ, если не оскорбительнымъ для самолюбія молодого, красиваго и избалованнаго щеголя. Онъ рѣшился воспользоваться своимъ положеніемъ и смотрѣлъ, что будетъ, сидя на своемъ мѣспѣ и не говоря ни слова.

Ипаліанка съла къ пуалепу; нѣсколько минушъ любовалась въ немъ прекраснымъ и благороднымъ лицомъ своимъ, потомъ захлопала въ ладоши, и на зовъ ея вбѣжали при или четыре горничныя. — Одѣваться! — сказала она имъ, и въ поже мгновение черныя волоса ея разсыпались по ея бѣлоспѣжнымъ плечамъ; горничная искусно заплела ихъ въ косы и приподняла на гребень, — *Рошталле* взглянулъ на порпирешъ и узналъ эпо прекрасные густые волосы! — Потомъ принесли серебряную лаханъ съ водою; красавица погрузила шуда бѣлыя руки и прелестное лицо свое, и полоскалась, какъ бѣлый лебедъ въ кристальныхъ спруяхъ озера. Скоро упала съ плечъ ея черная бархатная одежда и замѣнилась бѣлою апласною, которая не закрывала ни плечъ, ни груди. Она надѣла жемчужное ожерелье, зо-

лодые браслеты, бриллиантовые серьги, которыми блистали какъ звѣзды—и украсила прелестную голову свою гирляндой изъ розъ. Всякой, смотря какъ она наряжалась, любовалась на себя въ зеркало, снимала дорожные башмаки и надѣвала атласные, открывала и закрывала прелестную грудь свою и улыбалась самой себѣ, какъ улыбается прекрасная женщина, которая знаетъ, что она прекрасна, и въ эту минуточку находить себя прекраснѣе, нежели когда нибудь; всякой, говорю я, подумалъ бы, что она одна была въ комнату. Она ходила, садилась, падала нѣжныя арии, подходила къ камину, клала на горячую рѣшетку его маленькую свою ножку, которая, казалось, паяла опять пеплопы; смотрѣла на часы, и вдругъ, подойдя къ порпирепу своему, спала на колѣна и глядѣла на него съ восхищеніемъ маперя, радуящейся на пятнадцатилѣтнюю прелестную дочь; въ которой видитъ она самое себя въ эти нѣжныя лѣта возраста. *Рошталле* смотрѣлъ и на красавицу и на порпирепъ: Нѣтъ, живописецъ не польстился ей, думалъ онъ; да и могъ ли бы онъ написать ея прелестнѣе? Могъ ли найти въ природѣ что нибудь подобное этому небесному творенію?

Это продолжалось съ часъ, цѣлый часъ волшебства и очарованія, и *Рошталле*, который, какъ всѣ щастливцы, былъ суевѣренъ, началъ думать: не сдѣлался ли онъ вдругъ невидимкою. Сильное бѣненіе сердца его было ему порукою, что всё это было не сонъ и не игра воображенія.

Наконецъ отворилась дверь, вошелъ дворецкій, и, подойдя къ красавицѣ, почтительно поклонился ей, не говоря ни слова; потомъ обернулся къ нему, и сказалъ, съ низкимъ поклономъ: кушанье пославлено!

«Да что-жь я за дуракъ!» подумалъ *Рошталле*, и, вскочивъ съ своего мѣста, подаль руку красавицѣ, которая, наконецъ, взглянула на него.

«Сударыня,» сказалъ онъ: «сдѣлаете ли вы честь путешественнику, раздѣлитъ съ нимъ скромный его обѣдъ, какъ вы раздѣляете съ нимъ домъ его?»

Она не отвѣчала и важно взяла его подъ руку.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

Д В Ъ З А П И С К И.

Графъ Альфредъ *де Массе* слылъ первымъ красавцемъ въ Парижѣ, былъ богатъ, знаменъ и блисталъ въ свѣтѣ остроуміемъ ума своего и необыкновенными успѣхами въ волюмпствѣ.

Графъ *де Массе* имѣлъ самое легкое мнѣніе о женщинахъ, и никогда не бывалъ безъ прехъ или четырехъ интригъ въ одно время. Вы согласитесь, что это ужасно!

Со всѣмъ тѣмъ, онъ былъ блѣденъ, имѣлъ прекрасные томные глаза, черные волосы, плѣнялъ любезностью, умомъ; зналъ Нѣмецкую литературу почти также хорошо какъ Французскую, и одѣвался со вкусомъ и по самой послѣдней модѣ. — На немъ первомъ во Франціи явился шерстяной плащъ изъ Шотландской маперіи.

Когда эпостъ новый допъ Жуанъ ѣзжалъ на балъ, то всегда бралъ съ собою сотню любовныхъ записочекъ, чтобы раздавать ихъ во время танцевъ. — Онъ были писаны самымъ обыкновеннымъ слогомъ, но отличались лаконизмомъ своимъ.

Разъ, на блестящемъ праздникѣ, онъ всунулъ въ руку одной черноволосой красавицы слѣдующее нѣжное посланіе:

«Умоляю васъ принять меня къ себѣ завтра вечеромъ. Если вы на это согласны, то отвѣчайте однимъ словомъ *да*. Такой короткой отвѣтъ, доставленный ко мнѣ по городской почтѣ, не можетъ повредить доброй славы вашей, но онъ необходимъ для щастія моей жизни.»

Начался другой конспрдансъ, и *Альфредъ* поднялъ прелестную блондинку, которой вручилъ записочку слово въ слово одного содержанія съ первой.

Потомъ, довольный вечеромъ своимъ, онъ уѣхалъ рано домой и злые сны любви во всю ночь не оплелили опять мягкаго изголовья его.

На другой день, ранехонько поутру, по еспь въ полдень, камердинеръ положилъ передъ нимъ маленькую раздушеную записочку, на апласиспой, небеснаго цвѣта, бумагѣ. *Альфредъ* улыбнолся, распечатавъ, прочель—и опяшь улыбнолся.

Записка заключала только одно слово: *да*.

Однако-жь графъ былъ въ большомъ затрудненіи. Онъ получилъ одинъ только отвѣтъ и потъ безъ подписи.

Одна красавица отвѣчала; но, какъ знашь, которая изъ двухъ?

«Къ которой же ѣхать?» думалъ онъ, поширая лобъ и домая себѣ голову, но щепно; записка не объясняла ничего, и онъ не могъ отгадать—блѣокурая или черноволосая дама писала еѣ.

«Повду на удачу!» сказалъ онъ вдругъ: «судача богиця влюбленныхъ—она поможешь мнѣ.»

Въ назначенный часъ *Альфредъ* одѣлся и бросился въ наѣмную карешу.

— Куда прикажете ѣхать? —

«Въ улицу святаго Доминика — или въ Прованскую—куда хочешь.»

Въ послѣдней изъ энихъ улицъ жила та, которая отвѣчала ему.

Кареша остановилась у подъѣзда; *Альфредъ* вошелъ—и заспалъ красавицу одну,—но его приняли холодно и даже осыпали колкими шушками на щепъ вчерашней его записки.

Тупъ онъ догадался, что ямщикъ, эпощъ воплощенный случай, привезъ его совсѣмъ не туда, куда слѣдовало.

Но ужъ было 9 часовъ, а свиданіе назначено въ восемь! Онъ поперялъ цѣлый часъ!

Альфредъ опкланялся—опромешью сбѣжалъ съ лѣспницы, и велѣлъ какъ можно скорѣе везти себя въ улицу св. Доминика.

Но блѣокурая красавица только - что уѣхала со двора.

На другой день, поутру, *Альфредъ* получилъ раздушеную записочку на голубой бумажкѣ; онъ улыбнолся, распечатавъ и прочель,—но

послѣ того ужъ не улыбался; записка заключалась въ шрежъ словахъ:

«Вы дерзкій человекъ.»

Какъ онъ ни спарался, но блѣокурая красавица рѣшишельно опказала ему въ свиданіи, и ловкій графъ *Альфредъ дѣ Массѣ* первый разъ въ жизни имѣлъ неудачу въ любви, оскорбительную для его щцеславія.

Нравоученіе.

Не пишете никогда двухъ любовныхъ записокъ въ одно и позже время.

T.

ДВА НОВЫЕ АНЕКДОТА О НАПОЛЕОНѢ.

Въ Парижѣ недавно вышла книга, подѣ заглавіемъ: *Anecdotes de Napoléon Bonaparte*, въ двухъ часпяхъ. Книги о *Наполеонѣ* до крайности надоели публикѣ своими шриками, преувеличеніями и повтореніями. И въ эпохой книгѣ еспь нѣсколько припорныхъ и много спарыхъ сказаній о великомъ полководцѣ; но еспь и нѣкоторыя очень любопытныя, доселѣ неизвѣстныя черпты его характера и образа мыслей. Между прочимъ нашли мы въ нихъ два анекдота, которые, если они справедливы, доказываютъ, что хотя *Наполеонъ* любилъ леспь, но умѣлъ опличать лѣспецовъ усердныхъ и просподушныхъ опъ подлещовъ и ренегатовъ. Сообщаемъ сіи анекдоты въ переводѣ:

1.

По возвращеніи своемъ съ оспрова Эльбы въ Парижѣ, *Наполеонъ* чрезъ при дня посѣпилъ Политехническую школу, которая при королевскомъ правленіи была преобразована. Инспекторъ учебной часпи водилъ его по комнапамъ. Вспунивъ въ прежнюю залу военныхъ экзерцицій, которая превращена была въ молельню, онъ обрапился къ инспектору, и спросилъ, указывая на олшарь: эпо что?—Эпо, ваше величеспво;—опвѣчалъ инспекторъ съ низкимъ поклономъ: сдѣлано по приказанію *бывшаго* (si-devant) герцога *Ангулемскаго*.—«Такъ и я за недѣлю былъ у васъ *бывшій*? жемъ?» спросилъ онъ

нахмурясь, и съ той минутой не удостоилъ инспектора ни однимъ вопросомъ.

2.

Черезъ нѣсколько времени по учрежденіи Веспфальскаго королевскаго, камергеръ новаго Двора, Нѣмецкій графъ, написалъ Нѣмецкую драму, которую играли съ успѣхомъ въ Кассель и другихъ мѣстахъ. Одинъ крипикъ, также Нѣмецъ, а къ тому же и профессоръ, вздумалъ разбранивъ своего земляка, и, при сей вѣрной okazji, угодишь новому власпелину. Онъ написалъ крипику свою по Французски; и не удовольствовался разборомъ драмы, а упрекалъ Нѣмца: зачѣмъ онъ пишеть на Нѣмецкомъ языкѣ. «Передъ Европою и особенно передъ Нѣмцами, мы, Французы,» говорилъ онъ (а припомъ г. профессоръ объяснялся самымъ дурнымъ Французскимъ языкомъ): «знаемъ только нашъ Французскій языкъ. Передъ Европою, мы, изъ достойнства, не можемъ употреблять языка, который служишь только для самыхъ подлыхъ ругательствъ прошивъ нашего опечесства, языка, въ которомъ слово Французъ *ein Franzos*, равняется почти брани. Вотъ почему графъ А. II. долженъ былъ напечатать свою драму по Французски и почему мы совѣщаемъ ему впредъ писать на Французскомъ языкѣ, въ которомъ онъ можетъ легко опличиться при своемъ литературномъ дарованіи. Для Французовъ неумѣстно писать Нѣмецкія драмы.» Это сужденіе было напечатано особою брошюркою. Авторъ препроводилъ её съ раболѣпнымъ письмомъ къ *Наполеону*, испрашивая воззрѣнія на его всеусердіе. Оно не замедлило послѣдовать. Черезъ мѣсяць онъ получилъ отъ тогдашняго владыки Франціи драгоценный перстень, украшенный девятью разноцвѣтными камнями. Восхищенный сею милостью, онъ посѣшилъ въ одно большое опечесство, гдѣ надѣялся найтти графа А. II. Увидѣвъ его въ самомъ дѣлѣ, съ поржесствомъ показалъ блестящій подарокъ. Графъ А. II., разсмотрѣвъ перстень, спросилъ его: Знаете ли, г. профессоръ, что значать эти камни?—«То есть, что они споятъ?»—Нѣтъ! что значать.—«Не знаю.»—А вотъ что. За-

мѣчайте первыя буквы ихъ названій: *malachite, iris, saphyr, émeraude, rubis, ametiste, berylle, leucolithe, essonite.* Вышло: *miserable—подлецъ!*

С. С. С.

4-го Мая, 1836.

КУДА ВЫ БѢЖИТЕ?

Въ всякомъ другомъ краю, кромѣ Франціи, надлежало бы спрашивать: куда вы идете? но, въ Парижѣ особливо, въ этомъ раззолоченомъ муравейникѣ, гдѣ всякій спѣшивъ высунувъ языкъ, гдѣ всѣ порошится жишь,—можно безъ метафоры спрашивать у каждаго: куда вы бѣжите?

Въ вопросъ нѣтъ ничего новаго; напрошивъ, онъ, послѣ добраго упра, есть обыкновенная, неизбежная формула рѣчи въ Парижскихъ испрѣчахъ. Куда вы бѣжите? Это начало всякаго уличнаго разговора; сигналъ къ хваспливымъ довѣренностямъ чловѣка, довольнаго собою, который рассказываетъ свои удачи въ любовныхъ дѣлахъ, успѣхи въ славу, чесполюбіи или дѣлахъ собственныхъ. Это случай поэту прочесть вамъ свои стихи, которые онъ бѣжитъ чипать въ другихъ мѣстахъ. Куда бѣжите вы?—Это мученіе скрипнаго на самомъ дѣлѣ, и поржесство скрипнаго по наружности.

Куда бѣжите вы? При этихъ словахъ лгунъ выдумываетъ сказку; блюдолизъ описываетъ, облизываясь, вкусный обѣдъ, за которымъ онъ будетъ; щеголь, кокепка, чесполюбець, обманщикъ, пролазь; словомъ, всѣ эти люди выдумываютъ, лгунъ или опдѣлываются отъ опивѣта. О, щаспливый, спокрапъ щаспливый донъ *Клеофасъ-Леандроперецъ-Залибулло д'Алкала!* Сколько разъ я завидовалъ пвоему хромоногому и услужливому бѣсу! Какія любопытныя явленія показалъ онъ шебъ! Какія разнообразно-забавныя карпины разспилалъ онъ передъ пвоими глазами!

Увы! не уже ли не оспалось болѣе черпей въ бупылкахъ! О фанпазія, своенравная и перемѣнчивая! Приди ко мнѣ на помощь за недоспапкомъ Асмодею, будь мнѣ вѣрна; угадывай съ точностью, и опивѣчай мнѣ, когда

я спану спрашиваешь у всякаго встрѣчнаго: Куда вы бѣжите?

Куда вы такъ бѣжите, пѣшкомъ, съ чернымъ галстукомъ на шеѣ, въ сюртукъ? — Куда я бѣгу? Туда, гдѣ я былъ уже, гдѣ еще хотѣлъ бы быть, куда мои паланты, мое имя, могу даже сказать, любовь моя къ отечеству, созрѣвая въ неудачахъ, призываютъ меня и даютъ мнѣ право быть! Куда я бѣгу? Туда, куда всегда бѣжалъ: въ Римъ, въ Лондонъ, въ Реймсъ, въ Люксамбургъ, въ улицу Сентъ-Оноре...

Знаиность и сила! я узналъ вашу ничтожность и не хочу болѣе носить блестящихъ вашихъ оковъ! кричишь *Авлофиль*. Куда же ты бѣжишь, разочарованный честолюбецъ? Въ глушь лѣсовъ, или въ сельскій пріютъ? — Да, и скоро, очень скоро. — Ну, а теперь куда? — Къ людямъ знающимъ и сильнымъ; если они не поспараются всячески удержатъ меня, тогда — тогда бѣгу непременно въ деревню, за пять миль отъ Парижа:

Куда бѣжишь, *Сентъ-Альбъ*? — На биржу, по дѣламъ. — На игру, на гибель: у тебя нѣтъ ни винъ, ни сахару, ни хлопчатой бумаги продажной. У тебя есть хорошая аренда, домъ въ Парижѣ, милая жена, милая дѣти, вкусъ и охота къ словесности и изящнымъ искусствамъ... Чего же тебѣ недостаетъ? Чего ты ищешь въ эпихъ проклятыхъ вертепахъ, гдѣ видишь только на право, на лѣво. Вотъ, что называется, даромъ прожить свое существованіе! Сдѣлавшись глухимъ къ сладостнымъ пѣснямъ Музы, ты слышишь только голосъ банкнета, ждешь пуза или пятерку, ломаешь голову надъ пустыми и несбыточными вычепами, сидишь по цѣлымъ ночамъ въ душной комнатѣ, когда прохладная тѣнь лѣсовъ и свѣжесть муравы зовутъ тебя: *Сентъ-Альбъ*, *Сентъ-Альбъ*, куда бѣжишь?

Куда бѣжите вы, смертные? Къ почестямъ? ... Вы бѣжите въ полямъ. Къ друзьямъ вашимъ, знатнымъ? Вы бѣжите къ униженію. Къ пройскамъ? Вы бѣжите къ презрѣнію. Къ мести? Вы бѣжите къ угрызениямъ совѣсти. Куда бѣжите вы, перстающіе жизнь свою? Мы бѣжимъ къ насла-

жденію, богатству, власти. — Легковѣрные бѣдняки! Для чего не скажете: *къ счастью?* сонъ на этомъ пути былъ бы очень сладокъ.

Пер. К. Х—ва.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКАГО.

Русское общественное мнѣніе.

Наше общественное мнѣніе не довольно щекопливо и зыкапельно. Оно таково не отъ разслабленія нравовъ, но именно отъ излишней осторожности, отъ боязни огласки. Мы терпимъ въ обществѣ своемъ безчестнаго челоука, принимаемъ его наравнѣ съ другимъ, достойнымъ уваженія, не потому, что совѣсть общества нашего усыплена, или зачѣрствела, но потому, что не хотимъ ни съ кѣмъ ссориться, говоря: *наше дѣло сторона*. Нѣмецкая поговорка: *machen sie kein Spectakel!* все властно надъ нами. Мы отъ неѣ цѣпенемъ, какъ отъ Медузиной головы. Съ правилами такой общежительной терпимости, мудроно согласовать спроую цензуру театра. Комическіе писатели супъ члены того же общества, воспитаны въ томъ же смиреніи духа: мудроно имъ опдѣлиться отъ себя, раздвоить себя и перенести на сцену щекопливую раздражительность, мужесивенное негодование, коихъ не имѣютъ они въ тѣсной жизни дѣйствительной.

Вотъ отъ чего не наспушаютъ они грудью на затвердые пороки, а верпятся около мелкихъ и смиренныхъ слабостей, задираютъ безопвѣсныхъ провинціаловъ въ столицѣ и горячатся противъ безпорядковъ, которыхъ нѣтъ, или которые можно бы оспавить въ покоѣ.

ПРОДОВОЛЬСТВІЕ ЛОНДОНА ВОДОЮ.

Въ Лондонѣ существуютъ восемь компаний, которыя снабжаютъ водою 176,205 домовъ и доставляютъ имъ ежедневно среднимъ числомъ 721 литръ воды, а всего 129,523,000 литровъ. Средняя цѣна за достав-

ку воды составляетъ въ годъ 28 шиллинговъ (35 р.), за которые получается въ годъ 265,000 листовъ воды, следовательно гектометръ спобитъ меньше фершинга (2 коп.). Эти восемь компаний получаютъ ежегодно 6,051,350 рублей на наши деньги; изъ нихъ 3,127,575 рублей составляютъ ихъ чистый барышъ. — Въ Парижъ это самое количество воды, которое въ Лондонъ доставляется за 35 франковъ, обходится въ 253 франка! Парижское городское управленіе продаетъ воду изъ Сены въ восемь разъ дороже того, чего спобитъ въ Лондонъ очищенная вода изъ Темзы.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

88.

(Окончаніе).

Несообразности, суровые выходки, рѣзкія противорѣчія — вотъ характеръ сочиненій г. *Бьлинскаго*. Все это находимъ мы и въ сочиненіяхъ гг. *Бралибеуса* и *Полеваго* — но гораздо меньше, чѣмъ въ пвореніяхъ г. *Бьлинскаго*. ~~Съ~~ не помнитъ того предмета, за который съ жаромъ вступился за четверть часа передъ пѣтмъ. Примѣры безчисленны: цѣлыя книжки *Телескопа* наполнены ими. Вотъ вамъ одинъ изъ этихъ примѣровъ.

Расхваливая Русскую исторію, соч. Н. А. *Полеваго* для юношества, въ четырехъ часпяхъ, г. *Бьлинскій* говоритъ:

«Тѣсныя предѣлы, назначенные себѣ авторомъ, не только не повредили достоинству его сочиненія, но еще были одною изъ главныхъ причинъ, способствовавшихъ возвышенію этого достоинства.»

Сія спроки напечатаны на спр. 115-ой пяпой книжки 1836-го года.

А на спраницѣ 123-й пишнуто:

«Намъ кажется, что г. *Полевой* ошибся въ объемъ своего сочиненія: первая часть его слишкомъ велика, слишкомъ неопвѣспвенна съ спройностью цѣлаго; вторая и третья опвѣспченныя совершенно сповѣспственностью другъ другу и удивительною перспективностью (!!!) событій; но какова же должна быть, въ этомъ отношеніи, послѣдняя, ш. е. чеп-

верная часть, которая должна вмѣспнить въ себѣ событій опъ царствованія *Теодора Алексѣевича* до нашихъ дней?... Если она числомъ листовъ будетъ равна третьей (которая состоитъ изъ 21-го листа): то будетъ казаться, въ сравненіи съ предыдущими, какимъ-то перечнемъ событій, приложеннымъ въ видѣ дополненія. Мы уврены, что поппенный авторъ самъ сознаетъ свою ошибку и, при второмъ изданіи, которое бесъ сомнѣнія скоро будетъ потребовано Публичною, исправитъ его и, вмѣсто чепьрехъ помовъ, подаритъ насъ, по крайней мѣрѣ, шестью.»

И эпомъ-то авторъ, который на разспояннн одной спраницы- разногосиптъ самъ съ собою, объявляетъ, что на щѣптъ количества помовъ, изъ какихъ какое сочиненіе состоитъ должно, имѣетъ свои понатія. — Въ чемъ же состоитъ они?

«Мы убѣждены,» все таки не краснѣя и не пощупляя глазъ, уврять опъ насъ, — «что одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ Исторіи Россійскаго государства, соч. *Карамзина*, заключается въ томъ, что она, объема съ собою событій, не проспиравшіяся даже до избранія *Михаила*, состоитъ изъ *девятнадцати*, а не изъ *трехъ*, или много-много *четырехъ* помовъ.»

Ну, кто можетъ сравниться въ опвагѣ съ г. *Виссаріономъ Бьлинскимъ*.

А. Кораблинскій.

Мая 20,

1836.

Спанція Нейналь.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НОЧЬ И УТРО.

Звѣзды понуть, звѣзды блещуть
Въ безпредельной глубинѣ,
То погаснуть въ вышинѣ,
То лучи ихъ вновь препещуть;
Мѣсяцъ свѣспитъ сквозь вѣшвей,
Доль и лѣсъ благоухаетъ,
Вся природа засыпаетъ
Въ мирномъ лонѣ у пѣней.
Легкій вѣспрь колеблетъ снп,
Свѣсплый мѣсяцъ ужъ поухъ,
Тихій гулъ спревожиптъ слухъ,
Вдалѣ лепятъ, свиваясь, пѣнн,
Звонче лѣшся быспрый шокъ,

Небо въ шихомъ облиспаннѣ,
И царь дня въ златомъ сѣяньи
Гордо всходишь на воспокъ.

Мысликовъ.

1832 годъ.
Ревель.

CHARADE.

Du talent d'Arachné (1), dans la fable connue,
Je suis comme le complément.
Ma forme irrégulière est ou lisse ou grenue,
Ou se termine en passement.
Mais dans mon tout, lecteur, quel bizarre assemblage!
Mon premier est le nom d'une jeune beauté,
Tandis que mon second est l'horrible partage
Des gens portés à la fureur,
Ou bien l'effet d'un mal qui cause la terreur.

Въ No 62-мъ, помѣщенная шарада значить: *Отбой.*

MODES.

Le costume des enfans de Paris a toujours été cité comme le plus élégant de toutes les capitales; en outre, les enfans n'ont nulle part autant de bon genre qu'à Paris et le seul reproche, qu'on pourrait leur adresser, serait de ne pas être assez enfans, les petites filles surtout; mais cela ne les empêche pas d'être de ravissantes créatures et d'embellir leur toilette de toute la fraîcheur de leur âge. Qui peut retenir une exclamation de plaisir en voyant courir à travers les arbres des Tuileries, tout ce petit peuple élégant; les petites filles, avec leurs robes roses et blanches à manches courtes et corsage décolleté prenant bien la taille et juste sans aucuns plis; les mitaines noires en filet; la jupe un peu plus longue que l'année dernière; le pantalon flottant, garni d'une petite dentelle et les brodequins ou les guêtres grises. Une capote de percale doublée ou un petit chapeau *cottage* avec des

(1) Arachné, fille d'Idmon, fameux devin parmi les Argonautes, ayant osé défier Minerve dans l'art de la broderie, elle fut métamorphosée par celle-ci en araignée.

bandes de velours noir. Pour les petits garçons, il y a cette année une innovation charmante, ce sont les costumes de *matelots*, c'est un large pantalon plissé, retenu sur les épaules avec des bretelles de velours noir qui forment échelle sur la poitrine et dans le dos; une chemise de couleur et point de veste, un chapeau de paille à larges bords et petit fond. Outre ce costume, qui est le plus répandu dans ce moment, les garçons portent aussi de petites vestes et des redingotes de *lasting* décolletées, laissant passer la chemise garnie d'une petite collerette soutenue par la cravatte, pantalon blanc à sous-de-pieds et souliers-guêtres.

МОДЫ.

Дѣтскіе костюмы въ Парижѣ были извѣстны всегда за щеголеватѣйшіе противъ другихъ спольщъ; кромѣ того, дѣти нигдѣ такъ не ловки, какъ въ Парижѣ, и одинъ упрекъ, который бы можно имъ было сдѣлать, состоятъ въ томъ, что они не довольно *дѣти*, особливо дѣвочки; но это не мѣшаетъ быть имъ прелестными существами и украшать одежду свою всею свѣжестью ихъ возраста. Кто удержишься отъ радостнаго восклицанія, увидѣвъ, сквозь деревья Тюльерійскаго сада, эту бѣгающую маленькую щеголеватую шюну дѣвочекъ, въ розовыхъ и бѣлыхъ плащяхъ съ короткими рукавами, открытыми лицами, въ обшлячку по шали и гладкіе безъ всякихъ складочекъ; черныя вилейныя полу-перчатки; юбка немного длиннѣе, нежели въ прошломъ годѣ; панталоны широкія, обшитыя узенькимъ кружевомъ, и сѣрые сапожки или шпиблешы. Перкалевый капотъ или маленькая шляпка на косточкахъ съ черными бархатными завязками. Для мальчиковъ есть нынѣшній годъ прелестное нововведеніе: это мапросскій костюмъ, — широкіе панталоны въ складкахъ, придерживаемые на плечахъ черными бархатными помочами, составляющими льсенку на груди и на спинѣ; цвѣтная рубашка, безъ камзола; соломенная шляпа съ широкими краями и низкою тульею. Кромѣ этого костюма, самаго теперь употребительнаго, мальчики носятъ также небольшіе камзолы и сершукки изъ *lasting* вырѣзные, изъ подъ которыхъ видна рубашка съ борочкомъ, придерживаемымъ галстуккомъ; бѣлые панталоны съ подсшежками и башмаки-шпиблешы.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ШВАЛІДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 64 и 65.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересыдкою
35 рублей.

СУББОТА, Августа 8 дня 1836 года.

Портретъ сей безподобенъ!
Со мною скажешь по весь свѣтъ;
Души въ немъ только нѣтъ;
Но шѣмъ-по болѣе онъ съ подлинникомъ сходенъ.

П. Сумириковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГАБРИЕЛЛИ.

(Продолженіе.)

Я уже сказалъ вамъ, что печальный и мрачный дворецъ, занимаемый въ Венеціи графомъ *Рошталле*, въ одно мгновеніе ока, и какъ будто какимъ нибудь волшебствомъ, наполнился вдругъ всеми чудесами, которыя только роскошь, любовь къ изящному и чрезмѣрное богатство могутъ соединить въ одномъ мѣстѣ. Не одна спальня молодого человека приняла внезапное измѣненіе; длинныя залы горѣли огнями и позолотою—и спловая комната, наканунѣ еще пустая и темная, сіяла необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Тамъ, на прекрасныхъ буфетахъ, изъ чернаго дерева, разставлено было множество серебряной и золотой посуды, и споль, казалось, ломился подъ тяжестью серебряныхъ блюдовъ, украшенныхъ рѣзбою, выработанною съ шѣмъ неупомимымъ разнообразіемъ и хвасповствомъ искусства, котораго ми оплачивается 16 вѣкъ Венеціи.—*Рошталле*

велъ подъ руку красавицу, представляя хозяина дома въ этомъ пышномъ жилищѣ, не спойвшемъ ему ни копѣйки; а красавица съ своей спороны казалась благодарною за его вниманіе. Они сѣли на большія черныя кресла, служившія какъ-бы рамою для чудной красоты ея—и слуги начали подавать кушанье и разливать самыя дорогія вина; обѣдъ согласовался съ прочею пышностью—и графъ нашъ, войдя совершенно въ характеръ роли своей, приказывалъ, подчивалъ и извинялся передъ гостею, что угощалъ еѣ не такъ хорошо, какъ бы желалъ. «Вы, сударыня, пожаловали къ намъ такъ нежданно,» говорилъ онъ ей: «что мы не успѣли приготовиться, и я, по чести, спыжусь, что вы заспали насъ въ такомъ беспорядкѣ.»

Лишь только кончился обѣдъ, какъ дожили красавицъ, что гондола ея у крыльца и скоро начнется *Метастазіева* опера.

—Ахъ, *Метастазій!* *Метастазій!*—скорѣе умышъ мнѣ руки!—вскрикнула она, пропянувъ съ дѣпскою граціею двѣ бѣленькія ручки къ золотой даханкѣ, между шѣмъ, какъ

молодая, хорошенькая служанка лила на нихъ изъ такого же рукомойника ароматную воду.

— *Метастазій! Метастазій!*—швердила красавица.—Аббапъ *Метастазій* основалъ пеапръ нашъ, сударь;—онъ нашъ Софокль, нашъ Эврипидъ;—онъ, сударь, сочинилъ *Дидону*—безсмертную *Дидону!*.... Скорѣй гондолу мою—дайте мнѣ вашу руку, сударь!... и она бѣжала съ мокрыми руками, увлекая съ собою *Рошталле* и повпоряя: *Метастазій! Метастазій!*

Три удара весла перенесли ихъ къ пеапру, и шумъ *Рошталле* показалось опять, что онъ видить какой нибудь волшебный сонъ.—Вся огромная зала Венеціанскаго пеапра, сверху до низу, была унижена людьми; и 4,000 зрителей, мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ большая часть отличалась богатствомъ, знатностью, красою—ожидали, чтобы ударилъ для нихъ часъ живыхъ наслажденій и пламеннаго восторга.—Но одна ложа оставалась еще пустою, и глаза всѣхъ обращались на нее съ безпокойнымъ нетерпѣніемъ. Наконецъ она отворилась—*Рошталле* вошелъ съ красавицею; она сняла съ себя маску—и въ ту же минуту въ партеръ, ложахъ, оркестръ—со всѣхъ споронъ, изъ всѣхъ угловъ, загремѣли рукоплесканія и стѣны залы задрожали.—Всѣ смотрѣли на красавицу, кланялись ей, били въ ладоши, кричали: вивать! вивать! это она, это она! Иные плакали отъ восхищенія, другіе вспывали или наклонялись, чтобы лучше ее видѣть, и всѣ эти 4,000 человекъ, вся эта шумная толпа, рукоплеская съ изступленіемъ, повпоряла одно имя, которое переходило изъ устъ въ уста, отъ сердца къ сердцу—*Габриелли! Габриелли!* Это магическое имя производило одинъ общій трепетъ радости, одно единственнаго пламеннаго чувства, и всѣ, смотря на ложу, посылали туда пылчу поцѣлуевъ, кладя руку на сердце и повпоряя: *Габриелли! Габриелли!*—А она—она имѣла для каждаго привѣтливый взглядъ, ласковое движеніе руки—для иныхъ слезу—для другихъ улыбку—для всѣхъ глубокоую и плѣнительную чувствительность. «О! для чего,

говорила она, не могу я обнять цѣлую Венецію вмѣстѣ, и однимъ разомъ расцѣловать ее!»—Зала загремѣла снова рукоплесканіями, и крики: *Габриелли! Габриелли!* не умолкали.

Скоро однакожь поднялся занавѣсъ и—вдругъ общее молчаніе заступило мѣсто шума.—Въ этотъ разъ ролю *Дидоны* представляла *Романина*.—Въ отступствіи *Габриелли Романина* была царицею Венеціи, *Метастазій*,—и имѣла всѣ прелести Италіанки, всѣ пыскія страсти Италіи.—Услышавъ изъ-за кулисъ бѣшенныя рукоплесканія партера, *Романина*, упоенная щещславіемъ, думала, что они обращались къ ней;—но увы! что спало съ нею, когда поднялся занавѣсъ, и она зоркими глазами соперницы увидѣла въ ложѣ поржествующую *Габриелли*,—*Габриелли*, которую полагала она, если не навсегда, то покрайней мѣрѣ очень надолго оставшеюся при дворѣ *Екатерины II*, на блестящемъ пеапрѣ Эрмижажа!—*Габриелли*, которая возвратилась въ Венецію моложе и прекраснѣе, нежели когда нибудь! Бѣдная *Романина* не могла повелѣвать собою, поблѣднѣла, ноги ея подкосились, голосъ задрожалъ—и она упала въ обморокъ на руки *Анны Сороръ*, между тѣмъ какъ публика, эта неблагодарная публика, которая вчера еще богошворила ее, не заботясь теперь ни мало о ея положеніи, оборотилась къ ложѣ *Габриелли*, и, хлопая, кричала изъ всей силы: *Габриелли! Габриелли! Габриелли!*

Въ самую ту минуту, какъ несчастную *Романину* безъ чувства выносили со сцены, *Габриелли* наклонилась къ партеру, пропала къ нему бѣленькія ручки свои и нѣжнымъ голосомъ сказавъ: *иду—иду!*—пропала изъ ложи. *Рошталле*, оставшись одинъ, обернулся—и увидѣлъ, что *Габриелли* вышла изъ маленькой попенной двери прямо на сцену.—Черезъ нѣсколько времени занавѣсъ поднялся опять и явилась новая *Дидона*, еще прекраснѣе и очаровательнѣе первой!—Это она! это *Габриелли!* шептали зрители. О! какой взглядъ! какія черты! какой голосъ и сколько страсти въ игрѣ ея!—И каждый старался удержатъ свое дыханіе, свои слова, свое сердце, чтобы лучше и полнѣе насла-

ждашься ~~я~~ игрою. Въ самомъ дѣлѣ *Габріелли*, въ роль Карфагенской царицы, была несравненна. Она могуществомъ спраспи своей повелѣвала надъ полпою; она по волѣ располагала удивленіемъ и даже воспоргами эпихъ пылкихъ Италіанцевъ, которые не умѣютъ умѣрять ни удивленія, ни воспорговъ своихъ.—Но какъ описать вамъ то, что ощущалъ молодой *Рошталъ*, видя торжество *Габріелли*,—пой самой *Габріелли*, съ которою онъ жилъ подъ одною кровлею и за часъ передъ тѣмъ пріѣхалъ самъ—другъ въ гондолѣ!... Нѣтъ, невозможно!—Эпо не она! думалъ онъ.—Наконецъ опера кончилась, опять раздался громъ рукоплесканій, и *Габріелли*, вызванная публикою, явилась на сцену въ сопровожденіи молодаго сенатора изъ знашнаго дома *Брагадини*.—О! сколько цвѣтвъ, похвалъ, сонетовъ—посыпались въ эпо минушу на ея годову, къ ногамъ ея, на ея сердце!

Рошталъ былъ еще въ ложѣ, когда отворилась маленькая дверь съ театра, и молодая актриса *Катарина*, еще не сперши съ лица своего румянъ, и не снявъ плащя Римлянки, вошла сказать ему, что синьора *Габріелли* проситъ его къ себѣ.—*Рошталъ* пошелъ за прекрасною дѣвушкою, которая шла впереди, живописно приподнявъ длинную ногу свою, обшитую пурпуровыми каймами и развѣвавшуюся на полныхъ мраморныхъ плечахъ ея.

Габріелли была окружена всею Венеціанскою аристокраціею—и съ полпою обожаемыхъ своихъ обходилась какъ бы съ своею горничною. Одного посылала она за кружевнымъ своимъ чепчикомъ другому отдавала свое жемчужное ожерелье; инѣ спорили между собою, кому надѣтъ ей на ноги маленькія ея туфельки, шитыя золотомъ и шелками, другіе нашептывали ей на ухо нѣжности мягкимъ, гибкимъ Венеціанскимъ нарѣчіемъ, исполненнымъ оспроумной игры словъ, копорой бы позавидовалъ самъ *Мариво*,—и *Габріелли*, веселая, щаспливая, дозволяла каждому услуживать себѣ, хвалясь, обожаясь себѣ!—Благородная Венеція!—говорила она окружавшей ея молодежи: тѣ

повелительница міра—и Адриатическое море свое не имѣетъ подобнаго во всей Вселенной!—О! государи мои,—какъ посковала бѣдная ваша *Габріелли*, посреди снѣговъ и бѣдныхъ цвѣтовъ Сѣвера!—О! дайте мнѣ послушаться сегодня милаго, роднаго языка моего!—эпой нѣжной, плѣнительной гармоніи, копорой такъ жаждетъ слухъ мой!—Она говорила, и голосъ ея былъ такъ нѣженъ, взоры такъ очаровательны; она, казалось, любила ихъ всѣхъ съ такимъ искреннимъ порывомъ сердца и души, что всѣ они готовы были упасть къ ногамъ ея,—и каждый съ жаромъ предлагалъ ей свои услуги.—Удостои палаты мои своимъ посѣщеніемъ, *Габріелли*,—говорилъ одинъ: мы всѣ будемъ пить Кипрское вино за твое здоровье!—*Габріелли*, говорилъ другой, я поспрошу въ саду своемъ Греческій храмъ и сегодня вечеромъ нажѣренъ посвяпить его тебѣ!—О, *Габріелли*!—прервалъ претій: рѣши споры наши; брось жребій, и пошь, кому доспадется онъ, будетъ имѣть щастіе угѣститъ тебя ужиномъ.—Всѣ захопали, и громгласное bravo одобрило предложеніе молодаго вельможи.—«Государи мои,—отвѣчала распроганная до слезъ *Габріелли*: если вы позволите, то я буду просить васъ всѣхъ ужинать сегодня у меня. Или нѣтъ!—Вы видите этаго молодаго иностранца—(и она указала на *Рошталъ*); онъ, м. г., будетъ имѣть честь принять васъ; онъ у меня хозяинъ, и я принадлежу теперь ему. Онъ первый объявилъ въ городѣ о моемъ пріѣздѣ и, благодаря ему, я нашла домъ мой убранымъ въ самомъ лучшемъ вкусѣ. И такъ, м. г. позволите ему имѣть щастіе принять васъ. Ужинъ, вино, коспи—музыкальныя инструменты, поэзія—и зажженные люстры, эпхи искусственныя ночныя свѣтила, васъ ожидаютъ. Кто любитъ меня, пошь за мною послѣдуетъ!»—При эпихъ словахъ она встала, и, подавая руку *Рошталъ*, сказала: пойдете, графъ; дайте мнѣ руку, эпо ваше право.

Ночь прошла въ шумныхъ удовольствіяхъ въ домѣ *Габріелли*, гдѣ вино, танцы, карточная игра, пѣніе, поэзія, дорогія перлы—ароматы востока и драгоценныя каменья занимали—увлекали—удивляли воображеніе

На другой день въ цѣлой Венеціи только и говорили объ очаровательной красотѣ *Габріелли* и о щедрости, изящномъ вкусѣ молодого Француза, знашнаго и богатаго графа *Рошталъе*.

Прекрасная *Габріелли* — честь и слава музыкальной Европы XVIII столѣтія, *Малибранъ* Италія, *Писта* своего вѣка, уѣхала изъ Венеціи, чѣобы поправить разстроенное свое сословіе, и отправилась въ Петербургъ, — въ эти новыя Аѳины, вдругъ разцвѣтшія посреди льдовъ Сѣвера, подъ волшебнымъ скипетромъ *Екатерины Великой*. Она покинула Венецію навсегда, говорила она; она просилась съ *Метастазіемъ* на вѣки; она оставила Италію безвозвратно — и Россія одна была достойна любви ея. И подлинно — просвѣщенная столица славной Имперіи умѣла оцѣнить геній и дарованіе первой пѣвицы въ свѣтѣ; — и обласкавшая, восхищенная *Габріелли* забыла про голубое небо Италіи. Но это, однакожь, продолжалось не долго. — Однажды весною, когда послѣ долгаго ненастья проглянуло на Петербургъ блѣдное солнце, — милая и въпреняя *Габріелли* вспомнила вдругъ яркое солнце Венеціи, и, забывъ все, ускакала изъ Петербурга — и съ театра Эрмитажа перелетѣла почти безъ остановки на Сен-Маркскую площадь, въ древнія палаты свои, гдѣ нашла она молодого чужеземца. — Оспальное вамъ извѣстно. *Рошталъе* былъ уменъ, слѣдовательно воспользовался, шутя, неожиданнымъ счастьемъ своимъ, и красавица, которая сначала думала только надъ нимъ позабавившись, была такъ увлечена остроуміемъ и любезностію новаго рыцаря своего, что въ короткое время они сдѣлались совершенными друзьями. — Женщины, подобныя *Габріелли*, любятъ нечаянности.

Между тѣмъ вся Венеція занималась молодымъ графомъ: кто онъ? откуда? — Этого челоуѣкъ долженъ быть опѣнно богатымъ и знатнымъ, говорили всѣ. — И какъ счастливы! прибавляли со вздохомъ нѣкоторыя. Кто бы подумалъ, что эпа *Габріелли*, которую никакая просьба не могла удержатъ въ Италіи, или вырвать изъ Петербурга, вооружилась въ Венецію по первому знаку ино-

странца! — И не только воропилась, но вошла опять на театръ и играла на немъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ Венеціи, такъ долго бывшей у неѣ въ немилости. И всѣ единогласно превозносили похвалами скромность *Рошталъе*, который явился въ Венецію подъ видомъ простаго путешественника, и скрывалъ богатства свои, чѣобы по пріѣздѣ *Габріелли* сказать ей: *Все это твое и для тебя*. Словомъ — въ цѣломъ городѣ ни о чемъ другомъ не говорили, какъ о *Габріелли* и графѣ *Рошталъе*. Мушны окружали прекрасную пѣвицу, женщины наперерывъ старались привлечь вниманіе молодого иностранца, и прекраснѣйшія изъ нихъ манили его къ себѣ глазами, сердцемъ и опажаломъ. — Франуженки и Французы, бывшіе тогда въ Венеціи, писали въ Парижъ и Версаль, чѣобы уведомили ихъ, кто былъ эпотъ молодой и блистательный графъ *Рошталъе*.

Между тѣмъ молодой Французъ говорилъ о любви своей, и *Габріелли* улыбалась. — Послушайте, — сказала она ему наконецъ нѣжнымъ голосомъ своимъ, въ которомъ было сполько гармоніи, что, казалось, будто она всё пѣла: послушайте, не любите меня слишкомъ много, потому что мнѣ оспается любить васъ только одну недѣлю. — Я пріѣхала сюда не для васъ, графъ, хотя весь городъ увѣренъ въ противномъ. Я возвратилась въ Венецію для любимаго поэта моего, для моего премудраго, великаго *Метастазія*. Вы видите, что я съ вами опкровенна и, послуная честию, осперегаю васъ, пока еще есть время, чѣобы вы послѣ на меня не пѣняли. Графъ, не любите меня много; я нашла васъ у себя по оплошности моего управителя, и позволяю вамъ оспаваться здѣсь по слабости и изъ щщеславія, — но повпорюю вамъ еще разъ, что вы не должны привязываться ко мнѣ; между тѣмъ, я совѣтую вамъ пользоваться эпимъ случаемъ, чѣобы болѣе сдѣлаться извѣстнымъ въ свѣтѣ. Вы молоды, хороши собой, — мушны и женщины скоро заговорятъ о васъ, замѣтятъ, что вы всегда со мною. —

— И — по, что, можетъ быть, вы пріобрѣли бы въ два года безпрестанныхъ заботъ

и стараний, удастся вамъ въ двѣ недѣли, если Венеція увидитъ васъ рука съ рукою съ щасливою и гордою *Габриелли*; но за услугу мою я пребую опъ васъ равной услуги.—Опдайте мнѣ поэта моего, который измѣнилъ мнѣ, и я, въ свою очередь, опдаю вамъ всю прекрасную Венецію... Чпожъ вы такъ приуныли?—Ободритесь, и не смотрите на меня съ такимъ опчаяніемъ. Любовь ко мнѣ родилась въ васъ нечаянно. Слѣдовательно также нечаянно и пройдетъ она; припомъ будьте также откровенны и признайтесь, что до встрѣчи со мною сердце ваше принадлежало другой.—

Рошталъ, который съ перваго слова понималъ, что для него не было мѣста въ сердцѣ этой вѣтренной красавицы, взялъ руку ея съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ берутъ руку друга—не болѣе;—и сказалъ ей, съ нѣкоторою досадою: признаюсь, милая *Габриелли*, что, до прѣзда моего сюда, я былъ до безумія влюбленъ въ одну молодую женщину—соотечественницу мою. Но, ахъ! она такъ хороша, такъ знатна, такъ богата, что я никогда не смѣлъ опкрыться ей въ любви своей;—припомъ она горда,—горда, какъ ты, *Габриелли*, когда ты называешься царицею Карфагенскою.—Та, по которой я вздыхаю, или лучше сказать по которой вздыхалъ я прежде, чѣмъ встрѣчился съ тобою, называется маркизою *Коръ*,—она вдова адмирала, бываешь въ Версали, и король *Лудовикъ XV* далъ ей право ѣздить въ придворной каретѣ. Дворъ и столица удивляются спрогимъ ея правиламъ и непоколебимой добродѣтели.

—Но теперь, когда я узналъ тебя, *Габриелли*, когда я былъ своимъ рыцаремъ, и цѣлая Венеція видѣла, что ты удостоила меня благосклонности своей и приняла любовь мою—теперь ты говоришь мнѣ: сердце мое не принадлежитъ и никогда не будешь принадлежать тебѣ; довольствуйся одними нѣжными взглядами моими,—одними ласковыми рѣчами, однимъ видомъ любви моей и только!—Хорошо! но что подумаетъ обо мнѣ па, которую, не знавъ тебя, я обожалъ въ молчаніи, не смѣлъ подойти къ

ней, поклониться ей, и за которую я издали слѣдовалъ по всей Италіи? Что скажетъ она, когда узнаешь, что я живу въ своемъ домѣ, что я былъ любимъ тобою, и давалъ тебѣ праздники, о которыхъ говоришь цѣлая Венеція? О! погда она не захочетъ ни видѣть, ни знать меня,—и вопъ, сударыня, въ какую бѣду попался я—по вашей милости!—

Габриелли слушала его, смѣясь опъ всего сердца.—Только-то?—сказала она наконецъ.—Какъ, графъ! вы еще такъ неопытны?—Успокойтесь, я скоро докажу вамъ, что умная и извѣстная женщина—не только не можетъ повредить вамъ;—но дружба ея, напротивъ того, будетъ вамъ полезна.—Положитесь на меня, и я обещаю вамъ, что, черезъ нѣсколько времени, эта прекрасная маркиза *Коръ* спанетъ любить васъ—и, что всего лучше, будетъ гордиться взглядомъ вашимъ. Вы не очень учтивы, графъ—и, припомъ совсѣмъ не знаете женщину, и потому вамъ непременно надобно совершенно вѣрнуться мнѣ и слушаться совѣтовъ моихъ.—И такъ, я опгадала—вы влюблены въ другую—тѣмъ лучше; смотрите же, припворяйтесь влюбленнымъ въ меня—какъ можно больше, какъ можно болѣе за мной ухаживайте;—вамъ должно осыпать меня подарками: вопъ жемчуги и брилліанты; должно давать мнѣ самые блестящіе и великолѣпные праздники: вопъ деньги—распоряжайте!—Надобно, чтобы въ Венеціи только и говорили, что о щедрости и любви вашей ко мнѣ; для этого должно вамъ быть всегда со мною, возлѣ меня, улыбайтесь мнѣ, смотрите только на одну меня—и будто говорите мнѣ глазами: о, *Габриелли*! ты прекраснѣйшая изъ прекрасныхъ!... А я съ своей стороны буду по же опвѣчать вамъ нѣжными взглядами—и дѣло пойдетъ на ладъ. О! прекрасно! сколько взаимная страсть наша произведетъ безпокойства, страха, ревности, опчаянія! сколько тайныхъ вздоховъ, сколько скрытыхъ слезъ!... И такъ, мы поѣдемъ вмѣстѣ въ городъ—и черезъ мѣсяць, поэтъ мой оплпъ упадетъ къ ногамъ моимъ въ раскаяніи и умирая опъ любви.—Я хочу, чтобы достойная соперница моя, *Рома*

яна, была согнана *Метастазіемъ*, какъ я согнала её съ театра; надобно также, чтобъ и гордая маркиза ваша спала бѣгать за вами,—чтобы она блѣднѣла и лицо её покрывалось по пламенную краскою, по холоднымъ попомъ всякой разъ, когда глаза ваши будутъ случайно обращаться туда, откуда она пихонько будетъ сморѣть на васъ... Вопь что мы сдѣлаемъ, графъ!—Ну—сморите же, — не забудьте моихъ наставленій.—Между тѣмъ спанемъ рядисься, чтобы заимить всѣхъ собою—и наединѣ оставимъ всѣ глупыя и пускыя нѣжности, которыя совсѣмъ неумѣсны въ нашихъ отношеніяхъ. —

—Да,—прибавила она: вы вѣдь не знаете еще моей исторіи, — не знаете кто я; для васъ я женщина прекрасная собою, обладающая великимъ талантомъ — и полью; вы влюбились въ меня, потому что нечаянно увидѣли меня передъ собою, и я не осперегла васъ.—Ну, такъ садитесь же—и будьте со мной безъ церемоніи, потому что мы ужъ больше не влюблены другъ въ друга.—Когда вы въ первый разъ слышали имя мое и увидѣли мою веселость—скажите, что вы подумали обо мнѣ? —

«Я подумалъ,» отвѣчалъ *Рошталъ*: «что пыкакая нибудь прекрасная правнука того славнаго поэта, — того ученаго и спрогаго *Габриелли*, который осудилъ *Петрарку* на изгнаніе, — и я говорилъ самъ себѣ: видно определено ей, чтобы она молодостью своею, красотою и въпреностію заплатила за излишнюю суровость прадыда.»

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ*).

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ ЛИТ. ПРИБАВЛЕНІЙ,
ОТЪ 22-го ПОЛЯ, ИЗЪ РЕВЕЛЯ, ОТЪ ПОЛКОВНИКА Г. К. Я — ВА.

«М. г. А. Ѳ! пріятное письмо ваше отъ 28-го Іюня получилъ я 19-го Іюля въ Ревель. Приношу вамъ мою искреннѣйшую благодарность за память вашу обо мнѣ и за всѣ тѣ любопытныя новости, которыя вы мнѣ сообщили. Я такъ предался опдыху,

покою, безпечности, лѣни,—словомъ сказать, всему, что составляетъ блаженство Турка (исключая разумѣется гарема), что «со преволменіяхъ сего міра» совершенно ничего не знаю, ничего не вѣдаю: довольно, если вамъ скажу, что даже газетъ не читаю; но листки Р. И. отъ 27 и 28 Іюня непременно прочту. — Выкупавшись рано по утру въ ваннѣ и выпивъ буылку Адельгейденской воды, я иду гулять обыкновенно по морскому берегу, и шуть часпо, вы угадали, сидя на какомъ нибудь граничномъ обломкѣ, а еще чаще на зеленомъ скапѣ шѣньбаспіона, по цѣлымъ часамъ сморю во всѣ глаза (т. е. въ мои собсвенные, въ очки и въ зрительную трубу) на снаи кораблей, которыя какъ блестящія бѣлыя почки мелькають вдали на горизонтѣ, или гордо плывутъ, какъ лебеди, по заливу, или несутся, накренившись, какъ удалой казакъ на конѣ, попомъ исчезають въ порохомъ облакѣ салюпаціонной пальбы и, наконецъ, являються передъ гаванью во всей красѣ. Здѣсь теперь на рейдѣ цѣлая дивизія Балтійской эскадры, и посреди ея «Императоръ Александръ» — исполинъ-корабль, спомнѣ величаво, опершись на морѣ, какъ споялъ Вѣнценосный Повелитель и Соименникъ его среди сокрушавшейся Европы, опершись на мечъ и силу Русскую. Люблю я также капаться по морю и оптуда сморѣть на берегъ. Какая картина! На переднемъ планѣ гавань съ грозными башарейми; на лѣво, далеко на лѣво, на самой оконечности плывущихся, вдоль берега высопъ, изъ синевапой зелени бѣлѣть такъ называемый замокъ Лоде, т. е. подражаніе насполющему замку эпаго имени. Попомъ, спустясь подъ гору, правѣ Лоде, вы видите спроенія и сады Вимса (имѣніе графа *Буксгевдена*); — еще правѣ, споятъ одинокія, мрачныя развалины монастыря святой Бригитты; подлѣ вливается въ море рѣчка Бригитовка, которая полью что пробѣжала чрезъ прелестный паркъ мызы Кошъ (купца *Коха*), куда ежедневно водой и сухимъ путемъ спекаються пилигримы. Теперь опять поднимитесь на возвышеніе, зажмурьте глаза, если вамъ спрашно сморѣть на снадобья

войны, но поспѣшь же опкройше ихъ, чпобъ любоваться веселымъ Шприкбергомъ — дачей и сахарнымъ заводомъ нашего Пепербургскаго купца *Пономарева*, у котораго, даже въ отсутствіе его, мы недавно роскошно пировали. Извините, что въ ландшафтъ забрѣлъ пиръ; но говоря о Шприкбергѣ и его владѣльцѣ, было-бъ непростительно не упомянуть объ эпомѣ: гдѣ Русскій, тамъ непременно и хлѣбъ-соль; эпо наше, родное.—Шприкбергъ соединяется съ Екатеринпалемъ зеленой лентою луговъ и деревьевъ. Чпю вамъ сказать про Екатеринпаль, эпотъ памятникъ нашего Великаго? Тутъ ничего не было: Онъ всё посадилъ, Онъ всё создалъ. Когда я вхожу въ густыя, темныя алей чпю слышу таинственный шелестъ, мнѣ кажется, чпю слышу тихій опголосокъ Его рѣчей и шорохъ Его шаговъ: Онъ здѣсь! и душа моя, полная думъ о судьбахъ нашего милаго опечесства, трепещетъ опъ благоговѣнія къ Нему.—Екатеринпаль уже много разъ описанъ; я скажу: эпо мѣсто очаровательно.— Опсюда, слѣдуя по плоскому, полукругомъ изгибающемуся берегу, начинаются дачи и домики, въ которыхъ обыкновенно живутъ пользующіеся морскими водами. Между дачами дѣлается красивый видъ, съ моря, строеніе: Salow, обнесенное колонадою. Внутри, охотницы и охотники до танцевъ довольно часто пользуются эпимъ удовольствіемъ; а снаружи, подъ колонадою, помѣщаются зрители—за деньги.— Къ дачамъ примыкаютъ предмѣстья, попомъ городъ, поспепенно возвышаясь, крупно поднимается на такъ называемый Домбергъ, впереди котораго, внизу на самомъ берегу, сооружается оборонительная казарма,—зданіе превосходное и по расположенію и по опдѣлкѣ.— Правѣ, опять тянулись скрытые въ зелени домики; еще правѣ луга, поля; за ними вдали—мызы; а передъ ними, въ морѣ; островъ Карлосъ, съ каменною башнею, заключаетъ правую оконечность полукруга. Ревель, собственно городъ, имѣетъ свою особенную фюзіономію: онъ мраченъ, какъ всѣ почпи Нѣмецкіе города; однако въ немъ не такъ душно, какъ въ Ригѣ. Домбергъ, со стороны моря, окан-

чивается живописно крупными обрывами; на высшей грани ихъ споятъ дома, которые какъ бы висятъ до половины на воздухѣ.— Кромѣ вала и наружныхъ крѣпосныхъ верковъ, Ревель окруженъ еще изнутри каменною стѣною съ башнями. Эпи свидѣтели рыцарскихъ временъ лежатъ теперь часпю въ развалинахъ, а часпю прилѣплены къ нимъ дома; въ нѣкоторыхъ башняхъ также устроены жилыя покои. Изъ башенъ замѣчательны: «толстая Маргарита», die dicke Margarethe, и «длинный Германъ», des lange Herrmann;—эпи прилагательныя выражаютъ ихъ достоинства.—Изъ-за валовъ и стѣнъ порчатъ высокія верхи домовъ, куполы и шпицы церквей, и надъ ними всѣми *Олайской шпицъ*, какъ геній надъ толпой, взнесся подъ облака и опшуда золотымъ крестомъ своимъ опсіяетъ городъ и всю окрестную спрану.

Вопъ вамъ видъ на Ревель; если онъ не понравился вамъ, по эпому виною мое дурное описаніе, а въ напурѣ онъ восхитителенъ. Люди, выдавшіе Неаполь, говорятъ, чпю Ревель, съ моря, имѣетъ съ нимъ сходство. Здѣсь также амфиатръ домовъ, также море, разсѣваемое по всѣмъ направленіямъ судами и рыбацкими лодками, плещетъ у береговъ, вдоль которыхъ вьется гирланда изъ пышной зелени и красивыхъ домиковъ; также далеко въ море выдаются мысы и вдали синѣютъ острова Вульфъ и Наргенъ: недостаетъ только, благодаря Бога, Везувія съ дымящимся столбомъ.

Набрасывая эти строки, я имѣлъ двоякую цѣль: 1) если вы бывали въ Ревель, то привестъ вамъ на память эпотъ пріятный городъ; 2) а если не бывали, то возродитъ въ васъ охоту будущимъ лѣпомъ пріѣхать сюда наслаждаться природою и спокойствіемъ душевнымъ и плеснымъ. Я увѣренъ, чпю Ревель вамъ понравился-бы во всѣхъ опношеніяхъ; вы нашли-бы здѣсь много добрыхъ, образованныхъ людей, и въ кругу ихъ умнаго, любезнаго, привѣпливаго, прямо по-Русски гостепрімнаго хозяина здѣшней губерніи, и забыли-бы на время шумный Пепербургъ.

Вы пребуете присылки *обшанной* мною спашби о музыкальныхъ праздникахъ въ

Ригъ. Теперь я вамъ докажу, что я великій дипломатъ, едва ли не самъ *Талейранъ*: да, я почто обѣщалъ вамъ эту спашью, но съ условіемъ, *если* не встрѣчу-препятствій. Я какъ бы предвидѣлъ, что Ревель займетъ весь мой досугъ, и хорошо, что оградилъ себя словомъ: *если*. Увѣряю васъ, что вы не получили-бъ споль длиннаго — (вѣрнѣе сказаць — споль скучнаго) письма, если-бъ неслосный дождь не удерживалъ меня въ комнатѣ: я бы гулялъ по окрестностямъ Ревеля, и слѣдовательно не имѣлъ бы времени мараць бумагу. Вамъ, всегда мыслящему и пишущему, понятенъ эполъ эгоизмъ, происходящій отъ болѣзненнаго напряженія, изнеможенія, пресыщенія и проч. и проч. — Впрочемъ, многорѣченная спашья пришла-бъ слишкомъ *post festum*. Въ замѣнь ея, я сообщу вамъ новосць *животрелциущую*. Вчера и сегодня (21 и 22) я упопалъ въ музыкальномъ наслажденіи. Здѣсь живутъ теперь: пѣвица *Мазі*, новоприѣзжая, — и наша милая, скромная *Гобманъ*. Вы, конечно, уже знакомы съ *Mme Amélie Mées-Masi*, но только изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ; а я её видѣлъ, я её слышалъ. Собою — прелестъ, поетъ какъ соловей. — Она собирается въ Пепербургъ. — Господа споличные кавалеры, всякаго рода и вида! надѣвайше шишаки и кирасы, если не хопите паспъ подъ неопразимыми ударами любезности и — изящнаго таланта. Увѣряю васъ, что трудно не плѣниться ею, когда поетъ она — прекрасная, стройная, пламенная Италіанка. Г-жа *Мазі* (съ мужемъ) прибудетъ въ Пепербургъ въ Сентябрь мѣсяць, и намѣрена оспашьясь памъ довольно долго; а теперь покуда купается здѣсь въ морѣ. Она пѣла: французскую сцену изъ *Семирамиды* «*bel raggio...*» Французскій романсъ «*la folle*» арію изъ «*la Somnambule*» и, наконецъ, еще арію съ вариациями соч. *Моцарта*. Боюсь, что-бъ вамъ не показалось преувеличеннымъ, если я скажу, что голосъ ея чиспъ, увлекательно пріятенъ, гибокъ, обширенъ и превосходно обработанъ. — Признаюсь вамъ припомъ опкровенно, что я сужу о г-жѣ *Мазі* не по правиламъ записнаго знапка, а по пому впечатлѣнію, которе пѣніе ея — (замѣпьте: пѣ-

ніе, а не наружность) сдѣлало на мою душу и на мои чувства. Если душа моя и чувства мои обманули меня, въ такомъ случаѣ, разумѣется, и я васъ обманываю. Г-жа *Гобманъ* пѣла сцену изъ *Нормы*, которую она всегда такъ неподобно поетъ, и дуэпъ съ своимъ мужемъ. Г. *Гобманъ* пропѣлъ еще одинъ стихотвореніе безсмертнаго *Гёте*, кажется, «*Аделаида*,» положенное на музыку безсмертнымъ *Бетховеномъ*. Какая роскошь мыслей и гармоніи! — Кроме пѣнія, играли на фортепиано и скрипкѣ два молодые человека: *Штейнъ* и *Штернъ*; оба они были уже въ Пепербургѣ и памъ извѣстны, слѣдовательно о нихъ и говорить нечего. Въ заключеніе прибавлю для любителей Французскаго языка, что *Mme Masi* прекрасно говоритъ и выговариваетъ по Французки: для Италіанки — рѣдкоспъ.

Прошу васъ покорнѣйше, *Александръ Оедоровичъ*, если вашему спаричку Р. И. позволено бытъ милымъ, ловкимъ дамскимъ угодникомъ, возвѣспитъ въ немъ въ коропкихъ словахъ о наслажденіяхъ, которья привезетъ съ собою *Mme Masi*, въ музыкальный Свѣтъ Пепербурга (*). Ощичный талантъ ея достоинъ общаго вниманія. Если же Р. И. не хочетъ имѣть дѣла съ любезными дамами, то нельзя ли передать его въ *Сверную Пгелу*. Во всякомъ случаѣ вы меня обяжете много, а еще болѣе г-жу *Мазі*, которая, вы увидите, васъ очаруетъ.

Кажется, пора уже кончить. Я такъ безсовѣстно употребляю во зло ваше дружеское ко мнѣ расположеніе и ваше терпѣніе. — На дняхъ я нечаянно встрѣпился въ Екатеринпалѣ съ любезнымъ морскимъ офицеромъ, кажется, *Крашенинниковымъ* (**), котораго я видалъ у васъ. Мы поболтали кое-что о Пепербургѣ — о васъ — о морѣ и проч.

(*) Съ великимъ удовольствіемъ. — В.

(**) Да, почто такъ. Многообщающій и много уже выполнившій флота лейтенантъ С. П. *Крашенинниковъ* въ Ревель. — В.

Пріяпный молодой человекъ! Онъ просилъ меня опдать вамъ его низкій поклонъ.

Прощайте, почтеннѣйшій; будьте здоровы; наслаждайтесь на роскошномъ берегу Невы, и сохраните въ памяти душевно васъ уважающаго и искренно преданнаго.»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

89.

Напрасно главный распорядитель *Библиотеки для Чтенія* удивляется всеобщему ополченію противъ него всѣхъ Русскихъ журналистовъ, крупныхъ и мелкихъ, низкихъ и высокихъ, свѣплыхъ и темныхъ. Ему бы надобно было только сличить любой свой приговоръ любой новой Русской книгъ, съ мнѣніями о ней же другихъ оффициковъ. Онъ бы пошчасъ увидѣлъ превеличайшую разницу. Возьмемъ на примѣръ при разныхъ мнѣніа о книгъ извѣстнаго своими важными заслугами опечествленной лицературъ г. профессора *Погодина—Историческіе Афоризмы*. Это свѣжее произведение ученаго цера его напечатано въ Москвѣ въ началѣ нынѣшняго 1836 года.

I.

Сверная Пчела, No 114.

Эта книга подверглась *пространной и странной* кришикѣ одного журнала, въ которомъ, за годъ до того, печатались изъ неѣ опривки. Мы не спанемъ защищать г. *Погодина* потому во-первыхъ, что это уже сдѣлано опчаси въ одномъ Московскомъ журналѣ, а во-вторыхъ, по той причинѣ, что онъ надобности въ защитѣ вовсе не имѣетъ. Ученый, профессоръ, спраспный любитель своей науки, ревностно занимающъ ею нѣсколько лѣтъ, составилъ свои замѣчанія о разныхъ любопытныхъ случаяхъ, характерахъ, противорѣчяхъ, паралельныхъ событіяхъ, предложилъ намѣки, вопросы, сомнѣнія и п. п., и напечаталъ ихъ. Онъ не во всемъ правъ, говорятъ намъ. А кто правъ *во всемъ*? спрашиваемъ мы. Онъ излагаетъ здѣсь свои мысли, въ которыхъ всякъ воленъ: это же событія, не кришика испо-

рическая. У насъ такъ мало сочиненій самобытныхъ, такъ мало *собственныхъ* мыслей, что мы за всякій подобный опытъ должны быть благодарны нашимъ писацелямъ. Скажемъ опкровенно и безприспраспно: книжку господина *Погодина* всякій любитель Истории прочтетъ съ удовольствіемъ и пользою; надъ нѣкоторыми мѣстами призадумается; при другихъ, можетъ быть, въ сомнѣній покачаетъ головою, но, во всякомъ случаѣ, опдасъ ему справедливость, какъ человеку, который ревностно изучалъ свой предметъ, и *самъ* размышлялъ о немъ. Честъ ему и благодаренье!

II.

Библиотека для Чтенія, 1836, Апрель, Литературная Аптопись, стр. 54 и слѣдующія.

Нѣмцы первые начали составлять «ученныя» книги изъ афоризмовъ. По-Гречески, афоризмъ значидо — опредѣленіе, мысль коротко выраженная. Въ эпомъ смыслъ оно долго употреблялось въ Европѣ, и *Лабрюеръ* написалъ изъ небольшихъ изрѣченій преумную книженку, которой онъ не назвалъ «Афоризмами», но которая до сихъ поръ читается съ удовольствіемъ. Нѣмцы, дичего не умѣя дѣлать коротко, принялись писать длинно свои коротенькія мысли и набирать толстыя книги изъ ученыхъ опредѣлений. Всякое оружіе хорошо въ сильной рукѣ, но и слабоспъ спѣшитъ завладѣть всякимъ оружіемъ, и опъ того афоризмы скоро сдѣлались проспо злоупотребленіемъ, даже у Нѣмцевъ. А у насъ?..... У насъ, покаместъ, одинъ г. *Погодинъ* рѣшаетъ дѣла афоризмами.

Если у шебя нѣтъ мыслей на книгу, пиши книгу «Мыслей», говоришь одинъ опспроумецъ своему пріяпелю. Легкое дѣло, кажется: бросай на бумагу все, что придетъ въ голову, не прудясь надъ порядкомъ и цспиною, не думай о сводѣ начала съ концомъ; рви изъ другихъ что попадется: ты ни за что не опвѣчаешь, — вѣдь это афоризмы, то есть, всякая всякоспъ всяческаго, съ примѣсью всячины.

Такъ ли не такъ думаетъ объ эпомъ г. *Погодинъ*, доложитъ вамъ не можемъ; только,

издавая свое собраніе афоризмовъ, онъ опкровенно сказываешь, что «Афоризмы» его «суть мысли, кои въ разныя времена приходили ему въ голову при чтеніи разныхъ сочиненій объ историческихъ предметахъ, при размышленіи объ Исторіи, и кои записывалъ онъ въ свою памятную книжку.» Далѣе: «мнѣ не нужно было давать своимъ афоризмамъ никакой искусной формы, приводить ихъ въ систему или порядокъ. Я оставилъ ихъ такъ, какъ они родились, со всеми признаками ихъ происхожденія: однѣ мысли недоговорены, другія повторены нѣсколько разъ подъ разными формами, прѣрваны только-что намыслены. Иногда читатель найдеть старыя мысли, въ новыхъ только выраженіяхъ, кои показались мнѣ удачными. И такъ въ этомъ собраніи не должно искать никакой послѣдовательности, связи, никакого цѣлаго. Развивъ нѣкоторыя мысли я намѣренъ въ другихъ сочиненіяхъ, и даже скоро...» Но хорошо ли издавать такія недодѣлки? И почему было не «развивъ» всѣхъ своихъ афоризмовъ, или, по крайней мѣрѣ, почему не привелъ ихъ въ порядокъ? «Потому,» отвѣчаетъ г-нъ *Погодинъ*, «что я назначаю афоризмы мои для моихъ слушателей, чтобы доставивъ имъ темы для разсужденій, бесѣдъ, ученыхъ сосязаній.» Какъ бы по ни было, еще и послѣ этого непонятно намъ, почему, даже и при такомъ условіи, среди «нѣмногого, оцъ чего не откажется можеть, бытъ и наука» (слова г-на *Погодина*), оставлять недоговорки, повноренія, намѣшки, старыя мысли, и не дать всему послѣдовательности и связи? Въ силу *каковыхъ же и коихъ пригнностей*, г. *Погодинъ* проситъ рецензентовъ судить его по духу цѣлаго сочиненія? «Исторія, скажу здѣсь кстати, имѣетъ свои логариомы, дифференціалы и таинства, доступныя только для посвященныхъ.» Скажите пожалуйста! А мы думали, что названіе «тайныхъ знаній» придается въ наше время только алхимическимъ и аспрологическимъ наукамъ; что теперь именно спремьясь всѣ ученые упростить, обобщить знанія; что манера Египетскихъ и схоластическихъ курсовъ щипается въ наше время совсѣмъ не въ модѣ. Вѣкъ живи,

вѣкъ учись. И послѣ такого *Odi profanum vulgus*, такъ поржественно произнесеннаго, у какого рецензента не выпадеть перо изъ рукъ? кто, прошу, дерзнетъ смѣль сужденіе» объ афоризмахъ г. *Погодина*? Но авторъ жалостливъ: для непосвященныхъ «приложилъ онъ первую свою лекцію объ Исторіи», гдѣ старался изложивъ вполнѣ, хотя и коропко, свое мнѣніе объ эпохѣ наукѣ, и «которую *благовольтъ имѣть въ виду* его суди.» Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ книги находимъ мы, чего и не обѣщало заглавіе, небольшую статью—«О всеобщей исторіи, лекція, при вступленіи въ должность ординарнаго профессора въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1834.»

Тутъ узнаемъ мы, что г. *Погодинъ* былъ смертельно испуганъ при самомъ началѣ своихъ историческихъ подвиговъ. Со «спрахомъ, со прѣпепомъ», даже съ «отчаяніемъ», вступилъ онъ на поприще Исторіи (стр. 114). Да чего-жъ онъ такъ испугался? *Ужасное* проспанство развернулось передъ его глазами!

«Ужасное проспанство развертывается передъ моими глазами! Ужасное время *перетекаетъ* въ мои воображеніи! Какую великую обязанность я на себя принимаю! *Мнѣ кажется*, всѣ вѣка, народы, геніи, подыавицы изъ глубокихъ могилъ своихъ, *обираются надъ головою моего и грозно спрдииваютъ на всѣхъ языкахъ Вавилонскихъ*: *Понимаешь ли пы насъ? И я—напрасно итѣу словъ, въ оправданіе мой дерзости....* Грѣхонаденіе, искушеніе; добро, зло, свобода, необходимость, судьба, промыслъ, фашализмъ. Здѣсь поклонникъ стихіямъ, звѣздамъ, живописнымъ, силамъ природы, человеческимъ образамъ, *Теговъ*; шамъ Христіанинъ, Мусульманинъ, Люперанинъ, Іезуитъ, Кларкеръ, Сень-Симонистъ. Здѣсь видишь смерть крошкяго *Сократа*; шамъ *Робеспьеръ* подниваетъ смерть пылечамъ жертвъ; вопъ умираетъ *Катонъ* въ Ушикѣ, и вопъ апошеза *Геліогабала*; *Инивизиція* и революціонное празднество въ честь богини Разума; вступленіе крестнойосцевъ въ Иерусалимъ и Вароходоевская ночь; *Руссо* на чердакѣ, *Мирабо* въ народномъ собраніи, *Людвикъ XVI* на эшафотѣ: неистовство феодальнаго власпишеля и *Парижскій балъ*; *боги Негровъ* и Еспешвенное Право; пирамиды и *храмъ св. Петра*; *Цезарь*, *Мусалмедъ*, *Гуттенбергъ*, *Наполвонъ*, *Колумбъ*, *Шеллингъ*, *Петръ Пустыиникъ*, *Вайтъ*, *Платонъ*, *Нютонъ*, *Рафаэль*, *Петръ Великій*. Царства возникають, усиливающя, падають; народы спранствують, смѣняющя, распранствяющя и исчезають; мысли зачинающя, распранствяющя и исчезають», и прочая, и прочая.

Такъ вопль чего «испугался» г. *Погодинъ*, «запрепеталь», пришелъ въ «опчяніе»! И когда все это начало лепетать надъ его головою, и заговорило на всѣхъ Вавилонскихъ языкахъ, первое его разсужденіе объ Истории было плодомъ такого непріятнаго состоянія: это родъ «признанія», или исповѣди въ томъ, что онъ никакъ не можетъ сообразить событий въ Истории; что Исторія есть самая младшая наука, для которой «едва ли собрано развѣ только нѣсколько матеріаловъ» (спр. 125); что мы узнаемъ Историю тогда только, когда все узнаемъ, то есть, въ минутому свѣтопреставленію» (спр. 126). Какой страхъ долженъ былъ объять всѣхъ и каждаго, при такихъ признаніяхъ, когда имъ откровенно сказали, что Истории нельзя выучиться до Справедливаго Суда! Но они упѣшились, вѣроятно, нѣмъ, что «ни въ какой библіотекѣ, ни въ какомъ университетѣ, ни оупъ какого профессора нельзя узнать исторіи такъ, какъ во глубинѣ души своей» (спр. 127). Поняли-ль эту загадку «посвященные»—мы не знаемъ; но мы, «непосвященные», ничего не поняли въ «логарифмахъ, дифференціалахъ и интегралахъ» рѣчи г. *Погодина*, и послѣ этого могли-ль мы понять какую нибудь связь между Афоризмами и рѣчью его, которая служила для нихъ ключемъ? Оупъ этого потеряли мы всякое право судить объ Афоризмахъ. Какъ судить когда ничего не понимаешь?

Что это такое, спрашиваемъ для примѣра: «Историческая криптика должна допустить доказательство à priori, откровенія поэтовъ, о коихъ не смѣли думать смѣлые Шлѣцеры: неужели, на примѣръ, время, прошедшее до появленія памятниковъ, должно погибнуть для Истории?» — Намъ кажется—да; но по смыслу вопроса выходить, что надобно отвѣчать — Нѣтъ!

Дадѣе нашли мы, что вся Исторія есть *разсказъ о сватѣбахъ народовъ*; о томъ, какъ Норманны женились на Славянахъ, Франци на Галлахъ, Венгры на Паннонахъ, и прочая; что народы-женны оупъ народовъ-мужей получили свои имена (Галлія—Франція; Британія—Англія, и прочая); что первое госу-

дарство соснавила сватѣба *первыхъ* людей; что самая *большая, общая сватѣба* въ Европѣ была у Нѣмецкихъ народовъ съ Римскою имперіею, которая, какъ видно, бывши нѣкогда *мужиною*, оупъ множества женихѣвъ превратилась попомъ въ *женщину* (спр. 14), и наконецъ, что есть народы «вдовые, холоспые, мужеско-женскаго (вѣроятно средняго и общаго) рода. Что такое все это? Неужели «Наука исторіи?»

«Гдѣ исторія новой Италіи?» спрашиваетъ г. *Погодинъ*; и отвѣчаетъ: «На картинахъ *Рафаэля, Гвидо-Рели, Тиціана, Доминика, Микель-Анджело.*» Мы оупять не понимаемъ; но теперь ужъ рѣшительно вѣримъ г. *Погодину*, что «историкъ по преимуществу есть вѣнецъ народа, ибо въ немъ народъ познаетъ самаго себя, достигаетъ до своего самопознанія», и что «народъ безъ историка—твореніе *неподьянное*, безъ самопознанія.» Послѣ этого чиспосердечно повпоримъ мы слова г. *Погодина*: «Да снизойдетъ къ намъ скорѣ святая *Сесіція!*» Съ гореспыю чипали мы, какъ г. *Погодинъ* признается въ своемъ историческомъ невѣдѣніи, увѣряя, будто «чѣмъ больше кто знаетъ, тѣмъ поупъ яснѣе понимаетъ, какъ мало знаетъ.» По замѣчанію г. *Погодина*, «если онъ видитъ автора все знающаго (но гдѣ же г. *Погодинъ* видитъ такого автора?), въ противоположность *Сократу*, который подъ конецъ мудрой жизни своей узналъ, что онъ *ничего не знаетъ*, то онъ, г. *Погодинъ*, «перяетъ довѣренность къ его умствованію, сомнѣвается въ его сердечномъ убѣжденіи, и почиаетъ такого историка *логическою машиною, которая сама себя обманываетъ*, молодыхъ людей вводитъ въ заблужденіе, а Истории приносить пользы гораздо менѣе, нежели сколько думаетъ.»

Какихъ въ свѣтѣ машинъ нѣтъ! Вопль уже есть машины, которые сами себя обманываютъ! Г. *Погодинъ*, которому Механика обдана оупимъ изобрѣненіемъ, называетъ ихъ—логическими машинами, и мы совѣспуемъ ему исходатайствовать себѣ привилегію какъ изобрѣпателю. Боже великій! кто-жъ послѣ этого изъяснитъ намъ его афоризмы,

когда, по собственнымъ словамъ, онъ «самъ не знаетъ, что писалъ»? Какая логическая машина разберетъ намъ главное по-священіе его «Афоризмовъ»?

«посвящаются:

«.....

«.....ю.»

Кто, наконецъ, располкуетъ и главное эпиграфъ его книги?

Knurre nicht, Pudel! Zu den heiligen Tönen,

Die jetzt meine ganze Seel' umfassen,

Will der thierische Laut nicht passen.

Никто, никто! Мы можемъ только, смиренно, перевести его на Русскій языкъ. Видите, эпиграфомъ взяты стихи изъ *Гётева Фауста*, тѣ самые, которые *Фаустъ* говоритъ чорту, превращенному въ собаку:

«Не рычи собака! Оближалъ выпревшими звуками, душа моя не хочетъ теперь внимать собачьему вою!»

Все это должно быть очень глубоко и поучительно, все это должно изъяснять Историю для «посвященныхъ» въ ея тайны, догматы, дифференціалы и интегралы.

«Всякое благонамѣренное замѣчаніе, опроверженіе, основанное на знаніи дѣла, примусь благодарностью» (спр. VIII). Ужъ не спорить ли: хочеть г. *Погодинъ* съ своими крипиками? Избави Богъ! Въ такомъ случаѣ, мы просимъ его по крайней мѣрѣ насъ уволить. Мы—люди смиренные, оспорожные, и боимся начать споръ о мѣшкѣ, въ которомъ, можетъ быть, ничего нѣтъ. А при этомъ, объ чемъ шумъ спорить? Вѣдь съѣмъ больше кто знаетъ, тѣмъ яснѣе пощѣ понимаетъ, что онъ ничего не знаетъ.»

III.

Современникъ, 1836, книжка первая, стр. 296.

Г. *Погодинъ* во многихъ отношеніяхъ есть лицо примѣчательное въ нашей Литературѣ. Онъ уединенно стоитъ среди писателей нашихъ, не привлекая благорасположенія большинства. Но изъ всѣхъ, посвятившихъ себя исторіи, онъ болѣе всего оставиваетъ на себѣ вниманіе. Онъ первый

у насъ сказалъ, что «Исторія должна изъ всего рода человеческого сотворить одну единицу, одного человѣка, и представить біографію этого человѣка, во всѣхъ степеняхъ его возраста; что многочисленные народы, жившіе и дѣйствовавшіе въ продолженіи тысячелѣтій, доставили въ такую біографію, можетъ быть, по одной чертѣ. Черту сію узнаютъ великіе историкки.» Онъ первый говорилъ о великихъ писателяхъ, указавшихъ въ твореніяхъ своихъ на истинное значеніе исторіи. Онъ переводилъ изъ нихъ отрывки для своего журнала; наконецъ онъ многихъ изъ нихъ перевелъ вполне, почти не заботясь о томъ, что важность ихъ еще мало у насъ чувствована. Вотъ реэспрѣ изданныхъ имъ сочиненій:

Изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіи, Юста *Добровскаго*.

О жилищахъ древнихъ Руссовъ, собственное сочиненіе.

Критическія изслѣдованія *Эверса*.

Начертаніе древней Географіи, собственное сочиненіе.

Лекціи по Гереву.

Начертаніе всеобщей Исторіи, *Беттигера*.

Введеніе въ Исторію для дѣтей, *А. Шлёцера*.

Русская Исторія для училищъ.

Карты Европы, *Риттера*.

Гецъ Фонъ Берлихингенъ, соч. *Гёте*.

Марса Посадница, драма.

Димитрій Самозванецъ, Исторія въ лицахъ.

Славянская Грамматика, *Добровскаго*, переведенная вмѣстѣ съ г. *Шевиревымъ*.

Кромъ того издавалъ онъ:

Московскій Вѣстникъ за 1827, 1828, 1829 и 1830 годы.

Урацію, Альманахъ на 1826.

Въ его историческихъ крипикахъ видно много ума, обдуманная умѣренность, иногда юношескій порывъ вслѣдъ за собственною мыслию.

Изданная нынѣ книжка заключаетъ отдѣльныя мысли и замѣчанія, записанныя имъ

въ разное время. Эти мысли помѣщены безъ всякаго порядка; выражены не всегда ясно. Но въ нихъ ощущительно стремленіе къ общимъ идеямъ. Границы, имъ начерпанныя для исторіи, обширны. Онъ заключаетъ её не въ однихъ явленіяхъ политическихъ; онъ видитъ её въ торговлѣ, въ либерализмѣ, въ религіи, въ художественномъ развитіи, во всѣхъ многообразныхъ явленіяхъ, въ какихъ оказывается человѣчество. Вотъ его мысли объ исторіи вообще:

«Каждый человекъ дѣйствуетъ для себя, по своему плану, а выходитъ общее дѣйствіе, исполняется другой высшій планъ, и изъ суровыхъ, тонкихъ, гнилыхъ нишей біографическихъ сплетается каменная ткань исторіи.»

«Исторія для насъ есть поэма на иностранномъ языкѣ, котораго мы не понимаемъ, и только примѣчаемъ значеніе нѣкоторыхъ словъ, много-много эпизодовъ. А сколько мѣстъ, искаженныхъ въ нашей рукописи отъ невѣжества, ограниченности переписчиковъ! Исторію надо возстановлять (restaurare), какъ статую, найденную въ развалинахъ. Афинъ, какъ пексъ *Виргиліевъ* въ монастырскомъ спискѣ.»

«Представьте себѣ (я пребуду возможнаго только въ воображеніи), что человекъ, не имѣющій понятія о музыкѣ, но одаренный отъ природы всѣми способностями, чтобы чувствовать и понимать её, получаетъ партитуру какой нибудь огромной оперы и всѣ музыкальные инструменты, на коихъ она можетъ быть разыграна, съ голымъ извѣстіемъ, что условными знаками, имъ видимыми (нопами), означаются разные звуки, производимые на данныхъ инструментахъ. Онъ хочетъ по симъ двумъ даннымъ представить себѣ исполненіе (execution) сего великаго музыкальнаго произведенія. Ему должно во-первыхъ испытать всѣ инструменты и узнать всѣ ихъ возможные звуки, переписать ихъ и привести въ порядокъ свои новыя ноты, опыскать посредствомъ соображеній, опытовъ, отношеніе своихъ нотъ къ даннымъ (какъ бы посредствомъ фальшиваго ариеметическаго прави-

ла), узнать такимъ образомъ, какой звукъ и на какомъ инструментѣ тою или другою данною нотой изображается, разыграть партитуры по частямъ и проч. и проч. Сколько усилій ума потребно, чтобы попасть на сіи средства, сколько потребно труда, чтобы воспользоваться сими средствами! Цѣлыя поколѣнія пройдутъ, пока наконецъ внуку внуковъ удастся достигнуть отдаленной цѣли прародителя и насладиться божественною гармоніею.»

«Труднѣйшая задача задается историкомъ: онъ самъ долженъ ловить всѣ звуки (Льописи, Несторы, Григоріи Турскіе), отличить фальшивые отъ вѣрныхъ (историческая крипка, Шлёцеры, Круги), незначительные отъ важныхъ, сложить въ одну кучу (Исторія, собранія дѣяній, Ролленн), разобрать сію кучу по родамъ Исторіи, (частныя Исторіи Великіи, торговли, Герены), провидѣть, что въ сей кучѣ и кучахъ должна быть система, какой нибудь порядокъ, гармонія, (Шлёцеры, Гердеры, Шиллеры), доказать это положительнымъ аргументомъ (Шеллинги), дѣлать опыты, какъ найши сію систему (Аспы, Штудманн), наконецъ найши её и прочтеть Исторію такъ, какъ глухой Бетховенъ читалъ партитуры.»

Въ Имперіи Византійской г. *Погодинъ* видитъ продолженіе Исторіи древней Греціи. Геній Платона, Аристотеля воскресаетъ въ Іоаннѣ Златоустѣ и Григоріи Назіанзинѣ.

Францію онъ полагаетъ родникомъ всего общественнаго, гражданскаго и политическаго, землей, гдѣ совершается вѣчный опытъ. Подведенныя въ подтвержденіе событія доказываютъ большую наблюдательность. У Франковъ, говоритъ онъ, прежде всего была принята Христіанская католическая религія и раньше сдѣлалась государственною; у Франковъ прежде началась и развилась феодальная система; коронованный Франкъ *Карлъ* великій первый возвысилъ Папу; отозвавци Папу въ Авиניонъ, Франція была отчасти виною его паденія; во Франціи были первые попытки противу Папской власти (Альбійцы); рыцарство развилось блистательнѣе во Франціи; кресто-

вой походъ былъ подвинутъ Французомъ, Амiенскимъ пуспынникомъ; разрушенный феодализмъ прежде всего организовался въ самодержавiе во Франціи; постоянныя войска начались во Франціи; постоянныя налоги и королевскій судъ во Франціи; идея о равновѣсiи испекла изъ войнъ Ипалiянскихъ, порожденныхъ Франціей; учрежденіе посольствъ, политическіе журналы, кофейныя дома, энциклопедiя, языкъ, мода, карпы—все родилось во Франціи. Общественное мнѣніе нигдѣ такъ не сильно, какъ во Франціи; Франція остановила революціи своимъ ужаснымъ примѣромъ; виною нынѣшняго пѣснаго соединенiя Европейскихъ державъ между собою естъ Франція и ея *Наполеонъ.*»

Многіе афоризмы суть только сближенiя сходныхъ и противоположныхъ происшествiй, совершившихся въ разныхъ углахъ міра, или на одной и той же землѣ; сближеніе отдаленной, почти сокровенной причины съ ея колоссальными слѣдствiями, опозвавшимися чрезъ нѣсколько вѣковъ, всегда разительна. Другіе афоризмы суть только вопросы на вопросы. Вездѣ видишь человека, обладаемаго величіемъ своего предмета. Это благоговѣйное изумленіе дышитъ на каждой страницѣ. Иногда, пораженный безконечностью науки, онъ какъ будто чувствуетъ безсиліе духа и восклицаетъ: «какъ мудрено распознать, отъ чего что происходитъ, что къ чему клонится! Какъ переплетаются причины и слѣдствiя! Повторяю вопросъ: можно ли представить Историю? Гдѣ формы для ней? Историю вполне можно только чувствовать.»

Читатель обыкновенный небрежно и разсѣянно взглянетъ на эту книгу и, омыкавъ двѣ-три незначительныя мысли, дурно выраженныя, можетъ быть, посмѣется надъ нею съ дѣтскимъ легкомысліемъ; но читатель, въ душѣ котораго горитъ пламень любви къ наукѣ, а мысль постигаетъ глубокое значеніе ея, прочтетъ эти страницы съ соучастіемъ, проникнется благодарностию за оживленныя въ душѣ его размысленія, и скажетъ: эпитомъ человекъ видѣлъ

и чувствовалъ въ Истории то, что не всякому дано видѣть и чувствовать.

Что подумаютъ о насъ журналистахъ жипели дальнихъ городовъ, прочитавъ похвалы *Пушкина* и *Грега* и хвалы *Сеньковского* одной и той же книгѣ? Чему припишутъ они эту рѣзкую противоположность мнѣній о ней въ *Свѣ. Пчелѣ* и *Современникѣ* съ одной и въ *Библиотеку для Чтенiя* съ другой стороны. Кому отдадутъ они преимущество: первоклассному ли нашему поэту и первоклассному прозаику, или писателю, котораго сочиненiй нельзя дать въ руки никакой порядочной женщины, не только дѣвицѣ,—писателю, имѣющему глубокія свѣдѣнія, но не въ Русскомъ языкѣ; писателю прудолюбивому, но прудящемуся не въ попадѣ? *Г. Сеньковский* напрасно слѣпо вѣрится коварнымъ друзьямъ, увѣряющимъ его, что онъ, какъ распорядитель хорошаго журнала, равенъ съ *Грегелѣ* и *Пушкинымъ*. Истинный другъ былъ бы ему поэтъ, кто бы шепнулъ ему: *Пушкинъ* написалъ нѣсколько безсмертныхъ поэмъ и безсмертную прегедию, *Грегъ* сочинилъ лучшую Русскую драматику, два опшѣнно хорошіе романа, двадцать три года извѣстенъ, какъ опшѣнный журналистъ, опшроумный газетчикъ.

А вы, что сдѣлали?

А. Кораблинскій.

21 Мая

1836.

Станица Большой Пунгернѣ,

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧУВСТВО ОСИРОТѢЛАГО СЕРДЦА.

Жизнь земная! пиръ весѣлый,
Другъ, сокровище людей!

Жизнь земная! хладъ суровый,
Цѣпь, темница, мой злодѣй!

Люди! вамъ страшна могила?
Вы спрашиваетесь умирашь?

Вотъ кумиры: злато, сила —
Ихъ бѣгите умоляшь.

Домъ подземный, тихій, тёмный!
Крестъ изъ древа, купы розъ,
Мавзолей изъ дёрна скромный
Съ сѣнью мирною берёзъ —

Къ вамъ души моей молишву,
Къ вамъ, о идолы мои!

Мнѣ-ль за жизнь инши на биптву?
Гробъ! объяшья мнѣ певом!

Мигуниковъ.

Май, 1836-го года.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* мой

Намъ означаетъ, гдѣ былъ бой,

При чѣмъ,

Поспавлено село, мѣспечко иль сполнца,

При комъ

Случилось то и то, и былъ и небелнца.

Второй

Единоборство, биптву, бой.

А весь я, въ бѣшенствѣ кипищими волнами,

Передъ морскими берегами,

Бросаю съ розмаху суда и корабли

И разбиваю ихъ о камни и скалы.

L O G O G R I P H E.

Sentiment plein de charme et de délicatesse,

C'est toi de qui l'heureux secours

Augmente encore la tendresse;

Et prête du charme aux amours.

Par toi notre âme recueillie,

Dans un doux calme ensevelie,

Aime à rêver loin des cités

Et, dans la paix d'un sombre asile,

Se berce, oublieuse et tranquille,

Dans les chagrins qui nous ont agités.

Par toi l'âme devient meilleure;

On rêve de succès, de gloire, de vertus,

Et, grâce à toi, l'on voit fuir l'heure

Comme ces papillons qui, dans l'air suspendus,

Portent sur chaque flot leur aîle qui l'effleure.

De ton attrait divin qui rendrait la douceur?

Tu séduis à la fois et l'esprit et le cœur;

L'imagination, la fée aux doux prestiges,

Te doit ses beaux rêves d'erreur

Et ses plus ravissans prodiges.

Trop heureux, cher lecteur, si je puis te saisir

Dans un de ces momens remplis de ma puissance,

Où, de ta rêverie augmentant le plaisir,

Je vienne t'occuper aux heures du silence.

Causons donc, et, tous deux, voyons de bonne foi

Si tu peux découvrir avec intelligence

Les trésors que j'enferme en moi.

D'abord nous trouverons une ville de France,

Une autre d'Italie, un oiseau dont la faim

Menace les agneaux, un fil léger et fin,

Le camp des Écossais, un acteur bien célèbre,

Un fleuve plus fameux que l'Escaut et que l'Èbre,

Ce que ne sera point qui m'aura deviné,

Ce qui n'existe pas sans n'être terminé,

Ce qui défend un pont des fureurs de l'orage,

Ce que les matelots craignent plus que l'orage,

Ce qu'avec soin en vain Fieschi voulut cacher,

Ce qu'un serpent en vain essaya d'ébrécher,

Ce que pousse le flot, et dans une bataille

Défait les ennemis ou d'estoc ou de taille,

Ce que dans ses douleurs invoque un malheureux

La déesse de qui les écrits rigoureux

Des hommes, des héros et des princes eux-même

Juge sévèrement la majesté suprême;

Un grand réservoir d'eau qui n'est point l'Océan,

Un tic toujours mauvais et parfois maléfant,

Ce qui donne à ton corps le mouvement, la flamme;

Ce qu'on ne peut payer qu'avec toute son âme;

Un animal rapide, un instrument guerrier,

Ce qu'on nomme toujours et d'abord le premier,

Ce que font bien des sots, et qui pourtant, je pense,

Réclame une profonde et haute intelligence;

Deux objets différens et pareils en un point:

L'un unit les objets et l'autre les rejoint;

Ce qui dans l'univers fondit avec la pomme,

Ce qu'on trouve toujours sous la tête d'un homme,

Ce que cherche un poltron quand, au fort du danger,

Deux vaisseaux ennemis viennent à s'engager;

Ce que fronce en courroux un homme un peu colère;

Le signés, tout précis, le cachet tutélaire

Qui, du contrefacteur révélant les défauts,

Montre les écus vrais et décèle les faux;

Une femme bien haut élevée et qui brille
Comme mère du pauvre et mère de famille;
Et, pour tout clore enfin, cet accès de gaité
Qui, dans le mal d'autrui puisant l'hilarité,
Est un crime caché, le seul dont soit capable
L'homme trop faible au fond pour être un grand cou-
pable.

Въ No 63-мъ помѣщенная шарада значитъ: *Lise-rage*.

M O D E S.

On pourrait presque dire que la mode du moment est de n'en point avoir, car la chaleur ne permet plus de promenades que le soir, si tard qu'on prend à peine le temps de faire une toilette. Le blanc est cependant ce qui se porte le plus et ce que les femmes préfèrent. — Une robe d'organdi, la jupe garnie d'un volan-à-tête, séparé par un bouillon dans lequel est passé un ruban qui forme un nœud sur le côté, des manches à cinq poignets, une pélerine garnie en diminutif comme le bas de la jupe, une ceinture flottante en velours noir, un chapeau de paille d'Italie, orné de velours noir avec une branche de campanule bleue; voilà une jolie toilette la plus agréable *mode* du moment. — Ce qui remplace le plus avantageusement les canezous et les pélerines, qui peut-être sont un peu délaissées dans ce moment, ce sont les fichus à la paysanne pour lesquels on épuise toutes les ressources de la lingerie; les uns sont ronds sur le dos, garnis d'une dentelle qui forme la mantille et vient se croiser sur la poitrine. Le derrière de ces fichus est ordinairement unret les devans forment cinq plis larges d'un doigt; ils sont échancrés autour du cou et bordés d'une petite dentelle.

On remarque chez les lingères un grand nombre de capotes d'organdi clair auxquels sont attachés des demi-voiles de dentelle ou de tul en application. Il est de mauvais goût d'orner ces capotes de fleurs, des rubans de taffetas blanc ou de nuances pâles doivent seuls y être posés. Dans ce moment, où la stagnation de la mode nous donne plus de latitude, nous comptons consacrer un chapitre sur la manière de se mettre en général et joindre à notre bulletin habituel quelques conseils, liberté qu'on nous excusera de prendre en considération de la grande habitude d'observation qui nous est imposée par nos *fonctions de critique et de journaliste*.

Pl. No 23. 1) Coiffure ornée de corail. — 2) Coiffures ornées de velours et d'un nœud de ruban. — 3) Chapeau de pou-de-soie. — 4) Bonnet à barbes. — 5) Capote de pou-de-soie.

M O D Ы.

Можно теперь сказать почти, что мода стоитъ въ щомъ, чтобъ не имѣть никакой, потому что жаръ не позволяешь иначе прогуливаться какъ вечеромъ, такъ поздно, что едва имѣюшь время подумать о нарядѣ. Бѣлое однако всего употребительнѣе и всего болѣе предпочитается дамами. — Платье органди, юбка обшита оборкой, раздѣляемой буфой, въ которую продернута лента, составляющая на боку бантъ; рукава съ пляшью перехватами, пелеринка обшита какъ юбка въ уменьшенномъ видѣ, длинный черный бархатный полсъ, Импаліанская соломенная шляпка, опдѣланная чернымъ бархатомъ съ въпкою голубыхъ колокольчиковъ: вотъ красивый нарядъ, самая пріятная мода перешагнутого времени. Капва и пелеринка, по немного оспавляемыя, замѣняются съ выгодою косынками *à la paysanne*, для которыхъ ищощаешься все искусство бѣлошвей; пныя округлены на спинѣ и обшиты кружевомъ, которое составляетъ маншилю, кладется крестообразно на груди. Задъ эпихъ косынокъ обыкновенно гладкой, на поляхъ по пани складокъ, онѣ вырезаны около шеи и обшиты узенькимъ кружевомъ.

У бѣлошвей видно множество прозрачныхъ капюшовъ изъ органди съ пришипыми кружевными или тюлевыми вышитыми полу-вуалями. Цвѣтами ихъ опдѣлывать не прилично, а мдушь только бѣдыя гроденаплевья ленты, или другихъ бѣд-ныхъ цвѣшовъ. Теперь, когда спокойнѣе моды даетъ намъ болѣе свободы, мы полагаемъ посвятить цѣлую главу на щетъ одежды вообще и прибавить къ обыкновенному нашему бюллетеню нѣскольکو совѣшовъ, — смѣлость, коцорую намъ преспляшь въ уваженіе большой привычки замѣчать, возложенной на насъ *должностью критика и журналиста*.

Карп. No 23. 1) Причѣска съ кораллами. — 2) Причѣска съ бархатомъ и бантомъ изъ ленты. — 3) Шляпка изъ pou de soie. — Чепецъ съ лопощами. — 5) Шляпка капощъ изъ pou de soie.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 66.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АВГУСТА 15 ДНЯ 1836 ГОДА.

Кто, съ міромъ разлучась, лишь прахъ свой въ немъ оставилъ,
Пусть десь надгробіа тому писанъ ведилъ;
Дѣлами-жъ кто себя великими прославилъ,
О томъ не мраморы—безсмертныя возвѣспилъ.

Родзянка.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГАБРИЕЛЛИ.

(Окончаніе).

— Такъ почто графъ, вы не ошиблись, я принадлежу къ ученой и знашной фамиліи *Габріелей*, и одинъ изъ членовъ ея, кардиналъ *Іоаннъ Марій Габріелли*, человекъ съ высокимъ умомъ и глубокими знаніями, ревностно защищалъ *Фенелона* вашего, пропиевъ завидливаго и спротаго *Босюета*. Да, сударь, я происхожу изъ этаго знаменитаго дому, но родилась не въ пышныхъ комнатахъ его, а въ кухнѣ, при скромномъ свѣтѣ домашняго очага. Въ ребячествѣ еще имѣла я прекрасный голосъ и пѣла по слуху лучшія аріи. Однажды, услышавъ *Галупіеву* каватину, я пришедши къ себѣ, потчасъ пропѣла еѣ опцу моему, но какъ пріятно и хорошо, что князь *Габріелли*, господинъ, который въ это время проходилъ въ садъ мимо кухни, остановился подъ окномъ, и когда я кончила, громко аплодировалъ, попомъ велѣлъ мнѣ показаться, и съ удивленіемъ увидѣлъ передъ собою четырнадцатилѣт-

нюю дѣвочку, хорошенькую, ловкую, спройнинькую, съ прекрасными черными глазами, копорые были, правду сказать, немного косы — но косы какъ у Венеры Медицейской, сударь, и *Метастазій* послѣ сказывалъ мнѣ, что нѣтъ ни одной хорошей древней статуи, у которой бы глаза были совершенно прямы. Князь вскрикнулъ отъ восхищенія. «Какая красоточка!» сказалъ онъ; «и какой прелестный голосъ! какая способностъ къ музыкѣ! О, ненадобно прятать этаго сокровища;» — и какъ мнѣ дали лучшихъ учителей *Ипаліи*. — *Поррара* и *Гарція*, первые пѣвцы въ свѣтѣ, открыли мнѣ тайны искусства своего, копорыхъ я еще и прежде угадала, но съ помѣщію ихъ сдѣлалась въ короткое время опличною пѣвицею, и въ шестнадцатъ лѣтъ въ первый разъ пѣла въ публикѣ шу самую арію изъ *Галупіевой* оперы, копорая положила начало моему щастію. — Милый *Галупій!* — Попомъ явилась для меня *Дидона Метастазія*, милаго, прекраснаго, несравненнаго *Метастазія!* и наконецъ имя маленькой *Габріелевой кухарки* (*cochetta di Gabrielli*) сдѣлалось также извѣстно и зна-

менило, какъ будто бы она и въ самомъ дѣлѣ была княгинею *Габриелли*. Опъ Венеціи до Вѣны, я пѣла почти во всей Европѣ и вездѣ съ равнымъ успѣхомъ: Австрійскій императоръ *Францискъ I*, великій и славный государь, вызвалъ меня, и наговорилъ мнѣ тысячу лестныхъ словъ. О! какое было для меня блаженство обворожаясь эписхъ неловкихъ Нѣмцевъ и дѣлашь ихъ пламенными, спрашными, воспорженными Италіанцами! Какое блаженство бышь богопворимою и шамъ и здѣсь, видѣшь у ногъ своихъ первыхъ вельможъ въ свѣтѣ и предпочестъ имъ поэма!—Но какого поэта? *Метастазія!*—Всѣ знашныя господа обожали меня, слѣдовали за мною вездѣ; окружали въ ложѣ, за кулисами; кричали мнѣ браво! вивашъ, *Габриелли!* и на колынахъ ждали улыбки моей; но я обходилась съ ними гордо и даже чрезвычайно дерзко. Я ходила, какъ королева, съ блестящею свитою придворныхъ, копорыхъ почти не удоспчивала взгляда своего. — Въ полѣ поклонниковъ моихъ особенно опмичались два посла, Французской и Португальской. Первый былъ опмѣнно остроумень, весель и насмѣшливъ; другой надмѣненъ, вспылчивъ и богашъ какъ спарый Каспилинецъ. Оба любили меня спрашно, одинъ съ любезностію Француза, другой съ бѣшеною ревностію гордаго султана. Однажды Португалець, заставъ соперника своего у ногъ моихъ, такъ разсердился, что въ запальчивости ударилъ меня шпагою; Французъ выхватилъ потчасъ свою—и я невинная бросилась между ними и оспановила ихъ.—*Габриелли*,—сказалъ Французъ съ улыбкою: ты должна опкровенно сказать намъ, кого ты любишь.—«Говори, говори сей часъ!» закричалъ соперникъ его: «или бойся моего мщенія.»—Скажу, скажу, мм. гг.,—опвѣчала я: но ради Бога, вложите шпаги ваши въ ножны!—Они успокоились и ждали опвѣпа. Я люблю *Метастазія*, сказала я.

—Между тѣмъ кровь текла у меня изъ руки на бѣлое аплаеное плашь мое, и я сдѣлалась блѣдна какъ полотно. Португалець въ опчаянші упалъ на колына, и лежа у ногъ моихъ кричалъ: «Проспи, проспи меня!»—Прощаю, принць, но съ уговоромъ;—

опвѣчала я: опдайте мнѣ вашу шпагу.—Онъ опдалъ еѣ, и съ пѣхъ поръ она всегда при мнѣ, какъ спкляночка съ духами.—Вотъ она, продолжала *Габриелли*, вынимая изъ ноженъ лежавшую возлѣ неѣ шпагу, на лезвѣ копорой *Рошталле* прочипала слѣдующую надпись, вырѣзанную золотыми словами: *Благородная шпага, ранившая Габриелли*.

—Но, другъ мой,—сказала она засмѣвшись: въ свѣтѣ только одно солнце—солнце Италіи! Одинъ истинный энтузіазмъ, энтузіазмъ Италіанцевъ! Эпа Вѣна, гдѣ я такъ дерзко издѣвалась, даже надъ шпагами вельможъ, скоро наскучила мнѣ до того, что я расправя крылья, полетѣла подъ родныя небеса, и съла опдыхать на цвѣтущія вѣтви Палермы, какъ соловей, возвратившійся изъ лѣсовъ далекихъ.

—Въ Палермѣ не было *Метастазія*, но была свобода, и я, наслаждаясь ею, переѣзжала изъ мѣста въ мѣсто, кокетспвовала, сводила всѣхъ съ ума, и шпиранила любовниковъ моихъ. О радость! однажды въ Неаполь вице-король, самъ вице-король, пригласилъ меня пѣшь во дворець своемъ, и я обѣщалась;—но когда пришелъ часъ концерта, я подумала: что за вздоръ! Пусть вице-король подождетъ, а я лучше пойду гулять подъ померанцовыми деревьями Неаполя,—сказала и пошла. Вице-король ждалъ часъ, два, наконецъ потерялъ терпѣніе, и кликнувъ камергера, послалъ его за мною; камергеръ опправился въ домъ *Габриелли*; но *Габриелли* нѣтъ, сказали ему; *Габриелли*, распѣвая, прогуливается по морскому берегу. Повѣришь ли, *Рошталле*, что послана была команда, чтообы взять меня силою и посадить въ тюрьму? въ тюрьму! меня — *Габриелли!* Каково эпо?—Тюрьма была темная, сырая, запачканая, съ крѣпкими запорами, съ спротимъ карауломъ, съ спорожами опвращпельной паружности; однакожъ я и шамъ не унывала; познакомилась съ заключенными, звала ихъ къ себѣ обѣдашь, ужинашь, поила ихъ моимъ виномъ, раздавала имъ плашья моц, бѣлье, кружева, и темная, спрашная тюрьма, превратилась вдругъ въ веселая палата. О! какъ я была тогда щасп-

лива! Какъ эти бѣдные люди благословляли меня! Какъ цѣловали мои руки, называя меня своимъ ангеломъ хранителемъ и прося Бога наградить меня за мои благодѣянія! Между пѣмъ весь городъ шумѣлъ и волновался у пемницы моей; всѣ хопѣли меня видѣть, говоривъ со мною, а я пѣла ареспантамъ прекрасные стихи *Метастазіа*.

— Наконецъ вице-король, въ раскалнн, въ поскѣ, и влюбленный въ меня до безумія, прїѣхаль самъ просить меня оставить шюрюму и возвратиться въ мое королевство, то естъ, на театръ мой; но я была непреклонна.— Нѣтъ, ваша свѣпность, отвѣчала я ему: вамъ угодно было посадить меня сюда, а мнѣ угодно остаться здѣсь, гдѣ мнѣ очень хорошо. Желаю вашей свѣпности добраго утра. —

— Вице-король подумаль, посовѣпывался съ приближенными своими, и дѣло кончилось пѣмъ, что положили практиковать со мною о мирѣ, какъ дѣлается между воюющими державами. Вотъ главныя условія эшаго практиката, подписаннаго ея свѣпностию принцесою *Габриелли* и вице-королемъ Неаполитанскимъ :

1) Вице-король освободитъ въ Неаполь всѣхъ заключенныхъ въ шюрюмѣ за долги.

2) Вице-король заплатитъ долги ихъ.

3) Вице-король будетъ сегодня ввечеру просить торжественно прощѣнія у *Габриелли*.

— И я возвратилась домой довольная, щасп-ливая, окруженная всѣми освобожденными мною ареспантами, и явилась во дворецъ и на театръ моемъ!

— Скоро однако-жъ нѣжныя преслѣдованія инфанта, дона *Филиппа* Пармскаго, такъ надѣли мнѣ, что я рѣшилась бѣжать; но куда? Въ Италіи мнѣ невозможно было скрыться. Я вздумала ѣхать прямо, куда глаза глядятъ, и чѣмъ больше подвигалась впередъ, пѣмъ солнце спановилось блѣднѣе, спужа рѣзче— и наконецъ я очутилась среди глубокихъ снѣговъ сѣвера. Это меня не испугало—и я все продолжала путь мой дальше и дальше, потому что мнѣ сказали, что въ

этихъ снѣгахъ я найду другую Венецію, другой Парижъ — Петербургъ, Парижъ великой *Екатерины*. Наконецъ я прїѣзжаю, представляюсь во дворецъ... и... о Боже, какое блаженство! узнаю, что и въ предѣлахъ Россіи гремитъ гармоническое имя *Габриелли*; что и шамъ знаютъ о паланпѣ ея и съ непрерывнѣемъ желаютъ имъ насладиться. Вотъ слава, любезный *Ромталье*! Вотъ что прямо льститъ самолюбию артиста и воспламеняетъ душу его! Меня позвали къ Императрицѣ—и я остолбенѣла; вообрази женщину средняго роста, но величественную, съ глазами, какъ звѣзды, оспрымъ, глубокомысленными, съ высокимъ челомъ, съ благосклонною, но горделивою улыбкою и одѣвую такъ просто, что мнѣ спало почти стыдно отъ наряда своего. Говоритъ, у меня хороши руки! Но это можетъ сказать тотъ, кто не видалъ руки *Екатерины*! эшой бѣлой, нѣжной, восхипительной ручки, копорая, не смотря на малость свою, владела съ равною сидюю и скипетромъ имперіи и мечемъ побѣды, и пронянула съ мнѣ съ такимъ обворожительною благоволеніемъ, что я со слезами прижала еѣ къ устамъ моимъ.

— Добро пожаловать, залѣпная пашечка,— сказала мнѣ Императрица съ неизяснимою прїятностию: вы найдете у насъ пріютъ въ померанцовыхъ деревьяхъ эрмипажнаго сада моего, и увидите, что Русскіе не такіе дикари, какъ вамъ можетъ быть сказали; что они умѣютъ цѣнить паланпы и постигаютъ прекрасное во всѣхъ родахъ.

— Не спану говоривъ о успѣхахъ моихъ въ Россіи; они были таковы, какъ и вездѣ; но я скоро узнала, что слава одинъ только дымъ—и предпочла ей пихую жизнь въ Италіи; но лишь только прїѣхала сюда, какъ прежняя любовь моя къ *Метастазію* снова и сильнѣе, нежели когда нибудь, запылала въ сердце моемъ. О, *Метастазій*! о поэтъ мой! воропшишься ли ты? Не ужли *Габриелли* пвою никогда не увидишь пбя? —

Такъ говорила великая пѣвица *Габриелли*, честь музыкальной Италіи XVIII вѣка. — Сообщая исторію ея со всѣми ея подробно

спями, мы хотѣли дать понятіе о жизни и нравахъ актрисъ того времени. *Габриелли* представляетъ собою ихъ всѣхъ, соединяя въ себѣ и просносердечіе ихъ, и спраспи, и непринужденность, — словомъ, всѣ добрыя и худыя склонности ихъ. *Габриелли* одарена остроуміемъ, но тщеславна и легкомысленна; она имѣетъ доброе сердце и непоспоянна какъ въперъ; она вѣрна друзьямъ, но перемѣнчива въ любви, и не дорожитъ ни жизнью, ни богатствомъ своимъ, распочаетъ ихъ съ равною безпечностію. Родясь въ низкомъ сословіи, въ скоромъ времени пріобрѣла она упоенную смѣлivosть большаго свѣта, и гордясь талантомъ своимъ, болѣе еще можетъ быть, нежели красотою, дерзко издѣвалась надъ вельможами, покоришимся ея власти — и не только опнимала у нихъ шпаги, но смѣясь раззоряла ихъ. Напрасно укоряютъ однихъ философовъ XVIII столѣтія въ распроспраненіи такъ называемыхъ либеральныхъ идей, — нѣкоторыя женщины, подобныя *Габриелли*, одаренныя необыкновенными прелестями и талантомъ, также пріучили знаиныхъ молодыхъ людей къ равенству съ собою, и заставили ихъ позабыть о различіи сословіи.

Такова была *Габриелли*, героиня повѣсти нашей. *Рошталъ*, слѣдуя ея наставленіямъ, казался въ публикѣ самымъ спраспнымъ любовникомъ — и она съ своей стороны плашила ему взаимностию, но также только въ публикѣ. Цѣлые при мѣсяца приводила она въ изумленіе всю Венецію роскошью своею, великолѣпіемъ своихъ праздниковъ и ежедневными новыми дурачествами. *Рошталъ*, пріѣхавшій въ Италію съ однимъ слугою опца своего, благодаря *Габриелли*, щипался несслыханнымъ богачемъ — и прославился необычайною щедростию. Онъ попалъ въ ужасную моду, бывавъ во всѣхъ знаиныхъ домахъ, и гордое Венеціанское дворянство на перерывъ угощало у себя знаменитаго любовника прелестной *Габриелли*. Женщины толпились, чпобы взглянуть на него, услышать звукъ его голоса и привлечь разсѣянныя его взоры. Словомъ, онъ давалъ понѣ цѣлой Италіи, и имя *Рошталъ*, болѣе, нежели имя какого нибудь великаго человека, гремѣло

во всѣхъ концахъ эпои легкомысленной Венеціи, которая, по розамъ удовольствій, спремилась къ гибели.

Однажды *Габриелли* была съ *Рошталемъ* на балѣ у Французскаго посла. Она сіяла всѣмъ блескомъ красоты своей, онъ ловкостью и пріятносціями молодости, и взоры цѣлаго собранія успремлены были на нминыхъ любовниковъ. Во время конрданса *Габриелли* увидѣла, что кто-то, вошедъ въ залу, поспѣшно скрылся въ толпѣ зрителей. Это былъ онъ! Она узнала его. Это былъ *Метастазій* — великій поэтъ, любимый ею, который услыша о ея славі, о ея побѣдахъ, возвратился наконецъ къ ней, чпобы напомнить ей о правахъ своихъ. Въ ту же самую мину *Рошталемъ* встрѣтился съ молодою и богатою вдовою, которая во Франціи не удостоивала его ни взглядомъ, ни улыбкою. Но теперь все перемѣнилось — и для него и для *Габриелли*; *Метастазій* размыслилъ, что женщины, всѣми любимой и очаровательной какъ волшебница, можно было просипть нѣкоторыя невѣрности; а моодая Франуженка видя, что прекрасная Италіанка предпочла бѣднаго *Рошталемъ* первымъ вельможамъ и богачамъ Италіи, искренно раскачалась въ прежней своей холодности — и созналась, что она тогда не разсмотрѣла еще какъ онъ былъ любезенъ и хорошъ собою. Впрочемъ, еслибъ я захопѣла, думала она, то онъ сей часъ же упалъ бы къ ногамъ моимъ.

Габриелли, которая была гораздо хипрѣе *Рошталемъ*, топчасъ поняла все, и взглянувъ на него, сказала ему глазами: «Я знаю, что у тебя на умѣ... но дѣла наши идутъ очень хорошо; спарайся только плѣнить женщинъ, между тѣмъ какъ я спану обворожать мужчинъ, и завтра маркиза будетъ пвоя, а поэтъ упадетъ къ ногамъ моимъ.» Въ самомъ дѣлѣ, никогда не казалась она прекраснѣе, любезнѣе, милѣе; молодые люди и самые спарики, окружали еѣ, смотрѣли на неѣ съ воспоргомъ, — и она, шупя, смѣясь со всѣми, какъ будто ненарочно, въ разсѣяніи взглянула на *Метастазія* — на того, кого искала и звала душа ея — и *Метастазій* былъ побѣжденъ!

Съ своей стороны *Рошталъ*, также какъ будто *слугайно*, позвалъ панцовавъ маркизу, и примѣшивъ ея смущеніе, осмѣлился заговорить о любви своей. Но гордая маркиза ужь не сердилась, а напрошивъ поого покраснѣла оцъ удовольствія.

— Такъ вы любите меня? — сказала она ему шихонько.

«И вы это спрашиваете?»

Но — *Габриелли* —

«Я любилъ и люблю одну васъ!»

— А если-бъ я сказала вамъ, уѣдемъ изъ Венеціи? —

«Я бы отвѣчалъ вамъ: уѣдемъ.»

— Какъ? сегодня вечеромъ? —

«Сегодня вечеромъ!»

— Сей часъ? —

«О, сей часъ, сей же часъ!»

Вопъ разговоръ молодого *Рошталъ* съ маркизою. Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ, и слово въ слово позже, говорили между собою *Метастазій* и *Габриелли*.

Рошталъ успѣлъ только сказать ей: прощай, я ѣду съ нею. — «А я съ нимъ,» — отвѣчала *Габриелли*.

«Не правду ли я сказала тебѣ?» прибавила она, просянувъ ему руку.

На другой день въ Венеціи ни о чемъ другомъ не говорили, какъ о томъ, что *Рошталъ* увезъ съ балу маркизу *N. . . .*, а *Габриелли* увезла *Метастазію*.

Благодаря газетамъ, важное происшествіе это скоро разнеслось по всей Европѣ и произвело странную превозу. Между тѣмъ *Рошталъ* женился на богатой вдовѣ — и на деньги ея купилъ себѣ полкъ — и прекрасное жемчужное ожерелье для — *Габриелли*.

Габриелли очень спокойно умерла въ 1796 году — и смерть ея искренно оплакана друзьями. Она оставила два миліона долгу, но прожила въ четверо больше.

Рошталъ, человекъ богатый и рачетливый, умеръ позже, но естъ въ 1798 году, распроивъ не имѣніе, а здоровье свое.

КРѢПКОЕ СЛОЖЕНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Императоръ *Петръ* Великій, будучи исполинъ духомъ, былъ исполинъ и пѣломъ. Физическія и нравственныя его свойства, добродѣтели, занятія его по дѣламъ государственнымъ, и частнымъ, копорымъ онъ посвящалъ часы досуга, все въ немъ являетъ что-то необыкновенное, носитъ на себѣ отпечатокъ какого-то неизьяснимаго величія никогда неустающей дѣятельности, которыя не могутъ не возбуждать удивленія.

Петръ I былъ слишкомъ 2 аршинъ 14 вершковъ, и сполько отличался отъ другихъ ростомъ, что во время пребыванія его въ Голландіи, въ Саардамъ, жены корабельщиковъ, работавшихъ на памошной верфи, унимали дѣпей своихъ оцъ шалостей, грозя гнѣвомъ *высокаго плотника изъ Московіи*. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лице круглое, смугловатое, черныя волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черныя глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшой ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Сила еге была соразмѣрна необыкновенному росту. Заспоривъ однажды съ *Августомъ*, королемъ Польскимъ, въ городѣ Биржѣ въ 1701 году, онъ велѣлъ подать себѣ щипку сукна и, бросивъ еѣ вверхъ, корпикомъ прорубилъ еѣ на воздухъ. Въ другой разъ, сидя съ нимъ же за ужиномъ, онъ свѣршывалъ въ трубку по двѣ серебряныя шарелки вдругъ, и пощомъ между ладонями сплющилъ большую серебряную же чашу. Въ Амстердамъ въ 1697 году, въ довольно сильный вѣтеръ, оспанавливалъ рукою мѣльничныя крылья, чтобъ лучше рассмотреть механизмъ нѣкоторыхъ частей. Впрочемъ, однажды *Петръ* I чуть было не заплапиль жизнью за подобную самонадѣянность. Это случилось въ 1717 году, въ Упрехтѣ, на шелковой фабрицѣ купца *фонъ Моллела*. Дабы узнать быспроту воды, приводившей въ обращеніе колеса фабрики, Государь вздумалъ было во время дѣйствія оныхъ оспановить самое большое колесо; но оно подняло его, и вѣрно *Петръ* I сдѣлался бы жеръ

пвою своего любопытства, еслибъ одинъ изъ бывшихъ путь работниковъ, схвативъ его обѣими руками, не опорвалъ насильно ось колеса. Походка его, обыкновенно скорая, дѣлалась еще скорѣе, когда онъ занятъ былъ какою нибудь мыслію, или увлекался разговоромъ. Одинъ изъ иностранныхъ министровъ, находившихся тогда при Россійскомъ Дворѣ, а именно Цезарскій посолъ графъ *Кинскій*, довольно толстый мужчина, говаривалъ, что онъ согласится лучше выдержать нѣсколько сраженій, нежели пробыть у Царя два часа на переговорахъ; ибо долженъ былъ, при всей пучности пѣла, бѣгать за нимъ во все это время.

ДОСТОПАМЯТНОЕ НОВОЕ СОЧИНЕНІЕ КАРЛА ДЮШЕНЯ.

Дюшень старшій издалъ весьма важную для изящныхъ художествъ книгу: «*Voyage d'un isonophile, или Обзорніе важнѣйшихъ собраній эстамповъ, библиотекъ и музеевъ въ Германіи, Голландіи и Англіи.*» Въ этомъ путешествіи авторъ говоритъ объ изображеніяхъ всякаго рода, живописныхъ, изваянныхъ и гравированныхъ. Особенно же составляетъ оплечительное достоинство этого сочиненія указаніе всѣхъ эстамповъ древнихъ и новыхъ, любопытнѣйшихъ по рѣдкости и по достоинству во всѣхъ кабинетахъ, общественныхъ и частныхъ Германіи, Голландіи и Англіи. Авторъ предполагаетъ дополнить свою книгу описаніемъ кабинетовъ Италіи. Собранія эстамповъ и рисунковъ принадлежатъ новому времени: онъ начался цѣлымъ вѣкомъ позже собранія картинъ. По изысканіямъ *Дюшеня*, Георгъ *Вазари* въ Флоренціи, Павелъ *Праунъ* въ Нюренбергѣ и Клавдій *Можж* въ Парижѣ, были первые извѣстные собиратели въ XVI вѣкѣ. Въ началѣ XVII-го, мы встрѣчаемъ уже имена *Карла I-го*, короля Англійскаго, графа *Арунделля* и *Ивана дѣ-Лориа*, перваго медика *Маріи Медицисъ*. Нѣсколько позже—*Михаилъ дѣ Маролль*, котораго кабинетъ въ 1667 году былъ купленъ для королевской Французской библиотекки; потомъ *Совѣръ д'Игаръ*, епископъ *Тарбскій*, епископъ *Ипрскій*,

министръ *Фукке*, *Буль* и наконецъ *Израель Сильвестръ*, знаменитый граверъ въ 1661 году, котораго кабинетъ сохранился въ его семействѣ до 1810 года. *Дюшень* особенно дѣлалъ изысканія въ Минхинѣ, Вѣпѣ, Прагѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ, Амстердамѣ, Антверпенѣ и въ Англіи, въ Британскомъ Лондонскомъ музеѣ и во дворцѣ Опау. *Рембрандтъ* есть любимѣйшій артистъ *Дюшеня*.

БѢДНЫЙ АКТЕРЪ.

Одинъ старый и плохой актёръ давно забавлялъ сосѣдей и знакомыхъ своихъ необыкновенными своими спранностями.

Онъ былъ очень бѣденъ, потому что, играя на театрѣ только самыя незначущія роли, едва имѣлъ за то хлѣбъ насущный. — Онъ держалъ у себя пуделя, котораго называлъ другомъ своимъ; и варилъ самъ кушанье, какъ для себя, такъ и для собаки своей.

Дома онъ обыкновенно ходилъ въ женской юбкѣ, во первыхъ для того, чтобы не драсть панталонъ, во вторыхъ потому, что его увѣрили, будто женская одежда споймѣ дешевле мужской. Частно, жалуюсь на малый доходъ свой и возрастающую дороговизну, онъ прибавлялъ съ тяжкимъ вздохомъ: плохо, плохо! скоро мнѣ не начнѣо будетъ купить поношенной юбочки.

Когда случалось ему быть освиспаннымъ, тогда онъ впадалъ въ ужасное уныніе, и отдавалъ весь ужинъ собакѣ, довольствуясь самъ сухою коркою черстваго хлѣба; глядя на пуделя, онъ говоритъ ему заливаясь слезами: кушай, другъ, кушай; ты заслужилъ ужинъ свой; а я несчастный недостойнъ ломтя хлѣба, я недостойнъ жить на свѣтѣ! —

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

90.

Мы возчувствовали себя самихъ, спали участниками въ событіяхъ и дѣлахъ Европы, познали, что мы, оставаясь Русскими, можемъ пользоваться благодатными плодами просвѣщенія.

Профессоръ *И. И. Давыдовъ*.

Представляю своимъ читателямъ образчикъ несообразности сужденій соудни-

ка издашеля Телескопа — нѣкоего *Виссаріона Бѣлинскаго*. Для привыкшихъ къ хипроспямъ нашей журнальной дипломашки, съ первого взгляда видно, что эпопѣю юноша вздобенъ кипучимъ млекомъ *Н. А. Полеваго*, надѣлавшаго въ девятилѣтнее изданіе своего Телеграфа сполько, сполько вреда нашей словесности, что въ 50 лѣтъ, 50 здраво и основательно мыслящихъ писателей не вознаградятъ эпого.

Г. Бѣлинскій, съ жаромъ, не умѣряемымъ никакими литературными законами, никакими правилами умѣренности, восклицаетъ: «Гдѣ у насъ поэзія? Я не буду доказывать, что поэзія существуетъ не въ одномъ словѣ, не въ однихъ книгахъ. Слово есть выраженіе, органъ, тѣло поэзіи: но душа ея заключается въ душѣ. Основаніемъ поэзіи слова должна быть поэзія мыслей, поэзія дѣйствій, поэзія чувствованій... Гдѣ-жъ у насъ поэзія? ... Я не нахожу ея въ нашемъ народномъ мышленіи: ибо у насъ еще нѣтъ своего Русскаго, самобытнаго и самообразнаго мышленія. Много ли у насъ мыслящихъ даже чужимъ, выписнымъ умомъ? Не ограничивалась ли доселѣ вся мысленная наша дѣятельность жалкимъ подбираниемъ крохъ съ богатой трапезы Европейскаго просвѣщенія (1)? И эти крохи обращаются ли въ сокъ и кровь нашего умственной организаціи? Творчество, поэзія мысли, соспоитъ въ смѣломъ, бесстрашномъ взглядѣ на бытіе, непреломляемомъ никакимъ спороннымъ спекломъ, неискажаемомъ никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Ни тяжелая рудокопная работа учености, ни отважные Бедуинскіе наѣзды (2) въ область знанія, совершаемые дилепантами, не возвысятъ мысли до живой, зидительной поэзіи, если будущъ рыпнется ли ошущью, или скакаеть спремглавъ — на удачу, по случайнымъ ли примѣтамъ или мгновеннымъ прихотямъ, не опираясь съ одной центральной почки, не одушевляясь однимъ основнымъ побужденіемъ. Гдѣ у насъ эта почка, эта цѣль, эпо побужде-

ніе? Всякая умственная дѣятельность начинается съ самопознанія; но сознали-ль мы себя, какъ Русскихъ (3)? Объяснили-ль наспоющее наше положеніе въ системѣ рода человеческого? Опредѣлили-ль должныя опношенія къ окружающей насъ природѣ, къ развивающейся вокругъ насъ жизни? Мы еще не знаемъ самихъ себя, какъ же можемъ знать, что надъ нами, что подъ нами, что вокругъ насъ (4)? Мы не думаемъ о себѣ; о чемъ же можемъ думать (5)? Опъ пого-по всѣ наши умственные пруды предспавляютъ такой смутный, безобразный хаосъ; опъ пого-по мысли наши полкуются взадъ и впередъ, мнутъ и сбиваютъ другъ друга, словно въ Вавилонскомъ сполпощвореніи;» восклицаетъ многословный випися (6). «Тамъ Азіатскій фапализмъ съ Французскимъ лег-

(3) Слушайте, слушайте, слушайте! Нѣкій *Виссаріонъ Бѣлинскій* охотно вызывается учить васъ бытіе Русскими, безсмертнымъ *Паскевичемъ*! перомъ и шпыкомъ пробившій себѣ дорогу къ славѣ *Сюбелева*! удивившій самыхъ безсрашныхъ своею неуспрашимостью и самыхъ краснорѣчивыхъ своимъ Русскимъ солдапскимъ краснорѣчіемъ, *Котляревскій*! И васъ, *Дмитріевъ*, *Крыловъ*, *Ө. Н. Глипка*, *Марлинскій*, *Даль*, *Погодинъ*, *Д. В. Давыдовъ*, *Хильмицкій*, *Гоголь*, *Лажечниковъ*!

(4) А какая же, если не Русская природа; а нравы какой же націи изображены въ *Фелицѣ*, *Вельможѣ*, *Водонадѣ*, *Опегинѣ*, *Разбойникахъ*, *Посланіи о Лушѣ*, *Посланіи къ Воейкову*, *Посланіи къ левелю старости*, *Свѣтланѣ*, *Пригудницѣ*, *басилѣхъ Крылова*, *Посланіи къ слугамъ*, *Ятаганъ*?

(5) О чемъ же думали мы, разбивая кандалы Монголовъ, оковы Лховъ, разрывая сѣпи коварныхъ Лезуиповъ, возвращая опшпорнупись опъ матери Юрьевъ, Коцхань, Оршкель, Малороссію, Бѣлороссію, завоевываая царство Казанское, царство Аспраханское, царство Таврическое, умиряя царство Польское, опкрывая царство Сибирское, заводя олопъ и спройное войско, академіи, университеты, гимнази, училища?

(6) Гдѣ онъ подсмопрълъ все это? Русская литература развивалась спройно, поспеленно и быстро, въ сравненіи съ другими Европейскими. Славяно-Россійская Библия, лѣтописи, св. Опцы, Русская Правда, союзы и договоры, духовная *Монолаха*, Пѣсь *Игорева*, Русскія пѣсни, сказки и пословицы, проповѣди, Письма царя *Іоанна Грознаго*, уложение; царевна *Софія*, св. *Дмитрій Ростовскій*. Потомъ *Өеобанъ*, кн. *Кантемиръ*, прудолубивый и ученый *Тредьяковскій*.—Послѣ нихъ *Ломоносовъ* и *Сумароковъ*; *Фонъ-Визинъ*, *Княжичинъ* и *Аблесимовъ*; *Татищевъ* и *Щербатовъ*; *Миллеръ*, *Бай-*

(1) Слушайте!

(2) Слушайте! слушайте!

комыслиемъ (7); здѣсь Нѣмецкая мечпашель-
ность съ Англійскимъ сплнномъ! Какъ же
пуштъ искашь, гдѣ пуштъ бытъ поэзіи?»

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

еръ и Шлѣцеръ въ переводахъ; Наказъ о сочиненіи Но-
ваго Уложенія; Учрежденіе губерній; Городовое поло-
женіе. Вскорѣ явились *Карамзинъ, Дмитриевъ, Богдановицъ, Хемницеръ, Крыловъ, Озеровъ*; мнпрополины *Платонъ, Мицхаль и Евгений*. Ихъ современниками бы-
ли *Костровъ*—предложилъ *Игладѣи* и поэмъ *Оссилновыкъ, Петровъ*—переводчикъ *Энеиды*; великанъ *Державинъ*,
соловей Авзоніи — *Нелединскій-Мелецкій*; принесшій
большую пользу Россійскому слову — *Шишковъ*; глу-
бокій знапокъ роднаго языка *Сохацкій, Подшиваловъ*,
скромный *М. Н. Муравьевъ*, переводчикъ *Виргиліевыкъ*
эклогъ *Собкожа* и *Сафо*, идиалій *Дезульеръ* и героич-
еской поэмы *Тасса*—*Мерзляковъ*.

По проложенной сими незабвенными писателями
дорогѣ легко успремилась—*Жуковский, Батюшковъ*, кн.
*Бяземскій, Пушкинъ, Грибогдовъ, Греть, Ш. И. Да-
видовъ, Д. В. Давыдовъ* (какъ поэтъ и военный пи-
сатель), кн. *Шаховской, Данилевскій, Биратынскій,
Дельвижъ*.

Говоря собственно о родной нашей поэзіи, до-
стойно поспавить на видѣ чипацелямъ, что въ пер-
вомъ періодѣ сочинялись стихопворенія на ладъ на-
родныхъ пѣсенъ; во *второмъ* на манеръ Французовъ и
Поляковъ съ рнемами и спихами, составленными изъ
извѣснаго числа слоговъ; это и называлось *каллие-
ственной лгтрою*. Въ *третьемъ* ямбами и хоремии съ
рнемами; въ *четвертомъ* или нынѣшнемъ пицуптъ
стихопворенія всѣми возможными размѣрами, съ рне-
мою и безъ рнемы, съ цезурою и безъ цезуры. Русскіе
поэты перепробовали и Греческіе и Французскіе, и
Нѣмецкіе и Италіанскіе, и свои собственныя спарин-
ныя размѣры.—К.

(7) Я бы сказалъ: Азіатское постпоянство, спспенность,
напріархальныя нравы съ Еврепейскимъ вѣчнымъ дви-
женіемъ, неугомностью, образованностью и просвѣ-
щеніемъ. Да! почно такъ! Мы полу-Азіатцы и полу-
Европейцы; ибо половина Россіи лежитъ въ Европѣ,
другая, еще обширѣйшая, въ Азіи. Виноваты ли мы,
что такъ распорядилось Провидѣніе? Оно, оснвивъ
насъ единымъ крестомъ, соединивъ высокими прави-
лами Евангелія съ Европейскими народами, отдѣлило
нашу Воспочную религію отъ Западной, дало языкъ
отъ другаго корня, поселило въ пустыняхъ Сѣвера,

СТИХОВТОРЕНІЯ.

Р А З Д У М Ь Е.

Печально лампада горитъ на столѣ;
Пѣвецъ молодой на лампаду глядитъ;
Глубокая дума видна на челѣ,
Злодѣйка-поска решивое щемитъ.
«Скажи мнѣ, о чемъ ты мечпашешь, поэтъ?»
— О родинѣ я вспоминаю далекой,
О грезахъ блестящихъ младенческихъ лѣтъ,
Да о подругѣ своей черноокой.—

М. Делидовъ.

Сѣдлецъ, въ Царствѣ Подльскомъ.

Ш А Р А Д А.

Мой *первый* слогъ, какъ щиптъ,
Споиштъ

То за меня, по за себя горю;
Не будетъ за мужемъ невѣста за тобою,
Когда на помощь онъ къ тебѣ не поспѣшитъ.

Второй бываешь суровской,

Бываешь овощной,

Бываешь и мясной.

А *цѣлый* я въ ружьѣ или морширѣ,
Громлю полки на шомъ кровавомъ пирѣ,

Который биввою зовушь—

И гдѣ побѣдны лавры рвушь.

Въ N№ 64 и 65-мъ, помѣщенныя значать: шарада
Прибой, логогрифъ *Mélancoïie*, въ коемъ заключаешся: *Ma-
con, Milan, clan, Lecain, Nil, ane, maille, mole, cal-
me, lime, lame, ami, Clio, lac, manie, âme, amie, lion,
lance, nom, lien, colle, col, lie, cil, coin, Amélie et
malice*).

гдѣ погода поля покрышы снѣгомъ, спужа для дру-
гихъ нестерпимая, гдѣ лѣтомъ нѣтъ ночи, а зимою
ночь непрерывная. Оно хотѣло, чтобы мы были на-
родомъ несмѣшаннымъ, самоспопательнымъ, чтобы
нашъ православный Царь охранялъ Европу отъ на-
бѣговъ Азіатскихъ хищныхъ варваровъ, а безхитровъ-
ныхъ Азіатцовъ съ ихъ паспущескими нравами—отъ
Европейскаго жемудрованія, развраша и безбожія.—К.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 67.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АВГУСТА 19 ДНЯ 1856 ГОДА.

За что не тернишь Клитъ Дамона какъ врага?
Что сдѣлалъ онъ ему? — Рога.
А га! —

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Г. *Шатобрианъ* издалъ недавно сочиненіе, подъ названіемъ *Разсужденіе о духѣ народовъ, время и революцій*, и новый переводъ *Милтона* *Потеряннаго Рая*. Въ одномъ изъ Французскихъ журналовъ напечатана прекрасная статья объ этихъ двухъ новыхъ произведеніяхъ знаменитаго сочинителя, и мы увѣрены, что читателямъ нашимъ будетъ приятно, если мы помѣсимъ ее здѣсь.

«*Будемъ говорить о немъ какъ можно больше!*» восклицаетъ г. *Шатобрианъ*, начиная главу свою о *Шекспирѣ*; мы, также, приступая къ разбору новаго произведенія г. *Шатобриана*, можемъ сказать: *будемъ говорить о немъ какъ можно больше*: потому что пворецъ *Мугениковъ* и *Духа Христіанской религіи* не изъ пѣхъ авторовъ, которыми, занимаясь слишкомъ долго, можно наконецъ наскучить публикѣ. О, нѣтъ! такіе писатели, какъ г. *Шатобрианъ*, всегда съ равною силою дѣйствуютъ на умы и увлекаютъ ихъ за собою. Они, какъ невидимые геніи Востока, обитаютъ на облакахъ, и великій, вдохновенный голосъ

ихъ нисходитъ къ намъ съ высотъ недоступныхъ. Ему внимаемъ мы съ любовью, съ благоговѣніемъ; внимаемъ особенно въ тяжкія времена бѣдствій народныхъ, въ пѣ мрачные дни раздоровъ и неустройства, когда грозная туча несчастій готова разразиться надъ нами. И ожидая отъ него утѣшительныхъ прорицаній, спрашиваемъ, что время готовитъ народамъ въ будущемъ, и явился ли, наконецъ, далекій горизонтъ судебъ человѣческихъ?

Опытъ, изданный г. *Шатобрианомъ*, содержитъ въ себѣ много утѣшительнаго для религіи и полезнаго для литературы. Въ немъ, ясными и неоспоримыми доказательствами, опровергнуты нѣкоторыя заблужденія ума—и вѣчные законы природы, правдивности и здраваго разсудка изложены съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ. Писатель, какъ ревностный защитникъ Каплической Церкви, восстаетъ противъ реформы, и унижаетъ *Лютера*, предъ которымъ нынѣшніе вольнодумцы преклоняютъ колѣна свои, считая его какимъ-то могучимъ исполиномъ, къ ногамъ котораго, по ихъ мнѣнію, долженъ пасть весь родъ человѣче-

скій. Что же касается до словесности, по г. *Шатобрианъ*, какъ первый основатель и учитель *романтической школы*, починаетъ себя обязаннымъ укропити своевольство учениковъ своихъ и, съ розгою въ рукахъ, сходитъ на поприще нынѣшней литературы. Тамъ, наказывая однихъ, онъ угрожаетъ другимъ, поощряетъ слабыхъ и полкуетъ всѣхъ, что есть слогъ и что есть искусство, очерчивая цыркулемъ генія шотъ кругъ, изъ котораго не долженъ выходить изящный вкусъ и здравый разумъ. По политической части сочиненіе г. *Шатобриана* не представляетъ ничего опредѣленнаго и не разрѣшаетъ сомнѣній нашихъ. г. *Шатобрианъ* смотритъ на свѣтъ, какъ на собственную жизнь свою; то есть—съ какимъ-то грустнымъ разочарованіемъ, которымъ дышатъ всѣ его мнѣнія. Онъ часто говоритъ намъ о своей пляжкой старости, о болѣзняхъ, о ничтожествѣ своемъ; но мы знаемъ, что г. *Шатобрианъ* еще не такой дряхлый старикъ, чтобы могъ спотыкаться на каждомъ шагу, и совсѣмъ не походитъ на человека, спящаго на краю могилы. Въмѣсто того, чтобы укрѣплять души наши, ободряя насъ въ уныніи, онъ, напротивъ того, любитъ пугать насъ будущностію и увеличивать настоящія бѣдствія политическаго міра. Пребывая вѣрнымъ Дому Бурбоновъ, онъ, не смотря на то, предсказываетъ владычество Демократіи, предшественниками котораго будутъ всѣ ужасы революціи. Но успокойтесь, г. *Шатобрианъ* видитъ всё это только въ мысленныхъ предположеніяхъ своихъ, то есть, далеко, очень далеко за предѣлами *видимаго горизонта*, и, принимая вѣка за бѣлыя страницы въ книгѣ пророчества своихъ, не совсѣмъ еще опниваетъ у насъ надежду и даетъ намъ время на размышленіе.

Однако-жь нельзя не упрекать г. *Шатобриана* въ этомъ политическомъ опчаяніи, которое приводитъ въ содроганіе людей съ благородною и чувствительною душою; и безъ того уныніе сдѣлалось у насъ почти общимъ,—что-жь будетъ съ нами, если оно дойдетъ до крайности? Конечно нынѣшнія обстоятельства тягостны и путь нашъ шруденъ въ пустынь; но за чѣмъ же пе-

рять бодрость, за чѣмъ не имѣть вѣры въ Провидѣніе, и заранѣе облекаясь въ черную одежду, плакать надъ могилами? Будемъ же надѣясь, вопреки г. *Шатобриану*, и какъ не смотря на мнимую дряхлость, геній его всё цвѣтетъ ещё поэзіею идей, силою мыслей и красотою юности, такъ и для насъ, изъ мрака бѣдствій взойдетъ некогда прекрасная заря, возсіяютъ дни обновленія, и усталый міръ отдохнетъ на лонѣ тишины и спокойствія. Нѣтъ! Всевышній не допуститъ, чтобы истина его погибла навѣки!

Но приступимъ скорѣе къ подробному разсмотрѣнію новаго сочиненія г. *Шатобриана*, чтобы по возможности дать понятіе о содержаніи его и исчислилъ идеи въ немъ заключающіяся; на этомъ разѣ мы ограничимся только первымъ пономъ *опыта*.

Первая часть доказываетъ глубокую ученость сочинителя и неоспоримое превосходство его въ наблюденіи, описаніяхъ и криптикѣ. Авторъ, разсматривая языкъ Латинскій, какъ корень всѣхъ Европейскихъ языковъ, раздѣляетъ Англійскій языкъ на пять эпохъ; потомъ говоритъ о средних вѣкахъ, законахъ ихъ, нравахъ, зданіяхъ и Англійской литературѣ, отъ водиспенныхъ пѣсней Каледоніи, до унылыхъ мелодій короля Шотландскаго *Яковъ I-го*. Все это пребывало подробныхъ и трудныхъ розысканій и подамо случай къ прекраснымъ историческимъ главамъ, гдѣ красота поэзіи, сила краснорѣчія и самая глубокая философія соединяются съ обширными познаніями и разборчивымъ вкусомъ. Тамъ древніе вѣка Британіи воскресаютъ изъ праха съ истинною фізіономіею ихъ; память повѣствованія и картины согласуются съ духомъ времени, къ которому они принадлежатъ, и ничто не носитъ на себѣ оппечатка нерадвія или свѣдѣній поверхностныхъ. Житій святихъ, эти гошовыя поэмы, собранныя Болландистами; Британскія хроники, разсыпанныя по разнымъ библіотекамъ, романы, сказки, повѣсти, пѣсни, даже ругательные *сирвенти* скомороховъ (*jongleurs*); словомъ, все это доставило автору птысячи красокъ, чтобы написать волшебную картину этихъ ры-

царскихъ вѣковъ, въ которые самыя обыкновенныя событія имѣли въ себѣ что-то чудесное и героическое.

Разсматривая главу г. *Шатобриана* объ Англо-Норманскихъ *Труверсахъ*, мы паходимъ, что въ плодотворныхъ нѣдрахъ среднихъ вѣковъ паились уже семена нынѣшней эпопей. Неизвѣстный пѣвецъ, прославляющій спранствія св. *Брадана* по земному раю; монахъ *Генрихъ*, который жилъ въ XII столѣтїи и написалъ на Латинскомъ языкѣ *Чытмище св. Патрикаа Ирландскаго*, переложенное въ стихи *Марією*, принцессою Французскою; *Адамъ Россъ*, воспѣвающій сошествіе въ адъ св. *Павла*, и, наконецъ, два Трувера, въ сопровожденїи которыхъ рыцари путешествовають по мѣстамъ очищенія, по аду и въ спрамахъ вѣчнаго блаженства,—всѣ эти трубадуры, соединявшіе въ поэзіи своей древнїя преданїя язычества съ понятїями Христіанскими, могутъ по справедливости называться предшественниками *Данта* и его *Священной Комедїи*, въ которой среднїе вѣки намли безмерпное олицетворенїе свое, такъ какъ древнїй языческій міръ видѣлъ себя олицетвореннымъ въ поэмахъ *Омира*.

Вторая часть посвящена литературѣ въ царствованїе *Тудорова Дома*, и содержитъ пятую и послѣднюю эпоху Англїйскаго языка. Г. *Шатобрианъ*, упомянувъ о реформѣ, долженъ былъ разсмотрѣть, какое вліяніе имѣла она на состояніе Англїйскаго литературны, отпавшей отъ католицизма. Ему надобно было сказать намъ—какую выгоду или какой уронъ принесло ей это отступленїе и, по свойству предмета своего, говорить о *Лютерѣ* и его ученїи. Г. *Шатобрианъ* бѣгло разбираетъ ереси и расколы, волновавшіе Церковь до появленїя реформы; въ свое время св. *Августинъ* щипалъ ихъ 88, начиная съ *Симонїанъ* и оканчивая *Пелластіанами*. «Церковь,» говоритъ г. *Шатобрианъ*: «защищалась вездѣ. Безпрестанная борьба ея объясняютъ цѣль ея Соборовъ, Синодовъ и пѣхъ многочисленныхъ собранїй всѣхъ родовъ и всякаго названїя, которые находимъ мы при самомъ началѣ Христіанства. Неупоминная дѣятельность Христіан-

скаго общества есть нѣчто чудесное. Защищая себя отъ гоненїй и мукъ, они, въ тоже самое время, принуждени были сражаться и пропивъ дѣпей своихъ и пропивъ враговъ домашнихъ. Не отъ того зависѣло существованїе самой религіи, и, конечно, еслибъ ереси безпрестанно не изгонялись канонами изъ нѣдра Церкви, еслибъ не были онѣ обличаемы и посрамляемы духовными писателями, то народы остались бы наконецъ въ недоумѣнїи; не зная чему вѣрить—и тогда, среди безпрепятственнаго распроспраненїя сектъ, дѣлящихся на безчисленные опрасли, истинный источникъ Христіанства могъ бы исчезнуть въ измѣненїяхъ своихъ, какъ исчезаетъ рѣка, теряясь во множествѣ своихъ каналовъ.»

Сто послѣднихъ страницъ второй части перваго тома *Опыта* содержатъ краснорѣчивую и справедливую оцѣнку *Шекспира*, и представляютъ въ цѣломъ прекрасную главу, изъ которой въ одномъ литературномъ журналѣ было уже напечатано нѣсколько отрывковъ. Примѣчательнѣйшїй изъ нихъ былъ, нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, помѣщенъ въ Ежедневномъ Обзорѣнїи (*la Quotidienne*), и я говорилъ тогда о этой дружеской бесѣдѣ генїя *Шатобриана* съ генїемъ *Шекспира*. Теперь, не повторяя прежнихъ похвалъ моихъ, я выпишу изъ главы *Шекспира* одну или двѣ страницы, на которые желательнѣе, чтобы обратила вниманїе новая школа драматическихъ сочинителей и романистовъ. «Убѣдимся въ истинѣ, что писатъ есть искусство, что искусство раздѣляется на роды, и каждый родъ имѣетъ свои правила. Роды и правила эти не произвольны; они испекаютъ изъ самой природы, и искусство только раздѣлило то, что было смѣшано природою. Избирая для подражанїя своего все лучшее, оно никогда не отдѣляется отъ подлинника, и въ немъ совершенства не истребляютъ истины. *Расинъ*, въ превосходствѣ искусства своего, *естественнѣе Шекспира*, такъ какъ *Аполлонъ*—въ совершенствѣ безсмертной красоты своей, болѣе похожъ на человека, нежели колоссъ Египетскїй. Свобода, съ которою писатели позволяютъ себѣ говорить и представлять

всё, что имъ вздумается; блескъ и шумъ сцены, нещепное множество дѣйствующихъ лицъ—всё это нравится неопытному воображенію, но на дѣлѣ не значить ничего. Это свобода дѣйская и дѣйскія игрушки! Нѣтъ ничего легче, какъ привлечь вниманіе и забавлять сказками—всякая маленькая дѣвочка можетъ въ этомъ отношеніи быть учителемъ самыхъ искусныхъ сказочниковъ; но не ужьли думаете вы, что трудно было бы для *Расина* предсавлять въ дѣйствіи то, что здравый и изящный вкусъ его повелѣвалъ ему отбрасывать за сцену и помѣщать въ разсказъ? Безъ этаго, *Федра*, супруга *Тезей*, осмѣлилась бы въ глазахъ цѣлаго партера искушать добродѣтель *Ипполита*, или, вмѣсто прекраснаго повѣствованія *Терамена*, мы увидѣли бы на сценѣ картонное чудовище и деревянныхъ лошадей *Франкони*; въ трагедіи *Британикъ*, неистовый *Неронъ*, прокравшись какимъ нибудь обманомъ въ комнату *Юліи*, безстыдно оскорбилъ бы честь ея предъ лицомъ публики—или, въ *Балзетъ*, несчастный братъ султана боролся бы съ ужасными евреями. *Расинъ* понялъ это, и потому выбросилъ изъ превосходныхъ твореній своихъ всё то, что обыкновенные и посредственные писатели конечно бы не преминули помѣстить въ нихъ.—Нѣтъ сомнѣнія, что часто самая плохая драма заставляетъ проливать гораздо больше слезъ, чѣмъ прекраснѣйшая трагедія въ свѣтѣ; но мы замѣтимъ однакожь, что одна высокая и благородная поэзія извлекаетъ у насъ тѣ истинныя слезы, которыя текутъ при звукахъ лиры Орфея, тогда какъ участіе мѣшается въ души нашей съ восторгомъ удивленія. Древніе, даже и фуриямъ адскимъ давали прекрасное лицо, потому что въ самыхъ угрызненіяхъ совѣсти есть красота моральная!»

«Любовь къ безобразію, которая такъ неопытно овладѣла нами; непреодолимое отвращеніе къ идеалу всѣхъ родовъ; спрашивать къ косолапымъ, хромымъ, кривымъ, беззубымъ, черномазымъ, и непонятная нѣжность къ морщинамъ, спручьамъ, бородавкамъ: однимъ словомъ, ко всему уродливому, подлому, гадкому—доказываетъ неистовство вкуса

и совершенное развращеніе ума; но природа, о которой такъ много твердятъ, никогда не производитъ его.»

«Если можетъ быть и нравится намъ иногда нѣкоторое несовершенство, то это потому только, что мы находимъ въ немъ какую-то таинственную моральную красоту, которую мы объяснимъ себѣ не въ состояніи; но по естественному влеченію, всё мы предпочитаемъ прекрасную женщину дурной, розу чертополоху, берега Неаполитанскаго залива какой нибудь бесплодной долины и Пантеонъ свиному хлѣву, или конюшнѣ. И такъ, прочь отъ насъ эта пагубная школа, которая, сдѣлавшись въ чрезмѣрной степени матеріальною и *скотскою*, доведетъ насъ скоро до того, что мы наконецъ будемъ искать идеаловъ нашихъ въ уродливыхъ произведеніяхъ грубаго попора — и предпочитаемъ ихъ прелестнымъ Мадамъ *Рафаэля*!»

Этотъ остроумный, насмѣшливый и забавный укоръ, который знаменитый писатель дѣлаетъ бѣшенымъ романпикамъ нашимъ, напоминаетъ мнѣ то мѣсто *Илліады*, гдѣ *Улиссъ* бьетъ скипетромъ своимъ *Фирсита* по спинѣ.

Далѣе г. *Шатобрианъ* пишетъ слѣдующія достопамятныя строки:

«Геній творитъ, вкусъ сохраняетъ; вкусъ есть здравый разумъ генія; безъ вкуса геній есть ничто иное какъ прекрасное сумасбродство. Это всегда вѣрное осязаніе, которое извлекаетъ изъ лиры только тѣ звуки, которые должна издавать она, не только не дано всякому, но оно рѣже самой творческой силы ума!

Оканчивая спатью мою, я въ заключеніе её хотѣлъ взять на себя смѣлость предсавить легкую кристику мою на г. *Шатобриана*; но послѣднія выписки мои изъ его *Опыта* заключаютъ такое превосходное и новое опредѣленіе вкуса, что я не знаю какъ дерзнуть замѣнить великому писателю, что въ сочиненіи его встрѣчаются иногда нѣкоторыя выраженія и обороты, въ которыхъ видна кака-то изысканность и пребываніе на эффектѣ. Сверхъ того знаменитый авторъ часто употребляетъ

слова въ языкѣ нашемъ еще небывалыя, *verba non tritta stoma*, какъ говоритъ Цицеронъ. Конечно, если слово, употребленное г. Шатобрианомъ, не спойтъ еще въ лексиконѣ нашемъ, по это уже самое должно заставить со временемъ помѣстить его памъ; но смотрите, однако-жь, какое искушеніе для другихъ и какая пощачка для дерзкихъ писателей, силющихся подражать не генію г. Шатобриана, но вольностямъ, которыя иногда онъ позволяеть себѣ. Въ другія времена г. Шатобрианъ безопасно могъ бы избрѣшать слова и давать принятымъ выраженіямъ новое, до того еще не извѣстное значеніе; но нынѣ, когда языкъ Паскаля, Расина, Бюффона и Лафонтена безпрестанно искажается своеволіемъ нововводителей, нынѣ—тѣ, которые ревностно пекутся о его сохраненіи, должны бы, кажецца намъ, всѣми силами спараться о поддержаніи славы его и первобытныхъ законодательей; слѣдственно г. Шатобрианъ, котораго творенія давно уже служатъ для насъ изящными образцами прекраснаго, верно подастъ намъ скоро другой достойный примѣръ въ повиновеніи своемъ строгому закону правильности, и тѣмъ окажетъ языку своему новую услугу. Извѣстно, что ничто не сохраняетъ такъ прочности законовъ и не содѣйствуетъ ихъ исполненію, какъ уваженіе къ нимъ самихъ законодательей; слѣдственно г. Шатобрианъ положивъ такимъ образомъ непреодолимую преграду Гуннамъ и Вандамамъ нашей литературы, и не допустивъ ихъ губить прекраснаго языка Франціи, по примѣру тѣхъ дѣкихъ варваровъ, которые опустоша Римъ, истребили и коренной языкъ всѣхъ Европейскихъ народовъ.

Т.

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ

принца Шюклеръ-Мюскау.

19-ое Марта.

Милая Юлія!

To make the best of my time, какъ говорятъ Англичане, то есть, члобы употребить время свое съ пользою, я вздумалъ вчера вече-

ромъ посѣпить одинъ за другимъ всѣ Англійскіе пьесы, во время пребыванія моего въ Лондонѣ.—Пьеса, которую видѣлъ я вчера, была комедія, въ которой первое лице слуга Ирландецъ. Господинъ его намѣревался увезти молодую дѣвушку и, принимая въ услуженіе Ирландца, спрашиваетъ его: рѣшается ли онъ исполнить все то, что будушь отъ него претоватъ?—Все! отвѣчаетъ восхищенный О'Гиджи. Все, что вамъ угодно; поутру я украду для васъ корову, а вечеромъ сдѣлаю изъ неѣ бифстекъ.—Въ другой разъ этотъ усердный слуга говоритъ господину своему.—Двѣ головы лучше одной; если-бъ другая была и пелячья, то все таки еѣ можно сварить и скушать.»—

Если всѣ Ирландцы похожи на тѣхъ, которыхъ предсавляютъ намъ въ Англійскихъ романахъ и комедіяхъ: то они должны быть спранный народъ; спранный совсѣмъ другимъ образомъ, нежели Англичане. Ихъ безпрестанно вспрѣчаешь на улицѣ просящихъ милоспыни, и тѣмъ часъ узнаешь по наружности и выговору, который очень сходень съ Гасконскимъ.

Вотъ что очень справедливо и умно говоритъ одинъ изъ лучшихъ новѣйшихъ писателей:

«Нищій-Англичанинъ, прося подаенія, говоритъ вамъ всегда одно и тоже и однимъ и тѣмъ же протяжнымъ, жалобнымъ голосомъ: подайте бѣдному человѣку шиллингъ, подайте полшилинга бѣдному человѣку!—У Ирландца же, напропивъ того, краснорѣчіе. О, ваше благородіе! восклицаетъ онъ, подайте мнѣ пенсъ, одинъ, для васъ ничтожный пенсъ! и милость Божія будетъ на васъ, и на чадахъ и на внукахъ вашихъ!—Подайте мнѣ пенсъ, и за то Отецъ небесный пошлетъ вамъ долгіе годы и тихую смерть; въ день судный Онъ умилосердится надъ вами!—Кто можетъ отказать въ просьбѣ, изъясненной такъ прогательство?»

На другомъ пьесѣ,—я очень забавлялся балетомъ, въ которомъ птицы играли первую роль, а чайникъ съ молочникомъ и чашкою панцовали *pas de trois*, между тѣмъ,

какъ ножи, вилки и ложки соспавляли по, что называютъ *corps de balet*— фигурантовъ и фигурантокъ. Надобно признаться, что пиццы были совершенно какъ живыя.

На претъемъ—Индѣйскіе Жонглёры представляли намъ одну, совершенно новую штуку, которая очень хороша. Въмѣсто шаровъ, которые они обыкновенно бросаютъ вверхъ, мы увидѣли въ эпошъ разъ маленькіе зажженные фонарики. Они образовали изъ себя разныя правильныя фигуры: круги, змѣй, преугольники, почно какъ въ калейдоскопѣ, и соспавляли родъ прекраснаго комнатнаго фейерверка. Нельзя довольно надивиться ловкости эшихъ людей, которые никогда не дадутъ ни одного промаха.

Нельпости, которыя видѣлъ я въ балетѣ, вѣроятно дѣйствовали на воображеніе мое, и послѣ спектакля, потому что ночью—возвращаясь въ Брайтонъ и заснувъ въ каретѣ, я видѣлъ сны одинъ спраннѣе другаго. Во первыхъ, привидѣлось мнѣ, будто я ѣду на прекрасной сѣрой лошади и не могу никакъ сладить съ нею; вдругъ голова еѣ опорвалась и оплелась за двадцать шаговъ, а я съ шуловищемъ упалъ въ пропасть.—Потомъ, снилось мнѣ, что я сижу на скамейкѣ въ своемъ домѣ: вокругъ меня свистѣла ужасная буря, вырывала съ корнемъ деревья и валяла ихъ одни на другіе. Наконецъ, милая Юлія, я разстался съ тобою и съ опчаянія пошелъ въ солдаты; однако-жъ, я скоро забылъ шебя, что никогда не можетъ случиться на яву, и перенесся совсѣмъ въ другую сферу. Я видѣлъ себя молодымъ, пригожимъ, блиспательнымъ и предприимчивымъ. Мы сражались съ непріятелемъ; громъ пушекъ соединился съ прекрасною военною музыкою и, по вольности сна, мы въ поже самое время сидѣли за завтракомъ, ѣли пироги съ прюфелями и запивали Шампанскимъ. Вдругъ пролетѣло ядро и опорвало у сосѣда моего голову, а у меня обѣ ноги—и я упалъ, плавая въ крови и умирая отъ страха. Проснувшись, я увидѣлъ, что дѣйствительно ревѣла буря, и шумъ морскихъ волнъ доходилъ до моего слуха. Въ просонкахъ казалось мнѣ, что я на ко-

рабѣ; но карета оспановилась у прапкп-ра на большой Брайтонской площади—и я опомнился. Завтра, можетъ быть, я увижу во снѣ что нибудь похожее на это.—Но не такъ ли въ жизни? Не всё ли и въ ней смупные сны, и воздушные замки? Одни продолжаютъ нѣсколько минушь, другіе цѣлыя годы, цѣлыя десятилѣтія, но всё кончилось тѣмъ, что и тѣ и другіе, наконецъ, исчезаютъ. Никто больше меня не спроситъ замковъ на облакахъ; при всякомъ случаѣ готовы у меня великолѣпные чертоги, скромная хижина, шюрма, или гробъ. Но ты всегда со мною, моя Юлія! Ты раздѣляешь мое блаженство, украшаешь мою хижину, плачешь на могилѣ моей, или упѣшаешь меня въ пемницѣ. Теперь, я ношусь надъ всѣмъ эпимътуда и сюда, не имѣя поспояннаго пріюта—и уснулъ до смерти, потому что уже при часа утра. Прощай, цѣлую твои ручки и желаю тебѣ спокойной ночи. Сдѣлай одолженіе, посмотри въ пвоемъ Сонникѣ, что значатъ сны мои; ты знаешь, что я суевѣренъ и что никто въ свѣтѣ не можетъ меня излечить отъ эпаго. Конечно, философы, пожимая плечами, можетъ быть смѣются надо мною; по ихъ мнѣнію, сны, симпашіи, предчувствія и вліянія свѣпиль небесныхъ—сушія бредни.... Власть ихъ!... Но развѣ въ природѣ нѣтъ таинственныхъ силъ, вліяній, сообщеній небесныхъ и земныхъ, которыя также прежде почитались сказками—и которыхъ существованіе нынѣ доказано? Развѣ въ самихъ насъ не таится что-то такое, чего мы объяснить не можемъ; однако-жъ мы ощущаемъ въ себѣ это что-то; слѣдовательно, ни для кого не безразсудно основывать на всемъ эпомъ свои предположенія и болѣе или менѣе вѣрять имъ.

T.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

90.

(Продолженіе.)

Въ началѣ эпой спатейки, вы, мои почтеннѣйшіе читатели, убѣдились, что у

насъ на Руси въ 1836 году отъ Р. X. и въ 111-мъ отъ кончины мудраго Преобразителя Россіи, нѣтъ ни поэтовъ, ни поэзи. По крайней мѣрѣ, такъ увѣряетъ насъ г. *Виссаріонъ Бѣлинскій*, многоглаголивый сопридникъ издателя *Телескопа*.

Бѣда бы намъ, если-бъ эпопѣ кришкѣ не имѣлъ соспрадательнаго сердца. Но онъ жалосливъ и забывчивъ: уничтожа нашихъ поэтовъ, онъ опять воскрешаетъ ихъ и возстановляетъ ихъ достоинство, честь и славу.

И это для чего бы вы думали? Для того, чтобы унизить поэта *Бенедиктова*, для того, чтобы противорѣчить г-ну *Шевырѣву*, какъ Н. А. *Полевой* противорѣчилъ *Карамзину*. Таковъ ужъ у него обычай...

Г. *Шевырѣвъ* написалъ: «Періодъ формъ, періодъ матеріальный, языческій, однимъ словомъ, періодъ стиховъ и пласицизма уже кончился въ нашей литературѣ сладкозвучною сказкою: пора наступить другому періоду духовному, періоду мысли.»

Г. *Бѣлинскій* привязывается къ этому послѣднему слову своего антагониста, и, по своему обыкновенію, восклицаетъ: «Нужно ли говорить, кто у г. *Шевырѣва* является главою этаго ожидаемаго періода мысли въ исторіи нашей литературы?... Довольно — остановимся на этомъ!» еще громогласнѣе восклицаетъ г. *Бѣлинскій*; однакожь не только не остановился, а побѣжалъ впередъ рысью.

«И такъ, первый Русскій поэтъ, созданія котораго проникнуты мыслию, есть г. *Бенедиктовъ!*» замѣчаетъ вѣчный антагонистъ профессора *Шевырѣва*: «поздравляемъ г. *Шевырѣва* съ открытіемъ, а публику съ приобрѣтеніемъ! (Телескопъ, No 6, 1836, стр. 234-ая.) У насъ шумить не любящъ; какъ примушся хвалишь, такъ какъ разъ въ боги запишешь и храмъ соорудишь. Но пусть такъ—похвала отъ убѣжденія не бѣда; но въдѣ убѣжденіе-то должно же бытъ согласно съ здравымъ смысломъ (тамъ же, спраица та же). Такъ г. *Бенедиктовъ* выше *Пушкина*, *Жуковского*, *Грибоедова*, не говоря уже о *Коз-*

ловъ, *Подолинсколь*, *Веневитиновъ*, *Ө. Глинкль?*») съ изумленіемъ спрашиваетъ г. *Бѣлинскій*.

Призываніе. Видите ли, что самъ г. Б., утверждавшій весьма недавно, что въ Россіи нѣтъ поэтовъ, опыскалъ троихъ первой степени и четырехъ второй степени. То ли еще будетъ!

Но прошу покорно итти далѣе!

Послѣ этаго г. Б. пишетъ: «Гг. *Языковъ* и *Хомяковъ*, изъ которыхъ первый есть неостро-римо поэтъ, поэтъ истинный.»

Призываніе. Хвала щедрости г. *Бѣлинскаго*, нашедся и еще поэтъ на св. Руси. Это уже осмѣлой!

«Но въдѣ гг. *Языковъ* и *Хомяковъ* не суть предсавители всей нашей поэзи, но въдѣ они споятъ и не въ первомъ ряду нашихъ поэтовъ (1), которыхъ, впрочемъ, такъ немного; но въдѣ оспаются еще *Пушкинъ*, *Жуковский*, *Грибоедовъ*, впереди которыхъ нѣтъ никого, и *за которыми стоятъ еще и другія дарованія* (2), кромѣ гг. *Языкова* и *Хомякова*»

.....

Развѣ въ Черкешенкѣ его *Кавказскаго плыника* нѣтъ идеи, нѣтъ мысли? Развѣ его *Зарема*, *Марія*, *Гирей*, его *Алеко*, *Земфира*, словомъ, вся поэма *Цыганъ*, не суть произведенія мысли глубокой, могучей, поэтической? А *Марія*, *Мазена*, *Козубей*, *Полтава* — въ нихъ поже нѣтъ мысли? А *Годуновъ* — не ужели въ немъ меньше мысли, чѣмъ въ стихотворныхъ побрякушкахъ г. *Бенедиктова*? А *Онъгинъ*, эпопѣ живой, движущійся міръ лицъ, мыслей, чувствъ?»

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

(1) Взгляните, передъ вами въ парадѣ стоить первая и вторая ширенги родныхъ нашихъ поэтовъ.... пора-дуйтесь! — К.

(2) Видите ли, что кромѣ *деяти* опличныхъ поэтовъ, есть еще на Руси и другія пимщескія дарованія? Какъ добръ, какъ снисходительнъ г. *Бѣлинскій*! Я бы на его мѣстѣ не призналъ ни одного Русскаго стихотворца за поэта. Ну, что это за поэты, да какіе это поэты! — К.

L O G O G R I P H E.

Qui m'inventa? Quel ordre, aux chrétiens respectable,
 Vint m'imposer comme une loi
 Qui devient un sujet d'effroi
 Aux gourmets trop dévots, amateurs de la table?
 Il ne m'appartient pas, faiseur de logogriphe,
 De prononcer sur de si grands débats;
 Sur le mot seulement je donne un coup de griffe,
 Et voilà ce qui sort de ses débris à bas.
 D'abord vous goûterez ce produit, vrai délice,
 Qu'à vos desserts fournit le sein de la genisse;
 Ce qui vous sauvera du calme plat en mer;
 Ce qu'on fait en acier, en cuivre et même en fer;
 Ce qui vient d'un aïeul, et distingue les plantes
 De mœurs, et de culture, et de fruits différentes;
 Un immense amas d'eau, qui peut fournir au goût
 De celui qui, fidèle, observera mon tout;
 Ce que Dieu te donna pour guider ton enfance,
 Qui sait former ton cœur, ton esprit, ta raison,
 D'un esprit éclairé veille sur la maison,
 Et conquiert tous les droits à ta reconnaissance;
 Un petit amas d'eau, qui n'est pas l'Océan,
 La Méditerranée, ou tout autre géant;
 Ce qui soutient ton corps, et ce qui l'illumine
 Des reflets glorieux de la clarté divine;
 Ce qui peut diviser les limites d'un champ;
 Ce que pousse la mer au bord en y touchant;
 Enfin l'ordre fameux par sa délicatesse,
 Qui, par d'heureux loisirs distrayant sa paresse,
 Invente certaine eau, dont la salubrité
 Entretient l'épiderme ainsi que la santé.

Въ No 66-мъ, помѣщенная шарада значить: *Зарядъ*.

M O D E S.

Les eaux ont achevé de dépeupler la capitale, et il faudrait pourvoir suivre nos jolies baigneuses, pour saisir toutes les variétés de la mode du moment; je dis variétés, car, loin de Paris, cette *reine* se montre encore, s'il est possible, plus capricieuse et plus coquette, et elle secoue un peu le *décorum* qu'elle se croit obligée de garder lorsqu'elle habite le centre de son empire; elle ne met plus de frein à son humeur vagabonde et bizarre, et invente milles fantaisies

qu'elle n'oserait même plus nommer, lorsque, rentrée dans Paris, elle dicte ses lois au monde entier!!! Mais, avant de quitter ce Paris, qu'elle aime tant, elle a posé des bases pour l'été, témoin les ravissantes étoffes qu'elle nous a laissées aux beaux magasins du *Petit-Saint-Thomas*. Ces galeries, toutes tendues de ces jolies mousselines aux couleurs si vives et si variées, de ces jaconas si frais et si brillans, et que l'on donne à un prix si modéré, toute cette profusion d'élégantes nouveautés qui drapent ces mêmes galeries, entourant un parterre de fleurs dont les étoffes semblent avoir emprunté la fraîcheur, tout ce prestige de la mode au milieu de ce jardin, font des magasins du *Petit-Saint-Thomas* un lieu que tout le monde veut voir, c'est sans contredit le rendez-vous *fashionable* du Faubourg-Saint-Germain.

M O D Ы.

Поездка на воды довершила опустошение столицы, и надлежало бы следовать за нашими пригожими купающимися, чтобы схватить все разнообразности пеперешней моды; я говорю разнообразности потому, что в ондаденіи онъ Парижа, эта *царица* выказываетъ, если возможно, еще болѣе претребованій и болѣе кокетства, и сбрасываетъ немного *décorum*, которая полагаетъ себя обязанною сохранятьъ, когда обипааетъ въ срединѣ своего царства; спранныму ея характеру нѣтъ претребованій, она выдумываетъ тысячи прихотей, которыхъ не поспѣла бы я называть, когда, возвращаясь въ Парижъ, даетъ законы цѣлому свѣту!!! Но, прежде, нежели оставила Парижъ, который такъ любилъ, она положила основаніе на льбо, въ чемъ свидѣльствуютъ эти прелестныя матеріи, оставленныя ею намъ въ магазинахъ *du Petit-Saint-Thomas*. Эти галереи, обтянутыя красивыми кисеями съ яркими и разнообразными цвѣтами, блестящими жаконетами, продаваемыми за споль сходную цѣну; это изобиліе щеголевашыхъ новостей, драпирующихъ эти самыя галереи, которыми окруженъ партеръ цвѣтовъ, у которыхъ матеріи, кажешся, заняли свѣжестъ, — вся эта обворожительность моды посреди сада дѣлаетъ изъ магазиновъ *Saint-Thomas* мѣсто, возбуждающее любопытство каждаго, это безъ сомнѣнія модное *rendez-vous* Сенъ-Жерменскаго предмѣстья.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 68.

Цѣна годовому, изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Августа 22 дня 1836 года.

Ты скажи, утѣшь, къ кому я покажусь?
Кто со мною слово ласково промолвитъ?
О безродной, о презрѣнной кто пошумитъ?
Кто изъ милосердія бѣдняжку похоронитъ?

Мерзляковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

О СООРУЖЕНІИ ОБЕЛИСКОВЪ ВЪ ЕГИПТѢ И ИНДИИ.

Въ *Британскомъ Музеумъ* есть статуя о разныхъ существующихъ обелискахъ, и мы заимствуемъ изъ этого журнала нѣкоторыя подробности о древнемъ происхожденіи ихъ и объ извѣстныхъ монументахъ этого рода, которыми путешественники нашего времени удивляются еще въ Египтѣ, Римѣ и Константинополѣ.

Между всѣми памятниками древности, украшающими отечество Фараоновъ, болѣе всѣхъ привлекаютъ на себя вниманіе огромныя гранитныя колонны, которыя, съ величствомъ соединяя легкость, стремятся, кажутся, къ облакамъ. Европейскія столицы платятъ нещепныя суммы, чтобы обладать ими, и Парижъ скоро украсится монолитомъ *Сезостриза*, который займетъ мѣсто посреди площади *Согласія* (de la Concorde).

Что такое обелискъ? Былъ ли онъ простымъ украшеніемъ—или служилъ эмблемою? *Плиний* говоритъ, что на спорахъ обелисковъ

начертано было исползованіе законовъ природы и разрѣшеніе тайнъ Египетской философіи. *Амвній Марцелинъ* полагаетъ, что они были символами религіозной идеи, глубокой и таинственной. Изысканіе же новѣйшихъ археологовъ и открытія *Юнга* и *Шалльполона* не дали намъ никакого понятаго понятія о происхожденіи обелисковъ и ихъ назначеніи.

Разсматривая съ прилежаніемъ главный профиль *Луксора*, развалины *Эмополя* и объ Александрійскія колонны, можно удостовѣриться, что обелиски были всегда назначены стоятъ по-парно, прошивъ главнаго портика храмовъ и домовъ. Иногда, какъ на пр. въ *Кирнакѣ*, они поддерживали внутренній сводъ капищъ, и въ подземныхъ храмахъ. *Эллары*, видно нѣсколько маленькихъ обелисковъ, которыя стоятъ еще въ совершенной цѣлости.

Путешественникъ всегда съ новымъ любопытствомъ спрашиваетъ, какъ эти необъятныя громады камня, составляющія обелиски, вышиною отъ 60 до 70 футовъ, могли быть добыты изъ каменоломней, и поставлены на своемъ подножіи? Какъ были

они перевозимы на такое дальнее разстояние? Какія огромныя машины были употреблены, чтобы сдвинуть ихъ съ мѣста? Это недоумѣніе разрѣшимъ легко, когда мы узнаемъ, что работы, не менѣе трудныя, производятся въ наше время въ землѣ, гдѣ познанія въ механикѣ еще очень неусовершенствованы, и гдѣ жили, какъ въ эпихъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, имѣютъ много сходства съ Египтянами. *Сиръ Джонъ Гершель*, въ рѣчи своей о естественной философіи, говоря объ писаніи докторомъ *Ксиперли* сооруженія гранитнаго обелиска въ Суригапатнамѣ, доставляетъ намъ по этому случаю самыя любопытныя свѣдѣнія. — Въ гранитныхъ каменоломняхъ близъ Суригапатнама, говоритъ онъ, опламываютъ огромныя громады камня самымъ легкимъ и скорымъ способомъ. Работники ищутъ сперва край скалы, отъ котораго уже ломали камень; они спешиваютъ поверхность ея, означаютъ линіею ту полосу, которую намѣрены ломать, и просверляютъ на ней отверстіе вершка въ два глубины; потомъ въ щель, во всю длину ея, зажигаютъ огонь, и не даютъ ему угаснуть, пока щель не раскалился; тогда, по условленному знаку, нѣкоторое число мужчинъ и женщинъ, стоя въ рядъ и держа въ рукахъ сосуды съ холодною водою, смѣшаютъ щипательную золу, и потомъ поливаютъ водою на раскаленный камень; черезъ нѣсколько минутъ онъ щипитъ, лопается и наконецъ опадаетъ. — Такимъ образомъ добываются отломки гранита иногда въ 6 ф. толщины и въ 80 длины.

Бельзони полагалъ, что Египтяне на каменоломняхъ своихъ употребляли средство почти подобныя тѣмъ, какими ломаютъ камень въ нынѣшней Индіи. Онъ по виду *Асуанскихъ* каменоломней заключаетъ, что тамъ работники должны были сначала проводить глубокую полосу въ гранитной скалѣ, и потомъ, какимъ нибудь сильнымъ потрясеніемъ, отрывать отъ неѣ назначенный обломокъ. — Все это опѣнно любопытно и удостовѣряетъ насъ, что Египтяне производили многія работы свои, такъ какъ нынче производятъ ихъ Индѣйцы.

Вѣроятно, что въ Египтѣ обелиски, будучи доставлены на назначенное имъ мѣсто, ставились на кубическія пьедесталы свои посредствомъ земляныхъ насыпей, похожихъ на тѣ, которыя дѣлаютъ теперь въ Индіи для того же предмета.

Разсматривая обелиски въ историческомъ отношеніи, трудно опредѣлить цѣль, для которой они были сооружаемы. Почти всѣ, которые путешественники находятъ въ Египтѣ, испровергнуты и не имѣютъ никакихъ надписей, кромѣ многочисленныхъ именъ и титуловъ *Раизеса*, къ которымъ всегда присоединенъ гусь въ царскомъ вѣнцѣ и кругъ солнца. На одномъ изъ обелисковъ, находящихся въ *Санъ (Таневъ)*, по словамъ г. *Бартона*, можно очень ясно разсмотрѣть фигуру верблюда, которая, говорясь, начерчена также и на помѣ обелискѣ, который будетъ споятъ въ Парижѣ. Обелискъ *Эліопольскій* имѣетъ, какъ сказывается г. *Бартономъ*, 61 футъ въ высоту. Онъ есть одинъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ, оставшихся еще въ землѣ *Мизраима*; но фигуры на немъ вырѣзаны не такъ хорошо, какъ тѣ, которыя украшаютъ обелиски *Луксора*, на которыхъ птицы такъ натуральны, что не трудно найти подобія ихъ между живыми птицами.

Обелискъ, существующій близъ *Мединъ-ель-Фаюма*, имѣетъ до 43 ф. высоты, и оканчивается въ верху овальнымъ куполомъ; но онъ ужасно запачканъ птицами, которыя столько въковъ сряду отдыхаютъ на его вершинѣ. Недалеко отъ *Азума*, въ Абессиніи, есть прекрасный обелискъ, еще стоящій, и вышиною въ 60 ф.; по словамъ путешественника *Салта*, онъ покрытъ украшеніями въ Греческомъ вкусѣ.

Выключая обелисковъ, вывезенныхъ въ Римъ, и того, который доставленъ въ Парижъ, — въ Европѣ, кромѣ *Константинополя* и города *Арл*, находящагося въ южной Франціи, совсѣмъ нѣтъ эшаго рода древнихъ памятниковъ.

Въ *Константинополѣ* есть два обелиска; одинъ *Монолитъ* на *Иподромѣ* *Ашмендинскомъ*, въ 60 ф. вышины, сооруженный *Императоромъ Θεодосіемъ*. Можно навѣрное сказать,

что эполъ монументъ принадлежитъ ко временамъ упадка искусствъ въ Греціи,—это обелискъ *подпльный*, вѣроятно Христіанскій. Императоръ велѣлъ вырѣзать каршины побѣдъ своихъ на этой колоннѣ, на которой не было ничего, когда еѣ привезли изъ Египта.—Другой обелискъ, въ 35 фуп. вышины, украшаетъ сѣверную часть садовъ гарема.

Римъ сдѣлался новымъ опечесивомъ Египетскихъ обелисковъ. Ихъ было тамъ не менѣе 12, и всѣ они въ разныя времена сооружены Императорами. Съ того времени, какъ *Августъ* велѣлъ привезти эти громады для украшенія еполицы своей, по самое царствованіе *Константина*; во время долгихъ бѣдствій, удручавшихъ *огненный градъ*, обелиски эти были разрушены, а иные исчезли совершенно. Тѣ, которые сохранились, представляють остатки огня и грабительства варваровъ. Папы *Сикстъ V* и *Пій VI* прилагали ревностное и успѣшное стараніе къ возстановленію этихъ памятниковъ древняго искусства.

La Sateraneuse di san Gioranni Luterano, сооруженный въ 1588-мъ *Сикстомъ V*, возлѣ Лютеранской церкви, есть величайшій обелискъ въ Римѣ. Къ несчастію, пьедесталь его, сличкомъ высокій и опягченный грубыми украшеніями, совершенно порпиптъ эффектъ эпой прекрасной колонны, на которую поставили ограненный крестъ. Эполтъ обелискъ имѣетъ 6 ф. и 6 вершк. въ основаніи и 7 ф. 4 вер. въ верху. Длина монолита простирается до 140 ф. 7 вершк. Но несчастный пьедесталь и крестъ на вершинѣ его дають ему 163 ф. вышины. Говорять, что онъ вѣситъ 405 бочекъ.—Западная часть сего обелиска немного сгорблена. Эполтъ обелискъ изъ сѣро-розоваго гранита, покрытъ гіероглифами удивительной работы. Императоръ *Константинъ*, отецъ *Констанція*, убѣжденный придворными своими послѣдовавъ примѣру опца, велѣлъ привезти эполтъ обелискъ изъ Эліополя въ Римъ на пріспа-весельномъ суднѣ. Громада эта благополучно прибыла на берега Тибра, и на низкихъ колесницахъ была допашена опъ *Остійскихъ* воропъ до главнаго цирка. Вотъ любопытное описаніе постановленія эпаго памятника, которое ос-

талось намъ въ сочиненіяхъ *Амелія Марцелина*.

«Оставалось только,» говоритъ онъ: «поднять его, и къ этому не смѣли приступить, боясь невозможности; наконецъ рѣшились сдѣлать подмоспки изъ полстыхъ бревенъ, которые такъ были высоки, что казались лѣсомъ изъ машинъ.—И нещепное множество канатовъ, къ нимъ прикрѣпленныхъ, походило на плотную сѣть, закрывающую сводъ небесный; къ концамъ этихъ канатовъ прикрѣпили камень, подобный огромной горѣ, покрытой лѣпными украшеніями; постепенно поднялась она на воздухъ, повисла на минупу въ пространствѣ, и потомъ, повернувшись на оси своей, была наконецъ усиленъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ поставлена на пьедесталь, ея окружавшій. Долго полагали, что обелискъ эполтъ въ гіероглифическихъ знакахъ своихъ содержалъ надпись, переведенную на Греческій языкъ однимъ Египетскимъ жрецомъ, по имени *Германіонѣмъ*; но *Шамполѣонъ* опровергаетъ, кажется, это мнѣніе. Другой Римскій обелискъ, вѣпорой по величинѣ своей, сооруженъ *Каемъ Кесаремъ*; камень былъ окороченъ, но все еще имѣетъ 81 фупъ и 2 вершка; это первый обелискъ изъ тѣхъ, которые *Сикстъ V* перенесъ къ церкви св. *Петра*. На немъ нѣтъ гіероглифовъ. Третье мѣсто по высотѣ своей занимаетъ обелискъ *Фламиніановъ*, поставленный *Августомъ* въ главномъ циркѣ. Основаніе его имѣетъ 8 фуп. 10 вершк. и высота простирается до 85 фуп. Четвертый Римскій обелискъ былъ поставленъ *Августомъ* на Марсовомъ полѣ, вмѣсто спрѣлки къ солнечнымъ часамъ и посвященъ солнцу. Папы *Бенедиктъ XIV* и *Пій VI* подняли его и поставили на горѣ Сипирію; въ немъ 5 ф. 4 вершк. въ основаніи и 77 въ верху. Онъ упалъ и разбился на четыре части. Латинская надпись, вырѣзанная на немъ въ 1822 году, странымъ образомъ соединяетъ имена *Сезостриса Августа*, *Бенедикта XIV* и *Пія VI*.—Обелискъ *Барберини* принадлежитъ не къ лучшей эпохѣ искусства у Египтянъ; въ 1822-мъ онъ былъ поставленъ *Пиемъ VII* на мысѣ *Пингіо*, и *Шамполѣонъ* прочелъ на немъ царственные имена *Адріана*, супруги его *Са-*

билы и Антиноя. — Обелискъ *Панфилианской* также не въ изящномъ стилѣ; вѣнценосное чудовище *Домицианъ* оставилъ на немъ оппечатокъ своего царствования. — Обелискъ *Минервы* найденъ подъ развалинами *Изеона*; онъ имѣеть только 18 ф. въ вышину и также относится ко временамъ упадка художествъ между Египтянами.

Г.

СЛУЧАЙ ИЗЪ ЖИЗНИ *ЖАНЬ-ЖАКА РУССО*.

Въ бытность свою въ *Женевѣ*, *Жань-Жакъ* прогуливался однажды поутру за городомъ, и такъ задумался, что, шедши все впередъ и впередъ, очутился на дорогѣ къ одному селенію неизвѣстному ему селенію. — Въ двадцати шагахъ отъ него сидѣла у рва молодая и прекрасная собою дѣвушка. — *Руссо* подошелъ къ ней, чтобы узнать имя деревни, но, посмотрѣвъ на нее пристально, перевернулъ вопросъ свой на слѣдующій: скажи мнѣ, милое дитя мое, о чемъ ты плачешь?

Хорошенькая крестьяночка подняла голову; крупныя слезы остановились на алыхъ ея щекахъ, и шестнадцати-лѣтнее милое личико ея, выражавшее невинность, кротость и прососердечіе, сдѣлалось отъ того еще привлекательнѣе. Удивленная до крайности, она открыла во всю величину большіе глаза свои, и потчасъ опустила ихъ, вспрѣнивъ неподвижный и пронизательный взоръ *Жань-Жака*. Потомъ, надувшись, она провела рукою по вѣкамъ, какъ бы стыдясь выказать печаль свою, и наконецъ улыбнулась. *Руссо* не повторилъ вопроса своего, но дѣвушка, посмопря изъ подлобыя вокругъ себя, и увидя, что онъ все еще спюль возлѣ неѣ, — встала, поправила немного разстрѣвшившійся уборъ свой и, взявъ подъ руку великаго писателя, сказала, уводя его съ собою: «Я скажу вамъ, сударь, о чемъ я плакала... Кто не сдѣлалъ ничего худаго, тотъ можетъ говорить про печаль свою всякому... Не правда ли, что нѣтъ никого грѣха любить?... Но воцъ бѣда, нельзя любить, говорятъ, не испрося на то позволенія у родителей... А всегда, какъ нарочно, полюбишь безъ ихъ вѣдома.»

Въ эпитахъ немногихъ словахъ было столько прососердечія, столько истинной невинности, что философъ со вниманіемъ слушалъ дѣвушку и только посмапривалъ на нее съ коварною улыбкою. Но, чтобы дать болѣе свободы милой повѣсповательницѣ, которая почти упѣшила, найдя повѣреннаго для тайнъ своихъ, — онъ спросилъ еѣ: далеко ли домъ ея, и можетъ ли она проводить его труда, чтобы дать ему спаканъ свѣжаго молока, потому что онъ умираетъ отъ жажды и голода. — Дѣвушка отвѣчала, что домашніе ея рады будутъ такому дорогому гостю, — и они продолжали идти вмѣстѣ — она говоря безъ умолка, онъ слушалъ еѣ въ глубокомъ молчаніи. Дѣвушка сказала, что еѣ звали *Жоржеттою*, что она любитъ *Петра*, добраго, честнаго молодого крестьянина, который также любитъ еѣ всѣмъ сердцемъ, и сказалъ о томъ отцу ея, *Томасу*; но отецъ отказалъ на-чисто и не велѣлъ ей думать о *Петрѣ*, потому что *Петръ* не имѣетъ ничего, кромѣ прилежанія къ работѣ и хорошаго поведенія; а эпаго, говорилъ старикъ, въ нынѣшнія времена не довольно еще для того, чтобы жить безбѣдно и щасливо. Есть человекъ на свѣтѣ; — прибавила дѣвушка, — который бы могъ пособить намъ; — есть человекъ, сударь, сочинилъ прекрасныя книги, которые бапюшка читаетъ съ утра до ночи и говоритъ, что онъ безъ памяти любитъ его, хотя они никогда не видали другъ друга: надобно вамъ сказать, сударь, что бапюшка получилъ воспитаніе, хотя нельзя эпаго замѣнить. Онъ всегда говоритъ, что ни въ чемъ бы не отказалъ этому человеку, даже отдалъ бы за него дочь свою, если бъ онъ за неѣ посватался... Но мы никогда не будемъ имѣть щастія поклониться господину *Жань-Жаку Руссо*!

При эпомъ имени, произнесенномъ съ разстановкою и важнымъ голосомъ, *Руссо* тряхнулъ головою и сказалъ: *право!* такъ весело, что спущница его взглянула на него съ удивленіемъ.

«Ужъ не знакомы ли вы, сударь, съ эшимъ господиномъ,» сказала она, смотря пристально

на *Жанъ-Жака*.... «О! если онъ живепъ близко отсюда, позовите его къ намъ... Это былъ бы большой праздникъ для всей деревни нашей, и всё, отъ мала до велика, сбѣжались бы, чтобы посмотришь на него хотя одну минуточку.»

—Есть ли у васъ хорошее молоко?—прервалъ *Руссо*, опирая себѣ лобъ.—«Какъ же, сударь, есть.»—Что-жь; скоро ли мы дойдемъ?—«Да мы ужъ пришли, сударь.»

Она отворила дверь хижины своей, и спутникъ ея бросился на деревянную скамейку.

Старый *Томасъ* былъ дома, и *Руссо* нашелъ въ немъ человека почти благородной наружности, но съ выпянутымъ лицомъ и зашипанымъ носомъ, какъ у скупаго отца *Евгеніи Грандѣ*. Онъ искоса посмотрѣлъ на незнакомца, котораго, судя по поношенному кафтану темно-каштановаго цвѣта, нельзя было почесть богатымъ, и, пока дочь его ходила за молокомъ, подошелъ къ нему, съ намѣреніемъ начать допросные пункты, обыкновенно предлагаемые путешественнику недвѣрчивымъ хозяиномъ—споя на порогѣ дома или передъ очагомъ своимъ; но *Жанъ-Жакъ* предупредилъ его, зачавъ съ нимъ самъ слѣдующій короткій и жаркій разговоръ:

—У васъ есть дочь?—

«Я, сударь, и безъ васъ знаю это.»

—Она хороша, мила и добронравна.—

«А вамъ, сударь, какая до него нужда?»

—Красота ея дѣлаепъ вамъ честь.—

«Оспавыте, сударь, эту неумѣстную хвалу.»

—Её любяпъ, её обожаютъ нѣкоторые молодые люди.—

«Но она имъ не достанепся, сударь!»

Не смотря на бесполезность этого перваго намѣка, свать *Жанъ-Жакъ* не потерялъ бодрости, и спросилъ *Томаса*, согласился ли бы онъ на сватьбу дочери, по просьбѣ *Жанъ-Жака Руссо*?—*Томасъ* клялся въ безпредѣльномъ уваженіи своемъ къ безсмертному творцу *Эмиліи*—и увѣрялъ, что онъ почелъ бы себя щастливымъ, если бы могъ въ чемъ нибудь угодить ему.

—Когда такъ,—сказалъ съ живоспію повѣренный *Жоржетъ*: то я выигралъ пѣзбу—и вы должны подтвердить слова ваши на дѣлѣ. Я *Жанъ-Жакъ Руссо*.

Въ эту минуточку *Жоржета* принесла кринку молока, и, пока *Руссо* утешалъ голодь и жажду свою, вышла тихонько изъ хижины. Между тѣмъ *Томасъ* смотрѣлъ на знаменитаго гостя своего по съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ гордостію, по съ смѣшнымъ униженіемъ, и, почти лежа у ногъ его, просилъ прощенія. Это продолжалось съ четверть часа; они были одни; *Жанъ-Жакъ* съ жадностію ѣлъ черный хлѣбъ, а *Томасъ* глазами пожиралъ *Жанъ-Жака*. Вдругъ спарикъ вскочилъ, ударилъ себя по лбу, попросилъ гостя своего не уходилъ и опроремѣю выбѣжалъ на улицу. *Руссо* не слушалъ его и не видалъ какъ онъ вышелъ. Минуть черезъ двадцать онъ возвратился, запыхавшись, въ попу, но едва помня себя отъ радости. *Жанъ-Жакъ* не прогаля; онъ давно пересмалъ ѣсть и сидѣлъ въ глубокой задумчивости, положивъ руку на споль, а голову на руку, не видя и не чувствуя, что происходило вокругъ него. *Томасъ* споялъ у дверей и пропустилъ помстаго крестьянина, который, съ радостнымъ лицомъ, подошелъ, посмотрѣлъ приспально на философа и вышелъ; за нимъ слѣдовалъ и другой и третій, и пономъ вся деревня по очередно, что продолжалось очень долго, и въ продолженіе этого времени *Жанъ-Жакъ* сидѣлъ, устремля глаза на одно мѣсто и совершенно предавшись глубокой думѣ, что случалось съ нимъ очень не рѣдко. Наконецъ однакожь онъ вышелъ изъ забвенія своего, и примѣнилъ, что поселяне, уходя, клали деньги въ небольшой кожаный кошелекъ, лежавшій передъ нимъ на споль. Сначала онъ не понималъ, что всё это значило, но вдругъ, догадавшись, вскочилъ и повелительно далъ знакъ хозяину, чтобы онъ заперъ дверь хижины. *Томасъ* отъ спреха и спыда сдѣлался недвижимъ, какъ жена *Лотова*, по превращеніи въ соленую спашую.

—Благодарю покорно, сударь,—сказалъ ему *Руссо*: за безпредѣльное уваженіе ваше къ *Жанъ-Жаку*. Благодарю васъ за то, что вы

сдѣлали изъ него слона, обезьяну, великана, ученую змѣю, урода, съ двумя головами чудище, или дивнаго звѣря, которыхъ показываютъ за деньги! Я бы и даромъ показалъ себя энцикъ добрымъ людямъ, вышедши отъ васъ, если только вы не намѣрены заарестовать меня въ домѣ вашемъ, посадить меня въ желѣзную кляпку или въ спиклинку съ спиртомъ, и такимъ образомъ носить съ собою по городамъ и селеніямъ. Однако-жь эти деньги принадлежатъ мнѣ, я выработалъ ихъ и потому беру ихъ себѣ.—Онъ схватилъ мѣшокъ, къ стыду и опчаянію *Томаса*, и перещипалъ деньги.—Тутъ сто палеровъ, сказалъ *Руссо*, и я дарю ихъ *Петру*, съ пѣмъ, что-бы онъ женился на *Жоржетъ*. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней *Жоржета* вышла за *Петра*, и, благодаря скромности *Жанъ-Жака*, и молчанію, которое онъ наложилъ на всѣхъ пѣхъ, которые вдали деньги въ кошелекъ, молодая крестьянка никогда не знала объ эпомъ происшествіи, и во всю жизнь свою благословляла Женевскаго гражданина за свое щастіе.

Г.

ДЕСЯТИЛѢТНІЙ БАСЬ И ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ ДИСКАНТЬ.

Въ одной Нѣмецкой газетѣ увѣряють, что въ Москвѣ живетъ десятилѣтній мальчикъ, у котораго необыкновенно густой бась. Это бы еще ничего, замѣчаетъ издатель; но странно то, что пятидесятидвулѣтній отецъ этого дитяти поепъ прекраснымъ дискантомъ.

О Т Р Ы В К И

изъ Рвги профессора *И. И. Давыдова*, о содѣйствіи Московскаго Университета успѣхамъ Отецественной словесности.

1.

УЧРЕЖДЕНІЕ УНИВЕРСИТЕТА.

За восемьдесятъ предъ симъ лѣтъ, мудрый и благородный Русскій вельможа и санов-

никъ, незабвенный по любви къ наукамъ и покровительству ученымъ и художникамъ, разумѣвшій, что науками всѣ просвѣщенные народы превознесены и прославлены надъ живущими во тѣмъ невѣднѣи людьми, съ Высочайшаго соизволенія представилъ въ Правительствующій Сенатъ достопамятное и тогда непримѣрное мнѣніе о славы и благоденствіи Россіи (*). Сей незабвенный вельможа и сановникъ былъ *И. И. Шуваловъ*. Изобразивъ недоспадокъ благонадежныхъ наставниковъ, прешерпѣваемый родителями при воспитаніи дѣтей, и должномъ приговореніи ихъ на службу Царскую, указалъ онъ на будущіе плоды отъ учрежденія высшаго училища, когда довольно будетъ изъ природныхъ Русскихъ достойныхъ людей въ наукахъ, коихъ пребуенъ пространная Россійская имперія, къ разнымъ изобрѣтеніямъ сокровенныхъ въ ней вещей, къ исполненію начатыхъ предпріяній и къ учрежденію впредь по городамъ Россійскими профессорами училищъ, отъ которыхъ въ отдаленномъ простомъ народѣ суевѣріе, расколы и тому подобныя отъ невѣжества ереси истребятся.

Правительствующій Сенатъ нашель мнѣніе *Шувалова* полезнымъ по пѣмъ плодамъ, какихъ безъ сомнѣнія надлежало ожидать Россіи отъ сего важнаго дѣла, и всеподданнѣйше представилъ оное на Всевысочайшее благоусмотрѣніе. Всеподданнѣйшій докладъ Сената, объ учрежденіи Московскаго Университета, Ея Императорскимъ Величествомъ, Всемилостивѣйшею Государынею Императрицею *Елисаветою Петровною* Высочайше утверждень 1755 года въ 12 день Января. Въ сей день рожденія перваго Русскаго Университета, въ сей достопамятнѣй день для испоріи ума человѣческаго, Повелительница милліоновъ изрекла: «да будетъ свѣтъ, и бысть.»

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

(*) Высочайше утвержденный проэктъ объ учрежденіи Московскаго Университета 1755 г. Января 12-го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

90.

(Окончаніе.)

Голубчикъ мой!

Въ No 6-мъ Телескопа, на 1836 издаваемаго, на страницѣ 155-ой и слѣдующихъ, нашъ степенный рецензентъ (г. *Бѣлинскій*) доказывалъ намъ, что у насъ нѣтъ поэзіи по-тому, что у насъ еще нѣтъ своего *Русскаго самобытнаго и самообразнаго мышленія*, что поэзіи нѣтъ еще у насъ не только въ письменныхъ, но даже въ дѣйствіяхъ, въ житейскихъ отношеніяхъ, въ нашихъ общественныхъ правахъ.—«Что наша жизнь, что наша общественность?» восклицаетъ онъ: «Либо глубокий, неподвижный сонъ, либо жалкая игра Кипайскихъ бездушныхъ пѣней. Поэзія нравовъ состоитъ въ ихъ живомъ, искреннемъ, самообразномъ развитіи: она невозможна безъ сильныхъ, глубокихъ спрасей, вызванныхъ со дна души, не внѣшнимъ давленіемъ ращѣповъ, но избыткомъ внутренней полноты, пробивающейя, подобно горному ключу, сквозь каменные ребра холодной наружности (1).»

Примѣчаніе. Замѣтите, что г. *Бѣлинскій* усиливается доказать, что у насъ нѣтъ еще поэзіи, потому, что нѣтъ спрасей, что Русская жизнь суха, пуста, что нравы наши безцѣпны.

Въ томъ же номерѣ, только нѣсколько повыше, именно на страницахъ 149-ой и 150-ой, томъ же г. *Бѣлинскій* оплакиваетъ кончину *Русской поэзіи*, и уже не утверждаетъ, что у насъ нѣтъ поэзіи, а спрашиваетъ у своего друга: куда дѣвалась наша поэзія? И самъ, вмѣсто его, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ письмомъ: «Ты, конечно, не забылъ пѣхъ сладкихъ, поэтическихъ минулъ жизни, когда мы въ юношескихъ мечтахъ все молодили вокругъ себя, все обливали радужнымъ блескомъ, всему вдыхали вѣвжую, могучую жизнь, во все вѣрили, все

го надѣялись, все любили. То было время золотое, время безцѣпное: румяное упрочиспой, дѣвственней мысли, благоуханная весна юнаго, разцвѣтающаго чувства! О, какъ дорого заплапиль бы я пеперь за одно изъ эпихъ свѣплыхъ мгновеній, съ какою жадностью бросился бы на встрѣчу всякой бывлой мечтѣ, какъ оппраздновалъ ея мимолетное возвращеніе! Но нѣтъ! я обманываю самъ себя.

Да! я поспигаю пеперь сердцемъ безконечное поэтического опчаянія *Жуковскаго*, которое понималъ только воображеніемъ;» восклицаетъ г. *Бѣлинскій*: «Я могу пеперь сказать съ нимъ изъ глубины души:

Пустынный край не населится!
Не узришь онъ минувшихъ дѣтъ!

Ужъ нѣтъ ея, сей вѣры милой,
Къ швореньямъ пламенной мечты!

Добыча испины унылой

Призраковъ прежнихъ красоты!

И такъ, у Русскихъ есть спраси, есть спраспные спихи, доспойные того, что нашъ рецензентъ ихъ выписалъ.

Въ другой книжкѣ, г. *Бѣлинскій* опзываетъ о *Пушкинѣ*, что—«его одного можно назвать поэпомъ-художникомъ, и не ошибисья, что онъ вмѣсто того, чтобы писалъ громкія и шоржественныя оды на современныя событія, обыкновенно или теряющія свою прелестъ для попомства (2), или представляющія ему въ другомъ свѣпѣ, спалъ говорить о чувствахъ общихъ, человѣческихъ, вслми болѣе или менѣ доступныхъ, вслми болѣе или менѣ испытанныхъ.»

Примѣчаніе. Изъ всего этого должно заключить, что чувства (спрасть есть чувствованіе въ сильной степени), доступныя вслми (людямъ), испытанныя вслми (смертными), не чужды и намъ, Россіянамъ; ибо и они люди; и они чловѣки, и они смертные.

(2) Еслибъ *Гомеръ* послушался г. *Бѣлинскаго*: то не написалъ бы *Илліады*, *Пиндаръ* своихъ пламенныхъ одъ, *Соболь* своихъ безсмертныхъ трагедій. Мы были бы лишены *Мольеровыхъ* комедій, *Виргиліевыхъ* поэмъ, многихъ одъ *Ломоносова*, *Державина*, *Жуковскаго* и *Пушкина*. Можно бы посоветовать г. *Бѣлинскому* завести контроль для повѣрки того, что онъ такъ многоводно пишеть.—К.

(1) Развѣ шпурмъ Ахалциха, шпурмъ Варшавы, Памлшникъ *Петру I*, Колонна Императора *Александра*, Послѣдній день Помпей, кисти *Брюлова*, Домъ Академіи Художествъ, Царскосельскій садъ, Петергофскій праздникъ, Соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній, Парадъ гвардіи, не поэзія, не самая высокая поэзія?—К.

Такъ вездѣ самъ себя пропиворѣчишь,
самъ пропивъ себя ополчаешься, самъ съ соб-
спивенными мнѣніями сражаешься и самъ ихъ
опровергаешь, побѣждаешь, уничтожаешь
и, черезъ минупу, опять возстановляешь.

(Дополненіе въ слѣдующеемъ листкѣ.)

А. Кораблинскій.

27-ое Юня

1856.

Село Рыбацкое.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

...МУ, СЕРДИВШЕМУСЯ НА РЕЦЕНЗЕНТА
СВОЕЙ ПОЭМЫ: *СТРАШНЫЙ СОНЪ.*

Не ты, но кришишь въ дуракахъ;
; Тебѣ-ль слова ея досадны?
Онѣ складу ждалъ въ твоихъ спихахъ;
'Когда же сны бывають складны?

Фонз-Бейеръ.

Въ No 67-мъ, помѣщенный логорифъ значить: *Carême*,
въ коемъ заключается: *crème, rame, arme, race, mer,*
mère, mare, âme, are, acre, marée и *carême*.

М О Д Е С.

Le costume de baigneuse est un peignoir en mousseline-laine très fine, blanc ou de couleur, des espèces de petits serre-têtes en batiste, sans autres garnitures qu'une dentelle cousue à plat sur les bords et autour de deux longues barbes qui reviennent faire un vœud sur le milieu de la tête. En sortant du bain, la toilette la plus simple est celle de meilleur goût: aux eaux comme partout, les femmes de la bonne compagnie ne se parent jamais le matin; une redingote de jacon, de mousseline anglaise à rayures mates sur clair, de belle mousseline imprimée à petits dessins de couleur, sont les seules robes que l'on porte; les pèlerines doivent être fort grandes, afin de dispenser de mettre un corset, si l'on se sent d'une humeur paresseuse. Le soir ramène les jolies et légères parures de l'été dans tout leur luxe de simplicité élégante: ce sont les robes d'organdi, brochées et brodées; tous les ornemens que comporte la saison, les fleurs, des gazes; enfin ce sont

les salons de Paris au mois de juillet, si les salons de Paris avaient un mois le juillet!

Les eaux ne sont pas les seuls plaisirs de la saison car, disons-le sans crainte d'être désavouées, les eaux; sont beaucoup plus un plaisir qu'un remède, ce qui prouve qu'il y a heureusement beaucoup plus de gens ennuyés que de malades. Comme je le disais, il est d'autres plaisirs, et, dans les environs de Paris, on s'amuse tout autant que si on en était à deux cents lieues. Dans les châteaux, la mode de la *comédie bourgeoise* est devenue une fureur, et l'on sait l'occupation que donne une semblable entreprise.

Pl. No 24. Costumes des ateliers de M. Humann.

М О Д Ы.

Коспюмъ для купанья соспоишь въ пенбуарѣ изъ весьма тонкой шерстяной кисеи, бѣлой или цвѣтной, баншиповомъ небольшомъ *serre-tetes*, обшитомъ владъ кружевцомъ по краю и около двухъ длинныхъ лоносней, завлзывающихся спереди баншомъ. Выходя изъ ванны, въ лучшемъ вкусѣ самый проспой нарядъ. На водахъ, какъ и вездѣ, дамы хорошаго обществѣ никогда не наряжаются упромъ. Вошь платьѣ въ наибольшемъ употребленіи: *жаконешовые рединготы*, изъ Англійской кисеи, съ маповыми полосками по прозрачному, красивыя печатныя кисеи съ мелкими цвѣтными узорами: пелеринки должны бытъ чрезвычайно велики, чшобъ можно было не надѣвать корсета, если нѣтъ желанія. Съ вечеромъ возвращаются красивые и легкіе дѣшніе наряды во всей роскоши щеголеватой проспосты: платьѣ органди, зашканныя и вышитыя; всѣ украшенія, приличныя времени года; словомъ, эпо Парижскія залы въ Іюль мѣсяцѣ, если бы Парижскія залы имѣли Іюль мѣсяцъ!

Воды не соспавляютъ всѣхъ удовольствій эпо времени года, потому что, скажемъ не опасаясь возраженія воды, онѣ болѣе удовольствіе, нежели лечение, что доказываетъ, что по щаспію болѣе людей скучающихъ, нежели больныхъ. Какъ мы уже говорили, есть другія удовольствія, и въ окрестностяхъ Парижа веселятся почно какъ за двѣсти миль отъ онаго. Въ замкахъ, мода на мѣщанскія комедіи дошла до изспупленія. Легко можно понять занятіе, доставляемое такимъ предпріятіемъ.

Карш. No 24. Мужскіе коспюмы.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 69.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 каршинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Августа 26 дня 1836 года.

Родисься, живи и умереть,
Есть тихіе брега покинуть для волненья,
Борисься съ бурями, вездѣ погибель зрѣшь,
И бросишь якорь свой у приспани забвенья.

В.

СЛОВЕСНОСТЬ. БЕЗСОННИЦА.

Сердце сокрушено и смиренно
Богъ не уничтожитъ.

(Дав. пс. L.)

Ахъ! безсонница ужасна, когда печаль
раздираетъ душу и никакаѣ утѣшительная
мысль не успокоиваетъ воображенія; когда
голова ваша горитъ, и всѣ думы ваши такъ
тяжело, такъ сильно ударяютъ въ неѣ, что,
кажется, будто она сей часъ лопнетъ и рас-
падетъ на части! — Тоска души, не облег-
чаемая слезами, не можетъ сравниться ни
съ какимъ мученіемъ; горестъ любимъ сле-
зы; онѣ повѣренныя спраданій нашихъ; онѣ
убаюкиваютъ, усыпляютъ насъ, какъ еди-
нообразная и унылая пѣсня надъ колыбелью
дѣтяти! Но цѣлая ночь безъ сна! цѣлая
ночь безъ слезъ,—о, это спрашная, адская
пышка испызаемаго преступника!

«Я испышала еѣ,» говорила *Изелда*: «и на
другой день лицо мое уподоблялось нивѣ,
опустошенной пламенемъ. — Каждый часъ
спраданія оставилъ на немъ свой глубокій,
неизгладимый слѣдъ, свою огненную поло-

су — и багровый цвѣтъ щекъ моихъ, казалось,
сохранялъ еще оппечатокъ недавняго пожара.

«Я такъ спрала въ эту ужасную ночь,
что тысяча противоположныхъ идей пол-
пились въ головѣ моей и быспро смѣняли
одна другую. Ахъ! въ нѣсколько часовъ я
передумала столько, сколько другой не пе-
редумала бы, можетъ быть, въ цѣлую жизнь
свою!

«Воображеніе мое, надъ копорымъ воли
не имѣла уже власпи, дѣйствуя вопреки ме-
ня самой, переносилось въ давнопрошедшіе
дни первой моей молодости, и, лежа въ ло-
спель, я смопрѣла неподвижными глазами
на бѣлый занавѣсъ, на копоромъ рисовались
тѣни милыхъ сердцу моему; я перечла тѣхъ,
копорыхъ нѣтъ уже на свѣтѣ — и ужасну-
лась; рѣсницы упали мнѣ на глаза и, каза-
лось, сожгли ихъ; боясь глядѣть, я слышала
вокругъ себя голоса всѣхъ умершихъ по-
другъ моихъ: онѣ говорили со мной какъ
вспарину и кликали меня тѣмъ дѣвическимъ
именемъ, которое носила я въ злые годы
щастія моего, когда онъ произносилъ его съ
любовью.

«Но, ахъ! среди всѣхъ эпитихъ голосовъ, недоставало *его* голоса; онъ одинъ могъ уладить мою бессонницу, и ночь мученій превратить въ ночь любви!—Я слушала, спараясь позабыть несносное жужжаніе всѣхъ эпитихъ смѣшанныхъ отголосковъ, отъ которыхъ кровь приступала мнѣ къ головѣ и виски страшно бились. Мнѣ казалось, что еслибъ удалось мнѣ прогнать ихъ отъ себя, то тогда онъ возникъ бы изъ тишины и молчанія, и тайношвеннымъ шопотомъ своимъ укрошилъ палившую меня горячку. Но нѣтъ; я не слыхала его — и, наконецъ, вскочила съ кровати, чтобы бѣжать отъ эшаго невыразимаго шуму, въ которомъ скоро нельзя было опличить ни одного опредѣленнаго звука; шуму, которому нѣтъ имени, который существуетъ въ одномъ воображеніи, и, проникая во всѣ жилы, страшно волнуешь чувства.

«Я отворила окно; воздухъ былъ тяжель и душенъ. При блѣдномъ свѣтѣ заходившей луны, я смотрѣла на *сплщую столицу*—и не чувствовала облегченія; зелень роши или видъ опкрыпаго поля могли бы можеть освѣжить голову мою и усмирить раздраженныя мои нервы, но пыльные кровли города, но мрачныя стѣны его, которыя заключаютъ въ себя столько нищеты и гнуснаго разврата, не разсыали, а еще умножили поску души моей.

«Ахъ! на лонѣ природы, сердце мое призвало бы на помощь всю прежнюю вѣру свою, и пламенный порывъ его къ Создателю, укрошилъ бы бореніе страстей моихъ,—изъ которыхъ каждая раздирала душу мою, какъ раскаленное желѣзо раздираетъ члены. Но нѣтъ, Богъ обипааетъ въ сумракъ лѣсовъ, на вершинахъ горъ и утесовъ, среди луговъ, испещренныхъ цвѣтами! Онъ говоритъ съ нами въ дуновеніи вѣтерка, въ прескѣ грома, въ пѣніи пшички, скрывающейся подъ листьями; но око Его отвращено отъ гордыхъ столицъ порока, великій духъ Его не паритъ надъ созданіями суеты челошческой!

«Спукъ отдаленной карепы сказалъ мнѣ, что вокругъ меня царствовало веселіе—и мнѣ показалось, что люди издѣвались надъ моею горесшью, какъ будпо они могли уга-

дать, что въ эту ночь одна нещасная спрадалица помилась бессонницею! Я прислонила голбу къ ршешкѣ окна—и холодъ желѣза приступилъ спремленіе мыслей моихъ и повергъ меня въ какую-то безчувственность, похожую, я думаю, на то состояніе, въ которомъ находится пѣло по оплученіи души;—эша минуша была для меня единственною минушою успокоенія.

«Но скоро голова моя запылала опять и жизнь возвратилась ко мнѣ со всѣмъ прежнимъ мученіемъ. Луна давно сошла съ горизонта, звѣзды на темномъ небѣ блиспали еще ярче и пробудили во мнѣ спранныя мысли.—Мнѣ казалось, что въ каждой изъ нихъ я вижу всѣ дни жизни моей, отъ самаго моего рожденія; я щипала ихъ шамъ съ какимъ-то испушеннымъ вниманіемъ, отъ котораго ничто не въ состояніи было опвлечъ меня.—Но когда число ихъ умножилось, когда всѣ помушилось въ умѣ моемъ, и мысли мои смѣшались такъ, что я не могла найти первой, отъ которой родились всѣ прочія, тогда разсудокъ совершенно опсавилъ меня, и я въ безпамашспвѣ, въ бѣшенспвѣ, ломая себя руки, — бѣгала по комнатамъ и прыгала,—о! я съ ума сошла! я сумасшедшая!

«Можетъ быть, я бы и подлинно лишилась навсегда разсудка, если бы вдругъ сонный ребенокъ мой не позвалъ меня; эшопъ крикъ младенца, который сильнѣе самой совѣспи говоритъ чувству, былъ для меня вѣспникомъ пробужденія. Я подошла къ колыбели прехъ-лѣшняго сына моего, и смотря на ангельское спокойствіе, которымъ дышало свѣжее его личико, на полныя алыя щечки, на которыхъ мелькали слѣды улыбки,—на эшо невинное, молодое чело, не помраченное еще никакою пляжкою мыслию, я почувствовала сладкое умиленіе, и слезы, какъ благодѣтельная роса, полились изъ глазъ моихъ.

«Бросаясь на колѣна у эшой пшхой колыбели, которая была для меня ковчегомъ спасенія, я просила Бога проспшить безумный ропотъ мой, шѣмъ болѣе прѣступный, что милосердіе его дало узнать блаженство мапері. Ахъ, проклиная жизнь, я забыла, что отъ неѣ зависѣла жизнь другаго суще-

ства, и что мать не должна быть женщиной!

«Сжавъ въ моей рукѣ руку ребенка моего, я дерзнула молишь Творца, чтобы онъ упустилъ въ сердце моему пресступную любовь, и Провидѣніе сжалилось надъ невиннымъ младенцемъ и слабою женщиною; скоро опягченная голова моя склонилась на изголовье, возлѣ сына моего,—и солнце было уже высоко, когда маленькіе его пальчики, зашевелились въ волосахъ моихъ, пробудили меня.»

А.

ПАРИЖСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Г-нъ *Шатобрианъ* рѣшился, наконецъ, напечатать Записки свои, и лишь только узнали о томъ въ Парижѣ, то потчасъ явилась къ знаменитому писателю толпа книгопродавцевъ, для покупки его манускрипта.—Записки г. *Шатобриана* заключаются въ 6-ти томахъ, изъ которыхъ выйдутъ каждый разъ по два.—Въ этомъ сочиненіи не соблюдено никакого хронологическаго порядка, и книга, въ которой говорится о Испанской войнѣ и о министерствѣ 1822 года, явится въ свѣтъ первая.—Г. *Шатобрианъ* продалъ манускриптъ свой въ вѣчное владѣніе за 150 т. франк. Сверхъ того, онъ выговорилъ себѣ 12 т. франковъ въ годъ до окончанія изданія и по 25 т. фр. ежегоднаго дохода для супруги своей — щипая съ 1829 года.

Т.

СТАТИСТИКА МАСЛЯНИЦЫ.

Одинъ изъ первыхъ Парижскихъ щеголей, который говоритъ о спатиспикѣ за кулисами оперы, какъ г. Карлъ *Дюпенъ* толкуетъ объ оперѣ въ Академіи Наукъ, счелъ недавно, что въ Парижѣ, во время масляницы, дано 20,300 баловъ всякаго рода, включая въ это число и Тюльерійскіе большіе рауны и мѣщанскіе балы въ пражкирахъ. Глубокій спатиспикъ нашъ полагаетъ сумму издержекъ на всѣ эти увеселенія, по крайней мѣрѣ, до 7 миліоновъ франковъ. Онъ вычислилъ, что въ одномъ Торпони

вышло 100,000 порцій мороженаго; что пѣвчичицы продали слишкомъ на 100,000 фр. свѣжихъ букетовъ; *Бабинъ* и другіе костюмеры продали и отдали на прокатъ на 300,000 франковъ масокъ и разнаго маскараднаго платья; касательно же доходовъ, полученныхъ артистами, то одинъ *Мюзаръ* выручилъ 20,000 фр. — И шакъ, вошь бюджетъ нынѣшней масляницы—и надобно признаваться, что всѣ эти суммы употреблены какъ нельзя полезнѣе!

Т.

ВѢЖЛИВАЯ СТРОГОСТЬ ВРАЧА.

Когда *Лудовикъ XV*, находясь въ Мецѣ, занемогъ, то одинъ изъ лейбъ медиковъ явился къ нему съ лекарствомъ, которое больной съ оштрашеніемъ општолкнулъ и не хотѣлъ принять. Медикъ просилъ, уговаривалъ, увѣрялъ въ несомнѣнной пользѣ лекарства, но щещино! «Я этаго непремѣнно пребую!» вскричалъ наконецъ смѣлый сынъ *Гиппократа* важнымъ голосомъ. Сей повелительный тонъ изумилъ короля; онъ грозно взглянулъ на безспрашнаго врача, и сказалъ: Ты пребуешь? — «Точно шакъ, Ваше Величество, я этаго пребую,» оплѣчалъ врачъ со всею опкровенностію: «сегодня я долженъ повелѣвать вами, дабы мы еще долго могли пользоваться щастіемъ повиноваться вашимъ повелѣніямъ.» Король немедленно принялъ лекарство.

ЧИСЛО ЖИТЕЛЕЙ ЗЕМНАГО ШАРА.

Народонаселеніе всего Земнаго шара полагается въ 630 миліоновъ.

Изъ нихъ:

Въ Европѣ	170,000,000.
— Азіи	330,000,000.
— Африкѣ	70,000,000.
— Америкѣ	40,000,000.
— Австраліи	20,000,000.

Въ Европѣ родится:

Въ годъ	6,371,370 младенцевъ.
— день	17,453 — — —

Въ часъ	727	младенцевъ.
— минушу	62	— — —
— секунду	1	— — —

Во всѣхъ часпяхъ Свѣта родился:

Въ годъ	25,407,407.
— день	78,202.
— часъ	2,672.
— минушу	445.
— секунду	7.

ДЕШЕВЫЕ ОБОИ.

Стѣны въ кабинетѣ философа *Канта*, опъ пыли и пабашнаго дыма, покрылись сѣрымъ цвѣшомъ. Когда *Гиппель* и *Шефнеръ* однажды поѣспили его: по *Шефнеръ* въ задумчивости провелъ нѣсколько разъ пальцемъ по стѣнѣ, опъ чего обнаружилась нижняя бѣлая краска. Философъ съ негодованіемъ сказалъ ему: Другъ мой, зачѣмъ очищаешь пы ржавчину древности? Эпи обои, образовавшіеся сами собою, не лучше ли покупныхъ?— По крайней мѣрѣ онѣ дешевле!» отвѣчалъ *Гиппель*.

О Т Р Ы В К И

изъ *Речи профессора И. И. Давидова, о содѣйствіи Московскаго Университета успѣхамъ Отецественной словесности.*

2.

ЦѢЛЬ УНИВЕРСИТЕТА.

Наблюдая судьбу государствъ, по слабѣющихъ и падающихъ, по возникающихъ и возвышающихся, при безчисленныхъ измѣненіяхъ ума, воли и чувства, видимъ постоянное стремленіе человечества къ этой единой цѣли. Одинъ народъ, завѣщавалъ другому свои мысли, дѣянія и чувствованія, всегда открываетъ какую-либо сторону основныхъ нашихъ идей, знаменія человеческого достоинства. Эта духовная жизнь человечества, выражающаяся въ наукѣ и искусствѣ, никогда не гибнущая, вѣчно юная, какъ огонь священный, сохраняется посредствомъ слова, передаваемого изъ страны въ

страну, изъ рода въ родъ. Въ древнемъ мірѣ могущественное слово хранили мудрецы; въ мірѣ новомъ его хранятъ цѣлыя сословія ученыхъ. Въ мірѣ древнемъ мудрецъ повѣрялъ науку и искусство своимъ ученикамъ— послѣдователямъ; въ мірѣ новомъ ученый передаетъ завѣщанное сокровище мысли Академіи и Университету. Обозрите вокругъ себя улучшение городовъ, образование обществія, творческія произведенія слова: вы убѣдитесь, что все это исскается изъ пѣхъ храмовъ наукъ, копорымъ ученые всю жизнь свою посвящаютъ; опсюда въ чародѣйственномъ словѣ проливается свѣтъ истины, блага и изящества. Академія и Университетъ въ исторіи человечества представляютъ торжественное зрѣлище силы мысли, повѣщающей стихіями, укрощающей спраспи, оживляющей холспъ и мраморъ. Для вѣрнѣйшихъ успѣховъ, академики и профессеры издавна раздѣлили между собою ученые труды: одни разсмаприваютъ опдѣльно Творца и различныя стороны природы и человека; другіе наблюдающъ всю безпредѣльную природу, всю глубину человека въ совокупности. Академіи разрабатываютъ науку или искусство, и взаимно сообщаютъ труды свои не рѣдко на языкѣ мертвомъ; Университеты, храня и умножая ввѣренное имъ умственное богатство, дѣлятся имъ съ другими въ живомъ словѣ. Общее достояніе человечества—знанія церелишь въ слово того или другаго народа, и содѣйствовать его образованности: таково назначеніе Университетовъ. Эпою истинной глубоко проникнутой божественной Преобразитель нашъ, желая возжечь священный огонь науки въ возлюбленной для него Россіи, совѣщался съ *Лейбницемъ*, представителемъ современныхъ ученыхъ: и небесная мысль *Петра* осуществилась волею Августѣйшей Его Супруги и Августѣйшей Его Дщери. Новая наша умственная жизнь возродилась въ С. Петербургской Академіи и въ Московскомъ Университетѣ.

Дабы видѣшь высокое назначеніе Московскаго Университета не только для отечественнаго слова, но и вообще для отечественнаго просвѣщенія, надобно вспомнить,

въ какомъ состояніи находилась Европа, когда Россія выведена была *Петромъ* Первымъ изъ Азіатскаго жокоя на поприще Европейской дѣятельности, и съ какими умственными силами выпустила она на новый подвигъ. Въ Исторіи Словесности, равно какъ и въ Исторіи судебъ человечества, каждый народъ выполняетъ назначеніе свое, спремится къ осуществленію мысли, по волѣ всемогущаго Промысла, въ духъ его плещейся. Различныя эпохи Словесности каждаго народа представляютъ различныя формы тѣхъ идей, къ развитію которыхъ онъ призванъ. Орудіемъ къ этому осуществленію идей служитъ слово, которое совершенствуется вмѣстѣ съ успѣхами народнаго образованія; самопознаніе въ народѣ, выраженное словомъ, заключается въ народной Словесности. Въ ней его и умъ, и воля, и чувство; въ ней всѣ споры вѣчной мысли, открытыя народомъ. Слѣдовавъ за теченіемъ какой-либо Словесности, значитъ наблюдать развитіе всѣхъ элементовъ умственной дѣятельности, согласно съ духомъ времени и подъ вліяніемъ извѣстныхъ народовъ и лицъ, представившей человечества. Такъ и намъ различныя эпохи опечесвленной Словесности можетъ объяснить единственно состояніе умственной жизни Европейской и опечесвленной, зрѣвшей вмѣстѣ съ умственной жизнью народовъ, преимущественно дѣйствовавшихъ на наше образованіе.

Въ *Петра* Великаго, разсматриваемый въ отношеніи религіозномъ, гражданскомъ и ученомъ, представляется замѣчательнѣйшимъ вѣкомъ: имъ, говоритъ одинъ современный писатель, рѣшена послѣдняя плѣба новаго времени съ предъидущими вѣками.—Въ эпоху вѣкъ, на Западѣ, во всѣхъ состояніяхъ разительнo измѣнился прежній порядокъ дѣлъ, измѣнились прежніе нравы, оставили землю прежнія доблести, начали появляться совершенно новыя идеи. Тогда вышли на позорище міра сильные народы, прежде неизвѣстные, и слабый, одряхлѣвшій Югъ преклонилъ главу предъ бодрымъ и свѣжимъ Северомъ. Свѣтъ науки, нѣкогда озарявшій Востокъ и Югъ, долго блиставшій на Западѣ; загарделя упреннею зарею

въ спранѣ полночной. Гордый разумъ человека, неруководимый свѣтомъ Божественнаго Опкровенія, своимъ только опытомъ проникалъ существо вещей, созидалъ новыя знанія, искалъ простѣйшихъ основаній—и, слѣпо очарованный собою, падалъ подъ бременемъ предразсудковъ, опушывалъ себя заблужденіями. Допышиваясь сокровенныхъ тайнъ природы, въ забвеніи высокаго назначенія своего, человекъ, омрачивъ свой образъ и подобіе Божества, воскурялъ жертвы чувственности, отказался отъ души своей, возносящей его надъ всѣмъ твореніемъ Божиимъ. Въ умственномъ наслѣдіи, которое завѣщали оснадцатому вѣку предшествовашіе вѣка, шестнадцатый и семнадцатый, видимъ одно смѣлое обобщеніе знаній. Вѣкъ разрушенія не питалъ жизни искусства, въ особенноти Поэзіи, эпоха крина, цвѣтущаго въ обществѣ благоустроенномъ и счастливомъ, и вянущаго отъ плѣтвеннаго дыханія умовъ и пыла кипящихъ спраспей. Человекъ, подчинивъ духъ свой чувственности, и въ искусствѣ подражалъ вѣтшей природѣ, въ ней хотѣлъ возсоздать міръ изящнаго, похоронилъ въ себѣ самомъ небесный идеаль. И умолкла гармонія неба и земли, выражающаяся въ искусствѣ. Одна Германія давала приютъ Поэзіи; она только извлекала пѣсни изъ священной лиры, завѣщанной ей реформаціей; она переселила въ свои старые замки доблести среднихъ вѣковъ. Характеръ оснадцатаго вѣка выразился преимущественно въ помѣ народъ, который, и по обольстительной образованности своей, и по всемірности языка, былъ почтымъ его исполнителемъ: ему вполне соопѣтствовалъ характеръ Французовъ. Изъ Франціи исходили ученія, занимавшія Европу; во Франціи совершались новыя ученые труды, узаконялись старые, и опполъ повсюду распространялись. Прочія спраны, какъ покорныя даницы, въ покоѣ безмолвствовали, и подносили наставницъ своей дары всѣхъ царствъ природы и всѣ прибрѣпенія ума.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

90.

(Дополненіе.)

Въ литературной жизни видимъ множество людей съ гениемъ безъ разсудка, съ разсудкомъ безъ гения.

Edinburgh Review.

Мы видѣли, что г. *Виссаріонъ Бѣлинскій* восклицая: Гдѣ у насъ поэзія? У насъ нѣтъ поэзіи! Нѣтъ спраспей, а спраспишки! опыскаль однакожь подѣ Свѣрнымъ небомъ нашимъ *девять* пламенныхъ пѣснопѣвцовъ, съ мыслями глубокими, могучими, поэтическими, съ сильными, высокими чувствованіями. Онъ наименовалъ ихъ: *Пушкинъ, Жуковскій, Грибоедовъ*, споянъ въ передней ширенгѣ; *Козловъ, Подолинскій, Веневитиновъ* и *Ө. Н. Глинка* во второй; *Языковъ* и *Хомяковъ* въ прешей (1).

Перерывая хламъ въ углу чулана, для опысканія нечаянно выкинутой шуда записки, нашель я—чудомъ уцѣлѣвшую сорокъ девятую книжку 1834-го года *Телескопа*, неразрѣзанную и никѣмъ непрогнанную. Я надѣль перчашки, выбилъ изъ неѣ пыль, вынесъ еѣ на свѣтъ Божій, разрѣзалъ листы и, перебравъ ихъ, открыль, что г. *Бѣлинскій*, кромѣ вышепоименованныхъ девяти писателей, произвелъ въ дѣйствительные поэты (2) и внѣсь въ свой Адресъ-календарь *И. И. Дмитріева*, сдѣлавъ при его имени слѣдующую опмѣшку:

«Онъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи преобразователь стихотворнаго языка, и его сочиненія, до *Жуковскаго* и *Батюшкова*, справедливо почитались образцовыми. Впрочемъ, его поэтическое дарованіе не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Главный элементъ его таланта есть остроуміе; поему *Чужой толкъ* (3) есть лучшее его произведеніе. *Басни* его прекрасны; имъ недостаетъ только народности, чтобъ быть совершенными (4). Въ сказкахъ же *Дмитріевъ* не имѣетъ соперника. Кромѣ сего, его талантъ возвышался иногда до лиризма, что доказывается прекрас-

(1) *Телескопъ*, No 6, 1836-го года, стр. 234 и 235.—К.

(2) Тамъ же, страницы 371, 372, 373.—К.

(3) Мы предпочитаемъ ему *Приудницу*.—К.(4) А у *Крылова* басня часто переходитъ въ сатиру.—К.

нѣмъ его произведеніемъ *Ермакъ* (5), и особенно переводомъ, подражаніемъ или передѣлкою (назовише какъ угодно) піесу *Тете*, которая извѣстна подѣ именемъ *Размышленія по случаю грома*.»

Вотъ вамъ и *десятый* родной пѣснопѣвецъ! Найдешся и *одиннадцатый*, по милости г. *Бѣлинскаго*; только

Не ахайте о немъ и не смущайте духъ!

И *Крыловъ*.... Да! Баснописецъ *Иванъ Андреевичъ Крыловъ* причисленъ къ лику истинныхъ поэтовъ. Кпо бы могъ ожидать эшаго послѣ того, какъ достойный сотрудникъ г. *Надеждина* самовластительною десницею вычеркнуль изъ списка поэтовъ имя *Державища*.

«*Крыловъ* возвелъ у насъ *Басню* до нес plus ultra совершенства. Нужно ли доказывать, что это *гениальный* поэтъ *Русскій* (6), что онъ неизмѣримо (7) возвышается надъ всеми своими соперниками? Кажется, въ эпозъ никто не сомнѣвается. Замѣчу только, впрочемъ не я первый, что басня опъ того имѣла на Руси такой чрезвычайный успѣхъ, что родилась не случайно, а въ слѣдствіе нашего народнаго духа, который спрахъ какъ любить побасенки и примѣненія. Вотъ самое убѣдительнѣйшее доказательство того, что литература должна быть народною (8), если хочеть быть прочною и вѣчною! Вспомнише, сколько было у иностранцевъ неудачныхъ попытокъ перелести *Крылова* (9). Слѣдственно, пѣ жестоко ошибаются, которые думаютъ, что только рабскимъ подражаніемъ иностранцамъ можно обратише на себя ихъ вниманіе (10).»

(5) И одами *На Освобожденіе Москвы* и *На взятіе Варшавы*—К.

(6) И такъ, въ переднюю ширенгу его!—К.

(7) «У насъ шупише не любяшъ; какъ примупся хвадише, такъ, какъ разъ въ боги зашишупъ и храмъ соорудяшъ.» *Бѣлинскій*. Т. 1836, No 6, стр. 234.(8) Никто въ эпозъ не сомнѣвается. Вольно господину сотруднику г. *Надеждина* вообразише себѣ эпо—и проповѣдоваше народность поэзіи; вольно ему о самородномъ, народномъ, богатырь-поэтѣ *Державинѣ* думать, что будпо бы онъ находился подѣ вліаніемъ современной ему учености, раздѣляя вѣрованія и мнѣнія своего времени объ условныхъ шворчествахъ и, на зло своему гению, всю жизнь свою шель по ложному пути. Вольно ему, вольно ему, вольно ему. bis.—К.(9) И *Державина!* — К.(10) Нѣ одинъ Россіянинъ такъ не мыслитъ!... Въ какомъ мѣрѣ живеть г. *Бѣлинскій*? Гдѣ опыскиваетъ онъ

И *Озеровъ* подошелъ подъ милоспивый манифестъ самовласнаго калифа нашей липературы.... Котораго бишь? Да претпьяго изъ эпои динаспи судей, копорые судяптъ и рдяптъ, незваные, непрошеные. Эпу динаспию основалъ Н. А. *Полевой*, всесокрушителъ лъпописей, испори; *второй* О. И. *Сеньковский*, копорый распроспранилъ гоненіе и на иноспранныхъ знаменипыхъ мужей: на *Гулболъта*, *Гёте*, каписпана *Парри*, *Кювье*, *Шалполіона*, *Щатобриана*, *Лалмартина*, *Канта*, *Шелинга*, *Бальзака*, *Виктора Гюго*, *Казилира Дё-ла-Вилля* и прочая, и прочая, и прочая. Н. А. *Полевой*, надобно опдапъ ему справедливоспъ, писалъ полько пропивъ *Карамзина*, кн. *Вяземскаго*, *Жуковскаго*, кн. *Шаховскаго*, кн. *Одоевскаго*, *Грега. Г. Сеньковский* ополчилса на геніевъ цъмой Европы, захопълъ въ наши *Жюль-Жанени*, въ *Менцели*. *Третій* г. *Виссаріонъ Бълинскій* (псёдонимъ), превзошедшій обоихъ первопоименованныхъ опчаянными вылазками пропивъ здраваго смысла, пропивъ вѣчныхъ законовъ липературы, изъ природы и сердца челоѳческаго почерпнупыхъ, пропивъ общаго мнѣнія... (11)!

Но выслушаемъ мнѣніе эпаго претпьяго законодателя Русскаго слова объ *Озеровъ*:

«*Озерова* у насъ почитаютъ и преобразователемъ и пвордомъ Русскаго театра;» говоритъ г. *Бълинскій*: «Разумѣенса, онъ ни по, ни другое; ибо Русскій театръ еспъ мечта разгоряченнаго воображенія нашихъ добрыхъ патриотовъ. Справедливо, что *Озеровъ* былъ у насъ *первымъ драматическимъ писателемъ* съ истиннымъ, копя и не огромнымъ талантомъ; онъ не создалъ, а ввелъ къ намъ Французскій театръ, п. е. первый заговорилъ испиннымъ языкомъ Французской Мельпомены.»

За *Озеровымъ* многоводная спашья о *Жуковскомъ*. Достойный г. *Надеждина* поварищъ, сказавъ, будто бы сей великій поэтъ былъ *Колумбомъ* нашего опечества и будто бы опкрылъ для насъ невѣдомую доподъ липературу Англійскую и Германскую, размахнулъ широко перомъ, и пошѣлъ, и пошѣлъ, и пошѣлъ. Но намъ не поспытъ за нимъ, да

шпакихъ умспвенныхъ уродовъ? Не самъ ли онъ спдаетъ ихъ?—К.

(11) *Телескопъ*, No 1, 1836 года, спр. 160.

и нѣптъ въ эпомъ никакой надобноспи. Сочинилелъ *Свѣтланы* поспупилъ уже прежде въ испинные поэты.

Гораздо инпереснѣ мнѣніе г. *Бълинскаго* о *Батюшковъ*.

«Сей послѣдній рѣшително споялъ на рубежѣ двухъ вѣковъ,» — (если вѣришь г. Б.), — «поочередно плѣнялся и гнушалса прошедшимъ, не призналъ и не былъ признанъ насупившимъ. Эпо былъ челоѳкъ не геніальный, но съ большимъ талантомъ. Какъ жаль, что онъ не зналъ Нѣмецкой липературы (12); ему немногаго недоспавахо для совершеннаго липературнаго обращенія (13).»

Я не выпиываю здѣсь всего, сказаннаго о *Батюшковъ*; ибо эпо нейдѣтъ къ дѣлу. Мнѣ надобно было взять полько пѣ спроки, въ коихъ г. *Бълинскій* даетъ сочинителю *Элегіи на смерть Тасса* дипломъ на большой талантъ *питетическій*, между пѣмъ, какъ позднѣ, въ помъ же *Телескопъ* пишелтъ спашью *Нигто о нигель* и въ ней упверждаетъ, что у Русскихъ нѣптъ липературы, нѣптъ поэзіи.

Перейдемъ къ *Мерзлякову*.

На спраницѣ 375-ой No 49-го *Телескопа* 1834-го года пишнупо:

(12) *Батюшкову* весьма знакомы были липературы: *Латинская*, *Французская*, *Ипадіанская* и *Нѣмецкая*. Нашъ рецензентъ могъ бы распросипъ объ эпомъ у пѣхъ, кто зналъ лично эпаго необыкновеннаго и мѣщастнаго челоѳка.—К.

(13) Г. *Бълинскій* увѣренъ, что свѣптъ возсіалъ на Русскомъ *Парнасѣ* съ пѣхъ полько поръ, какъ онъ взялъ перо въ руки. Что разумѣенпъ онъ подъ словами: до совершеннаго обращенія? Еще въ 1794-мъ году *Карамзинъ* опдавалъ преимущество *Шекспиру* и *Шиллеру* предъ *Вольтеромъ* и *Расиномъ*; еще въ царствование *Екатерины II* играли съ большимъ успѣхомъ трагедіи *Эмилию Галотти*, *Дѣву солнца*, *Смерть Ромлы*, *Ермака*, соч. *Плавильщикова*, и напечатана была *Шиллерова* трагедія *Разбойники*; *Державинъ*, *Дмитриевъ*, *Карамзинъ*, написали нѣскольго стихопвореній бълыми спихами. Въ первые годы царствования *Александра I-го*—*Гигдигъ* и *Воейковъ* дѣлали опыпы введепія Гексаметровъ. И спеперь, и всегда Французы будутъ первенспвовать въ комедіи, водевилѣ, посланіи, мадригалѣ, эпиграммѣ, догогрифѣ, шарадѣ, баснѣ, сказочкѣ въ спихахъ. И спеперь, и всегда Русскіе спашупъ писатъ все эпо ямбами съ рифмою и сочелпаниемъ мужескихъ спиховъ съ женскими.—К.

«*Мерзляковъ былъ человекъ съ необыкновенными поэтическими дарованиями; но онъ во всю жизнь свою заблуждался на щепъ своего таланта: ибо, написавъ нѣсколько безсмертныхъ пѣсенъ, въ то же время написалъ множество одъ, въ коихъ гдѣ-гдѣ блистають искры могущаго таланта, котораго не могла убить схоластика, и въ коихъ все остальное голая риторика.*»

Замечавъ грязью *Капниста* и разругавъ въ пухъ *Воейкова* (котораго спавяшъ въ рядъ порядочныхъ писателей *Жуковский, Пушкинъ, Грегъ, профессоръ И. И. Давыдовъ, Батюшковъ и Глаголевъ*), г. *Бѣлинскій* говоритъ:

«*Гюгъ и Милоновъ были истинные поэты. — Князь Вяземскій принадлежитъ къ числу замѣательныхъ нашихъ поэтовъ и литераторовъ.*»

Г. *Виссаріонъ Бѣлинскій* наципаль *шестнадцатъ* истинныхъ Русскихъ пѣснопѣвцовъ съ дарованіемъ, въ одномъ *Карамзинскомъ* періодѣ опечеспвленной словесности, какъ называетъ его сотрудникъ г. *Надеждина*.

Слѣдственна, естъ Русская поэзія!

А. Кораблинскій.

Іюня 30-ое,

1836.

Село Рыбацкое.

СТИХОВТОРЕНІЯ.

КЪ ВЕТХОМУ ДЕНЬМИ.

Опець міровъ! въ семь дольномъ прахъ,
Что слабый смертный предъ Тобой?

И сонмъ духовъ внимаешь въ страхъ
Приходь Твой въ вѣчность предъ собой!

И сонмъ духовъ не чаешь мыслишь
Тебя постигнуть и исчислишь!

Ты повелѣлъ—и мірады
Міровъ и солнцевъ создались!

Какъ въ дни творенья водопады,

Блесня опъ молній, съ скалъ лились,
Изъ безднъ кипѣли, возраспали,
Такъ сонмы соерь Твоихъ возспали!

Ты повелишь—и гдѣ созданье,
Міры и солнцы? Всѣ, какъ пѣнь!

Исчезнешъ, какъ зари мерцанье,
Прейдетъ, какъ крашкій смертныхъ день!

Гдѣ вся цвѣтущая природа?
Небесъ лазурнаго пѣтъ свода!...

И Ты единъ тогда, съ Воспока
Всеі безпредѣльности возспавъ,

И досягнувъ ея истока,
И вѣчность цѣлую обьявъ,

Исполнишь все Тобой единымъ,
Творенью—вѣкъ непоспижимымъ!

Мызниковъ.

1833-й годъ.

Витебскъ.

LOGOGRIPHE.

Dans les charmans récits
Des Mille et une Nuits
Je joue un fort beau rôle:
Au bord d'un fleuve fécondant,
Qui pour moi devient le Pactole,
Je tiens le monopole
D'un commerce brillant.
Ma tête à bas, quel changement!
Alors on verra le repaire
D'un tyran sanguinaire,
Qui porte vers les cieux
Son vol audacieux.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 70.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 50, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, АВГУСТА 29 ДНЯ 1836 ГОДА.

Ты спрашиваешь, какъ опъ Клина опвѣзашься,
Чтобъ ввѣкъ съ нимъ больше не видашься?
Я научу тебя тому;
Не нужно для сего браниться съ нимъ, ни драшься:
Дай рубль въ займы ему.

И. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Г У Д У Л Л А.

(Повѣсть).

I. Въ семь часовъ вечера, 1610 года.

Хотя въ эпопѣ вечеръ достопочтенная
Треа Деннезенсъ, славная мопальщица и жена
богатаго городскаго попаріуса, и постави-
ла въ печь прекраснѣйшаго цыпленка, какой
только могъ бытъ выкормленъ Антверпен-
скою мещанкою: но всё таки она очень часто
заглядывала въ кухню, чтобы надзирать за
спиряпнею,—и всякой разъ, когда сильный
запахъ опъ жаренаго, доходя до обонянія
заботливой хозяйки, заставлялъ ее опасать-
ся, чтобъ опъ слишкомъ сильнаго жару не
пригорѣли злаповидные бока цыпленка, го-
повимаго ею на славу,—она поспѣшно выбъ-
гала изъ комнапы своей, находившейся за
лавкою, и проверно поливала его сокомъ; по-
помъ, возвратясь, садилась въ большія кре-
сла съ высокою спинкою, и по видимому пре-
давалась совершенной беззаботливости и
разсвѣнію. Но въ то время, какъ она пихо

и даже нерадиво разматывала клубки ни-
покъ, и дѣлала изъ нихъ большіе мопки,—
маленькіе глаза ея съ неупомимымъ внима-
ніемъ были усуремлены на спарую шпо-
пальщицу, которая, съ очками на носу, чи-
нила въ эпо минушу шерстяной чулокъ съ
спрашною дырою на пяпкѣ.

Женщина эпо, сидѣвшая въ углу комна-
пы, занималась работою своею не подни-
мая головы; въ проотивномъ случаѣ взоръ
ея встрѣпилъ бы спрогій укоръ въ испыту-
ющемъ взорѣ *Треи Деннезенсъ*.—Шпопаль-
щица нанималась у неѣ поденно, и она,
плапая ей по 12 копѣекъ въ день, кромѣ пи-
щи, не хотѣла терять денегъ своихъ по
напрасну—и слѣдовательно надзирала за ра-
ботницею съ такимъ, неусыпнымъ спара-
ніемъ, что опъ неѣ не могъ укрыться ни
взглядъ, брошеннй на улицу сквозь осьми-
угольные маленькіе спекла окна, ни минуш-
ный опдыхъ шпопальщицы, ни даже слу-
чайное замедленіе иголки ея.

Съ своей спороны, *Гудулла*—такъ называ-
лась шпопальщица—выдумывала тысячу ис-

кусныхъ хипростей, чпобъ укрышься опть наблюдательныхъ глазъ хозяйки. Это дѣлала она не опть лѣни, но единственно изъ противорѣчія, котораго не могутъ побѣдить въ себѣ даже самые справедливые и честные люди, когда слишкомъ спрогая взыскательность выводилъ ихъ изъ терпѣнія. То подѣ предлогомъ, чпобы лучше видѣть, наклонялась она на работу свою, которую держала такъ низко, что лопости чепчика ея, закрывая ей руки, дозволяли имъ оспаваться нѣсколько минутъ въ бездѣйствіи; но рвалась у неѣ шерсть, и надобно было довольно времени, чпобы вдѣть въ иглу новую нитку. Но это средство однакожь упопреляла она рѣдко, попому что въ такомъ случаѣ госпожа *Деннезенсъ* потчасъ говорила ей что нибудь оскорбительное для ея змолюбія.

«Видно, *Гудулла*, что у насъ съ тобою ужъ не пятнадцатилѣтніе глаза.»

На это *Гудулла*, вдѣвая проворно нитку, опвѣчала съ гордостію:

—Нѣтъ, госпожа *Деннезенсъ*, благодаря Бога, я еще вижу ими также хорошо, какъ бы въ пятнадцать лѣтъ,—а вопъ шерсть никуда не годился, словно пакля какал!—

Лишь только г-жа *Деннезенсъ* выходила изъ комнаты, *Гудулла* подымала голову съ невыразимымъ чувствомъ удовольствія и, оспавя работу, пропягивала успалые члены свои, смотрѣла изъ окна на улицу, смотрѣла на потолокъ, смотрѣла на тяжелыя вычуры, украшавшія стоявшій пропивъ неѣ огромный дубовый шкапъ, и, попомъ, услыша за собою малѣйшій шорохъ или легкой шумъ платья г. *Деннезенсъ*, потчасъ нагибалась на работу и опянь приводила въ движеніе иглу свою.

Но самымъ любимымъ развлеченіемъ для бѣдной *Гудуллы* былъ звонъ колоколовъ соборной церкви, и она всегда ожидала его съ неперпѣніемъ.—По утру, когда раздавался послѣдній презвонъ, и часовая спрѣлка на башнѣ показывала 10 съ половиною, она съ улыбкою говорила сама себѣ: Слава Богу! скоро опойдетъ обѣдня, и черезъ полчаса сядушь за столъ.—Въ семь часовъ, колоколь

вечерни возвѣщалъ ей окончаніе долгаго дня, скучной работы и пиягостнаго, затворническаго молчанія. И такъ, вы можете предспавить себѣ, какимъ истиннымъ наслажденіемъ для этой женщины, прикованной къ стулу своему 12 часовъ сряду, былъ во первыхъ обѣдь, по еспъ по крайней мѣрѣ цѣлый часъ свободы и опдыха, попомъ блаженная минута, оканчивавшая наконецъ срокъ, на который продала она и время—и дѣйствія—и волю свою!

Гудулла сидѣла все еще не разгибая спины, но тайное предчувствіе шептало ей, что скоро ударитъ желанный колоколь, и при этой, еще не совсемъ опредѣленной, мысли, руки ея, успавшія держать толстый чулокъ, запряслись опть неперпѣнія и радости,—какъ вдругъ госпожа *Деннезенсъ*, по какому-то Махиабельскому ращету, сказала ей со вздохомъ:

«Какое несчастіе! Скоро заблаговѣспятъ къ вечернѣ, а чулокъ еще не заштопанъ! Я право не знаю, что надѣнеть завтра мужъ мой!»

Бѣдная *Гудулла* поняла, что значилъ этотъ хипрый намѣкъ, но не имѣла ни средства, ни силы ускользнуть опть западни, которую ей распавляли.

—Да еще оспается цѣлые четверть часа,—сказала она съ принужденною улыбкою,—и я еще успѣю починить чулокъ.—

Въ эту минуту раздался печальный и пропяжные звуки вечерняго колокола, но, на этотъ разъ, не порадовали сердца бѣдной *Гудуллы*, которая въ молчаніи продолжала работу свою.

Черезъ нѣсколько времени, однакожь, чулокъ былъ зачинець, и хопя мѣстами не очень хорошо, но по крайней мѣрѣ мастеръ *Деннезенсъ* могъ на другой день надѣть его.

Гудулла положила работу передъ собою на стулъ, оптолкнула опть себя плипку, на которой грѣла ноги, и спрягнула съ фарпука налипнушіе на него концы нитокъ и клочки шерсти. Попомъ понесла заштопанную пару чулокъ *Треп Деннезенсъ*, которая, послѣ вечерни, переспала наблюдать

за нею; и ушла на кухню приготавливать ужинъ, зная, что *Гудулла* поспѣшитъ кончить работу, чтобы скорѣе опривѣться домой.

«Тѣтка *Гудулла*,» сказала она не покидая глинянаго пропивня, на которомъ шипѣлъ только что изжарившійся цыпленокъ: «тѣпка *Гудулла*, чтожь, хочешь ли ты взять что нибудь поужинать съ собою, или останешься съ нами?»

Гудулла бросила алчный взглядъ на цыпленка, и отвѣчала: Пожалуй мнѣ чего нибудь поужинать дома.—

«Ну, такъ вопъ возьми два яйца, и опрѣжь себя опъ эшаго хлѣба какой хочешь ломость.»

Лукавая мѣщанка знала, что *Гудулла* поспѣшитъ взять много хлѣба, и потому предложила ей опрѣзать опъ него сколько угодно. Самой же ей, изъ благоприспособности и какъ хозяйкѣ, должно бы дать *Гудулла* гораздо, больше за труды ея.

Но *Гудулла* надѣлила себя такъ умеренно, что скупая *Деннезенсъ* рѣшилась не испугать ей въ великодушїи, и не говоря ни слова, опрѣзала ножку цыпленка, положила на тарелку и съ торжественнымъ видомъ подала шопальщицѣ, которая уже надѣла манпилью, чтобы итти домой.

При видѣ цыплячей ножки, лицо шестидесятилѣтней *Гудуллы* вспыхнуло опъ удивленїя и радости.—Пресвятая Богородица!—сказала она: Да эшо ужинъ королевскїй! Благодарствуй, сударыня, за твою милость; я право не заслужила ея.—И она низко поклонилась хозяйкѣ.

«На здоровье! на здоровье! Добрый вечеръ» отвѣчала *Деннезенсъ*, у которой верхняя губа надулась опъ щеславія.

—Добрая ночь, прїятный сонъ и еще разъ спасибо, госпожа *Деннезенсъ*;—сказала *Гудулла*, и поставивъ тарелку съ жаркимъ въ корзину, которую прикрыла она манпильею, вышла и пошла къ себѣ на другой конецъ города.

Вѣтеръ вылъ, снѣгъ валился клочьями; однимъ словомъ, на дворъ была спрашная не-

погода; но добрая спарушка не чувствовала ни холода, ни вѣтру—и только боялась, чтобы жаркое ея не простыло опъ воздуха.

Наконецъ она пришла къ маленькому домику, копорому, вмѣсто крыльца, служили пять каменныхъ ступеней, и постучалась у дверей.

—Эшо ты, няня?—

«Я, я! опвори скорѣе.»

Дверь отворилась, и молодая дѣвушка, держа въ рукъ мѣдную лампаду, блестящую какъ золото, вышла на встрѣчу спарушкѣ, сняла съ неѣ манпилью, и прѣняла изъ рукъ ея корзину съ ужиномъ.

«Тише, тише, *Елисавета*,» сказала *Гудулла* важнымъ и вмѣстѣ веселымъ голосомъ. «Тише, сударыня, ты не знаешь, что путь лежипъ.—Опгадайко!»

—О, я не умѣю опгадывать!—отвѣчала молодая дѣвушка печально и разсѣянно.

«Ну, такъ я тебѣ скажу, дѣпятко: путь жареная цыплячья ножка. Да какая! бѣлая, жирная, и величиной съ индѣичью! Госпожа *Деннезенсъ* дала мнѣ ея—и я принесла ея домой, чтобы съѣсть вмѣстѣ съ тобою, пока она не простыла.»

И добрая спарушка съла за столъ, копорый былъ уже накрытъ, и разрѣзала цыпленка на двѣ части,—ту, которая была по меньше, оставила она для себя, а другую положила *Елисаветѣ*, которая силилась ѣсть, но не могла, и скоро, оставя тарелку свою, залилась слезами.

Гудулла ѣла съ жадностию, но взглянувъ на *Елисавету*, лишилась аппетита.

«Такъ онъ не бывалъ?» спросила она съ нѣжнымъ участїемъ.

—Небывалъ, няня; вопъ ужъ при дни, какъ онъ не приходилъ.—

«Эшо нехорошо, очень нехорошо. Да можетъ быть у него много дѣла... Вѣдь не всегда можно уходить со двора, когда хочешь... Ну, ну, полно плакать, авось придетъ сего дня вечеромъ, или завтра... Скушай кусочикъ эшаго цыпленка... Ну хопя опвѣдай только!.. Да будь же повеселѣ.»

—Онъ вѣрно размыслилъ,—говорила *Елисавета* вздыхая и не отвѣчая на слова *Гудулла*

лы: что безразсудно любить бѣдную сиропу, которая живетъ трудами и, кромѣ себя, добрая *Гудулла*, не имѣетъ никого на свѣтѣ. —

«Сиропу!.. Конечно, ты сирота, но ты получила хорошее воспитаніе, умѣешь читать, писать, и родилась не отъ простодуиновъ, а принадлежишь къ одному изъ первыхъ домовъ въ цѣломъ Антверпенѣ. Такую сиропу, какъ ты, не безчестно любить... Мамзель *Елисавета*, кто не знаетъ, что отецъ твой былъ богатый купецъ, а мать двоюродная сестра бургомистру, тому, который умеръ четыре года назадъ?»

— Конечно. Но бапюшка раззорился, и съ печали пошелъ въ гробъ; манушка позже съ горя скоро умерла, и при твоей старости и нищетѣ я осталась на твоихъ рукахъ. —

«На моихъ рукахъ!... Какъ будто это мнѣ въ пягоспѣ... Не стыдно ли тебѣ, сударыня, такъ обижать меня? Да развѣ ты мнѣ не утѣха, не радость моя на старости? Для кого-жъ мнѣ жить на бѣломъ свѣтѣ, какъ не для тебя? Полно, дитячко, не грусти: дойдешь счастье и до насъ. Не думай, что *онъ* забылъ тебя и не сердись на него по напрасну. Онъ вѣрно ничего дурнаго не думаетъ... Ахъ, да вотъ и онъ!.. Точно это его шаги на улицѣ: я какъ разъ отгадала!»

T.

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ

принца Пюклеръ-Мюскау.

24 Марта.

Вчера вечеромъ былъ я у госпожи *Фицгербертъ*, достойной и любезной женщины, которая, какъ говорятъ, была за мужемъ за королемъ, но теперь не играетъ при дворѣ никакой роли. Она любима и уважаема всѣми, имѣетъ *прекрасный тонъ*, совершенно безъ всякихъ требованій, и сообщила мнѣ много интереснѣйшихъ подробностей о несчастіи, постигшемъ лорда *Ливерпулла*. Какъ не подивиться! Человѣкъ, который за часъ назадъ управлялъ половиною свѣта съ необычайнымъ умомъ и дѣятельностію, лишился

разсудка отъ-того, что лекаръ не пустилъ ему крови; между тѣмъ, какъ предшественникъ его, лордъ *Кастелери*, по той же причинѣ убилъ себя! Надобно признаться, что человѣкъ есть жалкое созданіе!

Я заспалъ у г-жи *Фицгербертъ* двухъ дочерей славнаго *Шеридана*: обѣ оспроумны и необыкновенно хороши собою. Старшая смѣла, какъ отецъ ея, — и даже слишкомъ смѣла для женщины; меньшая, напропивъ, опмѣяно кропка, и вы, смотря на неѣ, невольно подумаете, что пихія воды глубоки.

Въ домѣ г-жи *Фицгербертъ* встрѣчающіяся только люди самаго высшаго общества, или *исключительнаго*, какъ оно само называетъ себя. Людей этого круга мало въ Брайтонѣ, и тѣ, которые здѣсь, живутъ очень уединенно, чтобы не мѣшались съ nobody, то есть съ *дрянью*: эпитимъ именемъ прозвали они средній кругъ, щипая его совершенно ничтожнымъ, и избѣгаютъ съ нимъ всякаго общенія также щипательно, какъ Индѣйскіе брамины несчастныхъ *Паріевъ*. Но я, имѣя по связямъ моимъ свободный входъ во святилище, не пренебрегаю однакожъ другими знакомствами, и, какъ иностранецъ, или, лучше сказать, какъ человѣкъ, любящій независимость, — ищу удовольствія во всѣхъ обществахъ, и, правду сказать, не всегда нахожу его въ высшей сферѣ. Часто забавляетъ меня грубость и неловкая спѣсь богачей, вышедшихъ въ люди посредствомъ нажитыхъ ими миліоновъ. Въ Англіи они смѣшнѣе еще, нежели въ другихъ земляхъ, потому что здѣсь, — по богатству своему, пышности и роскоши, которые ихъ окружаютъ, они ведутъ жизнь во всемъ на одной ногѣ съ самыми знатными вельможами; между тѣмъ, какъ между тѣми и другими существуетъ самая разительная противоположность. Смотри, какъ важно расхаживаютъ они по своимъ огромнымъ и великолѣпнымъ черпогамъ, можно принять ихъ за какихъ нибудь ходячихъ идоловъ.

Я объѣдалъ одинъ, передъ каминомъ моимъ, и думаю ѣхать на вечеръ къ графу *Ф.*, который также въ числѣ браминовъ. Не помню, описывалъ ли я его тебѣ. Графъ *Ф.*

человѣкъ необыкновенный, и соединяетъ Французскую любезность съ самоспопоятельностью Англичанина, зная оба языка въ равномъ совершенствѣ. Онъ ужъ не молодъ, но всё еще очень хорошъ собою и имѣетъ благородную и величественную осанку. Онъ проситъ въ обхожденіи, привѣпливъ, веселъ безъ злословія и насмѣшливости, и говоритъ хорошо и занимательно даже и тогда, когда разговоръ его не блистаетъ остроуміемъ. — Жена его, леди К***, не хороша и не дурна; довольно умна, обладаетъ глубокимъ знаніемъ свѣта и иногда бываетъ углива; при томъ она хорошая музыкантша и имѣетъ 10,000 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода. — Я не имѣю нужды прибавлять, что домъ ихъ очень пріятенъ.

T.

СТРАННАЯ ТЯЖБА.

Деревенскій музыкантъ шелъ, во время праздника, съ скрипкою въ рукахъ въ ближайшую деревню на промыселъ. Пройдя уже половину дороги, вспомнилъ, что забылъ нѣчто дома, и рѣшился воротиться. А какъ скрипка въ пути затрудняла его, то, чтобы по пустому еѣ взадъ и впередъ не таскаться, вздумалъ спрятать еѣ подъ кустъ. Вскорѣ послѣ сего подошли лѣсничій съ ружьемъ къ этому мѣсту, видятъ нѣчто темноватаго цвѣта, лежащее подъ кустомъ, и полагая, что это заяцъ, прицѣливаются, и поражаютъ—скрипку. Но сколь велико было его изумленіе, когда вмѣсто зайца находятъ дребезги скрипки. Онъ поднялъ обломки и положилъ ихъ въ охотничью сумку. Въ это время приходитъ музыкантъ, ищетъ свою скрипку, но тщетно. Лѣсничій, видя это, и догадываясь, что онъ хозяинъ скрипки, объявляетъ о своей ошибкѣ, и вручаетъ обломки инструмента. Музыкантъ потребовалъ лѣсничаго къ суду. Лѣсничій оправдывался пѣмъ, что спрѣлалъ дичь есть его обязанность. — «Такъ!» возразилъ музыкантъ: «но можете ли вы доказать, что подспрѣливать скрипки вмѣсто зайцевъ есть также ваша обязанность?»

ПРОФЕССОРЪ ГЕЙНСЪ.

Профессоръ Гейнсъ, въ Упрехптѣ, пользовался славою искуснѣйшаго во всей Европѣ практическаго врача. По случаю опасной болѣзни сына *Лудовика Бонапарта*, былъ онъ призванъ ко Двору. Какъ меноніетъ, явился онъ во дворецъ безъ шпаги, что совершенно прошивно придворному этикету. Придворные служители не хотѣли его впустить, но Гейнсъ объявилъ, что пришелъ по приглашенію. Служители замѣтили ему, что безъ шпаги нельзя имѣть доступа. Почтенный спарецъ отвѣчалъ хладнокровно: «Я пришелъ не для смертоубійства, а для спасенія отъ смерти.»

О Т Р Ы В К И

изъ Рѣчи профессора И. И. Давидова, о содѣйствіи Московскаго Университета успѣхамъ Отецественной словесности.

3.

ЛОМОНОСОВЪ.

На первое призваніе времени явился *Ломоносовъ*, писатель съ умомъ всеобъемлющимъ, съ разнообразными знаніями, согрѣтый чувствомъ любви къ Русскому просвѣщенію. Въ немъ проявилась воля могучаго Преобразователя—*Петра*. Какъ всѣ самобытные умы, высшіе своего вѣка, двигатель народа явился и поэтъ, и висию, и ученымъ. Въ его произведеніяхъ выразился новый міръ вѣдѣній, до него невыраженный. Превосходство его и недоспадки носятъ на себѣ знаменіе возраста нашего въ половинѣ испекшаго столѣтія. Чуждый народности, по духу погдашней учености, онъ ищетъ сокровищъ въ языкѣ Славяноцерковномъ; прославляя подвиги Великаго, онъ облакаетъ Русскую рѣчь въ Римскую погу; приходя въ воспоргъ поэтической, при созерцаніи мудрости *Елисаветы*, онъ размѣряетъ стихъ Нѣмецкими споами. Не создавъ языка испинно Русскаго, *Ломоносовъ* согласилъ враждебныя чужеземныя стихіи, долго искажавшія Русское слово, привелъ его въ спройное

единство, придавъ ему правильную форму. Но эта искусственная, книжная рѣчь не походила еще на рѣчь живую, пворимую народнымъ самопознаніемъ; она еще не выражала Русской физиономіи. Опъ того какіе плоды трудовъ *Ломоносова*? Ему подражаютъ одни только ученые; свѣтскіе люди, слѣдуя направленію вѣка, ищутъ образцовъ Словесности во Франціи; южные цвѣты ея, не самородные, а пересаженные изъ Греціи и Рима, спараются усвоить угрюмому Сѣверу. Опечесвенная поэзія, нѣкогда сроднившаяся съ роскошною фантазіею Востока и съ религіозными легендами Греціи, воспѣвавшая князей и богатырей, была забыта. Пѣсня и сказка не смѣли являться въ палаты знатности и богатства; тамъ ими только ублаживали дѣтей. Народъ оберегалъ эту поэзію и опъ схоластики, и опъ западной подражательной Словесности. Не было средопочія народному самопознанію, въ которомъ бы чужеземныя пріобрѣтенія превращались въ живительную кровь, и, подъ вдохновеніемъ опечесвенной Вѣры, Закона, Испоріи, изливались бы въ живомъ Русскомъ словѣ. Уже не одинъ преобразитель слова, но многіе ученые Русскіе нужны были, по всѣмъ опрасламъ знаній человѣческихъ; попребенъ былъ оплотъ противъ ученій безполезныхъ, и такой храмъ наукъ, гдѣ умственные сокровища, приносимыя на жерпвенникъ опечесвеннаго просвѣщенія, повѣрялись бы Русскимъ духомъ, Русскою любовью къ Вѣрѣ и Престолу.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

91.

Для чего бы *Гоголю*, преперпѣвшему столько на праслины опъ нашихъ журналистовъ, ненарисовать такой же живой картины нашихъ криптиковъ, какую нарисовалъ онъ въ *Ревизорѣ*—провинціаловъ-взятчичиковъ? Для чего бы не вывести на сцену газетчиковъ съ ихъ сопридниками, разбиральщиками новыхъ книгъ, оцѣнщиками юныхъ палантовъ?

Г. Виссаріонъ *Бѣлинскій*, исправлявшій должность издателя, во время оплучки издателя *Телескопа* на двѣ недѣли въ Петербургъ и на чепыре мѣсяца въ Европу для наблюденія нравовъ, обычаевъ, хода наукъ, искусствъ, литературы, промышленности, живописныхъ и достопримѣчательныхъ мѣстъ, картинныхъ галерей, библиотекъ, кабинетовъ, медалей и пр.,—этомъ г. *Бѣлинскій* напечаталъ въ его журналѣ, что въ Россіи нѣтъ литературы и есть литература, что въ ней нѣтъ поэзіи и есть поэзія. Доказывая послѣднее, онъ нащипалъ на святой Руси *шестнадцать* испинныхъ поэтовъ въ одномъ, пакъ имъ названномъ, *Карамзинскомъ періодѣ Россійской литературы*.

Мы ожидали, что хозяинъ *Телескопа*, возвратясь изъ своего путешествія, потчасъ исправитъ эту ошибку. . . Ни пупъ-то было! Въсто того, чпобы догадаться, что всѣ неосновательныя мнѣнія его сопридника породились изъ такихъ же мнѣній *Н. А. Полеваго*, не успѣваго вполне развить ихъ въ *Моск. Телеграфѣ*, онъ самъ въ слѣдъ за нимъ, пустился по тому же пупу.

Но, мы свяпою обязанностію поставляемъ предостерегать юношей и особливо юношей съ палантомъ, готовыхъ очинить перо и размахнуть имъ, опъ ошибочнаго образа возрѣнія на Опечесвенную литературу гг. *Надеждина*, *Бѣлинскаго* и нѣкоего *Межевича*, пакже подъ знаменами *Телескопа* и вліяніемъ *Н. А. Полеваго* воюющаго. Г. *Надеждинъ*, съ ученою важностію, увѣряетъ, что нѣтъ языка *Русскаго*.

«Какъ быть у насъ живой, своенародной литературѣ, когда нѣтъ для ней своего роднаго вещества?» восклицаетъ онъ: «Какъ быть литературѣ Русской, когда нѣтъ еще языка Русскаго? Да, разсматривая внимательно настоящее положеніе нашей письменности, невольнo погрузишься въ грусть и спросишь уже—не есть ли, а—можетъ ли даже быть у насъ своя живая литература?»

Г. *Бѣлинскій*, которыи изъ одного своенравія написалъ, что у насъ нѣтъ ни литературы, ни поэзіи; ибо у него нельзя опинять ни ума, ни дарованія, ни даже знанія роднаго языка, подшучиваетъ надъ спалпями наспоющаго издателя *Телескопа* и, между пѣмъ, какъ г. *На-*

деждинъ увѣрять, что нѣтъ на свѣтѣ языка Русскаго, онъ въ библиографическихъ статьяхъ беспрестанно указываетъ намъ на книги чистымъ, благороднымъ, сладкимъ Русскимъ языкомъ написанныя. Вотъ примѣры:

«Взглянемъ на такъ называемый періодъ Удѣльной системы, конемъ поглощается первая половина тысячетлѣпнаго цикла нашихъ воспоминаній;» пишутъ въ *Телескопѣ*: «Напрасно живописное краснорѣчіе Карамзина усиливало оцвѣтши сію мрачную пустыню риторическою прелестью разсказа. Т. 1832, No 14, стр. 238.

Объ Англійскомъ романѣ: *Думало я самъ про себя*, пер. Анною Ситниковою, опозвались въ *Телескопѣ*, что онъ можетъ доставить пріятное чтеніе и переведенъ исправно: Т. 1834, No 18, стр. 279.

Переводъ Записокъ объ Императрицѣ *Иозефинѣ признанъ* довольно хорошимъ. Тамъ же, стр. 280.

Катя, или исторія воспитанницы (2), отрывокъ, украсившій вторую часть *Новоселья*, обратилъ на себя вниманіе г. *Виссаріона Бѣлинскаго*. Отрывокъ сей показываетъ въ авторѣ и внимательную наблюдательность подробностей, и философическій взглядъ на цѣлостъ жизни, и твердый навыкъ въ языкѣ. Т. 1834, No 23, стр. 350.

Повѣсть о томъ, какъ поссорился *Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ*, соч. Гоголя, осыпана похвалами г. *Виссаріона Бѣлинскаго*. *Разказы Пасичника Рудаго Панька объявлены прелестными*. Тамъ же, стр. 351.

Телескопный кришникъ — прочелъ нѣсколько занимательныхъ и мастерски написанныхъ отрывковъ изъ *Записокъ Дениса Васильевича Давыдова*. Т. 1836, No 4, стр. 633.

«Нельзя не удивиться вѣрному рѣченію съ которыми Библиотека для Чтенія основана, неизмѣнимости и постоянству ея направленія, вѣрности самой себѣ, акуратности въ изданіи, и, надо сказать правду, хорошему языку, особливо въ переводныхъ статьяхъ, въ чемъ ей должны успунить всѣ наши журналы (3); наконецъ, ея дѣятельности; проворству, а болѣе всего — ея безсмѣнному и настоящему Редактору;» прибавляютъ въ *Телескопѣ* же и въ томъ же No 4.

«Г. Шевыревъ,» какъ относился объ немъ въ томъ же періодическомъ изданіи: «имѣетъ то важное, неоспоримое

(2) Соч. князя Влад. Фед. Одоевского.

(3) Какъ! И *Современникъ*, изд. Пушкинскихъ; и *Моск. Наблюдатель*, въ которомъ участвуютъ Гг. *Погодинъ, Шевыревъ, Андросовъ, Языковъ, Павловъ, Миклулинъ, Озобининъ, Срезневскій*; и *Свѣ. Пчела*, и *Сынъ Отечества*, изд. *Гречель* и *Булгаринскихъ*? Благодаримъ за честь! — К.—И я благодарю!

достоинство, что въ немъ видимъ мы Русскаго профессора въ современныхъ Европейскихъ формахъ; слышимъ ученаго, говорящаго на кафедрѣ языкомъ свѣтскаго, блестящаго краснорѣчія. Т. 1836, No 4, стр. 665.

Соглашаясь съ г. *Шевыревымъ* въ томъ, что слогъ прехъ повѣстей г. *Павлова* опмѣнно хорошъ, *Телескопъ* отъ себя прибавляетъ: слогъ его, въ самомъ дѣлѣ, цвѣтокъ благоухающій и прекрасный.

Извѣщая читателей *Телескопа* (ежели есть они) о новомъ, свѣтзарномъ явленіи въ нашемъ Духовномъ краснорѣчьи — о выходѣ въ свѣтъ Собранія проповѣдей *Инокентія Кіевского*, произнесенныхъ имъ въ каждый день Святой недѣли и напечатанныхъ подъ заглавіемъ: *Святая Седмица*, кришникъ говоритъ: «Въ нашемъ отечествѣ, съ тѣхъ поръ, какъ положено основаніе духовному образованію — а съ него началось и все наше просвѣщеніе — не было недостатка въ проповѣдникахъ слова Божія. Едва только занималась заря эпаго просвѣщенія, а у насъ сіяли уже *Феофанъ Прокоповичъ* и *Стефанъ Яворскій*, достойные современники великаго *Петра*. Въ *Екатеринѣ*, въ знаменитоспей во всѣхъ родахъ, былъ кажется эпогеемъ духовнаго краснорѣчія въ Россіи. Но мы думаемъ, что и наше время можетъ назваться одною изъ самыхъ цвѣтущихъ эпохъ краснорѣчія церковнаго, судя даже только по нѣмъ его произведеніямъ, которыхъ достигаютъ до насъ въ печати. Между ними первое мѣсто неоспорно принадлежить превосходнымъ поученіямъ митрополита *Филарета*, въ которыхъ глубокомысленность такъ удачно соединяется съ удивительнымъ изящесвомъ изложенія. А сколько осплется неизданныхъ, изъ которыхъ многія, безъ сомнѣнія, не лишены красоты первосепенныхъ? Къ этому разряду мы смѣло относимъ проповѣди пресвященнаго *Исидора*, Московскаго викарнаго епископа, дышанція пою деизяснимою прослопою и вмѣстѣ силою убѣжденія, которые принимаются прямо сердцемъ. Онѣ должны быть извѣсны жителямъ нашей сподницы.» Т. 1836, No 6, стр. 137.

Теперь къ вамъ обращаюсь, любители отечественнаго слова! Есть ли возможность согласить мнѣніе г. *Надеждина* о томъ, что у насъ нѣтъ еще языка Русскаго, съ мнѣніемъ его сотрудниковъ, которые находятъ краснорѣчіе *Карамзина живописнымъ*, переводъ Англійскаго романа г-жи *Ситниковой исправнымъ*, въ повѣсти кн. *Одоевского твердый навыкъ въ языкѣ*, *Разказы г. Гоголя прелестными*, *Записки Д. В. Давыдова мастерски написанными*, въ переводныхъ статьяхъ *Б. для Чт. хорошей языкъ*, въ Лекціяхъ г. профессора *Шевырева свѣтскій языкъ и блестящее краснорѣчіе*, слогъ г. *Павлова благоухающимъ и прекраснымъ*, а Духовное краснорѣчіе въ Россіи возведеннымъ на высокую степень совершенства и сіяющимъ первоклассными красотоми?

Гдѣ нѣпѣ языка: памѣ можеть ли бытъ краснорѣчіе, твердый навѣкъ въ языкѣ, прелестный разсказъ, свѣтскій языкѣ, слогъ благоухающій, выпѣисво, первокласными красотоми сіяюще?

Г. *Надеждинъ* вышелъ изъ себя, доказывая, что Русскіе не имѣютъ еще языка. Объ этомъ предметѣ вышла у него спашья предлинная, а изъ всего эпаго *вышло* спиранное диспературное явленіе.

А. Кораблинскій.

9-ое Іюля

1836.

Село Рыбацкое.

Ш А Р А Д А.

Мой *первый* слогъ одинъ, а больше чепырехъ,

Середній щедръ—и всѣхъ ссужаешь,

Самъ ничего не получаетъ,

Хошя и спавишь все на верхъ.

Слогъ *оконгательный*, какъ будно бы на смѣхъ,

Поменьше дюжины, а *цѣлое* побольше —

Въ Россіи, въ Сербіи и Польшѣ.

Въ No 69-мъ, помѣщенный логогрифъ значить: *Caire* и *aire*.

М О Д Е S.

Nous l'avons déjà dit, le bon goût l'a cette fois emporté sur la mode, et les manches justes sont excessivement rares. Tous les jours, de nouvelles innovations viennent prouver que la manche tout à fait plate ne sera jamais généralement adoptée. Nous avons remarqué dernièrement à une jolie soirée, deux robes avec des manches d'une forme nouvelle et assez gracieuse; nous allons en donner la discription de la manière la plus intelligible possible. A partir de l'épaulette jusqu'à moitié de la longueur qui la sépare du coude, la manche est presque collante sur le bras; à cette place se trouvent deux petits volans, chacun de la hauteur de deux travers de doigts; ces volans sont tantôt légèrement froncés, tantôt plissés à plis réguliers, plat et

serrés les uns contre les autres; ensuite, trois bouffans qui diminuent d'ampleur à mesure qu'ils approchent de la main, et qui sont séparés par des petits poignets: les deux robes qui portaient ces manches étaient, l'une en mousseline blanche, l'autre en taffetas écossais à très grands carreaux de couleurs douces et peu voyantes; pour garniture, un peu au dessous du genou, deux volans étagés. Il faut toujours que les petites garnitures des manches se rapportent pour la forme à celle du bas de la jupe. Avec les manches justes du bas, on peut faire des paremens relevés en étoffe qui nous paraissent très gracieux, on en fait sortir une petite manchette plissée qui retombe. Les manches larges, simplement relevées au dessus du coude et maintenues par un lieu du ruban, sont la plus jolie façon pour le matin, en ce qu'elles sont les plus simples.

М О Д Ы.

Мы говорили уже, что хорошей вкусъ на этотъ разъ превозмогъ моду, и рукава въ обтяжку чрезвычайно рѣдко встрѣчаются. Каждодневныя нововведенія доказываютъ, что совсѣмъ гладкіе рукава не могутъ войти въ общее употребленіе. Мы недавно замѣтили на вечерѣ два плашья съ рукавами новаго, довольно моднаго фасона; мы опишемъ ихъ, сколько возможно яснѣе. Начиная отъ плеча до половины длины, отдѣляющей его отъ локтя, рукавъ почти въ обтяжку; шупъ двѣ оборки, каждая шириною въ двѣ ладони. Эти оборки иногда слегка собраны, иногда сложены правильными плоскими складками, плотно одна къ другой; потомъ при буфы, уменьшающіяся въ ширинѣ по мѣрѣ приближенія къ кисти, раздѣленные тремя узенькими обшивками; плашья же были, одно бѣлое кисейное, другое изъ Шотландской шашты, съ весьма большими клѣпками неяркихъ и пріятныхъ цвѣтовъ; отдѣлка состояла изъ двухъ оборокъ, немного пониже колѣна, одна другой ширѣ. Въ отдѣлкѣ рукавовъ всегда должно сообразоваться съ отдѣлкою плашьева; съ узкими рукавами внизу, можно дѣлать обшлага изъ матеріи; завороченные наверхъ, для насъ кажется это чрезвычайно красиво; изъ подъ нихъ выпускается манжетка, сложенная въ складочки. Широкіе рукава, просто перевязанные лентою повыше локтя, самый красивый и упреній фасонъ, попому что самый простой.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 71.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 каршинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 2 ДНЯ 1856 ГОДА.

Но чести, опъ шебя не можно глазъ опвесить;
Но что къ шебѣ влечеть?... Загадка непонятна.
Ты не красавица, я вижу... а приятна!
Ты-бъ лучше бытъ могла; но лучше такъ, какъ естъ.

И. Дмитриевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Г У Д У Л Л А.

(Продолженіе.)

Въ самомъ дѣлѣ у дверей постучались; *Гудулла* бросилась опворить еѣ и ввела въ комнату молодого человека приятнаго лица, съ крошкимъ и задумчивымъ выраженіемъ.

Елисавета, у которой сердце забилось, какъ только еще издали раздались на мостовой шаги его, поблѣднѣла и дрожала какъ листъ. Онъ поклонился ей съ почтеніемъ и робоспію.

— Давно мы васъ не видали, — сказала *Гудулла*, задыхаясь опъ радости.

Елисавета сдѣлала спарушкѣ непримѣнный знакъ, которымъ укорила еѣ въ нескромности.

«Кажется, не всѣ такъ думаютъ, добрая *Гудулла*,» сказалъ молодой человекъ съ улыбкою.

— Три дни! — цѣлые три дни не бываешь у насъ! — продолжала *Гудулла*, не слыхавъ

его замѣчанія: да знаете ли, что мнѣ эти три дни показались годомъ; а вечерамъ и конца не было. —

«Три дни! Да, почти, добрая *Гудулла*,» опвѣчалъ онъ, снимая съ себя плащъ. «Мнѣ также время показалось длинно! — Но, видишь ли, выдаются иногда дни, въ которые столько бываетъ дѣла, что никакъ нельзя вырваться изъ дому, а при томъ спановится часто такъ тяжело, такъ грустно, что сердце сжимается, въ головѣ бродятъ смутныя мысли и рука не повинуется имъ. — Въ такіе дни, *Гудулла*, человекъ ощущаетъ въ себѣ какое-то дикое опчаяніе, которое заставляешь его искать уединенія и убѣгать даже тѣхъ, кто дороже ему всего на свѣтѣ. О! тогда онъ не полагается ни на настоящее, ни на будущее, — ни даже на самого себя.»

— И сомнѣвается въ искренности тѣхъ, которые любяшь его, — не правда ли? — сказала *Елисавета* со слезами на глазахъ.

«О, проспите, — проспите меня, сударыня!» возразилъ онъ съ чувствомъ. «Но вопъ три года, какъ я знаю васъ, три года какъ

день и ночь пружусь, работаю, выдумываю всё средою, чтобы достигнуть блаженства, о котором мечтаю во снѣ и на яву, и мнѣ ничто не удаётся, и я всё оспаюсь неизвѣстнымъ; блѣднымъ, хотѣлъ сказать я . . . Ахъ, сударыня! въ свѣтѣ смѣются надъ тѣмъ, кто, не имѣя ничего, женился на блѣдной дѣвушкѣ. Это, говорятъ, равняется почти съ безчестнымъ дѣломъ, потому что онъ жену и дѣтей своихъ подвергаетъ всѣмъ ужасамъ горести и нищеты, когда со временемъ увеличатся пужды семейства, а съ ними и трудности къ пропитанію, за которыми приходитъ уныніе, лѣность къ работѣ, и наконецъ совершенная гибель!»

—Вы правы, масперъ *Петръ*. О! конечно, любовь блѣдной дѣвушки наноситъ несчастіе: она спрашна, она пагубна — и надобно скорѣе избавишься отъ неѣ, какъ отъ какой нибудь опасной болѣзни! —

«*Елисавета!* . . . Вы ли говорите это!»

—О! простите меня, масперъ *Петръ!* — сказала она, вырывая у него руку свою: простите меня! это послѣдняя слабость, и вы отъ меня никогда не услышите болѣе ничего; съ этой минутой я постараюсь преодолѣть себя, и докажу вамъ, что любовь моя безкорысна, что сердце мое не причастно низкому эгоизму и рацѣтамъ презрѣннаго самолюбія. — Не ужьли вы думаете, что я не знала того, о чемъ вы теперь говорили? что я не упрекала себя въ безразсудствѣ любви моей? Ты любишь его, говорила я сама себѣ, — ты его любишь и разрушаешь его будущность, и осуждаешь его на нищету и безизвѣстность, тогда какъ предположишь ему столько надеждъ на щастіе и успѣхи. О! нѣтъ, я не хочу этой великодушной жертвы! — Нѣтъ, масперъ *Петръ*, оставайтесь свободными, я возвращаю вамъ слово ваше, и съ этого дня буду для васъ добрая, нѣжная сестра — и только. Конечно, сначала это тяжело — и я, можетъ быть, долго протраваю. — Но мысль, что я исполняю долгъ мой, подаетъ мнѣ силы перенести горестъ мою. Припомъ же я ужь давно приучена къ испытаніямъ жизни. —

И блѣдная, но спокойная, она сѣла на кресла.

«Такъ-то вы понимаете меня, *Елисавета*, такъ-то цѣните безпредѣльную любовь мою къ вамъ! . . . А я пружусь цѣлые три года, чтобы со временемъ посвятивъ вамъ жизнь мою, и дать вамъ имя, которымъ бы вы могли гордиться! . . .»

—Имя? . . . Но знаю ли я имя ваше? Во все время знакомства нашего, вы еще ни разу не назвали его. Не ужьли думаете вы, что мрачное подозрѣніе никогда не закрадывалось въ душу мою, видя тайнственность, которая васъ окружаетъ, и коварную улыбку, съ которою всё сосѣди наши смотрятъ на васъ? Но я опдала, и теперь опдала его отъ себя, потому что почила васъ честнымъ и благороднымъ человекомъ . . . И такъ, масперъ *Петръ*, повторяю вамъ, что я хочу видѣть въ васъ только брата, и предлагаю вамъ дружбу сестры, нѣжной, преданной сестры, горювой разделять всѣ радости, всѣ печали ваши, и которую найдете вы всегда, когда будете имѣть нужду въ утѣшеніи; но, ради Бога, оставимъ всѣ безразсудныя надежды, всѣ прежніе несбыточные сны, которые только волнуютъ и раздираютъ сердце. — О! они убійственны! —

Въ словахъ *Елисаветы* была такая непобѣдимая твердость, такая сила и истина, что молодой человекъ не зналъ, что отвѣчать и пихонько опиралъ слезы свои.

Наконецъ отъ вспалъ, и сказалъ поржесивеннымъ голосомъ:

«*Елисавета*, я клялся, что ты будешь женою моею, и ничто въ свѣтѣ не можетъ заславить меня нарушить мою клятву. . . . Однако-жь, если ты непременно желаешь того, то я отдаю тебѣ слово свое . . . но всё таки не щипаю себя свободнымъ. Прощай, я не увижусь съ тобой до тѣхъ поръ, пока ты не напишешь, чтобы я пришелъ, — впрочемъ я можетъ быть еще и уѣду изъ Антверпена.»

—О! не расставайтесь такъ, ради самой Пресвятой Богородицы! — вскричала *Гудулла*. — Можно ли такъ давно любить другъ друга и говорить такія обидныя слова, что

онъ какъ ножъ рѣзупъ сердце, и, не сойдя еще съ языка, мучапъ собою совѣспь! Чпо будепъ съ обоими вами, если вы распанепсь? *Елисавета* ужъ и пакъ проплакала прее супокъ, покуда вы не приходили къ намъ. Вы блѣдны какъ смерть, и спойте какъ каменные—и всё опъ эпой проклятой размолвки съ *Елисаветою*. . . . Милыя дѣщи, послушайте меня, не оппалкивайте опъ себя щаспїя, второе Опецъ небесный посылаетъ вамъ, и общаетъ на всю жизнь вашу! Вы молоды, въ сердцѣ у васъ горипъ святая и чистая любовь, а вы грустите и жалуетесь на судьбу свою. — Я стара, и много видѣла горя на вѣку своемъ, да всё таки уповаю на Бога и надѣюсь на будущее. Гдѣ ты, мастеръ *Петръ*, найдешъ себѣ другую такую жену, какъ моя *Елисавета*? Вѣдь умница, красавица и кропка какъ нѣжный голубъ! Всѣ любяптъ её, всѣ кланяются ей съ почтениемъ, какъ бывало покойнику отцу ея, господину *Бранту*, когда онъ еще былъ богатъ и щаспливъ. Да припомъ какая хозяйка, какая руководъльница! А ужъ добра, добра какъ ангель Божїй; если-бъ ты зналъ, какъ она покоипъ, лелъепъ меня бѣдную старуху, служанку покойницы ма-тушки ея. Конечно, ей не прилично ходипъ, какъ я, по домамъ на поденщину; да и сохрани Боже, чптобъ я позволила ей такъ унижать себя; но за то она дома или шепетъ заказное бѣлье, или плешетъ на продажу кружева, и когда я прихожу домой, то нахожу и объдъ гоповый — и огонь на очагѣ, чптобы опогрѣтьсл. О, мастеръ *Петръ*! говорю тебѣ, чпто это сущїи ангелы на землї: съ ней не пропадешъ; ты также малый добрый, трудолюбивый, скромный какъ красная дѣвушка, ты со временемъ наживешъ себѣ копейку. А мы подождемъ, авось Господь Богъ и скоро поможетъ тебѣ скопипъ себѣ домокъ, — а шамъ, дѣпушки, вы женишесь и спанете жить прицѣваючи. — Ну, ну! пока-мѣспъ дайте-ко другъ другу руки и помиришесь, не помня обиды. —

И *Гудулла* положила руку *Елисаветы* въ руку *Петра*. — Оба долго спояли въ этомъ положенїи, опустя глаза въ землю и не говоря ни слова.

Наконецъ, *Петръ* нѣжнымъ и распроганымъ голосомъ спросилъ *Елисавету*:

«Такъ вы уже не любите меня, *Елисавета*?»

Она взглянула на него мелькомъ и опяпъ, попушила глаза, попомъ пѣхо опняла руку свою, между пѣмъ какъ *Гудулла* смопрѣла на нихъ съ радостными слезами.

«И такъ вы ужъ меня не любите?» повпорилъ онъ улыбаясь.

— Злой! злой! Надѣюсь, чпто ты больше не спанешъ говоришъ мнѣ такихъ обидныхъ словъ, какъ давича. —

«Ахъ, я жестоко былъ наказанъ за нихъ! О, *Елисавета*! когда ты будешъ женою моею, то вся жизнь моя будешъ посвящена на то, чптобы вознаградишъ себя за твое шерпѣнїе.»

— Женою твоею! . . . О Боже! я не вѣрю этому щаспїю—и совсѣмъ тѣмъ хочу вѣришъ ему! —

«Вѣрь, чпто я всѣми силами буду спаратьсл ускорипъ эту блаженную минупу.»

— О, мастеръ *Петръ*! — сказала *Гудулла* съ восхищениемъ, — я думаю, чпто ангелы улыбаются, слушая рѣчи твои, попому чпто мысли у тебя чисты и непорочны. — Ну, теперь, какъ вы помирились, дѣпушки, мнѣ опяпъ захопѣлось ѣспъ—и я пойду дождатъ моего цыпленка, который давно уже проспыхъ. —

II. Другой конецъ города.

Съ пынѣшними положительными и педовѣрчивыми нравами нашими, мы не можемъ надивитъсл добродушїю нашихъ предковъ, которые часто за нѣсколько лѣтъ впередъ обручались съ невѣспами своими, и попомъ свяпо выполняли свое обѣщанїе. Но въ 16 вѣкѣ, между добрыми и честными Фламандцами пакїя сватьбы были очень обыкновенны. Если бѣдноспъ, лѣпа, или другое какое препяпспїе, не позволяли молодому человеку женишъсл шопчасъ на дѣвушкѣ, которую онъ любилъ, тогда онъ, объявивъ о любви своей ея родителемъ, былъ принятъ въ домъ ихъ и дѣлался въ семейспѣ совер-

шенно своимъ человѣкомъ. Всякой вечеръ, послѣ вечерней молитвы, которая, совершалась въ церкви между 7 и 8 часовъ, возвѣщала прекращеніе дневныхъ трудовъ и наступленіе отдыха, *обрученный* шелъ въ домъ невѣсты своей, садился за столъ возлѣ нея, и во время ужина имѣлъ позволеніе говорить ей *нѣжности*. Зимой, послѣ ужина, собирались въ кружокъ около очага, играли въ разные игры, или рассказывали сказки, шутили и смѣялись, причемъ женихъ и невѣста сидѣли всегда вмѣстѣ; — лѣтомъ ходили всѣ прогуливаться на пристань, и молодой человѣкъ шелъ съ любезною рукою съ рукою.

Такимъ образомъ любовь ихъ, выросшая въ глазахъ родителей, на свободѣ, но въ предѣлахъ самой строгой благопристойности, питалась сладкими надеждами и въ мирномъ блаженствѣ своемъ съ каждымъ днемъ спавивалась невиннѣе и святѣе. — Припомъ, эпохѣ папирархальный обычай имѣлъ для молодыхъ людей ту выгоду, что удаляя ихъ отъ худыхъ обществъ, предохранялъ отъ безнравственности, въ которую влечетъ праздность и пустоша сердца — и заставлялъ ихъ трудиться, чтобы устроить будущность свою и ускорить желанный день супружества.

Мастеръ *Петръ* познакомился съ *Елисаветою* вскорѣ послѣ кончины матери своей. — Осиротѣлый и печальный, онъ намѣревался оставить Антверпенъ и возвратиться въ Римъ, какъ однажды, войдя вечеромъ въ церковь, гдѣ покоился прахъ добродѣтельной женщины, которую Богу угодно было взять отъ него, онъ увидѣлъ у алтаря молодую дѣвушку въ черномъ платьѣ, которая стоя на колѣняхъ горько плакала. *Петръ* подошелъ ближе, и услышалъ, что она молилась за мать свою! — Нещастная также лишилась недавно матери!

Эта общая съ нимъ горестъ дѣвушки сдѣлала сильное впечатлѣніе на молодого человѣка, который не могъ свести глазъ съ ея блѣднаго, но милаго и поэтическаго лица, до половины закрытаго чернымъ покрываломъ. — Слабое мерцаніе лампадъ, висѣвшихъ

у алтаря, освѣпило прогапельныя черты ея, и придавало имъ что-то неземное и фантастическое.

Дѣвушка вышла изъ церкви — и молодой человѣкъ тихо пошелъ за нею. — На другой день онъ постарался узнать, кто была та, которая занимала уже всѣ его мысли.

Еѣ звали Елисаветою *Брантъ* и она принадлежала къ одной изъ самыхъ почтенныхъ купеческихъ фамилій въ Антверпенѣ. Потеря въ морѣ нѣсколькихъ кораблей довела до совершеннаго разоренія отца ея, умершаго за два года передъ тѣмъ, — и къ довершенію нещастія своего, *Елисавета* скоро лишилась матери и осталась круглою сиротою.

Съ тѣхъ поръ, блѣдная дѣвушка, не имѣя ни друзей, ни покровительства, вела самую уединенную жизнь и питалась трудами рукъ своихъ. Единственною подругою ея была старая *Гудулла*, бывшая прежде служанкою въ домѣ матери ея; добрая женщина никогда не хотѣла оставить госпожи своей и, по смерти ея, осталась съ *Елисаветою*, выросшею на ея рукахъ. — Между тѣмъ, какъ молодая дѣвушка сидѣла дома за кружевомъ, получая за труды свои очень умеренную плату, старушка бѣгала цѣлый день по городу и занималась поденно у богатыхъ мѣщанокъ шпопанъ старые чулки. Впрочемъ, сосѣди и сосѣдки единогласно выхваляли скромность и примѣрное поведеніе *Елисаветы* и честность доброй *Гудуллы*. — Последняя не солгала, сказавъ мастеру *Петру*, что всѣ съ похвалениемъ снимали передъ ними шляпы, лишь только онъ показывался на улицу.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ).

ЭКИПАЖИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Петръ I ѣздилъ лѣтомъ въ длинной, выкрашенной красною краскою одноколѣ, на низкихъ колесахъ, парою; зимою въ сѣняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, съ двумя деньщиками, изъ коихъ одинъ сидѣлъ съ нимъ рядомъ, а другой, ѣхалъ сзади верхомъ. Одинъ только разъ, 25-го Мая 1723

года, удивилъ онъ Петербургскихъ жителей необыкновенною пышностью. Увидѣли его окруженнаго отрядомъ гвардіи, въ выложенномъ краснымъ бархатомъ длинномъ фаэтонѣ погдашняго вкуса, цугомъ, съ лакеями позади въ ливрѣ. Онъ поѣхалъ за городъ, на вспрѣчу князю Григорью Федоровичу Долгорукову и графу Алексѣю Гавриловичу Головкину, которые, пробывъ около 15-ти лѣтъ посланниками при разныхъ иностранныхъ дворахъ, возвращались въ Россію просвѣщенными Европейцами. Императоръ, оспавившись въ 4 верстахъ отъ города, ждалъ ихъ около четверти часа. Когда же они подъѣхали, посадилъ ихъ къ себѣ въ фаэтонъ, провезъ по главнымъ улицамъ столицы во дворецъ, куда созваны были знаменитѣйшія особы, и тушъ, передо всѣми, изъявивъ имъ свое благоволеніе, принесъ новую дань уваженія ихъ познаніямъ и упонченной образованности.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА ДѢВИЦЪ ВЪ ЖЕНЕВѢ.

Въ Женевѣ учреждены шесть дѣвичьихъ благотворительныхъ обществъ. Дѣвицы собираются, въ назначенномъ для сего домѣ, разъ въ недѣлю, шить плащя для бѣдныхъ—изъ матерій, на сбереженныя ими деньги купленныхъ.

О Т Р Ы В К И

изъ Рѣчи профессора И. И. Давыдова, о содѣйствіи Московскаго Университета успѣхамъ отечественной словесности.

3.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

И въ нашей отечественной Словесности новый періодъ начинается наукою, водворенною въ Московскомъ Университетѣ. Отсюда знанія, подобно кругамъ, на зыбкомъ зеркалѣ водъ отъ движущей среды возрастающимъ, спали обтекавъ общество столицы и другихъ городовъ, расширяя предѣлы мышленія, озаряя всѣхъ своимъ свѣ-

томъ благотворнымъ. Профессоры составляютъ учебныя руководства, переводятъ полезныя сочиненія, печатаютъ творенія Ломоносова, сотрудника Шувалова въ благоустроении Университета, учреждаютъ Вольное Россійское Собраніе и Собраніе питомцевъ Университета. Скоро эти собранія издають свои *Опыты трудовъ, Вечернюю зарю, Трудолюбца, Чтеніе для вкуса, Разума и чувствованій, Церковный Словарь*, доселѣ единственный, *Татищева Россійскую Исторію*, обнародываютъ планъ *Россійскаго Словаря*. Образуется общественный вкусъ къ чтенію, и книги вводятся въ число необходимыхъ житейскихъ потребностей. Отъ изложенія наукъ на отечественномъ языкѣ безчисленныя проявленія духа получаютъ правильныя формы въ словахъ. Возвратившіеся изъ чужихъ краевъ, питомцы Университета приносятъ съ собою новыя ученныя пріобрѣтенія. *Десницкій* впервые знакомитъ насъ съ Правами; въ аудиторияхъ Университета Юриспруденція является строгою системою: и дѣловыя бумаги получаютъ порядокъ и печеніе мыслей, правильность въ изложеніи, благородство въ самыхъ выраженіяхъ. Лекціи Университетскихъ Юриспрудентовъ порождаютъ множество Памятниковъ, Указателей, Словарей отечественнаго законодѣнія. *Веніаминовъ и Афонинъ*, первый изъ Русскихъ ученыхъ агрономъ, привозитъ съ собою свѣжую мысль учителя своего, *Линнея*, освѣтившую науку природы. *Зыбелинъ* началъ и Медицину преподавать на Русскомъ языкѣ. Тогда въ первый разъ услышали здѣсь Исторію и Географію; въ первый разъ предъ Рускими раскрылись богатства отечества; въ первый разъ ожили отечественныя преданія на каѳедрѣ *Чеботарева*. Творенія Грековъ и Римлянъ озарили новымъ свѣтомъ изслѣдованія языка отечественнаго

Между тѣмъ наступило для Русскихъ время полнѣйшаго проявленія народнаго самопознанія—вѣкъ *Екатерины II*. «*Мы думаемъ, вѣщала мудрая Монархиня, и за славу себѣ вльняемъ сказать, что Мы живемъ для Нашего народа*. «Кпо изъ насъ не благоговѣетъ предъ симъ блистательнымъ вѣкомъ

великихъ полководцевъ, Государственныхъ мужей,—вѣкомъ побѣдъ, завоеваній, спасительныхъ законовъ, благошворныхъ учреждений? Какой народъ былъ и погда щасливѣ насъ; кто не завидовалъ нашему могуществу, нашей безопасности, нашему спокойствію? *Екатерина* возсѣла на Престолъ *Петра*, дабы оживить, возвеличить Его швореніе. До сихъ поръ духъ нашъ сосредоточивался въ силѣ познавательной; теперь мы возчувствовали самихъ себя: въ насъ воспрянула любовь къ самимъ себѣ, къ отечественному слову; наступила пора выразиться силѣ воли въ сознаніи могущества своего, силѣ чувства — въ словѣ фантазіи. Монархія, высоко цѣнившая дарованія и ученость, ошасливившая Высочайшимъ пошщеніемъ своимъ *Ломоносова*, среди просвѣщенныхъ вельможъ, въ часы царшвеннаго досуга, бесѣдовала о Русской славѣ, занималась Русскимъ словомъ, Русскою Исторіею, для которой выписки изъ лѣтописей составлены были *Барсовымъ* и *Чеботаревымъ*. Тогда явилось новое поколѣніе писателей, образовавшихся въ Московскомъ Университетѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

92.

Въ No 155-мъ Свѣ. Пчелы, г. переводчикъ двухъ книгъ: первой *О Жителяхъ луны* и второй *Толки объ открытіяхъ на лунѣ*, слезно и дѣльно жалуется на рѣзкій отзывъ о первой редактора (онъ же директоръ) *Библиотеки для Чтенія*—и совѣшуетъ ей:

«Подумать объ именахъ, слѣдѣвшихъ съ ея обертки (1), заучить роковыя, исполненные горькой правды слова, поразившія *Библиотеку для Чтенія* во всѣхъ нашихъ лугишхъ журналахъ: въ *Московскомъ Наблюдателѣ*, въ *Телескопѣ* и въ *Современникѣ*,—и—быть утѣшье.»

Издатели *Свѣ. Пчелы*, выслушавъ спорные пункты обѣихъ споронъ, произнесли такое рѣшеніе:

(1) Писателей, которые торжественно опрелись помѣщать въ *Библиотеку для Чтенія* свои стихи и свою прозу немного. . . А. С. *Пушкинъ*, Грегъ, князь *Вяземскій*, Н. М. *Языковъ*, *Погодинъ*, *Шевыревъ*, *Булгаринъ* и чловѣкъ съ десять еще, не больше.—К.

«Хотите ли знать наше мнѣніе въ эптомъ дѣлѣ? Мы согласны въ томъ, что въ *Библиотеку для Чтенія* плохо пишуць по Русски и, безпрестанно толкуя о вкусѣ, о приличіи, о преобаніяхъ высшаго общества, выпускаюць изъ виду и литературную и свѣпскую вѣжливость;—но—въ существѣ эпшаго дѣла она права.

Въ спашь *Библиотеки* забавно сожалѣніе крипника, что въ выписанной имъ фразѣ переводчика нѣтъ слова *сей*, слѣдственно, нѣтъ возможности доказать совершенное его безвкусіе и невѣжество. Эпа *се-болзль* до крайности смѣшна и нелѣпа; но служивъ доказательствомъ, что нѣтъ нелѣпости, которой бы нельзя было придать вида правды и основательности, швердя еѣ непрерывно, громогласно, при всякомъ случай.

Намъ случилось видѣть корректуру книги О Полишчѣской Экономіи, въ которой одна глава начиналась сими словами: «Знаменитые писатели *Адамъ Смитъ*, *Жанъ-Баптистъ Сей*... Слово *Сей* было вычеркнуто красивыми чернилами, и на полѣ написано: *Жанъ-Баптистъ Этомъ*, съ припискою ученаго корректора: Какое безвкусіе!» —

Очень оспро и очень мило! Я нижеподсавшійся, съ своей спороны, спрощу у г. переводчика книгъ о Лунѣ: Давно ли и кѣмъ произведенъ *Телескопъ* въ лучшіе Русскіе журналы?

Въ Россіи всего на все семь Литературныхъ газетъ и журналовъ, а именно: *Сынъ Отечества*, *Свѣ. Пчела*, *Современникъ*, *Моск. Наблюдатель*, *Библиотека для Чтенія*, *Литературный Прибавленіи къ Русскому Инвалиду* и *Телескопъ*.

Г. Переводчикъ назвалъ *Современника*, *Моск. Наблюдателя* и *Телескопа* лугишими Русскими повременными издапіями. Изъ эпшаго я дѣлаю выводъ, что *Свѣ. Пчелу* и *Сынъ Отечества* причисляетъ онъ къ разряду *плохихъ*: желательно бы знать, за какую вину? Извѣстно ли ему, что С. О. родился въ самый разгаръ священной войны 1812-го года, по *Туртеевски* храбро вызывалъ на бой побѣдоносца *Наполеона*, срывалъ съ неба звѣзду его величія, пошемнилъ *Астерлицкое* солнце, указывая на *Полтаву*, *Пултускъ* и *Прейсшихъ-Эйлау*, на залишую кровью Испанію, на возспаніе Тироля? Неизвѣстно?

А. Кораблинскій.

13-ое Іюля

1856.

Село Рыбацкое.

93.

Распорядитель Библиотеки для Чтения, Директоръ и Редакторъ оной, а за ними и *Тю-Тюнджи-Оглу*, назвали гдѣ-то журналъ *Сынъ Отечества—журнальцою!!!*

Черезъ мѣсяць послѣ того, почтеннѣйшій *О. И. Сеньковский* Сие же уменьшительное прозваніе присвоилъ *Литературнымъ Прибавленіямъ*. Объявляю ему за оное совершенную мою признательность. Щитаю за честь быть издавателемъ такого журнала; но желалъ бы однакожь знать: почему журналъ, 24 года исправно и постоянно выходящій въ 52-хъ книжкахъ ежегодно, заслужилъ названіе *журнальцою*? Другое дѣло, еслибъ онъ издавался литераторомъ, не знающимъ основательно опечиственнаго языка, еслибъ пренняя доля книжекъ его наполнялась выписками изъ вновь выходящихъ лучшихъ Русскихъ книгъ, еслибъ издатели его мало уважали литературныя приличія (1)..... О, тогда другое дѣло!

Войковъ.

94.

Выписка изъ Московскихъ вѣдомостей (*).

Штабсъ-капитанъ *Василій Петровъ Телегинъ*, оппечашивалъ въ двухъ частяхъ книгу, подъ названіемъ: *Согипенія штабсъ-капитана Телегина, или Отрывки изъ моего журнала*, имѣеть щастіе пригласить: не благоудно ли кому будетъ съ 25-го Марта сего 1836 года произвестн на то сочиненіе подписку, и въ какомъ именно кѣто желаетъ получить переплетъ. — Подписка сія будетъ приниматься, по мѣспу жительства моего, въ Москвѣ, Яузской Ч. 4 кварталъ, пройди изъ Города Яузскій каменной мостъ, въ приходъ Покрова на Землянкѣ, въ домъ цеховаго *Михайла Полякова*, подъ № 424; для чего имѣеть бытъ учреждена книга, и господа прекумеранты будутъ получать при взносѣ денегъ на то число экземпляровъ, на сколько оными будетъ подписано, билеты за моей подписью и печатью.

Содержаніе оной книги заключаетъ въ себя: Первая часть: Молитва. — Осень. — Посланіе къ другу. — Романсъ, на голосъ Среди долины ровныя. — Пѣснь. — Жаворонокъ. — Вторымъ изданіемъ, краткая Исторія 1-го карабинернаго полка, отъ

(1) Это случается только въ Юной Французской словесности. — В.

(*) Винаваты! Немножко опоздала эпою *Выпискою* позабавить нашихъ читателей; но vaut mieux tard, que jamais. — В.

начала сформированія и до 1818 года. — Буря сердца моего. — Водопадъ. — Романсъ. — Акроспихъ. — Письмо къ другу. — Спихи Архимандриту *Геддею*. — Посланіе къ другу, при встрѣщеніи Боголюбской Божіей Матери. — Отрывокъ Историческаго событія, или смерть *Лудовика XVI*. — Намура въ Намурѣ, или познаніе оной чрезъ самого себя. — Басилъ.

Содержаніе второй части: Прокшеніе молитвы въ Литургии находящейся. — Восемь писемъ къ другу изъ похода. — Рондо. — Посланіе къ Лунѣ на природу. — Къ Лизѣ. — Исторія 2-го карабинернаго полка тоже вкратцѣ, отъ начала сформированія и до 1821 г. — Вечеръ 1 — Незнакомецъ, буря и привидѣніе, и напоследокъ Вечеръ 2 — Прогулка и нѣчто о незнакомцѣ.

Цѣна тому изданію, обимъ частямъ, сосполнимъ въ одной книгѣ, въ бумажномъ хорошемъ переплетѣ 10 р. ассигн., а въ кожаномъ корешкѣ 15 р. Иногородные же благоволять прилагать для оппавленія по почтѣ во все города по 5 руб. ассигн. Но для избѣжанія излишней переписки и для аккуратнаго доставленія предлагася, не благоудно ли будетъ желающимъ, согласясь между собою, пребывать вмѣстѣ отъ 3 до 4 и болѣе той книги экземпляровъ. О чемъ заблаговременно снмъ почтеннѣше и извѣщася съ тѣмъ, что по совершенномъ оппечашаніи той книги, имѣеть бытъ опубликовано въ Вѣдомостяхъ особенною спашею.

Сверхъ сего, моего же сочиненія, оппечашанная книга: Спаринно-Русская сказка о Емельѣ въ Скарроновомъ вкусѣ и амбическихъ спихахъ, поступила уже въ продажу въ лавку купца *Ивана Григорьевича Кольгугина*, что на Никольской улицѣ, подлѣ Казанскаго Собора, и продаася экземпляръ по одному рублю серебромъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П О Э Т Ъ.

Радужно рабствуешь поэту
Животворящая мечта:
Его любовному привѣту
Не вѣруй, дѣва-красота!
Раздѣль лѣни или скуки,
Пустую смѣсь обычныхъ словъ,
Отъ ридитъ въ сладостные звуки,
Въ музыку мыслей и спиховъ.
А ты, мой чистый ангелъ рай,
Ты примешь, очи помупляя,
Ихъ гармоническую ложь;
Повѣришь слѣпо чувствамъ яснымъ
И сердца пренешомъ прекраснымъ
Сердечной голосъ ты поймешь:

Какъ мило взоръ его смущенный
 Дичится взора твоего!
 Кипящъ, побою вдохновенны,
 Воспорги нѣжные его!
 Уже давно подъ небесами
 Ночная тѣнь и пишина —
 Не спишь, красавица, мечтами
 Ты безпокойными полна:
 Чуть видны блеспки огневья
 Твоихъ лазоревыхъ очей;
 Блуждаютъ кудри золотыя
 По скамамъ двѣспвенныхъ грудей;
 Ланиты рдѣютъ пурпуровы;
 Упали жаркіе покровы
 Съ младаго снаца и колѣнь . .
 Вошь день—и блѣдная ты встала . . .
 Ты не спала, ты все мечтала . . .
 А онъ, тайнственникъ Камень?
 Имъ не играли грѣзы ночи,
 И бодръ и свѣжъ проснулся онъ:
 И про любовь и черны очи
 Уже выдумываетъ сонъ.

Языковъ.

С H A R A D E.

Mon premier, mon entier, ainsi que mon dernier,
 Tous trois aux gens de goût conviennent à merveille,
 Si mon premier et mon entier
 A leur cœur vont par le gosier,
 Mon dernier y va par l'oreille.

Въ No 70-мъ, помѣщенная шарада значить: *Пять-на-десять.*

M O D E S.

Aux peignoirs de jaconas ou de mousseline de couleur, on met des garnitures en étoffe pareille, basses et bordées d'une petite valenciennes. Lorsque le jaconas est de nuance claire, cette garniture produit un charmant effet. Les chapeaux ornés de rubans de velours sont maintenant en si grande majorité, que les

femmes très élégantes commencent à n'en plus porter autant; cependant sur les chapeaux de paille de riz, le velours est d'un très joli effet. Un chapeau de paille de riz avec du velours vert et un bouquet d'oreilles d'ours ou de primevères en velours vert, est un joli chapeau encore fort distingué; on peut le porter de même avec velours et fleurs de nuance plus foncée. Sous la passe de tous les chapeaux, on peut mettre des coques de velours, on les mêle à la blonde. Les brides des chapeaux de paille doivent être attachées sous la passe, à peu près à mi-joie, pour la faire s'écarter du menton, comme les formes à la *Paméla*.

Les gants glacés pour le matin ont la couleur des gants de Suède; cette nuance s'harmonise bien avec les étoffes d'été, et la peau en est bien plus agréable que celle des gants de Suède, qui est toujours plucheuse.

Pl. No 25. Costumes de chasseur. — Fusils et Cartouchière.

М О Д Ы.

Пеньуары жаконетовые или изъ вѣтшиной кисей опдѣдываютъ оборками изъ такой же матеріи, но широкими и обширными узенькими кружевами. Если жаконетъ свѣтлаго цвѣта, то оборка эта дѣлаетъ прелестный видъ. Большая часть шляпъ опдѣданы бархатными лентами, такъ что весьма щеголевато-одѣвajícíя дамы начинаютъ не столько ихъ употреблять; однако бастовыя шляпки весьма красивы съ бархатными опдѣлками. Бастовая шляпка съ зеленымъ бархатомъ и съ букетомъ *oreilles d'ours* или *primevères*, изъ зеленого бархата, составляетъ весьма отличную шляпку; можно также носить съ бархатомъ и цвѣтами темнѣе цвѣта. Подъ поля всякихъ шляпъ можно подкальвать пепли изъ бархата, перешиная съ блондою. Лопоспни у соломенныхъ шляпъ подшпиливаются снизу поля, почти въ полщеки, такъ, чтобы оно опдѣмлялось опъ борды, какъ фасонъ à la *Paméla*.

Глянцоватые перчатки для упря имѣютъ цвѣтъ Шведскихъ перчатокъ, — что чрезвычайно идетъ къ лучшимъ матеріямъ, и кожа несравненно пріятнѣе Шведскихъ, копорая всегда шороховата.

Карш. No 25. Одежда егерская. — Ружья, пороховницы.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ШВАЛІДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 72.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинной моды, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 5 ДНЯ 1836 ГОДА.

Блаженъ, кто, дослужась до старшихъ генераловъ,
Ни разу не видалъ ни пушекъ, ни враговъ;
Блаженъ, кто не бывалъ издавнѣе въ журналовъ,
Но поэтъ блаженнѣе едва-ль не всѣхъ святыхъ,
Кто не читалъ поэмъ и драмъ, Хлыповъ, пѣвчихъ!

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Г У Д У Л Л А.

(Окончаніе.)

Всѣ эти подробности не удовлетворили любопытству мастера *Петра*, но только еще болѣе возбудили его, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, узнать, кто и что такое были *Елисавета* и спарая ея надзирательница, попомъ познакомился, и вошли въ домъ ихъ. Предлогъ къ тому было найденъ не мудрено; ему спонно только заказать имъ сшить для себя нѣсколько рубашекъ.

Елисавета приняла его съ протрпюю, чуждою всякаго жеманства, съ охотою взяла отъ него работу и назначила когда прийти за нею.

Но *Петръ*, прежде еще срока, заходилъ къ нимъ раза два, какъ будто для того, чтобы посмотреть какъ шилось бѣлье его; попомъ, ему понадобились новые галстуки, воротники, манжеты, и, такимъ образомъ, онъ безпрестанно приходилъ къ *Елисаветѣ*, и

чѣмъ болѣе видѣлъ еѣ, тѣмъ находилъ еѣ прекраснѣе и достойнѣе непорочной любви.

Съ другой стороны, дѣвушка казалось, что она никогда не видала мужчины, котораго бы голосъ былъ пріятнѣе, очаровательнѣе, чьи мысли были бы сходнѣе съ ея мыслями; — и однажды вечеромъ молодые любовники, не сказавъ ни слова о любви своей, вдругъ заговорили о женитбѣ.

Съ этого дня *Елисавета* не скрывала нежности своей къ мастеру *Петру*, и *Гудулла* сердечно обрадовалась, что *Елисавета* ея нашла наконецъ милого и достойнаго жениха. Добродушной *Гудуллѣ* и на мысль не приходило, чтобы ктонибудь смѣлъ любить еѣ, не думая о супружествѣ.

Между тѣмъ мастеръ *Петръ*, который былъ жестоко обманутъ въ первой любви своей къ одной вѣтренной Италіанкѣ, боялся новыхъ чувствъ своихъ и воспора, въ который приводила его красота и ангельская невинность молодой дѣвушки. Приходя отъ нее къ себѣ, онъ мучился подозрѣніемъ и

неръшительностию, такъ что однажды хотѣлъ даже оставить её навсегда и уѣхать изъ Антверпена.—Она меня обманетъ, такъ же какъ и па, которую любилъ я съ такою слѣпою довѣренностию,—говорилъ онъ самъ себѣ; но время летѣло,—онъ не рѣшался ни на что, и продолжалъ ходить къ *Елисаветѣ*.—Наконецъ прошло цѣлые три года, и онъ всё ещё боролся съ своею склонностию.

Елисавета, напрошивъ того, любила его съ ослѣпленіемъ нѣжной и неопытной души; и если мрачное подозрѣніе и превозжило иногда мысли ея, то одно ласковое слово друга тотчасъ возвращало ей спокойствіе и довѣренность.

Никогда не спаралась она проникнуть тайны, которую окружалъ себя мастеръ *Петръ*, и не знала ни настоящаго имени, ни состоянія, ни даже ремесла его: для неё онъ былъ милый, обожаемый *Петръ*, и она не хотѣла знать ничего болѣе, ожидая, что со временемъ онъ скажетъ ей имя свое, которое она приметъ отъ него предъ лицомъ Бога и людей.

Таковы были чувства любовниковъ, когда они распались. *Елисавета* сдѣлалась по прежнему весела и спокойна, но *Петръ* предался опять мрачнымъ сомнѣніямъ своимъ и, грустный, задумчивый, пришелъ онъ къ довольно большому, красивому дому. Лишь только онъ постучался у дверей, какъ два проворныхъ лажа выбѣжали отворить ихъ, и почтительно сняли съ него плащъ. Потомъ явился дворецкой въ черномъ кафтанѣ и доложилъ, что какой-то знаменитый господинъ изъ Мадрида ужь два часа дожидается его, чтобы сообщить ему важное порученіе герцога Браганцакаго. Мастеръ *Петръ* вошелъ къ себѣ, и пріѣзжий, раскланявшись, вручилъ ему письмо и кошелекъ, полный золота, который молодой человекъ взялъ съ презрительною улыбкою и бросилъ одному изъ лажей своихъ.

—Сеноръ—сказалъ отъ: доложите герцогу, что я поѣду въ Вилланову не для того, чтобы исполнить то, что желаетъ его свѣплость, но единственно, чтобы провести

тамъ нѣсколько дней въ пріятномъ разсѣлнн. Изъ 100,000 писполоей, привезенныхъ вами, я возьму 3,000 для необходимыхъ издержекъ въ вашемъ городѣ.—

—Что-жь,—сказалъ онъ пажамъ: не благодарите вы почтеннаго сенора, за 50 писполоей, которые онъ привезъ вамъ отъ его свѣпл. герцога Браганцакаго?»

И онъ вошелъ въ богатую спальню, гдѣ слуги спали раздѣвать его, между тѣмъ какъ секретарь читалъ ему въ слухъ нѣсколько писемъ, полученныхъ въ его отсутствіи. Одно изъ нихъ было отъ *герцога Альберта*, который жаловался на то, что *человекъ, составляющій славу и украшеніе всей Испанской Фландріи*, хочетъ оставить её; другое, за подписью *герцога Букингама*, уведомляло его о скоромъ пріѣздѣ *Михаила Албано*, который доставитъ ему 60,000 флориновъ; что, надѣясь, прибавлялъ *герцогу*: заспавивъ васъ уступивъ мнѣ вашу кабинетъ рѣдкостей, со всеми порфирными и агатовыми вазами, древними спануями, карпинами и медалями, которыми онъ заключаетъ. За что я на вѣкъ останусь вамъ благодарнымъ. Что-жь касается до дружбы моей къ вамъ, то её ничто уже умножить не въ состояніи.—

«Увы!» думалъ *Петръ*, почти не слушая письма. «Богатство и слава еще не составляютъ счастья!»

Махнувъ рукою, онъ выслалъ секретаря, пажей и слугъ, и подойдя къ порпирету матери своей, спалъ съ чувствомъ смонрѣнья на него.

«О ты!» говорилъ онъ: «которалъ съ высоты небесъ взираешь на сына своего, просвѣни душу мою и увѣрь меня, что я могу полагаться на любовь *Елисаветы*!»

III. *Щастіе.*

Между тѣмъ, какъ *Петръ*, волнуемый безпокойствомъ, проводилъ ночь въ безсонницѣ, *Елисавета* спала крѣпко, и щастливые сны кружились надъ мирнымъ изголовьемъ ея.—Она еще не просыпалась, когда *Гудулла* вдругъ вскочила съ постели своей. Деревянные часы пробили семь.

— Боже милосердый, ужь семь часовъ! — вскричала старушка. — Что скажешь г-жа *Деннезенсъ*? Она, которая всегда хвалила меня за мою исправность! — Пресвятая Богородица! какъ эпо я заспалась такъ! —

Гудулла поспѣшно одѣлась, поцѣловала въ лобъ спавшую еще *Елисавету*, и скорыми шагами пошла къ г-жѣ *Деннезенсъ*.

Лицо зажимочной мѣщанки выражало неудовольствіе — и сильное желаніе браиниться, которое между нами характеризируетъ лица почти всѣхъ *Фламанскихъ* мѣщанокъ.

«А! тетя *Гудулла*, у насъ съ побою ужь не пятнадцати-дѣтнія ноги!» — сказала жесткокая *Деннезенсъ*, зная, что ничто такъ не прискорбно для старой женщины, какъ быть уличенной въ драхлоспи.

— Я только опоздала четвертью часа, сударыня, — отвѣчала она обидясь: но....

«Четвертью!... развѣ получасомъ, хочешь ты сказать?»

— Пусть такъ; за эпи полчаса вычпипе изъ моей пламы, и дѣло съ концомъ. —

«Да всё таки работа моя опъ шого не подвинется.»

— Я вечеромъ останусь полчаса лишнихъ. —

«А свѣчка-то?»

— Ну, такъ, сударыня, знаете ли что? — опшуспипе меня домой... — сказала *Гудулла* съ видомъ гордости.

При эпой угрозы, *Деннезенсъ* почувствовала, что зашла слишкомъ далеко, что бѣлье еѣ могло остаться нештопанымъ, и что всего хуже, она не могла надѣяться пайти другую такую исправную и спарательную работницу, какъ *Гудулла*.

«Ну добро, добро!» — сказала она смягчившись: «что толковать о шомъ, чему пособить нелзя! Каковъ показался тебѣ цѣпленокъ мой?»

— Очень хорошъ, сударыня, — отвѣчала *Гудулла*, всё еще немного сердясь — и съла на обыкновенное мѣсто свое.

Въ эпу минушу нопариусъ *Деннезенсъ* — здоровый и жирный мѣщаникъ, съ глупою,

но пронырливою физиономією, вошелъ въ комнату и съдъ возлѣ *Гудуллы*, которая не огомнилась опъ такой великой чести.

«Послушай-ко, пѣнушка,» сказалъ онъ ей, дѣлая женѣ знакъ, чтобы она вышла: «чтобы ты дала шому, который бы принесъ тебѣ добрыя вѣспи?»

— А что? развѣ есть онъ у васъ? — спросила *Гудулла*, улыбаясь его шупкѣ.

«Есть.»

— Я дамъ ему за нихъ всё, что угодно, — сказала она: скажите скорѣй, что такое? —

«А вотъ что; я слышалъ, что тебѣ дошпалось по наслѣдству 50,000 флориновъ.»

— 50,000 флориновъ! Что вы, хозяинъ! Не спыдно ли вамъ такъ издѣваться надъ бѣдною женщиною! —

«Ну, ну! не сердись, — а лучше выслушай хорошенъко. Есть ли у тебя въ — кой области, близъ *Верве* въ селеніи *Серуль*, рѣдшвенникъ, по имени *Еастафій Гобинъ*?»

— Какъ же! Только онъ гораздо моложе меня и имѣетъ двухъ сыновей. —

«Ну! онъ умеръ и дѣши его также, не бывъ женаты и не сдѣлавъ никакого завѣщанія; слѣдовательно, ты одна наслѣдница мызы ихъ, со всеми принадлежащими къ ней землями.»

Гудулла сплеснула руками и задрожала опъ радости. Холодный потъ ручьями поилъ у нее съ лица — и прешущія губы проговорили имя *Елисаветы*.

«Поди-ко сюда,» сказалъ *Деннезенсъ*, взявъ старуху подъ руку, къ великому удивленію вошедшей жены своей: «пойдемъ въ садъ; свѣжій воздухъ успокоитъ тебя. Впрочемъ, радость для здоровья не вредна.»

Гудулла прошлась нѣсколько разъ по саду, рука объ руку съ нопариусомъ, не вѣря сама себя, пошому что *Деннезенсъ* рѣдко кого удостоивалъ эпой чести и развѣ только самыхъ имениныхъ и зажимочныхъ знакомыхъ своихъ. Наконецъ, она мало по малу пришла совершенно въ себя и сказала нопариусу:

— Масперъ *Деннезенсъ*, эпо имѣніе слишкомъ велико для меня, бѣдной старухи, при-

вышней къ скудной жизни; но оно можетъ сдѣлать счастье моей *Елисаветы*, и я отдаю его ей; только надобно, чтобы она думала; что это наследство досталось ей, а не мнѣ; безъ того она ни за что не согласится принять его:—

Нотариусъ посмотрѣлъ на спарушку съ почтительнымъ удивленіемъ.

— Да, да, надобно непременно такъ сдѣлать;—повторила она, съ тою твердостью, которую даютъ богатство и счастье.—У *Елисаветы* есть много родственниковъ, которыхъ она не знаетъ и никогда не видывала; скажите, что одинъ изъ нихъ умеръ и сдѣлалъ её своею наследницею... Заставьте её подписаться, что она принимаетъ имѣніе и утвердите его за нею законнымъ порядкомъ.—

«Ай да *Гудулла*! да ты я вижу дѣла по знаешь не хуже самаго городского нотариуса.»

— Да какъ же не знать, г. *Деннезенсъ*; вѣдь дѣло по идетъ о счастьи моей *Елисаветы*, которую мнѣ хочется отдать за мужа за одного добраго молодого человека, который давно её любитъ, и онъ ей по сердцу;—да оба были бѣдны, такъ и нельзя было думать о свадьбѣ... О! какъ они обрадуются, когда узнаютъ, что *Елисавета* получила богатое наследство... Теперь же побѣгу сказать имъ... Ахъ, да не осердитесь ли хозяйка, что я сегодня не буду шпонавать бѣлья ея? У меня кружится голова, добрый мой г-нъ *Деннезенсъ*, и руки такъ дрожатъ, что право я не могу сдѣлать ни одной спешки; завтра я приду пораньше.—

«Нѣтъ, нѣтъ, *Гудулла*, какое теперь шпонаванье. Поди съ Богомъ, мы прищемъ себѣ другую работницу.»

— За чѣмъ же?—спросила *Гудулла*, почти обидясь.

«У тебя и безъ того будетъ довольно дѣла; куда теперь чинить себѣ мои спарые чулки?»

IV. Глава романтическая.

Съ часъ послѣ того, какъ *Гудулла* вышла изъ дому, *Елисавета* проснулась и удивилась,

взглянувъ на часы. Никогда еще не случилось ей спать такъ долго. Но сонъ ея былъ такъ спокоенъ, воображеніе ея представляло ей такія пріятныя и очаровательныя картины, что она не имѣла духу жалѣть о потерянномъ времени, а, напрошивъ того, все еще лежала въ постель, вспоминала сны свои и мечтала о будущемъ;—вдругъ постучались у двери.

— Кто тамъ?—спросила она.

«Я,» отвѣчалъ *Петръ*.

— Ахъ, Боже мой! что онъ обо мнѣ подумаетъ, когда узнаетъ, что я до сихъ поръ еще не встала! Но нѣтъ нужды; надобно впустить его, а то онъ осердился.—

Она вскочила, одѣлась кое какъ, задернула занавѣсъ кровати, чтобы скрыть на ней беспорядокъ, и отперла дверь свою. *Петръ* лукаво улыбнулся, примѣтивъ заснанные глаза прекрасной лѣнивицы.

— Отъ чего ты пришелъ сегодня такъ рано?—спросила она покраснѣвши.

«Мнѣ было грустно, въ головѣ моей бродили мрачныя мысли, и я хотѣлъ видѣть тебя, чтобы облегчить поску мою. Но я право не думаю, чтобы въ 9 часовъ ты была еще въ постель,» прибавилъ онъ, окинувъ глазами комнату и коварно посмотрѣвъ на *Елисавету*.

— О! за свои насмѣшки ты долженъ прибавить со мною горницу.—Перенеси туда эпонъ споль.—Хорошо; теперь пододвинь вонъ ту скамейку.—

«О! иной подумаешь, что они ужъ мужъ съ женою!»—сказала у дверей *Гудулла*, такъ весело такъ радостно, какъ она еще никогда ни говаривала съ ними.

И красная, запыхавшись, и такъ легко, какъ въ 15 лѣтъ, она вбѣжала въ комнату.

— Хорошо, хорошо, масперъ *Петръ*! учишь помогать женѣ въ хозяйствѣ: потому что черезъ двѣ недѣли вы будете обвѣчаны.—

«Черезъ двѣ недѣли!» сказалъ *Петръ* съ удивленіемъ.

— Да, черезъ двѣ недѣли.—Не говорили ли вы мнѣ всегда, что одна бѣдность мѣшаетъ вамъ жениться на *Елисаветѣ*?—

«Ну...чтожь далѣ?» сказалъ *Петръ* поблѣднѣвъ.

— Вы богаты. —

«Ахъ, она узнала мою тайну!» думалъ онъ: «Она велѣла какъ пибудь слѣдовать за мною. Можетъ быть онъ давно знаютъ всё и... Нѣтъ! это ужасно!... Не ужъли *Елисавета* принимаетъ, ласкаетъ, любитъ меня по-тому только, что я богатъ!...»

— Вы богаты, — повпорила спарушка.

«Я?...»

— Не вы, а *Елисавета*... Ей досталось по наследству 50,000 флориновъ. —

«Мнѣ, *Гудулла*? Какъ это?»

— Тебѣ, тебѣ, тебѣ!... Теперь полно покоишься, плакать, грустить. Теперь надобно радоваться, пѣть, плясать... Ла ла ла ла!... —

И она зайѣла, заплясала, забила въ ладоши, какъ сумасшедшая.

Потомъ сказала, что родственникъ *Елисаветы* умеръ и завѣщалъ ей 50,000 флориновъ.

— Всё это швое, *Петръ*, — сказала *Елисавета*. — Всё, что имѣю, принадлежитъ тебѣ; располагай имъ какъ хочешь. Если тебѣ угодно, мы будемъ жить доходами нашими, или нѣтъ, заведемъ лавку. Это совершенно зависишь отъ тебѣ. Что мнѣ нужды до того? Только бы я никогда не расставалась съ тобою. —

«Никогда, никогда, *Елисавета*!» отвѣчалъ молодой человѣкъ. «Черезъ двѣ недѣли я пазову тебѣ моего предъ лицомъ Бога и людей не для того, что ты богата. О, нѣтъ!... но за сердце, за любовь твою ко мнѣ.... У меня также есть тайна, но ты узнаешь её въ день нашей свашьбы... Друзья мои помогутъ мнѣ сдѣлать всё нужныя приготовления къ этому блаженному дню, а до того клянись мнѣ не выходить изъ дому и не видишь никого въ городѣ. — Клянешься ли въ этомъ, милый другъ мой?»

— Клянусь, *Петръ*. —

«Прощай же, *Елисавета* моя!»

Онъ съ нѣжностію поцѣловалъ ея руку, а *Гудулла* запѣла:

— Черезъ двѣ недѣли, черезъ двѣ недѣли! —

Эти двѣ недѣли употреблены были на нѣкоторыя необходимыя распоряженія, и *Гудулла* шила приданое, которое дѣвушка кроила. — *Петръ* не покидалъ невесты своей, и всячески старался не выпускать ихъ изъ дому, и мѣшать спарушкѣ говорить съ соседками.

Но за чепыре дни до свашьбы, онъ вдругъ пересталъ ходить, и вы можете предсавить себѣ ихъ безпокойство и опчальнѣ.

Сидя у маленькаго окна своего, *Елисавета* безпреспанно смотрѣла на улицу; сердце ея билось, когда она издали видѣла молодаго человѣка, похожаго на *Петра*; но когда онъ подходилъ ближе, она заливалась слезами.

«Онъ болѣтъ, говорила она, и я не могу, не смѣю итти къ нему... Нѣтъ, онъ вѣрно не любитъ меня;» прибавляла она рыдал.

Гудулла тоже думала, но, спараясь скрывать поску свою отъ *Елисаветы*, продолжала приготовления къ свашьбѣ, припворясь веселою и спокойною.

Наконецъ наступилъ день свашьбы. Въ 8 часовъ утра, *Гудулла*, одѣная въ новое платье, спала наряжать *Елисавету* къ вѣнцу. Дѣвушка была блѣдна, уныла, встревожена и не спускала глазъ своихъ съ окошка. У *Гудуллы* руки дрожали отъ безпокойства, и она съ прудомъ прищипливала платье на *Елисаветѣ* и завязывала поясъ ея.

Это мучительное положеніе продолжалось до 10 часовъ.

Въ десять часовъ подъ окномъ раздалась громкая музыка, и *Гудулла*, не думая ни о чемъ, вышла за дверь посмотришь, что это значило. Вообразите ея удивленіе! Музыканты предшествовали *Братству Сантъ-Ильдефонза*, котораго члены, одѣтые великолѣпно, шли съ распущенными знаменами. За ними слѣдовали депутаты гражданства и наконецъ дворянство, предводительствуемое Мессиромъ *Гавертонъ*, городскимъ секретаремъ.

Процессія остановилась у маленькаго бѣднаго домика *Гудуллы* и *Елисаветы*.

Тогда явился мастеръ *Петръ*, одѣтый съ чрезвычайнымъ великолѣпьемъ.

— Вивають супругъ *Рубенса!* — закричали со всѣхъ сторонъ.

«*Рубенсъ!*» повторила пренециющая *Елисавета*. — «*Рубенсъ!* котораго имя гремитъ въ цѣломъ свѣтѣ. — О, Боже!.. *Рубенсъ!* Не ужьли это ты, *Петръ?*»

— Я. — Тебѣ принадлежать и сокровища и имя и слава — и жизнь моя! —

«Ахъ, что мнѣ нужды до славы швоей, когда я обладаю швоимъ сердцемъ!»

— Но гдѣ-жъ *Гудулла?* —

«Здѣсь, здѣсь!» отвѣчала старушка въ полголоса, спыдясь мастера *Петра*, сдѣлавшагося вдругъ знашчимъ челоѣкомъ.

«Мнѣ извѣстно лганье швое, госпожа *Гудулла*; мастеръ *Деннезенсъ* расказалъ мнѣ всё. —

«Молчите, ради Бога молчите, г. *Рубенсъ*; кака я нужда знашь это другимъ?»

— Я не буду расказывать о поспупкѣ швоемъ, потому что всѣ о немъ знаютъ. —

— Друзья! — закричалъ онъ, взявъ еѣ за руку: вошь великодушная *Гудулла!* —

И всѣ съ почтениемъ сняли шляпы. — Теперь, — продолжалъ *Рубенсъ*, подавая руку *Елисаветѣ* и *Гудуллѣ*: теперь пойдемъ въ церковь, гдѣ уже епископъ ожидаетъ насъ, чинобы благословить бракъ нашъ. —

«Вивають, *Рубенсъ!* Вивають, *Елисавета Брантъ!*» повторили полны народа, слѣдуя за ними.

Т.

ОБЪ УВАЖЕНИИ ФРАНЦУЗОВЪ КЪ ДРЕВНИМЪ КЛАССИКАМЪ.

Съ Августа 1834-го года издается въ Парижѣ: «*Ногасе polyglotie*,» на шести языкахъ; за нимъ слѣдуетъ почно также издаваемый *Виреилій*. Текстъ, по *Гейне*, Французскій переводъ *Делилл* и *Тиссога*, Нѣмецкій *Фоссовъ*, Англійскій *Драйдена* и *Вартена*, Итальянскій *Каро* и *Араги*, Испанскій *Веляско*. Всѣ изданіе въ 10-ти великолѣпныхъ те-

птрадахъ, въ большую осьмужку. Хотятъ также издать *Анакреона*, опривки изъ *Сафо*, *Біона* и *Мосха*, съ объясненіями и замѣчаніями лучшихъ коментаторовъ.

Опъ чего бы не издать Русскихъ переводовъ? Мы имѣемъ старинный переводъ эклогъ и георгикъ и новый эклогъ — *Мерзлякова*, георгикъ — *Раига*, Александрійскими стихами съ рифмами, и *Воейкова* — эклогъ и георгикъ гексаметрами. *Біонъ*, *Сафо* и *Москъ* также предложены прудолюбивымъ, незабвеннымъ профессоромъ *Мерзляковымъ*, знакомомъ древнихъ языковъ.

О НОВОЙ ПАРИЖСКОЙ МОДѢ ИЗДАВАТЬ МНОГОТОМНЫЯ ТВОРЕНІЯ ТЕТРАДАМИ.

Во Франціи самая огромная, давно уже оконченныя сочиненія, издаются теперь по большой части на срѣкъ тетрадами, которыя можно покупать, какъ вздумается, вмѣстѣ и порознь. *Вальтеръ-Скоттъ* разбишь на двукопѣчныя тетрады. *Дефокоитре*, прежній переводчикъ романовъ его и *Албертъ Монтенонъ*, новый, предпріяли въ одно время два изданія романовъ его, печатаемые, одно у *Жюль-Дидота* старшаго, а другое у *Фирменъ-Дидотовъ-братьевъ*, на апладисной веленовой бумагѣ, со всѣми перемѣнами, введеніями и улучшеніями, принятыми въ послѣднемъ Единбургскомъ изданіи. Всѣ творенія *Вальтеръ-Скотта* сославятъ 15 или 16 книгъ; (волюмовъ), по два или по три романа въ каждой. Романъ стоить будетъ подшницамъ опъ 23 до 36 копѣекъ, Тетрады выйдутъ каждую недѣлю по средамъ и субботамаъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

95.

Въ Юльскоой книжкѣ *Библиотеки для Чтенія*, *Распорядитель оной*, *О. И. Сеньковский*, провозгласилъ себя (Сѣв. Пчела No 155) *Директоромъ*, а попомъ *Редакторомъ*.

Мы, провинціалы, совсѣмъ сбились съ толку, какъ будто бы *Магометъ* перемѣшалъ пальцомъ мозгъ въ головѣ нашей — и не понимаемъ значенія сихъ громкихъ словъ, ни

обязанностей съ ними сопряженныхъ, ни пого, къ какимъ классамъ принадлежатъ *они*. Почему рѣшились обратиться съ покорнѣйшею просьбою къ господамъ Редакторамъ *Энциклопедическаго Словаря*. Она сошлется въ помѣ, чпобъ они съ возможнѣйшею почтностью опредѣлили для насъ смыслъ и вѣсь словъ: *Издатель* журнала, *Редакторъ*, *Директоръ*, *Распорядитель* журнала; *Товарищъ* журналиста и *Сотрудникъ* онаго.

Смѣемъ надѣяться, что господа *Редакторы* *Энциклоп. Лексикона* сжалятся надъ нами и поспѣшатъ вывести насъ изъ недоумѣнн.

До тѣхъ поръ мы спанемъ блуждаемъ во тьмѣ и мракѣ.

Евдокииъ Морозовъ.

14-ое Июля

1856.

Порховъ.

96.

Нѣкопорые журналисты, собранія издавеля *Литературныхъ Прибавленій*, собранія, у которыхъ

Пушковъ на рыльцѣ есть,

укоряютъ его за то, что онъ дозволяетъ мнѣ иногда поднимать изъ гроба спарыя, недѣльные ихъ мнѣнн, умышленно приспращные приговоры книгамъ и громогласные возгласы въ пользу своихъ друзей, прикрышы десятилѣтнею давностью. Они не правы. Для частныхъ виць, проступковъ, преступленнй, есть срокъ, прощение, милосердне. Но тѣ, которыя имѣли своимъ послѣдствнемъ вредъ литературный, подъ десятилѣтнюю давность не подходятъ. Есть *Исторн* царствъ, *Исторн* церкви, *Исторн* торговли, *Исторн* литературы, всеобщая и частная какого нибудь государства: *Сисмонди* сочинилъ *Исторн* Италннской словесности, *Грегъ* Россннской. Последняя, вопреки г. *Виссарнону Блннскому*, назвавшему еѣ гдѣ-то *Адресъ-календаремъ*, кажется намъ книгою основательно обдуманною, на эпохи правильно раздѣленною и весьма хорошо написанною. — Она удовле-

творила потребностямъ своего времени: теперь она корошка, и въ ней, къ сожалѣнню, совсемъ нѣтъ главы о влннн журналистики и извѣстныхъ журналовъ на ходъ и успѣхи нашей литературы. Это по той причинѣ, что за двадцать пять лѣтъ влннн журналовъ было весьма ограничено. Мы вправѣ ожидаемъ отъ него впораго изданн сей необходимой книги въ новомъ, соотвѣтственномъ нынѣшнему состоянию Россннской словесности, видѣ. Это было бы прекраснѣйшее дѣло его.

Между матеріалами для постройки сего обширнаго зданн, я предложилъ бы ему помѣстнть письмо Н. А. *Полевоу*, напечатанное (1833) въ Москвѣ. Письмо сне начнается такъ:

Милоспнвнй Государь

Николай Алексеевичъ!

Будучи одинъ изъ ревностнѣйшихъ чнпателей *Исторн* *Русскаго народа* (1), съ глубочайшнмъ уваженнемъ къ великому труду, подъятому вами во славу Отечества, имѣлъ удовольствне прочестъ я недавно вышедшнй четвертый томъ *Исторн* вашей. Еще разъ, послѣ безсмертнаго *Исторнографа-поэта* (2), пробудили вы въ минушнхъ вѣкахъ ужасную эпоху нашествня варваровъ, губнтелей дражайшей отчнзны нашей. Вы познакомили насъ съ новыми идеями философн и критики и, какъ *Историкъ* нашего времени, созерцая судьбы народовъ, единственно умѣя, такъ сказать, на великомъ тумнѣ *Исторн* отдѣлить мнѣческую соломку отъ чнстнаго зерна истнны. . . . Довольно! Довольно!

Прнмѣнане I. Этошъ документъ достопамятенъ не похвалами, воспнсуемыми *Николаю Алексеевичу*, а тѣмъ, что напечатанъ въ журналѣ; которнй издавался *Николаемъ же Алексеевичемъ*.

Прнмѣнане II. Еслибъ Письмо, котораго начало мы выше помѣстнли, было писанно въ такомъ периодическомъ изданн, котораго книжки родятся и умираютъ, не будучи замѣнены, мы бы, можетъ быть и не вывели его на *святую воду*; но оно явилось въ *Моск. Телеграфѣ*, журналѣ, о которомъ *Издавель* онаго, Н. А. *Полевоу*, самъ говоритъ, что — *силъ должна гордиться Россн, что она одна стоитъ за нее на стражѣ противъ старовѣрства*,

(1) Сочиненной Н. А. *Полевоу*. — К.

(2) *Карамзинъ* названъ здѣсь *поэтомъ* въ насмѣшку; Н. А. *Полевоу* хотѣлъ дать эпнмъ почувствовать своимъ чнпателямъ, чпобы они не искали въ *Исторн* Государства Россннскаго истнны; ибо-де она наполнена пннщическими вымыслами и раскрашена. — К.

одинъ для нее на ловль, Европейскаго просвѣщенія.» Вотъ почему нельзя было прейти молчаніемъ объ этомъ *казусѣ*, который, благодаря другимъ (впрочемъ немногимъ) нашимъ журналистамъ, уже спанивится на *казусомъ*.

А. Кораблинскій.

19-ое Іюля
1836-

Село Рыбацкое.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РОМАНСЪ.

О чемъ грущу—ты знаешь жеддешь;
Но не измѣнишь сердце мнѣ:
Моей тоски не разгадаешь
Въ его завѣтной глубинѣ.

Когда же ты за мной подмѣшишь
Неосторожный, легкій вздохъ,
Иль взоръ блуждающій мой встрѣпишь,
Порою слѣдя меня въ распахъ,

И если пущь тебѣ укажущь
Спанъ дѣвы, звукъ ея рѣчей—
Не спрашивай: они все скажущь;
Но тайнѣ вѣренъ будь моеи.

Насмѣшкамъ дѣвичьимъ, укорамъ,
Молю, меня не предавай,
И тайнымъ, спраснымъ, жаднымъ взорамъ,
Ловишь блаженство не мѣшай.

А. Глббовъ.

ШАРАДА.

О, твердо надобно держасьсл,
Нагала моего,
А то, лишась его,
Легко и безъ опца оспашьсл.
Конецъ мой—кладъ въ саняхъ,
Въ шѣлегѣ или на дровняхъ.
Самъ я, хотя не офицеромъ,
Ни даже канонеромъ;

Однакоже, каковъ ни есть,
А въ артиллеріи служимъ имѣю честь.
Но впрочемъ, я людей не убиваю,
И изъ орудій не стрѣляю,
Напротивъ, ихъ изъ битвы опвожу,
И опъ враговъ охраной имъ служу.

Въ No 71-мъ, помѣщенная шарада значить: *Pois-son*.

MODES.

On a imité déjà toutes sortes de bijouteries, mais celle qui est peut-être la plus étonnante, est l'imitation de *mosaïque* si à la mode dans ce moment, on en fait des plaques de *broches* d'une grandeur démesurée, et qui couvrent tout le milieu de la poitrine; celles sur fond noir sont les plus belles et de meilleur goût.

Le soir, en robe décolletée ou demi-toilette, il est bien de porter un velours noir large d'un doigt, serré au cou par un papillon, une fleur, un oiseau en pierre ou or. Si la température variable de cette année eut été plus chaude, on aurait vu beaucoup de gants longs de couleur, cependant la mode en existe; on les porte foncés avec les robes de nuances claires, et vice versa.

МОДЫ.

Доселѣ подражали всякимъ драгоценнымъ вещамъ, но можетъ быть всего болѣе заслуживаетъ удивленія—подражаніе мозаикѣ, которая въ пакомъ употребленіи, что изъ нее дѣлаютъ бляхи для булавокъ (*broches*) необычайной величины, покрывающей почти всю средину груди; съ чернымъ грунтомъ самыя отличныя и въ лучшемъ вкусѣ.

Вечеромъ, съ открытымъ плащомъ или въ полунарядѣ, очень прилично надѣвать черный бархатъ, шириною въ палецъ, схваченный около шеи бабочкой, цвѣткомъ, пшичкой, изъ каменьевъ или золота. Если бы непостоянная погода нынѣшняго года была шеплѣе, то много бы было видно цвѣстныхъ длинныхъ перчатокъ. Мода на нихъ однако существуетъ; съ свѣтлыми плащами носить темныя, и vice versa.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ШВАЛІДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 73.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 9 ДНЯ 1856 ГОДА.

Равно я не люблю тебя,
Хотя смѣнешся пы, хоть плачешь:
Ты смѣхомъ питишишь не себя,
Слезами ты людей дурачишь!

Х. Р.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕРАЛИ ВЪ ЕГИПТѢ.

Въ Египтѣ богатые и славные люди имѣютъ для женъ своихъ серали, то есть дома, отдѣленные отъ другаго жилья. Они никогда не принимаютъ гостей въ комнахъ женъ своихъ, и даже самые суды не смѣютъ войти туда. Египетскіе серали спроектированы обыкновенно въ одинъ этажъ; они оштукатурены бѣлою краскою и имѣютъ на вершѣ отверстіе, въ которое проходитъ воздухъ и свѣрный вѣтеръ, дующій въ Египтѣ каждое мѣся безпрестанно. Крышка плоская, въ стѣнахъ на семь или восемь фузовъ отъ земли пробиты большія окна съ глухими рѣшетками, закрывающими окно почти до трехъ четвертей, и такъ плотными, что снаружи невидать ничего, что дѣлается за ними, хотя изнутри можно сквозь нихъ очень хорошо смотрѣть на улицу; конечно это не очень удѣшительно для бѣдныхъ затворницъ Воспока; но есть серали еще печальнѣе, въ которыхъ вмѣсто рѣшетки приделываютъ къ окнамъ дощатые или каменные загородки, закрывающія при

четверти окна, такъ что свѣтъ проходитъ только въ верхнюю часть его, и такимъ образомъ изъ комнаты ничего не видно въ поле зрѣніа на улицу.

Въ нѣкоторыхъ гаремахъ, за рѣшеткой или перегородкою, вставлены стекла, потому что хотя рѣшетка и предохраняетъ нѣсколько отъ вѣтра, но всегдѣ не защищаетъ отъ спужи, которая начинаетъ быть очень чувствительна на берегахъ Нила. Вся наружная деревянная украшенія домовъ выкрашены сѣрою или зеленою краскою; иные всегдѣ не крашены, и отъ того нисколько не теряютъ красоты своей, потому что бѣлое дерево очень долго сохраняется въ Египтѣ. Если есть при гаремѣ садъ, то стѣны его такъ высоки, что ни съ которой стороны ихъ нельзя видѣть гуляющимъ.—Вотъ почему на минаретахъ, выстроенные почти на всѣхъ соедѣнныхъ домахъ, позволяется входить только сълымъ музикамъ.—Для цѣлаго серала служилъ только одинъ входъ, но и то не прямо во внутренній дворъ, потому что у самаго входа длинный коридоръ, поворачивающійся на правомъ углу,—мѣшаетъ ви-

дѣшь далѣе. *Бауекъ*, или приврапникъ, спережешъ вороша, не покидая ихъ ни на минупу, и даже ночуя у подворопни; онъ соспойтъ подъ начальспвомъ чернаго евнуха. Вопъ наружность Египетскаго серала.

Что же касается до внушренности, то еѣ соспавляющъ огромныя, высокія залы, съ большими окнами, но безъ впадинъ, попомоу чпо вообще архипектура въ Египтѣ еще очень не усовершенспвована. Спѣны не обипы ни чѣмъ, но только ошпукатурены бѣлою краскою съ разрисованными космами, представляющими цвѣпы, деревья и кіоски; но ни одного живаго шворенія, попомоу чпо законъ Мусульмановъ спрого запрещаешъ имъ изображашъ живошворенные сущесства и особливо человѣка.—«Въ день судный,» говоряпъ они: «Господъ позоветъ того, чья дерзостная рука подражала швореніямъ Его, и скажетъ ему: Одушеви, если можешъ, эти бѣдныя созданія рукъ швоихъ; ты соспязался съ могущесствомъ Моимъ, и адъ будетъ тебѣ воздаяніемъ.»—Въ спѣнахъ сдѣланы шкафы, чптобы сохраняпъ кофе, сухія варенья, шербетъ и чубуки (трубки). Потолки, деревянные, съ довольно искусною рѣзбою, выкрашены разными красками.

Однакожь, нынѣшніе Арабы не такъ искусны, какъ предки ихъ; художесства у нихъ въ совершенномъ упадкѣ и ограничиваюпсл одними грубыми подражаніями. — Около прехъ спѣнъ залы сдѣланъ широкій диванъ, покрыпый правчапою маперією; въ шой споронѣ, гдѣ находится дверь, еспъ обыкновенно въ спѣнѣ небольшая впадина, куда спавяпсл вещи, необходимыя въ хозяйствѣ. Полъ соспавленъ изъ большихъ чепвероугольныхъ каменныхъ плитъ, или изъ бѣлаго мрамора съ чернымъ; иногда на полу дѣлается деревянный подмостъ, для возвышенія дивана или для предохраненія опъ сырости ковровъ и плепенокъ. Это возвышеніе опдѣлено опъ залы легкимъ деревяннымъ балюспрадомъ, довольно изрядно выпоченнымъ. — Вокругъ залы расположепы уединенные кабинетпы, спальни, бани— и наконецъ кухня. — Опмѣнная простота комнапныхъ убранствъ, хотя впрочемъ

богатыхъ, еще болѣе возвышаетъ великолѣпіе одеждъ и красому женщинъ, заключенныхъ въ этихъ непроницаемыхъ гаремахъ; это опсуспствіе всѣхъ поспороннихъ украшений придаешъ осанкѣ ихъ какое-то особенное благородство и величіе; ничто вокругъ ихъ не скрадываетъ величины обширныхъ комнапъ ихъ—и цѣлое пространство кажется посвящено ихъ прелеспямъ.

Теперь представыпъ себѣ прекраснѣйшихъ женщинъ въ свѣпѣ, лежащихъ на этихъ роскошныхъ диванахъ, на этихъ мягкихъ подушкахъ, съ япшарнымъ чубукомъ въ розовыхъ губахъ, одѣтыхъ въ парчу и шелковыя шкани;—на головѣ ихъ сіяющъ алмазы; полукаштанье заспегнуто драгоценными каменьями, — по плечамъ висяптъ мелкія косы изъ черныхъ волосъ, мягкихъ какъ шелкъ и переплепленныхъ жемчугомъ и золотыми монетами; черныя и бѣлыя невольницы сядяптъ у ногъ ихъ, или споя передъ ними, спараюпсл по глазамъ ихъ угадапъ всѣ ихъ желанія, всѣ прихоти, и лишь только взглядъ, или легкое движеніе руки, изьявляешъ волю ихъ,—онѣ спремьяпсл, дспяптъ — и желаніе исполнено въ пуже минупу.—Потомъ вообразите пляски, пѣспн, музыки, игры,—иногда хозяйспвенныя занятія и рукодѣлье,—и вы будете имѣптъ полное понятіе о жизни воспочныхъ женщинъ. Правипсья мужу, развлекашъ его, или упѣшашъ въ печали и заботахъ, — вопъ единспвенная цѣль ихъ—и всегдашній предметъ всѣхъ ихъ помышлений.

Разумѣтсл, однакожь, чпо подобное опщесство женщинъ не можешъ сущесствовашъ безъ самой спрогой іерархіи. Главная надъ всѣми еспъ законная жена, копорой подчиненъ цѣлый гаремъ; она имѣешъ попеченіе о всѣхъ женщинахъ, его соспавляющихъ, о дѣпяхъ ихъ, невольницахъ и служанкахъ. Она, какъ мать многочисленнаго семейспва, какъ глава дому, надзираешъ надъ хозяйспвомъ, споприптъ за благоуспройспвомъ и пшиною,—судиптъ, наказываешъ и награждаетъ; къ ней опносптсл со всѣми нуждами; опъ неѣ ждущъ правосудія — и спараюпсл заслужиптъ ея благосклонность.—Она за всѣ

опвѣчаетъ господину, который сообщаетъ ей волю свою — и печется о его удовольствіяхъ. Подъ ея вѣдніемъ кухарка, буфетчица, казначей, — женщина, которая надсматриваетъ надъ поршными и золопошвеями, паша, которой поручено бѣлье, и наконецъ молодые невольницы, которыхъ должность состоитъ въ томъ, чтобы веселили гаремъ пляскою, пѣніемъ и сказками.

Такъ какъ преимущества законной жены слишкомъ велики, чтобы быть раздѣлены съ другими, то для избѣжанія зависти и ссоръ, пѣ изъ Мусульманъ, которые имѣютъ нѣсколько законныхъ женъ, ни когда не заспавляютъ ихъ жить вмѣстѣ, — но поселяютъ каждую въ особомъ домѣ, составляютъ для нея особый гаремъ, и даютъ ей невольницъ и служителей. Послѣ главной султанши, первое мѣсто занимаютъ въ сералѣ пѣ изъ одалисокъ; которыхъ имѣютъ дѣшей и потому уже избавлены отъ неволи; потомъ невольницы, пользующіяся честью плапка, но бездѣшныя, и наконецъ простыя служанки, которыхъ всѣ почти Арабки или привезены изъ Абиссиніи. Иногда эти невольницы, по заслугамъ своимъ или просто по волѣ господина, которому умѣли онѣ понравиться, поступаютъ на степень бѣлыхъ невольницъ, и если имѣютъ дѣшей, то дѣлаются свободными.

Но надъ всеми этими женщинами, отъ первой султанши до самой послѣдней невольницы, господствуетъ черный евнухъ, строгій, непреклонный, какъ правило, и послушный господину своему, какъ инструментъ рукъ художника; словомъ, олицетворенное отвращеніе всего, что только ревность имѣетъ въ себѣ ужаснаго и мучительнаго. — Если вѣрится тому, что рассказываютъ о гаремахъ Турецкаго султана, то тамъ очень часто озлобленныя женщины или отправляютъ внуковъ своихъ или доносятъ на нихъ султану, и тогда несчастные осуждаются на смерть или на ссылку въ Мекку. Но Египетскія женщины лучше умѣли воспользоваться своимъ могуществомъ: онѣ испортили евнуховъ — и власть ихъ, какъ всѣ обвѣщала постановленія, клонится къ совершенному упадку. — Теперь ужъ нѣтъ пѣхъ спрашанныхъ двуконечныхъ мечей, о кото-

рыхъ говорятъ сказки и легенды; внухи стали пихими, слабыми дѣшными, и походятъ скорѣе на невольниковъ, послушныхъ всѣмъ прихожамъ женщинъ, нежели на грозныхъ спражей ихъ, и не смотря на ужасные анекдоты, которые Европейцы, находящіеся въ Египтѣ, рассказываютъ путешественникамъ на ухо, мы смѣло утверждаемъ чистотелей нашихъ, что тамъ мужья давно отказались отъ права жизни и смерти надъ женами своими — и не только прощаютъ, но забываютъ невѣрность ихъ съ отпѣннымъ великодушіемъ. — Нынче не слышно, чтобы Мусульманинъ бросилъ женщину въ Ниль, зашивъ ее въ кожаный мѣшокъ, или задушилъ ее; следовательно такія происшествія давнымъ давно существуютъ въ однихъ только восточныхъ романахъ. — Одалиски, говорятъ, очень привѣрливы; онѣ любятъ Европейскихъ женщинъ, часто зовутъ ихъ къ себѣ, — съ любопытствомъ разсматриваютъ ихъ наряды, спрашиваютъ о модахъ, домашней жизни ихъ, о мужьяхъ и дѣшяхъ (почитая первымъ блаженствомъ въ свѣтѣ имѣть ихъ). Онѣ не могутъ удивиться, что у насъ нѣтъ *Нила*, и какъ мы не умираемъ отъ жажды, не имѣя у себя этой, по ихъ мнѣнію, одной рѣки въ мірѣ; потомъ спрашиваютъ, по скольку разъ въ день Христіанки молятся, часто ли ходятъ въ баню и какъ проводятъ время свое. Мы ужъ сказали, что вся цѣль восточныхъ женщинъ состоитъ въ томъ, чтобы нравиться мужу и имѣть дѣшей, потому что въ такомъ случаѣ, если женщина потеряетъ любовь его, то пользуется всегдашнимъ его уваженіемъ, и до конца жизни своей живетъ въ гаремѣ покойно и щастливо. Есть однакожь серали, гдѣ одалиски по большой части бываютъ бездѣшны; такихъ женщинъ паша, или визирь, выдаетъ за любимцовъ или за мамелуковъ своихъ, которые принимаютъ это за великую честь и не смѣютъ отказаться отъ нея, спрашась немилости своего покровителя.

Мы говорили о большихъ гаремахъ, содержащихъ въ себѣ отъ 5 до 600 женщинъ; но есть маленькіе, гдѣ ихъ только 6 или 7 — и даже при или четыре. Эти мѣщан-

скіе серали по большой часпи находилъ на другомъ краю дома и состоятъ изъ нѣсколькихъ главныхъ женъ, нѣсколькихъ невольницъ и одной или двухъ служанокъ; господинъ исправляетъ самъ должность управителя и евнуха. Знапныя женщины не могутъ иначе показаться на улицу, какъ верхомъ на лошади или ослѣ; онѣ сядутъ на чрезвычайно высокомъ седлѣ, закупаиныя въ длинное частое покрывало, сквозь которое нельзя разсмотрѣть не только лицъ, но ни рукъ, ни ногъ, ни даже башмаковъ ихъ. Мѣщанки ходятъ пѣшкомъ, и хотя онѣ также тщательнѣе закрываютъ покрываломъ, но умѣютъ выказать пріятность движеній своихъ и красоту спана.—Онѣ частію заводятъ любовныя интриги; но надобно, чтобы та, которая имѣетъ любовника, склонила подругъ своихъ помогать ей. Въ такомъ случаѣ, бѣдный мужъ прибѣгаетъ къ слугѣ или привратнику, закупаетъ его деньгами, и съ помощію его спараній, прекращаетъ зло въ самомъ началѣ его.

Нѣкоторые изъ Европейцевъ, знающіе совершенно обычаи и языкъ Египтянъ, проникли въ серали ихъ, переодѣвшись въ женское платье. Надобно знать, что Мусульманинъ не смѣетъ войти къ женѣ своей, если у дверей ея лежатъ женскія бабуши или шубы, и посѣщенія продолжаются иногда нѣсколько дней съ ряду. Но какъ всегда должно опасаться восточной ревности, то наши искатели приключеній подъ женскимъ платьемъ имѣютъ обыкновенно одежду своего пола, которая можетъ остановить первую запальчивость мужа, и дать имъ возможность прибѣгнуть къ защитѣ консула.

Мы дали понятіе читателямъ о внѣшнемъ и внутреннемъ расположеніи гарема и нѣкоторыхъ занятіяхъ восточныхъ женщинъ; но тайна домашней жизни ихъ остается не известною, и мы не можемъ проникнуть еѣ. Кто видѣлъ одалиску въ присутствіи мужа ея, отца, брата? Кто слышалъ разговоръ ея; кто знаетъ, счастлива ли она посреди роскоши, еѣ окружающей; не желаетъ ли она другаго супруже-

ства; не крушитъ ли еѣ то, что мы называемъ неволею? Никто не знаетъ того, и нѣкоторыя частныя признанія не послужили бы ни къ чему, потому что Мусульманка лжетъ и обманываетъ даже въ самомъ искреннемъ разговорѣ, если замѣтитъ, что вопросы простираются слишкомъ далеко и любопытство ищетъ проникнуть въ сердце ея.

T.

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ

принца Пюклеръ-Мюскау.

Брайтонъ, 20 Апрѣля.

Сегодня узналъ я по опыту, что такое здѣшній туманъ, и какъ онъ можетъ быть опасенъ; прежде я не хотѣлъ вѣрить этому, пѣлъ больше, что въ Лондонѣ онъ производитъ всегда какое нибудь смѣшное приключеніе.

Одинъ изъ пріятелей моихъ далъ мнѣ свою лошадь, потому что мои верховыя лошади остались все въ Лондонѣ. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть песчаные холмы, называемые *Дальвольскою пещерою*, которыхъ я еще не видалъ, и я направилъ путь мой въ ту сторону. Утро было прекрасное, — дѣржалъ нѣсколько миль по горамъ и долинамъ, какъ вдругъ воздухъ началъ сгущаться, и черезъ нѣсколько минутъ сдѣлалась такая темнота, что я въ десяти шагахъ передъ собою ничего различить не могъ. Мгда усиливалась часъ отъ часу больше — и все предвѣщало, что этотъ ужасный туманъ продолжится цѣлый день. Не находя дороги и совершенно не зная мѣста, цѣлый часъ ѣздилъ я по въ ту сторону, по въ другую, надѣясь отыскать гдѣ нибудь проложенную тропинку — но тщетно.

Между тѣмъ платье на мнѣ пзмокло, и еслибъ заснула меня путьъ ночь, то положеніе мое сдѣлалось бы еще непріятнѣе. — Вдругъ пришла мнѣ счастливая мысль дать полную волю престарѣлой лошади моей, испытанной на правлѣхъ и которая столько разъ скакала здѣсь за лисицами. — Лишь только сдѣлала она нѣсколько шаговъ, — какъ

почувствовавъ себя свободною, поворопила назадъ и попомъ во всю прыть помчалась съ горы. Я не думалъ останавливать её, опустил поводъ, и не смотря на полу-мракъ, меня окружавшій, скоро замѣпилъ, что она пѣслась со мною черезъ широкое поле, покрытое густымъ и величественнымъ бровникомъ. Намъ встрѣчались узкіе каналы и невысокіе заборы, но ей ничто не мѣшало, и наконецъ, черезъ полчаса времени, умное животное остановилось запыхавшись у самой заставы Брайтона, но не у той, изъ которой выѣхалъ я поутру и которая находилась совсѣмъ на противоположной сторонѣ города. Я очень обрадовался, когда увидѣлъ, что такъ дешево отдѣлался, и мысленно поклялся самому себѣ, быть вперёдъ осторожнѣе въ этой землѣ тумановъ.

Я обыкновенно провожу вечера у леди К. и г. Фицгербертъ, гдѣ играю съ мужчинами или въ виспъ, или въ экарте, а съ молодыми дамами въ лопо. Эти маленькія общесства гораздо пріятнѣе большихъ Лондонскихъ собраній, гдѣ найдешь всё, кромѣ гостепріимства и ласковости. Въ высшемъ Англійскомъ кругу даютъ балы изъ приличія и приглашаютъ артистовъ для тону, платя имъ большіе деньги, и никакъ не поймавъ, чтобы можно было видѣть ихъ за просто и наслаждаться пріятностями бесѣды ихъ. Воспитаніе здѣсь совершенно основано на полипикъ, и духъ партій, переносясь въ общесства, вмѣстѣ съ духомъ господствующей моды, производитъ въ нихъ какой-то всеобщій разладъ, какое-то бореніе разнородныхъ стихій, которыя, соединяясь съ природною необходимостію Англичанъ, дѣлаютъ Лондонскую жизнь несносною для иностранца, если онъ не завелъ коронныхъ знакомствъ, или не присоединился къ какой нибудь политической партіи.

Но самый счастливыи, самый почтенный классъ людей въ Англій—есть средній. Вся полипика этихъ достойныхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всеми мѣрами доставить благоденствіе области, къ которой принадлежатъ они; и всѣ члены соединены между собою однимъ духомъ ревности, одними непрѣмными правилами. Эпоиъ

классъ не въ модѣ, — но въ немъ одномъ существуетъ здѣсь истинное гостепріимство и добродушіе; они не ищутъ иностранцевъ, но когда встрѣчаются съ ними, то показываютъ имъ нелицемѣрное участіе. — Они искренно любятъ отечество свое, но безъ всякой личной выгоды, безъ интригъ и домогательства; — они иногда бываютъ смѣшны, но всегда внушаютъ къ себѣ уваженіе — и умѣряютъ національный эгоизмъ своей благоразуміемъ и справедливостію.

Нынѣ можно сказать объ Англій, что некогда говорили о Франціи: *этотъ плодъ съ обѣихъ сторонъ попорченъ*. Одна сторона его представляетъ аристокрацію, другая народъ. Первая конечно теперь еще въ прекрасномъ положеніи; но если она не спанетъ показывать болѣе умѣренности, если не будетъ дѣлать большихъ услугъ духу времени и могуществу обшественствъ, то я не знаю, продлится ли ея благосостояніе еще на пятьдесятъ лѣтъ. — Я сказалъ это однажды принцу Эстергази, и онъ смѣлся надо мною. Но—мы увидимъ!

Завтра возвращаюсь я въ городъ Лондонъ, какъ Римъ для древнихъ Римлянъ, есть для Англичанъ первая столица въ свѣтѣ.

Я былъ вчера на необыкновенно-величественномъ балѣ, на которомъ присутствовали нѣкоторые изъ членовъ королевской фамиліи, и въ эпоиъ случаѣ, щеславіе ввело въ обыкновеніе прибавлять на приглашеніиныхъ билетахъ: *To meet his royal highness p. s. Чтобы быть влиятель съ его королевскими высочествомъ*. — Въ домѣ, гдѣ давался эпоиъ праздникъ, обширный садъ представлялъ нѣсколько обширныхъ гостиныхъ и залъ, потому что эпоиъ былъ весь занятъ построеными на эпоиъ время галереями, которыя были убраны внутри бѣлою кисеею съ розовымъ, увѣшаны зеркалами, бронзовыми люстрами, въ которыхъ горѣло по пятидесяти восковыхъ свѣчъ—и цвѣтами всѣхъ странъ свѣта. Герцогиня Кларанская удостоила эпоиъ праздникъ своимъ посѣщеніемъ—и всѣ толпились, чтобы видѣть и слышать её. Она изъ небольшого числа пѣхъ принцессъ, которыхъ

личныя достоинства внушаютъ еще болѣе уваженія, нежели санъ ихъ.—Доброта сердца ея и ласковость въ обращеніи, давно снискали ей любовь народную, и мы Нѣмцы должны гордиться ею.—Она вѣроятно будетъ Англійскою королевою.

Знатная дама, давшая эпопѣ блестящій балъ, не имѣетъ однако щастія быть въ числѣ самыхъ модныхъ женщинъ, то есть принадлежащихъ къ обществу, называемому *Исключительнымъ*. Права на это преимущество имѣютъ здѣсь тысячу подраздѣленій, одно спранные и смѣшное другаго; но между тѣмъ каждый знатный домъ, модный или немодный, старается заимать другіе—пышностію своихъ праздниковъ.

На другой день графиня Л. дала также балъ, на которомъ было сполько званыхъ, что я долженъ былъ шаговъ за тысячу выпши изъ кареты и иппи къ дому пышномъ, попому что ужасное спѣшеніе экипажей не дозволяло подѣхавъ къ крыльцу; многія кареты переломались, при чемъ крикъ кучеровъ умножалъ сумятицу и безпорядокъ. Балъ давался въ оранжереѣ, которой спѣны были покрыты разноцвѣтнымъ мохомъ, а полъ усыпанъ, или лучше сказать, укладенъ густыми слоями сръзанной травы,—изъ которой, тамъ и сямъ, выходили цвѣты, освѣщенные снизу; что умножало свѣжестъ и блескъ ихъ. По краямъ пещаныхъ дорожекъ были разставлены цвѣтныя лампы, блиставшія въ зелени дерна какъ драгоценныя каменья, которыми уподоблялся также и мохъ, изъ котораго составлены были по спѣнамъ разныя пестрыя арабески; въ концѣ галереи стоялъ транспаранъ, представлявшій прекрасный пейзажъ, освѣщенный луною.

Я былъ званъ сего дня на дипломатической объѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ новые министры; а вечеромъ на балъ въ одинъ Нѣмецкій домъ, который не успуаетъ лучшимъ Англійскимъ ни въ богатствѣ, ни во вкусѣ, ни въ великолѣпнн, — но съ пою разницею, что хозяинъ его гораздо любезнѣе и обходительнѣе здѣшнихъ гордыхъ лордовъ. Я говорю о принцѣ Эстергази. —

Т.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ НЕЩАСТНЫХЪ МУЖЕЙ И ЖЕНЪ.

Въ Пенсильваніи, въ числѣ 140 газетъ и журналовъ, издается одна подъ заглавіемъ: *Для несчастливыхъ въ супружествѣ*. Говорятъ, что на эту газету есть много подписчиковъ въ Сѣверной Америкѣ.

КОФЕЙНЫЕ ДОМЫ.

Первый кофейный домъ открытъ въ Константинополь въ 1552 году; въ Лондонѣ въ 1651 году; въ Марсели въ 1671 году; въ Гамбургѣ въ 1679; во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1689. Всѣ такіе дома основаны были большею частію Греческими купцами, пріѣхавшими изъ Леванта, для Европейцевъ, которые, путешествуя по Востоку, привыкли къ употребленію кофе.

О Т Р Ы В К И

изъ *Рѣчи профессора И. И. Давыдова, о содѣствіи Московскаго Университета успѣхамъ отечественной словесности.*

5.

РЯДЪ ЮНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ СЪ НОВЫМИ ИДЕЯМИ, СЪ НОВЫМЪ НАПРАВЛЕНІЕМЪ.

Уже питомецъ Университета, *Подшиваловъ*, издаетъ *Пріятное и полезное препровожденіе времени*. Это первый въ свое время переводчикъ; его собственныя сочиненія отличаются острою мыслей, нѣжностію чувствованій, правильностію и пріятною простотою слога. Другой замѣчательный переводчикъ одного изъ полезнѣйшихъ сочиненій, *Вселірнаго путешественника*, Булгаковъ, воспитывался также въ Университетѣ. Петровъ составляетъ *Дѣтское чтеніе*, долго остававшееся единственнымъ въ своемъ родѣ книгою. Уже не Телемахиду, скованную плетельмъ гекзаметромъ, приноситъ Костровъ на алтарь отечественной Словесности, но восемь пѣсней *Иліады*, пропѣтыхъ звучнымъ

спихомъ ямбическимъ. Уже не жесткій, силлабическій стихъ *Кантемира* раздается въ Душенькѣ *Богдановича*, но это языкъ игривый, простой, мелодическій, замысловатый. Съ сладосными чувствами слушаемъ мы опрока, высказывающаго свѣжля понятія свои: пакъ любуемся мы въ эпозъ поэтъ прелестнью впервые раздавагоса языка народнаго. Въ *Богдановичъ* нѣтъ еще творческаго созданія: онъ не сбросилъ съ себя подражательности писателямъ Франціи, въ по время единственнѣмъ образцамъ для цѣлой Европы; но внѣшняя опѣлка его собственность. Воспѣвай онъ Душеньку въ другомъ вѣкѣ; не увлекайся общимъ направлениемъ: и онъ обогатилъ бы поэзію нашу красотами новыми, пародными (*). Уже въ драматической поэзіи, языкомъ *Сумарокова*, не переносятъ созданія *Расина* и *Вольтера* на Русскую сцену съ Русскими только именами дѣйствующихъ лицъ; но остроумный *Фонъ-Визинъ* творитъ Русскую комедію на языкъ новомъ, дополъ неслыханномъ, правильномъ, народномъ. Всѣ узнали въ семействѣ *Простаковыхъ* тѣ лица, которыя тогда пакъ часто встрѣчались, которыхъ тогда пакъ часто слышали. *Фонъ-Визинъ* избѣгнулъ подражательности и создалъ впервые Русскую рѣчь, простую, легкую. А добрый пѣвецъ Русскаго юмора, *Кн. Долгорукій*, веселый и вмѣстѣ прогательный, принесшій мѣстпу образованія свои поэтическія думы и чувствованія, а роскошный въ описаніяхъ *Бобровъ*? А проницательный изслѣдователь отечественныхъ древностей *Балтышъ-Каленскій*; а ученый *Муравьевъ*, написанный чтеніемъ древнихъ писателей, показавшій образецъ чистой и сладкой прозы, наставникъ *Александра I* въ отечественномъ словѣ, незабвенный начальникъ того храма наукъ, гдѣ самъ былъ озаренъ ихъ свѣтомъ? Посмотрите на *Собраніе сочиненій къ распространенію знаній*, которое издавалось при Университетѣ профессорами: вы пакъ встрѣтите

студентовъ того времени, графовъ *Воронцовыхъ*, *Марковыхъ*, *Приклонскихъ*. Это славные питомцы юнаго Московскаго Университета! Сколько другихъ, воспитанныхъ въ семъ вертоградѣ Русскаго образованія, достигшихъ высшихъ степеней въ Государственной службѣ, военной и спашской! Между именами студентовъ читаемъ знаменитыя имена: *Тепловыхъ*, *Лопухиныхъ*, *Татищевыхъ*, князей *Волконскихъ*, князей *Хованскихъ*, *Стрелковыхъ*, *Васильчиковыхъ*. Не всѣ ли они принесли на алтарь отечества сокровища, здѣсь пріобрѣтенныя?

Московскому Университету принадлежатъ честь и первой отечественной Эпопеи, Россіяды *Хераскова*, его Курашора. При нынѣшнемъ возрѣніи на поэзію, мы не ослѣпляемся эпимъ произведеніемъ, подражаніемъ *Иліады*, *Энеиды*, Освобожденному Иерусалиму, *Лузіады*, *Генриады*; но да напоминаетъ оно намъ славный моментъ жизни нашего отечества, и вмѣстѣ въ тѣмъ либературный вѣкъ, въ который родилась мысль имѣть Русскую Эпопею.

Каждый вѣкъ, замыкающій извѣстный періодъ народнаго развитія, идею человечества, выражается въ своемъ поэтѣ. Такъ древній героическій вѣкъ выразился въ *Омирѣ*. Такъ чудный рыцарскій вѣкъ, со всѣми своими дивными приключеніями и повѣрьями, выразился въ *Дантѣ*. Выраженіе славнаго вѣка *Екатерины II*, его послѣднее слово — *Державинъ*. И все царствованіе Великой, и всѣ элементы Русской народности—заунывность наша и самодовольство, наше небо и наша природа, всѣ сокровенныя тайны души, всѣ образы и опливы языка нашего, ярко выразились въ томъ поэтѣ. Его лира, величественная и шумливая, благородная и забавная, заунывная и сильная, по возносилъ къ Всемигущему, по является у прона *Фелицы*, по переходитъ въ чертогъ вельможи, по груститъ въ глубокой думѣ о суествѣ міра у *Кончезерскаго* водопада. А языкъ, эпозъ радужный покровъ его свѣтлой мысли и фантазіи; эпозъ опголосокъ Русскаго сердца? Славу его, по всей справедливости, почитаемъ свою родною сла-

(*). Многими замѣчаніями о *Богдановичѣ*, *Державинѣ* и *Жуковскомъ* я обязанъ прекраснымъ разборамъ, написаннымъ по случаю новыхъ изданій сихъ писателей. Эти разборы извѣстны либераторамъ. — Д.

вою Московскій Университетъ. Въ древно-
сти семь городовъ оспаривали мѣсто ро-
жденія *Омира*: Исторія нашей словесности
приписываетъ Московскому Университету
и честь вліянія на образованіе *Державина*.
Казанская Гимназія, гдѣ воспитывался нашъ
Омиръ, основана подъ руководствомъ Мо-
сковскаго Университета; всѣ первыя настав-
ники въ ней были его питомцы. Въ вѣкъ,
которымъ гений украсилъ главу поэта, вліе-
ніемъ даръ и нашимъ Университетомъ.

ENIGME.

Devinez le bijou, qui serti dans de l'or.
Orne les jolis doigts de nos charmantes Belles.
Puis devinez l'auteur, qui brille mieux encor,
Et fait jaillir, en vives étincelles,
Son esprit fin, dans de nombreux écrits:
Ecrits piquans et dont le sel attique
Dérive jusqu'au front le plus mélancolique.
Ce bijou, cet auteur dans un mot sont compris.

Въ No 72-мъ, помѣщенная шарада значить: *от-возъ*,
Артиллерійское механическое названіе.

MODES.

On disait il y a quelque temps que les mantelets devenaient si communs que les femmes de la haute société n'en porteraient bientôt plus; on est obligé de revenir sur cette opinion et de convenir que maintenant un mantelet est devenu un objet indispensable dans la garde-robe d'une femme, comme un châle, un manteau, un manchon. Il faut donc que les femmes, auxquelles leur fortune ne permet pas d'atteindre jusqu'au prix élevé des belles blondes, fassent des frais d'imagination pour les remplacer le plus gracieusement possible; parmi toutes les inventions que nous avons vues jusqu'aujourd'hui, celle qui nous a paru la plus jolie, ce sont les bandes de tulle bordées d'une comète de satin noir et deux raies de comète pareille à un bon doigt de distance les unes des autres. Cette garniture vaut infiniment mieux que les fausses dentelles que l'on

a fabriquées depuis quelque temps. Ordinairement les mantelets qui sont garnis de la manière dont nous venons de le décrire, se font en satin pour rappeler la garniture.

Il y a un an que l'on aurait crié à l'anathème si on eût vu des rubans de satin sur un chapeau au milieu de l'été, cette année que le velours a trouvé grâce malgré la chaleur, on passe par dessus le ruban de satin et on en orne les chapeaux de paille d'Italie, ces rubans sont toujours blancs ou trilles et vont bien avec un oiseau du Paradis. Les plumes se portent beaucoup plus plates que frisées; on les unit par trois, bien serrées du pied et étagées par le haut. Quand on a une fort belle plume on peut la placer seule.

МОДЫ.

Нѣсколько времени тому назадъ говорили, что маншилы сдѣлались такъ обыкновенны, что дамы хорошаго общества не будутъ ихъ болѣе носить; теперь должно переменить это мнѣніе и согласиться, что маншилы сдѣлались необходимою принадлежностью дамскаго гардероба, какъ шаль, плащъ, муфта. Поэтому надо, чтобы дамы, которыя состояніе не позволяетъ притянуться много на дорогія блонды, напрягали свое воображеніе, чтобы замѣнять ихъ приличнымъ образомъ. Изъ всего придуманнаго, что мы доселѣ видѣли, всего красивѣе намъ показались шюлевыя полосы, выложенныя по краю кошмами изъ чернаго апласа и двумя полосами подобныхъ кошмъ, расположенъ одна опъ другой на добрый палець. Эта опдѣлка несравненно лучше идееть поддѣльных кружевовъ, которыя недавно начали дѣлать. Обыкновенно маншилы, опдѣланныя такимъ образомъ, дѣлаются изъ апласа, чтобы соответствовать опдѣлкѣ.

Годъ тому назадъ, всѣ бы возстали, если бы увидѣли апласную ленту на соломенной шляпѣ въ среднѣхъ лѣтахъ. Нынѣшній же годъ, когда бархатъ употребляютъ не взирая на жары, апласныя ленты пропускаютъ безъ вниманія и опдѣлываютъ ими Италіанскія соломенные шляпы; цвѣтъ же всегда бѣлый или соломенный, что весьма идееть съ райскою пшичкой. Перья болѣе носятъ гладкія, нежели завивыя; ихъ соединяютъ по три, весьма плоино схваченныя съ корня, а къ верху одно другаго выше. Когда перо очень хорошо, то можно прикалывать одно.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 74.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 12 ДНЯ 1836 ГОДА.

Напрасно говорятъ, что будио карты вредны!
Наше Кривосудовъ—что бывало ни схватилиъ,
За карточнымъ споломъ все въ пошь же день спустилиъ:
Что взялъ у честныхъ плушь, по взялъ у плуша
бѣдный!

М. Д.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ *ЕКАТЕРИ- НЫ* II ВЪ ТАВРИДУ.

Изъ записокъ сопровождавшаго Ея Величества Французска-
го посла графа *Сегюра*.

Зима уже исчезала; воды Борисеена осво-
бодились отъ льдовъ, и природа, снявъ пра-
урное покрывало, и нарядившись весенними
огнями, сама подала *Екатеринь* сигналъ опъ-
зда. Оппраздновали Ея пезоименишество.

Императрица въ послѣдній разъ помо-
лась въ Печерскомъ монастырѣ, раздала
множеспво награды, леншь, бриліаншовъ и
жемчугу. «*Кіевская царица*,» сказалъ при
семъ случаѣ принцъ *де Линь*: «не глотаетъ
жемчугу, но за то много раздаетъ его.» X

Наконецъ Государыня взошла 1-го Мая
1787 года на свою галеру, окруженную са-
мымъ блистательнымъ флотомъ, никогда
ни, на какой рѣкѣ невидѣннымъ. Флотъ
эпошь состоялъ изъ осьмидесяти судовъ, съ
3,000 человекъ мапросовъ и солдатъ. Вме-
реди шли 7 галеръ, прекрасно и правильно

поспроенныхъ, искусно выкрашенныхъ и
управляемыхъ хорошо выправленными и про-
ворными мапросами въ одинакихъ мунди-
рахъ. Золото и шелковыя пкани блистали
въ богатыхъ комнапахъ, успроенныхъ на
палубахъ.

Въ галерѣ, плившей за галерою Импера-
трицы, находились *Кобенцель* и *Фиц-Гер-
бертъ*; вторая была отдана принцу *де Линь*
и мнѣ; а прочія назначены князю *Потемки-
ну*, спатсъ дамамъ и фрейлинамъ, оберъ-
гофмейстеру, оберъ-егермейстеру, минис-
трамъ и придворнымъ, которымъ *Екате-
рина* повелѣла сопровождать себя; на оспаль-
ныхъ же судахъ находились нижніе чины,
багажъ и аммуниція. Камеръ фрейлина *Про-
тасова* и графъ *Малмоновъ* находились на
собственной галерѣ Ея Величества.

Каждый изъ насъ имѣлъ свою госпиную
и кабинетъ, гдѣ вкусъ соединялся съ рос-
кошью, и гдѣ находились покойный диванъ,
прекрасная постель съ шпофными занавѣ-
сами, и бюро изъ краснаго дерева; каждая
галера имѣла свою особенную музыку. Мио-

жество лодокъ и шлюпокъ безпрестанно развѣзжали со всѣхъ сторонъ эскадры, напоминающей времена волшебниковъ.

Мы плыли медленно, часто оспанавливались, и, пользуясь этимъ минутами отдохновенія, прыгивали на легкія шлюпки и отправлялись гулять по берегу рѣки, или по зеленѣющимъ и свѣжимъ островамъ, копорыми Днѣпръ очень богатъ.

Несмѣнное множество народа привѣтствовало Императрицу громкими восклицаніями въ ту минуту, когда, при пушечной пальбѣ, мапрсы этой величественной эскадры мѣрно ударили блестящими веслами по древнимъ водамъ Борисеена.

На берегахъ рѣки толпы любопытныхъ, безпрестанно возобновляющіяся, прибѣгали со всѣхъ концовъ имперіи смотрѣть на нашъ блестящій поѣздъ, и подносили въ дань своей Монархинѣ произведенія всѣхъ климатовъ.

Часто встрѣчали мы легкіе отряды казаковъ, копорые производили свои быспрыжные маневры на равнинахъ, орошенныхъ Днѣпромъ. Города, села, деревни, хупоры, а иногда и простыя рыбацкія хижины, были украшены воздвигнутыми на скоро триумфальными воротами, цвѣтниками, садами, павильонами, бесѣдками, мелькающими въ отдаленіи каменными церквами. Все это, казалось, было вызвано изъ земли маповеніемъ волшебнаго жезла:

Снѣгъ исчезъ уже совсѣмъ, пріятная зелень покрывала землю; луга испещрялись цвѣтами, и знойные лучи солнца одушевляли и озаряли новымъ блескомъ всѣ предметы. Воздухъ наполнялся плѣнительной музыкою; а различная одежда любопытныхъ зрителей, на берегу гулявшихъ, разнообразила еще болѣе эту великолѣпную, подвижную картину.

Наконецъ, подвѣзжал къ какому нибудь важному городу, мы встрѣчали у воротъ красивыя эскадроны на лихихъ коняхъ, блистательно вооруженныхъ и въ богатыхъ мундирахъ. Разница между ихъ щегольскимъ нарядомъ и поношенными мундирами полковъ фельдмаршала *Румянцева*, ясно показы-

вала, что мы оспавляли намѣстничества, управляемая этимъ старымъ и заслуженнымъ полководцемъ, и вспукали въ области, управляемая княземъ *Потемкинымъ*.

Слѣхи, время года, природа и искусства, все соединилось, чтобы доставить триумфъ могущественному вельможѣ. Онъ надѣялся окружить Государыню великолѣпіемъ въ странѣ, столь недавно покоренной ея оружіемъ, воспламенить Ея честолюбіе и внушить Ей желаніе новыхъ побѣдъ.

Мы только по упрямъ были свободны. Тогда мы пріятно занимались чтеніемъ, разговорами, ходили другъ къ другу въ гости на галеры, или гуляли на живописныхъ берегахъ Днѣпра.

Каждый день, въ часъ по полудни, мы отправлялись на галеру Императрицы, и тамъ обѣдали. Столъ Императрицы, по Ея обыкновенію, накрывался на десять приборовъ, не болѣе. Только разъ въ недѣлю Она давала обѣдъ всѣмъ особамъ, Ее сопровождавшимъ. Тогда столъ накрывался на особой галерѣ, гораздо просторнѣйшей; на ней 60 человекъ удобно помѣстались.

Черезъ пять дней послѣ отплытія изъ Кіева, мы остановились у города Конѣва, гдѣ король Польскій дожидался насъ со всѣмъ Дворомъ. Тамъ назначено было мѣсто свиданія *Станислава* и *Екатерины*. Оба они отличались, за 25 лѣтъ прежде, красотою и любезностію, и оба въ продолженіе столь долгаго времени весьма измѣнились и въ наружности и въ чувствахъ своихъ. Вѣнецъ не твердо лежалъ на главѣ *Станислава*, и онъ изъ страха и своихъ собственнхъ выгодъ желалъ видѣться съ своею Державною Покровительницею. *Екатерина*, изъ вѣжливости, исполнила его желаніе. Это дипломатическое свиданіе, какъ можно было предвидѣть, было холодно.

Никогда не видалъ я Императрицу столь любезною, какъ въ первый день нашего плаванія; обѣдъ былъ самый веселый; мы всѣ радовались, что наконецъ оспавляемъ скучный Кіевъ, гдѣ супруга при мѣсяца насъ продержала. Весна оживляла наши мысли,

прелестная погода, великолѣпіе флота, величественная рѣка, непрестанное движеніе, восклицанія толпы зрителей на берегахъ, смѣшеніе Азіатскихъ и военныхъ костюмовъ между народными; наконецъ, увѣренность видѣть каждый день новые предметы, возбуждали, подстрекали любопытство и воображеніе, которое опережало даже быстрый ходъ нашихъ судовъ. Не останавливаясь долго ни на чемъ, мы непрерывно переходили отъ одного предмета къ другому въ нашихъ разговорахъ, сравнивали древнія времена съ новѣйшими, Францію съ Аппи-кой, Англію съ Карфагеномъ, Пруссію съ Македоніею, имперію *Екатерины* съ имперіею *Кира*; рассказывали повѣсти и старыя анекдоты. Сама Императрица намъ рассказывала нѣсколько анекдотовъ о *Петрѣ Великомъ* и *Елисаветѣ Петровнѣ*.

Мы поздравили Е. В. съ успѣхомъ, съ которымъ Она въ короткомъ времени такъ умѣла смягчить нравы, споль грубые и суровые. Она отвѣчала: «Правда, что Русскіе спарики находятъ большую разницу между своимъ временемъ и нашимъ. Не могу безъ ужаса думать о люмпсахъ *Бирона*. Этого жестокій человекъ, лишилъ жизни, запыталъ, или сослалъ болѣе 70,000 человекъ.» (*)

Мы начали говорить о дикихъ племенахъ, населяющихъ и понынѣ отдаленныя области Евр. имперіи. «Время не подвинулось для этихъ народовъ, сказала Царица: съ самаго ихъ начала, они сохранили ту же простоту нравовъ; они живутъ въ войлочныхъ кибиткахъ, питаются мясомъ и молокомъ стадъ своихъ, повинуются начальникамъ, которые болѣе ихъ отцы, нежели господа. Можно ихъ почитать щастливыми потому, что у нихъ мало нужды, и имъ легко удовлетворить ихъ. Не знаю, не испорчились ли они, ежели ихъ просвѣпятъ, такъ какъ я этого сначала желала; незначительная подасть мѣхами, которую они Мнѣ плащутъ,

не тяжела для нихъ, потому, что охота ихъ первое удовольствіе и занятіе.

«Одна только важная перемена случилась съ этими древними ордами Гунновъ, Монголовъ, Татаръ, извѣстныхъ прежде подъ множествомъ различныхъ именъ. Эти кочующія племена долго были ужасомъ цѣлаго свѣта своими вторженіями, грабежами и опустошеніями. Но перешшіи свѣтъ, просвѣщенный, населенный, вооруженный, открылъ у нихъ возможность къ переселеніямъ; племена эти переселились бытъ воинственнымъ; до того, что даже между собою рѣдко переперь воюютъ.»

Мы говорили о ихъ вѣрѣ, о ихъ шаманахъ и идолахъ. Императрица сказала, что одна орда имѣетъ религію, весьма мало извѣстную; ея жрецы съ незапамятныхъ временъ сохранили собраніе молитвъ, обрядовъ и духовныхъ пѣсней, писанныхъ на языкѣ давно уже имъ непонятномъ; они все это по слышкѣ выпроверживаютъ, вовсе не понимая ихъ смысла. «Это возбудило мое любопытство, Я просила ученыхъ объяснить мнѣ; но они объ этомъ предметѣ, также какъ и о многихъ другихъ, ничего не вѣдаютъ. Я весьма продолжаю розыски. Наконецъ, очень недавно открыли, что эти молитвы написаны на старинномъ священномъ языкѣ Индійцевъ — Санскритскомъ.»

Въ продолженіе этого разговора, Императрица разбирала вкратцѣ законодателей Греціи, Азіи, Рима и Аравіи. Я сказалъ, что послѣ этого она совершенно потеряла право говорить худо объ ученыхъ, по Евр. обыкновенію. — Правда, подхватилъ принцъ *де Линь*, припомните, Ваше Величество, что послѣ всего того, что мы сей часъ слышали, мы должны будемъ вписать Ваше имя между учеными, о которыхъ вы такъ худо относитесь.

«Я знаю,» сказала Она: «что, можете быть, вообще Я заслуживаю вашу любовь; но въ особенности, въ часлахъ, вы находите во Мнѣ много худого. Я по минутно дѣлаю ошибки противъ грамматики и правописанія. Г-нъ *Сегюръ* долженъ сознаться, что у меня прегупая голова, потому что онъ

(*) *Сегюръ* почтительно учетверилъ число несчастныхъ жертвъ свирѣлой подозрительности *Бирона*. — В.

не могъ выучить Меня написать шесть стиховъ, и Я, право, думаю, не смотрю на ваши похвалы, что ежели бы Я была проспою Француженкой, то прелестныя Парижанки не нашли бы меня довольно любовною, и не стали бы приглашать Меня на свои вечеринки.»

— Вспомните, Ваше Величество, — замѣнилъ я: что я представляю Францію при Вашемъ Дворѣ, и не долженъ допускать, чтобы её такъ клеветали. — Императрица была въ веселомъ духѣ, и потому продолжала разговоръ: «Теперь скажите мнѣ, господа, чѣмъ вы думаете была бы Я, если бы родилась мужчиной и частнымъ человекомъ?»

Фицъ-Гербертъ отвѣчалъ, что Она была бы глубокомысленнымъ законодателемъ; *Кобенцель* утверждалъ, что великимъ министромъ или дипломатомъ; а я увѣрялъ, что Она сдѣлалась бы знаменитымъ генераломъ. «Ахъ, въ этомъ вы ошибаетесь,» замѣнила *Екатерина*: «Я себя хорошо знаю; у Меня слишкомъ горячая голова; Я бы опважилась на все для славы, и въ первомъ сраженіи, мнѣ, подпоручику, разможили бы голову.»

Въ другой разъ, мы говорили о предположеніяхъ, которыя будутъ дѣлать въ Европѣ на цепь ея путешествія. Мы все въ этомъ были одного мнѣнія, и говорили, что все подумаютъ, что Императоръ и Она хотятъ покорить Турцію, Персію, а можетъ быть даже Индію и Японію; наконецъ, что пловучій кабинетъ *Екатерины* всѣхъ занимаетъ и перевозитъ.

«Такъ этотъ Пепербургскій кабинетъ,» спросила Она: «какой пливаетъ теперь по Днѣпру, долженъ быть очень обширнымъ, ежели такъ много даетъ другимъ занятія?» — Вы правы, отвѣчалъ принцъ *де Линъ*; однакожь, на самомъ дѣлѣ, онъ очень малъ, потому что проспирается только отъ одного виска до другаго. —

Мы должны переѣхать водою 456 верстъ, отъ Кіева до Кайдака, гдѣ начинаются пороги; тамъ мы пересядемъ въ кареты и поскочимъ въ Херсонъ.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ

принца *Пюклеръ-Мюскау*.

20 Апрѣля.

Я продолжаю говорить о праздникахъ, и намѣренъ описать себѣ завтракъ, данный въ Тизвикѣ герцогомъ *Девонширскимъ*. Для меня эти собранія гораздо пріятнѣе всѣхъ другихъ, потому что они бывають за городомъ, частію въ домахъ, частію въ прелестнѣйшихъ садахъ въ свѣтѣ. — Ихъ называютъ завтраками; но эти завтраки начинаются въ три часа и продолжаются до полуночи. — На сегодняшнемъ былъ принцъ *Боргезе*, зять *Наполеона*. — Вотъ еще одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ видѣлъ я некогда во всемъ сіяніи земнаго величія, но которыхъ блескъ попухъ вмѣстѣ съ солнцемъ, освѣщавшимъ ихъ лучами своими.

Лучшимъ украшеніемъ общества нашего была прекрасная леди *Еленборъ*. Она пріѣхала въ маленькой колясочкѣ, запряженной чепырьями ослицами, которыми она правила сама, и которыя не больше Камчатскихъ собакъ. — Смотря на эту милую женщину, всякой бы, кажется, захотѣлъ опинять у Венеры голубей ея, и въпречъ ихъ, вмѣсто ослицъ въ кабриолетъ прелестной леди.

Нигдѣ нѣтъ такого безпорядка при разѣздѣ, какъ въ Лондонѣ; вчера, на балѣ *Алмака*, сдѣлалась такая сумятица, что многія дамы принуждены были ждать на подъѣздѣ нѣсколько часовъ сряду. Кучера въ этомъ случаѣ терпятъ совершенно разсудокъ, — каждый, какъ сумасшедшій, суется, чтобы подѣхать первому, — и полиціи нѣтъ до того никакого дѣла. — Лишь только эти новыя автомедоны завидятъ гдѣ нибудь, самый узкій промежутокъ между экипажами, какъ начинаютъ изо всей силы бить лошадей своихъ, чтобы, во что бы то ни стало, вписнуться въ него, нимаго не заботясь о цѣлости кареты и лошадей, какъ будто они желѣзные. — Такимъ образомъ заднія ноги одной изъ лошадей оспрумной леди *Слиго* такъ завязли въ колесо сосѣдняго экипажа, что ихъ никакъ невозможно было вытащить отпуда. — При малѣйшемъ движеніи кареты, колесо могло

переломить объ ногъ бѣднаго живописнаго, но, не смотря на это, чужой кучеръ, назначенъ въ свѣтъ не соглашался оспановиться. Наконецъ принуждены были силою опречь лошадей у обѣихъ карещъ, что пакже спомно не малаго труда—и въ это время несчастная лошадь билась и ревла какъ левъ, котораго показываютъ на биржѣ; причемъ споявшій возлѣ кабриолетъ разсыпался на части и дышломъ своимъ разбилъ въ дребезги стекло другой карещы. — Многіе экипажи, споявшіе по близости, равномерно поспрадали, и дамы кричали отъ ужаса.

Я думаю, что прочтя это описаніе, милдая *Юлія*, ты никогда безъ спраху не будешь садиться въ карещу. Правду сказать, мнѣ кажется, всего бы лучше возобновить обыкновеніе — временъ королевы *Елисаветы*; при ней прекраснѣйшія дамы Двора ея ѣздили на балы не иначе какъ верхомъ.

T.

ВСѢ ТВОРЕНІЯ БАЙРОНА ВЪ ОДНОЙ КНИГѢ (ТОМЪ).

Любителей *Байроновой* поэзіи Французская библиографія уведомляетъ о новомъ изданіи твореній Англійскаго поэта, напечатанномъ книгопродавцемъ *Бодри* въ одномъ большомъ томѣ, въ осьмую долю листа, со всѣми замѣчаніями *Вальтеръ-Скотта*, *Жефрея*, профессора *Вильсона*, *Эджертона Брейджса*, епископа *Гебера*, *Локгардта*, *Уго Фосколо*, *Георга Кролей*, *Келлбелла*, *Мура*, *Мильмана* и другихъ, помѣщенными *Мурраемъ* въ послѣднемъ его Лондонскомъ изданіи, въ одиннадцати томахъ. — *Вашингтонъ-Ирвингъ* тоже изданъ въ одномъ томѣ (книгѣ), въ которой вошло прежнихъ 19.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКАГО.

Наша драма—подкидышъ.

Должно признаться, что комики наши (1) не имѣли понятія о томъ, что образуетъ драматическую жизнь. Дѣйствіе, сплетеніе случаевъ, послѣдствіе въ отношеніи лицъ и положеній, противоположность нравовъ,

(1) Искающая очень немногихъ. — В.

званій, игра сцаспей, однимъ словомъ: вся драматическая спорона общества, всё, что составляетъ основу, расположеніе и связь комедіи, оставлены ими совершенно безъ вниманія. Къ сожалѣнію, мы и въ драматическомъ искусствѣ не имѣли ни дикости первобытныхъ возрастовъ, ни жизни непокорной, неспройной; но сильной и рѣзкой въ явленіяхъ и краскахъ своихъ, кою были ознаменованы средніе вѣки общества, нравовъ, искусствъ и ума человеческого. Наша драма подкидышъ. Перенесенная къ намъ съ чужой почвы, она похожа на тѣ деревья, которыя по вырубкѣ втыкаютъ въ землю уже въ полномъ ихъ развитіи. Конечно, хозяину нѣтъ труда ходить за ними, возвращать, расправлять ихъ; дерево какъ дерево; но та бѣда, что въ немъ нѣтъ прозябенія: оно увядаетъ, сохнетъ и хопя когдѣ и пробивается на немъ уцѣлѣвшая зелень, но не ждите отъ него ни тѣни, ни плода, ни оппрысковъ. Вы хоптили имѣть декорачію, компаніую рощу—и имѣете еѣ; но корни, но процзраспительная сила не у васъ. Они оспались на родинѣ. Мы не можемъ указать у себя на эпоху, копорую *Сисмонди* обозначаетъ слѣдующими словами: «Для народовъ еще юныхъ, одушевленныхъ гениемъ творческимъ, одаряющимъ ихъ поэзію и липературою оригинальными, въ той эпохѣ, когда они способны къ великимъ предпріятіямъ, движимы великими спрасчтями и готовы къ великимъ пожертвованіямъ—не существуетъ иноплеменной липературы. Каждый тогда почерпаетъ изъ собственнаго лона то, что болѣе сродно съ природными свойствами его. У такого народа не съ тѣмъ пишутъ, чтобы писать, не для того говорятъ, чтобы говорить...» Мы, напротивъ того, съ самаго начала заимствовали себѣ липературу вмѣстѣ съ нѣкоторыми Европейскими обычаями. Мы еще въ бездѣйствіи подчинились нѣкоторымъ узаконеніямъ предохранительнымъ, приняли мѣрпвую букву, не имѣя еще живаго слова. Въ человекѣ, который не имѣя карпинъ, запаса бы райками и развѣсилъ бы ихъ по стѣнамъ въ залѣ, назначенной бытъ карпинною выспавкою, можно найти нѣкто-

рыя примѣненія къ происхожденію и благо-
чинному уставу литературы нашей. Бѣда
наша еще въ томъ, что потребность
имѣть литературу, подобная потребности
льщанина во дворянствѣ, имѣть въ домѣ кар-
пины, оказалась у насъ въ эпохѣ владыче-
ства Французской литературы, болѣе и
менѣе всѣхъ удобной для заимствованій.

О Т Р Ы В К И

*изъ Рѣчи профессора И. И. Давыдова, о содѣй-
ствіи Московскаго Университета успѣхамъ оте-
чественной словесности.*

6.

НАРОДНОСТЬ ВЪ СЛОВЕСНОСТИ.

Какое участіе въ исполненіи требованія
времени принималъ Московскій Универси-
тетъ? Не изъ него ли вышли на новое по-
прище Словесности главные двигатели ея и
представители?

Уже одну половину Членовъ Московскаго
Университета составляютъ оплотившіе
его питомцы, другую извѣстнѣйшіе ученые,
вызванные изъ Германіи, прославившіеся
своими талантами и сочиненіями. Харак-
теръ учености этого времени носитъ оп-
печатокъ періода *переходнаго*: одни изъ уче-
ныхъ продолжаютъ слѣдовать системамъ
испекшаго столѣтія; другіе не отстаютъ
отъ учености современной; въ иныхъ при-
мѣтно сліяніе прежняго ученія съ по-
вымъ. Въ Словесности выразился тотъ же
разноспихійный характеръ: одни писа-
тели идутъ по направленію прошедшаго
времени; другіе уже сочувствуютъ по-
требностямъ новымъ, и какъ бы предше-
ствуютъ новой эпохѣ народности; въ иныхъ
соединяются противоположныя направленія,
старая мнѣнія о Словесности съ новыми.
Но всѣ равно убѣждены въ потребности
языка общественнаго, сліянія языковъ книж-
наго и народнаго. Такое преобразование языка
могло произойти единственно отъ сліянія
всѣхъ элементовъ духовнаго развитія, объ-
ясненія всѣхъ сторонъ природы и развитія
всѣхъ силъ духа на отечественномъ языкѣ.

И эта честь пересозданія языка, которому
угрожали рядовые грамотши-переводчики со-
вершеннымъ искаженіемъ, честь произрожде-
нія отечественной Словесности, пригото-
вленія новаго, блестящаго періода народ-
ности, неотъемлемо принадлежатъ Москов-
скому Университету. Новые источники
разліія просвѣщенія открыты публич-
ными лекціями, доступными не для однихъ
посвятившихъ себя наукамъ, но и для каж-
даго любителя знаній. Въ этомъ періодѣ
Университета начались общіе курсы науки
о природѣ и человѣкѣ. Физика и Естествен-
ная Исторія, излагаемая *Страховымъ* и *По-
литковскимъ* на отечественномъ языкѣ, пред-
ставляютъ дивное строеніе міра съ безчи-
сленными произведеніями, украшающими
земной шаръ. Исторія и Политическая Эко-
номія знакомятъ съ судьбами человѣчества,
съ причинами славы и благоденствія наро-
довъ. Тогда любители отечественнаго про-
свѣщенія съ радостію увидѣли въ Москов-
скомъ храмѣ наукъ многочисленное стече-
ніе слушателей и слушательницъ: всѣ зна-
менитости Московскія, въ глубокой тишинѣ
и съ напряженнымъ вниманіемъ, слушали
поученія, раздававшіяся съ профессорскихъ
кафедръ. Науки становящіяся общеплезными;
языкъ ихъ, прежде не для всѣхъ понятный,
теперь для каждого ясенъ и разумимеленъ.
Знанія, вышедшія изъ тѣснаго круга уче-
ныхъ, распространяясь въ обществѣ, убѣж-
даютъ всѣхъ, что наука есть развитое са-
мопознаніе — жизнь, себя сознающая. Всѣ
увѣряются въ необходимости народнаго об-
разованія, какъ для частной пользы каж-
даго, такъ и для блага государственнаго.
Заполвка предъ симъ любознательные при-
ходили въ Университетъ слушать торже-
ственные Рѣчи первыхъ Русскихъ профес-
соровъ: наука передавалась однимъ студен-
тамъ. Теперь наука сдружается съ жизнью;
она передается всѣмъ любителямъ ея, ста-
новится общественною потребностію, вну-
шаетъ любовь къ изящному, просвѣпляетъ
умственное воззрѣніе на все, насъ окружа-
ющее, располагаетъ душу къ нравственной
дѣятельности. Распространяющаяся любовь
къ ученію изгоняетъ изъ общества грубыхъ

удовольствія, которыми невѣжество сокращаетъ дни лѣни и праздноши. Тогда печеніями профессора *Прокоповича-Антонскаго* пришелъ въ цвѣтущее состояніе и разсадникъ Университета, Благородный Пансіонъ, воспитавшій тысячи Русскихъ Дворянъ, усердныхъ служителей Престола, и многихъ литераторовъ. Литературное собраніе его питомцевъ, подъ руководствомъ профессора *М. Снегирева*, прежде издавшее *Распускающійся Цвѣтокъ* и *Полезное упражненіе юношества*, теперь, подъ руководствомъ *Баккаревича*, даритъ намъ *Утреннюю зарю*, предвѣстницу многихъ прекрасныхъ палантовъ; позднѣе оно издало *Каллиопа*. Для Пансіона профессоръ *Сандуцовъ* пишетъ *Дѣтскій театр*. При Университетѣ учреждаются ученія Общества: Опечесивенной Словесности, Истории и Древностей Русскихъ, Испытателей Природы и Общество Физико-Медицинское. Труды Обществъ Университетъ печатаютъ на своемъ изданіи, радя единственно о пользѣ общественной распространеніемъ полезныхъ знаній. Вѣчно-памятный для Московскаго Университета, понечисель *Муравьевъ*, бесѣдуетъ съ учащими, предлагаетъ имъ ученія занятія, одушевляетъ юные таланты между учащимися, испрашиваетъ Монаршихъ щедротъ на опправление опличнѣйшихъ въ иностранныя Университеты для дальнѣйшаго образованія.

И какое восхищительное зрѣлище являютъ опечесивенная Словесность, плодъ умственнаго развитія и самопознанія! Представители ея въ этомъ времени—питомцы Университета и Университетскаго Пансіона: *Карамзинъ*, *Жуковский*, *Мерзляковъ*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СОФРОНЪ ГУРЬЯНЫЧЪ.

Софронъ Гурьянычъ *Удальцовъ*
Ходилъ по рынку съ калачами,
Боляръ и молодыхъ купцовъ
Смѣшилъ шушлывыми рѣчамъ!
Онъ пажилъ сотни двѣ рублей;

Они вѣрше кораблей

Софронъ щастьемъ послужилъ.
Просиясь онъ съ липовымъ лопкомъ,
Запорговалъ и сбипенькомъ:
Горячій съ похвалою пилъ!

Нашлись пріятели—друзья;
Софронъ завелъ и полпивную;
Пошла копѣйка въ круговую,
Пивцо клубилось чрезъ крал.

Софронъ Гурьянычъ оперился,
И вошь землякъ позагулялъ,
Онъ—Елкънъ на припннѣ сплъ;
Туда и жить переселился;

Пошла бипка щелка въ конь!
И денежка со всѣхъ споронъ
Къ *Софронъ* дружно покапшлась.

Софронъ Гурьянычъ спмалъ купцомъ;
Защеголялъ онъ молодцомъ,
И жизнь его перемѣнилась:

Усы и бороду скосилъ,
Шинели, фраки заносилъ,
Въ богатой росписной коляскѣ
На рьяныхъ мчншя вороныхъ!

Жену вскружила честь и слава:
Фитинья Карповна, какъ пава,
Гуляетъ въ плашьяхъ дорогихъ!
Дѣшей *Фонъ-Стрикъ* училъ спмалъ пляскѣ,

По модѣ прыгать, лепешать;
Богъ знаетъ на какую спмать,
Все у *Софронъушки* кипѣло!

Грѣшно судилъ чужое дѣло,
Довольно вѣдать и себя;
Но я *Гурьяныча* любя,
Пою другимъ въ опсереженъе.

Софронъ купилъ себѣ пивнъе,
Да не ращелся съ кошелькомъ,
Давай огромный спройшь домъ;
Пошла у молодца постройка!

Этажъ готовъ, другой росметъ,
Но голосъ жалобно поетъ:
Софронъ Гурьяновичъ поспой-ка!

Куда спѣшишь?—не упади,
Вѣдь что-то спрашно впереди!
Софронъ знай спройшь да не шужилъ,

Ему займами дружба служить;
 Вошь—полетѣли вексельки,
 Какъ за пшеничкой голубки,
 И на бѣду—попали въ сѣтку!
 Роспушь проценны, близокъ срокъ;
Софронюшка!—готовь раздѣлку,
 А денегъ нѣтъ,—спулай самъ въ клѣтку,
 Съ гнѣзда цыплятокъ и насѣдку!
 Прощай наряды—и домокъ!

Съ двора коляска укашлась,
 Лошадокъ домовой прогналъ,
 Знашь шерсть ему не полюбилась;
 Запихъ и панецъ!—*Стрижъ* пропалъ.
Софронъ узналъ свою ошибку,
 Чшо чудо—золошную рыбку
 Изъ рукъ своихъ онъ опушилъ;
Гурьяныча накрыло горе!
 Но горю печѣмъ пособить,
 Уже трудненько изловить
 Злашую рыбку въ синемъ морѣ!
 Друзья, какъ вѣшніе грачи,
 Всѣ разлешѣлись и забыли,
 И межъ собою говорили:
 Зачѣмъ не помнишь калачи!

Θ. Слѣпушкинъ.

• Августа,
 1836.

Ш А Р А Д А.

Нагала моего удѣлъ:
 Различіе, особенность, раздѣлъ —
 И отчужденіе.
Конца-жъ пріязнь, свойство, сближеніе.
 А слова *цѣлаго*—опредѣленье,
 Чтобъ отличашъ Державу и народъ,
 Отъ племени ему чужаго въ родъ и родъ:
 Германца
 Отъ Лапландца;
 А насъ Славянь
 Отъ Алеушовъ и Цыгань.

Въ № 73-мъ, помѣщенная загадка значить: *Saphir.*

М О Д Е С.

On voit des chapeaux de paille de riz ayant un double bavolet, l'un en paille, l'autre en étoffe rappelant la couleur du ruban, celui en paille se place sur celui d'étoffe et a la forme d'un *couvre-tête* de casque antique. Un joli chapeau se fait en pou de soie blanc avec des rubans brochés, en ponceau ou rouge grenade; ce broché forme un petit liséré dentelé au bord du ruban, sous la passe un ruban de grenade.

Nous avons remarqué ces jours-ci une robe en mousseline de l'Inde d'une finesse extrême. Corsage à plis, croisé; manches longues, pendantes, sans aucun soutien en dessous; l'épaulette donnant naissance à une infinité de petits plis gaufrés, serrant le haut du bras sur une longueur de six à huit travers de doigt; ensuite la manche dans toute son ampleur; puis un haut parement très-juste au bras, pour terminer cette manche, qui se trouvait ainsi serrée du haut et du bas.

М О Д Ы.

Видны баспковыя шляпки съ двойными манжетками, одна баспковая, другая изъ матеріи подѣ цвѣтъ лентамъ; баспковая пашивается сверху, и имѣемъ видъ *couvre-tête* древняго шлема. Красивая шляпка дѣлается изъ бѣлаго *pou-de-soie*, съ бѣлыми лентами, зашканными пунцовымъ или гранатовымъ цвѣтомъ; эпошь узоръ составляетъ узенькую выпушку съ фестонами; по краю ленты, подѣ полемъ лента гранатоваго цвѣта.

Мы замѣтили на дняхъ платьице изъ Индійской книси необыкновенной почины. Лишь крестообразными складками; рукава длинныя, вислиціе, безъ всякой поддержки снизу; отъ плеча началось множество гофрированныхъ складочекъ; схватывающихъ руку на шесть или на восемь пальцевъ длины; потомъ рукавъ во всей своей ширинѣ; широкой обшлагъ въ обпязку около руки оканчивалъ его, который былъ схваченъ такимъ образомъ сверху и снизу.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 75.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ; въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 16 ДНЯ 1836 ГОДА.

Опоставленъ нашъ судья! Какъ горестно смотрѣшь
На преданныхъ ему! Тяжка имъ эша рана!
И шочно, какъ о немъ ворами не пожадѣшь;
Они любимаго лишились ашамана.

Н. С — въ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ *ЕКАТЕРИ-* *НЫ* II ВЪ ТАВРИДУ.

(Продолженіе.)

Днѣпръ, или Борисѣенъ, беретъ свое начало при мѣспечкѣ Днѣпровскѣ, во 150 верстахъ отъ Смоленска, и быстро увеличивается. Все его теченіе сослავляетъ 1,500 верстъ, или 400 Французскихъ лѣ. При устьѣ своемъ, между Кинбурномъ и Очаковымъ, онъ сослავляетъ заливъ въ 60 верстъ (15 лѣ) длины, и 16 (4 лѣ) ширины. Русло его, начиная отъ Кайдака, устьяно принадлежало порогами, которые простираются на 50 верстъ.

Нѣкоторые утесы покрыты водою, другіе возвышаются довольно высоко надъ водою.

Рѣка очень быстра; песчаная мѣли весьма затрудняютъ плаваніе по немъ. Въ Днѣпрѣ впадаютъ многія рѣки: со стороны Польши Ингуль и Бугъ, со стороны Россіи Сожа, Десна, Сула, Припеть, Ворскла и Самара.

Крѣзь деревень, которыми берега покрыты, нѣмъ находится Триполи, городъ, построенный великимъ княземъ *Владиміромъ* для охраненія границъ, разоренный во время междоусобій, и совершенно разрушенный въ XII столѣтіи Татарами. Въ недалекомъ разстояніи находится деревня Спойки. Потомъ встрѣчаемъ городъ Переяславль, прежде населенный Хозарами; а на правомъ берегу г. Трехтемировъ, который снабжаетъ жерновами всѣ окружныя мѣльницы. Двадцать верстъ далѣе—лежитъ Конѣвъ, теперь мѣспечко, а прежде городъ. Туда выѣхалъ король Польскій, чтобы встрѣтить Императрицу. Въ прежнія времена, Баски, Татарское племя, овладѣло этимъ городомъ; потомъ *Ахметъ Баска*, одинъ изъ ихъ хановъ, раздѣлилъ ихъ на слободы, и назвалъ казаками (*). Они овладѣли всей страной. Съ тѣхъ поръ, число ихъ увеличилось полками бѣглыхъ Русскихъ и Поляковъ, и они построили крѣпость Черкасскъ. Вскорѣ, люди всякаго разбора и всѣхъ націй спеклись туда, и основали Сѣчь Запорожскую

(*). Это несправедливо.—В.

на островъ Днѣпра, извѣсномъ подъ именемъ Хорпицкаго. Тогда назвали ихъ Запорожцами, чтобы различить отъ другихъ, выше пороговъ поселившихся.

Эти разбойники - амѣбин, беспрестанно занятые войнами и грабежами, были мало по малу выпѣсняемы изъ своихъ первыхъ жилищъ, и расселились по разнымъ островамъ Днѣпровскимъ, откуда дѣлали кровавые набѣги на Россію и Польшу. *Екатерина*, разрушивъ наконецъ эту спранныю и непрерывную на границѣ благоустроеннаго государства республику, учредила на ея земляхъ военныя поселенія регулярныхъ казаковъ, которымъ отданы во владѣніе поля, дуга и города. Мы увидѣли нѣсколько изъ сихъ городовъ, теперь перемѣнившіе уже свое прежнее назначеніе: Дубровка, при слияніи Сулы и Днѣпра, — Кременчугъ, городъ гораздо важнѣе, принадлежалъ сначала Миргородскому полку, теперь уѣздный городъ Екатеринославской губерніи, довольно обширенъ, по намъ нѣтъ ни одного памятника. Пловучій мостъ, длиною съ версту, соединяетъ Кременчугъ съ Крюковымъ, на противоположномъ берегу. Внизу по рѣкѣ встрѣчаются города Клиберда и Переволочна, разоренные Татарами, и наконецъ Орликъ и Кайдакъ. При семъ послѣднемъ городѣ Императрица предположила основать Екатеринославль.

Каждый изъ Днѣпровскихъ пороговъ имѣетъ свое особенное имя; первый Кайдакскій, а осьмой, самый опасный, называется Ненасытинскій; онъ имѣетъ 700 сажень длины, и 6 съ половиною футовъ паденія.

Отъ Кайдака до Херсона лежатъ степи почти ненаселенная. Херсонъ находится при устьяхъ Днѣпра, въ 22 льѣ отъ моря.

Я здѣсь въ краицѣ упомянулъ о городахъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, чтобы уже о нихъ болѣе не говорить. Теперь возвратимся къ флоту, который оставили въ ту минушу, когда онъ вышлягивался въ линію, весь покрытый флагами, передъ стѣнами Конѣва. Возвышенія и долины сіяли блескомъ оружія множества конныхъ Польскихъ войскъ, великолѣпно одѣтыхъ. Пальба съ

флота и изъ города возвѣспила о прибытіи обоихъ Монарховъ. *Екатерина* послала нѣсколько придворныхъ въ богатой шлюпкѣ привѣтствовать короля. Онъ пріѣхалъ съ ними, и желалъ, для избѣжанія эпикета, сохранить инкогнито, не совмѣстный съ такимъ великолѣпіемъ и блескомъ, сказалъ имъ: «Господа, король Польскій поручилъ мнѣ представить вамъ графа *Понятовскаго*.» Когда онъ взошелъ на Императорскую галеру, мы все окружили его, любопытствуя увидѣть первыя впечатлѣнія и услышать первыя слова сихъ двухъ высокихъ Особъ. Однако все мы обманулись. Послѣ важнаго, холоднаго, величественнаго поклона, *Екатерина* подала руку *Станиславу*: Они оба взошли въ кабинетъ, гдѣ остались около получаса. Когда же Они возвратились къ намъ, мы старались прочесть Ихъ мысли на Ихъ лицахъ; но легкія облака, омрачившія Ихъ чело, мѣшали намъ Ихъ разгадать; на лицѣ Императрицы, они казались смущеніемъ и принужденностію; а въ глазахъ *Станислава* былъ нѣкоторый оппечатокъ печали, худо скрытый принужденною улыбкою. Онъ очень любезно подошелъ ко всемъ намъ, которыхъ онъ зналъ прежде. Императрица сама представила ему прочихъ. Я получилъ отъ него благосклонный пріемъ. Все было разочтено такъ, чтобы не оставилъ ни одной незанятой минушы въ этомъ днѣ, который Ихъ Величества сократили желали. Вскорѣ прелестныя шлюпки перевезли насъ на пиршественную галеру, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ, самый великолѣпный и упонченный. По правую сторону Государыни сидѣлъ король, а по лѣвую Римско-Императорскій посолъ *Кобенцель*; князь *Потемкинъ*, *Фицъ-Гербертъ* и я сидѣли насупротивъ Ихъ Величествъ. Во время обѣда мы мало говорили, мало ѣли, но много смотрѣли, слушали прекрасную музыку и провозглашали здоровье короля при залпѣ изъ всѣхъ пушекъ.

Выходя изъ-за стола, король взялъ изъ рукъ пажа перчатку и вѣреть Императрицы, и подалъ ей; попомъ онъ вездѣ искалъ своей шляпы, и не могъ найти; Императрица это замѣтила, велѣла себѣ принести

шляпу, и сама вручила королю: «*Ахъ! Ваше Величество, сказалъ Станиславъ, взявъ её: прежде я получилъ отъ Васъ гораздо лучшую.*» Мы возвратились на Императорскую галеру; послѣ обѣда ничего не случилось примѣчательнаго и всѣ скоро разъѣхались. Въ восемь часовъ король возвратился въ Конёвъ. Только что солнце скрылось, Конёвская гора заблестала огнями; по ея покатосяи былъ вырытъ извѣстный ровъ, наполненный горючими веществами. Когда ихъ зажгли, то представилась намъ огнедыщущая гора и пекущая лава; эта картина была тѣмъ правдоподобнѣе, что сто тысячъ ракетъ въ одинъ мигъ взлетѣли на воздухъ, и еще болѣе озарили воздухъ, отражаясь въ Днѣпровскихъ водахъ.

Нашъ флотъ былъ также великолѣпно освѣщенъ, такъ что на эполтъ разъ не было ночи на нашемъ небосклонѣ. Король пригласилъ всѣхъ насъ на прекрасный балъ; но Императрица извинилась и не поѣхала. *Станиславъ* шщечно приглашалъ её остаться еще 24 часа; время милостей уже прошло для него, и *Екатерина* объявила, что не хочетъ опоздать свиданіемъ съ Императоромъ Римскимъ въ Херсонѣ. И такъ, мы отправились на другой день. Тѣмъ кончилось свиданіе, которое, не смотря на свое великолѣпіе, займетъ лучшее мѣсто въ исторіи, чѣмъ въ романѣ.

Хотя король Польскій не во всемъ успѣлъ, однако его путешествіе и личные переговоры съ *Екатериною* принесли ему не мало важную пользу. Замыслы враждебной ему партіи были уничтожены. Князь *Потемкинъ* спарался помирить съ нимъ племянника своего, генерала *Браницкаго*; но сей послѣдній согласился на это съ такою холодностію, и выразился съ такою непріятною гордостью, что они разстались еще непріязненнѣе, чѣмъ были. Король показалъ въ этомъ случаѣ совершенную покорность воли Императрицы: Она была пронуша его поступками, и рѣшилась поддержать его и защитить отъ нападеній его непріятелей. Она возложила на него орденъ св. Андрея Первозваннаго, и съ Ея позволенія, король

далъ орденъ Бѣлаго Ора генералу *Энгельгардту*, племяннику *Потемкина*. Изъ Конёва *Станиславъ-Августъ* поспѣшилъ на встрѣчу къ *Иосифу II*. Императоръ хорошо принималъ его, и увѣрилъ его въ своемъ благоположеніи. *Станиславъ* успокоился.

Наше плаваніе было благополучно, только иногда замедлялъ его проливный вѣтеръ. Наконецъ, 10-го Мая, мы приплыли въ Кременчугъ. Скучное пребываніе въ Кіевѣ, навело маленькія облака грусти на веселый правъ *Екатерины*. Приѣхавъ въ Кременчугъ, Она совсѣмъ другое увидѣла: весна оживила природу и давала праздничный видъ всѣмъ предметамъ; молодая зелень украшала все, даже болоша. Большой, великолѣпно убранный дворецъ, построенный и раздѣленный совершенно по вкусу Императрицы; Англійскій садъ, куда волшебникъ князь *Потемкинъ* пересадилъ изъ дальнихъ мѣстъ деревья огромной величины; прекрасный видъ, которому деревья, цвѣты, большая рѣка—придавали очаровательное разнообразіе; 12,000 воиновъ въ новыяхъ щегольскихъ мундирахъ; собраніе губернскаго дворянства въ богатыхъ мундирахъ; купечество изъ всѣхъ концовъ имперіи; и наконецъ, пріятность свободы, послѣ прехмѣсячнаго започенія; всего же болѣе надежда скорого окончанія этого чуднаго путешествія, привлекавшаго вниманіе всей Европы, вопъ первыя картины, копорыя мы здѣсь увидѣли.—*Екатерина*, каждый день востыщенная новыми плѣнительными предметами, была всѣмъ довольна; это можно было видѣть всякому. Князь *Потемкинъ*, всегда и во всемъ необыкновенный, былъ столь же дѣяпеленъ въ своихъ намѣспическихъвахъ, сколько лѣнивъ въ Пепербургѣ. Все, что живое его воображеніе, обширная власть и глубокое знаніе характера *Екатерины*, могли ему внушить для угожденія и очарованія его Владычицы, все было употреблено съ непоспимымъ искусствомъ. Онъ умѣлъ, какими-то сверхъестественными средствами, побуждать всѣ прудности и самую природу; приближать отдаленные предметы, украшать нищету, обманывать зрѣніе на щепъ однообразія песчаныхъ степей, и умѣ на щепъ скуки длинной дороги;

наконецъ, онъ умѣлъ придавать жизнь самымъ бесплоднымъ пустынямъ.

Всѣ спанціи были размѣрены такъ, что никакъ нельзя было жаловаться на усталость. Онъ оспанавливалъ флотъ только передъ городами и селеніями, живописно построенными. Безчисленныя спада покрывали дуга; толпы земледѣльцевъ оживляли берега; несмѣнное множество лодокъ безпрестанно окружали насъ; въ нихъ сидѣли молодые поселяне и сельскія дѣвушки и пѣли Русскія пѣсни; однимъ словомъ, все было придумано. Опнитиме все, что было искусственнаго, еще очень много останется существеннаго, прекраснаго и полезнаго.

Когда ему былъ порученъ обширный Новороссійскій край, тамъ щипали 240,000 жителей, а при немъ, населеніе умножилось, въ самый малый срокъ, до 800,000; количество, все еще малозначущее на пространствѣ 800 верстъ длины и 400 ширины. Это приращеніе состояло изъ Греческихъ, Нѣмецкихъ и Польскихъ колонистовъ, изъ инвалидовъ и отставныхъ солдатъ и мапросовъ. Французъ, за три года въ этомъ краю поселившійся, сказывалъ мнѣ, что онъ каждый годъ находилъ новыя, цвѣтущія селенія въ мѣстахъ, прежде совершенно пустынныхъ.

Въ Кременчугѣ присупснвовали мы на маневрахъ сорока пѣши эскадроновъ конницы и многочисленной пѣхоты. Я рѣдко видалъ такое прекрасное и споль хорошо одѣтое, выправленное и свѣжее войско. Ихъ маневры дали намъ хорошее понятіе о Русской тактикѣ, споль спрашной для Турокъ (*).

Всѣ ихъ маневры, въ то время, состояли въ маршированіи чепырью колоннами, прикрываясь спрѣлками; впереди были казаки. Предположивъ, что сильный непріятель идетъ впередъ, чепыре колонны соспавляли чепыре каре пусныя и въ три ширенги.

(*) Не для однихъ Турокъ. Новый образъ войны введенъ нашимъ Суворовымъ, которому сдавно подражалъ Наполеонъ. Въ чемъ состоятъ онъ? Въ быстротѣ, вѣрномъ взглядѣ, напискѣ, шпыкахъ и умѣнь пользоваться плодами побѣды.—В.

Казаки опспупали назадъ и выпягивались въ одну линію такъ, что вся боевая линія имѣла видъ чепырехъ бастіоновъ и двухъ куршинъ; пушки разспавлены были по угламъ каре. Въ эту минупу, предположивъ, что Русскіе окружены непріятелемъ (всгдашній Турецкій боевой порядокъ), произведена жаркая пальба изъ пушекъ и пущень бѣглый огонь. Тогда, полагая, что непріятель въ беспорядкѣ, каре двинулось впередъ, спрѣлки выбѣжали впередъ изъ линіи, а казаки, съ длинными пиками, бросались съ крикомъ на непріятеля, чтобы довершить побѣду. Послѣ этаго блестящаго смотра, Императрица изъявила Потемкину свое удовольствіе слѣдующими словами: «Отъ Петербурга до Кіева Мнѣ казалось, что пружины Нашей имперіи ослабли и испортились; здѣсь же нахожу, что они крѣпки, новы и сильны.»

(Будетъ продолженіе.)

О НЬЮ-ІОРКСКИХЪ ТРАКТИРАХЪ.

На поспоялыхъ дворахъ и въ пракпирахъ въ Нью-Іоркѣ можетъ помѣщаться до 20,000 человекъ, и со всѣмъ пѣмъ, путешественникъ часпо съ большимъ трудомъ находить для себя квартиру, потому что въ Нью-Іоркѣ пріѣзжаетъ на пороходѣ и по желѣзной дорогѣ разомъ по 400 и 500 человекъ. Для того ежедневно открываются здѣсь новыя пракпиры, изъ которыхъ лучшій, безъ всякаго сомнѣнія, есть топъ, который завелъ г. Астонъ (родившійся въ Гессенѣ въ г. Анау); онъ подарилъ его сыну своему, который уже плашилъ городу подашь, соотвѣтствующую 2 миліонамъ долларовъ капиталу.

Асторъ-Гаузъ (трактиръ Астонскій)—вѣроятно очень скоро будетъ открытъ для путешественниковъ и другихъ поспояльцовъ; домъ имѣетъ въ фасадѣ до 200 фузовъ въ длину и можетъ почитаться лучшимъ украшеніемъ Бродвейской улицы. Обширность его, простота, и удобность внутренняго расположенія, дѣлаютъ его величественнымъ.

Внутренность дома, по опмѣнной удобности своей, превышаетъ всё, что мы видѣли до сихъ поръ въ этомъ родѣ.—Въ немъ 300 комнатъ, щипая и большія галереи, какъ напримѣръ огромную столовую залу, которая имѣетъ 100 ф. въ длину, 40 въ поперечникъ и 19 въ высоту, и самыя маленькія горенки, находящіяся надъ залою, что во Франціи называется анпресолями. Вездѣ окна на улицу—и вездѣ каминъ и колокольчикъ. Большая кухня устроена такъ, что главный кухмистеръ можетъ видѣть всё, происходящее въ другихъ отдѣленіяхъ.—Въ ней, кромѣ обыкновенныхъ печей, есть еще паровая для варенія мясъ и овощей;—блестящій газъ, освѣщающій кухню, дозволяетъ вполне любоваться опмѣнною чистотою ея. Подъ ней устроены прачешныя, и это самая занимательная часть въ заведеніи. Тамъ, посредствомъ множествва копловъ и могуществва пара, бѣлье въ полчаса времени вымыто, высушено и готово опять къ употребленію.

Бѣлье сушится такимъ образомъ: его разспилаютъ на цилиндры, которые вертятся на маленькихъ желѣзныхъ полосахъ, въ большой залъ, такъ нагрѣтой парами, что довольно прехъ минути, чтобы оно совершенно высохло. Подъ прачешною устроена паровая машина, которая доставляетъ воду во всё четыре отдѣленія дома, въ кухню, въ прачешную, чистятъ ножи, вилки, башмаки, сапоги, и можетъ еще давать оспапокъ паровъ своихъ, если бы они понадобились для какого нибудь полезнаго употребленія.

Комнаты, назначенныя для путешественниковъ, убраны со вкусомъ, но просто; мѣбели въ нихъ изъ ореховаго дерева и обиты темною матеріею; рамы на зеркалахъ вездѣ одинакія.—Большое зеркало, стоящее въ общей пріемной залѣ для дамъ, величиною своею превосходитъ всё зеркало въ Соединенныхъ Штатахъ. Оно имѣетъ 120 вершковъ въ длину и 72 въ ширину; паркеты и ковры почти царской роскоши, и всё это вмѣстѣ стоить 90,000 долларовъ. Слугъ въ домѣ обоюго пола 80 человекъ, замковъ 400,

и вы не найдете двухъ, которые бы опирались однимъ ключемъ.—Парадный подъѣздъ образуетъ портикъ, съ мраморными колоннами и вымощенъ мраморомъ.

T.

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ

принца Пюклеръ-Мюскау.

17 Апрель.

Я имѣлъ честь обѣдать у герцога Кларанскаго вмѣстѣ съ принцессою Августою, герцогинею Кентскою, дочерью ея, и герцогинею Глосперскою. Герцогъ очень любезенъ дома; онъ, съ лестными для меня подробностями, вспоминалъ времена и земли, въ которыхъ видалъ меня.—Характеръ его совершенно Англійскій, но въ самомъ хорошемъ смыслѣ слова;—онъ любитъ семейную жизнь, какъ всё Англичане, и отличаетъ рѣдкимъ добродушіемъ.—Сегодня праздновали рожденіе принцессы Королатской, и лишь только провозгласили здоровье ея, то милая и скромная Эмилиа покраснѣлась, забывъ можетъ быть, что по родству ея съ герцогинею—всѣ здѣсь обходясь съ нею съ дружескимъ простосердечіемъ.

Дочери герцога, каждая въ своемъ родѣ, прекрасны. Между сыновьями его особенно отличаетъ полковникъ Фицъ-Кларансъ, котораго путешествіе изъ Индіи въ Англію, черезъ Египетъ, чинила ты съ такимъ удовольствіемъ. Не много найдешь знатныхъ молодыхъ людей съ такими разнообразными познаніями.—Я знакомъ съ нимъ давно, и во многихъ случаяхъ испыталъ пріязнь его.

Старшая его сестра, которая вышла за кавалера Сиднея, сказывала мнѣ, что въ наследственномъ замкѣ мужа ея хранились портреты всѣхъ предковъ его, начиная со времени лорда Лейстера, и припомъ локонъ волосъ каждаго.—Сверхъ того въ семейныхъ бумагахъ ихъ есть реэспрѣ всѣмъ особамъ, которыхъ были званы Лейстеромъ на праздникъ въ Кенильвортъ—и даже хозайственные щеты нѣсколькихъ поколѣ-

ній.—Всё это очень любопытно, и впрочем по *Вальтеръ-Скоттъ* попользовался этими бумагами.

Вечеромъ у графини *С. А.* прелестно распѣвала славная *Паста*,—и наконецъ Лондонской день заключился двумя или тремя балами въ разныхъ мѣстахъ города.

Т.

ТОНКАЯ ПОХВАЛА.

Однажды на вечеринкѣ у герцогини *М**** играли въ извѣстную игру, которая состоитъ въ томъ, чтобы между людьми и вещами находить сходство и разность. Входилъ *Лалоттъ*; герцогиня обращается къ нему съ вопросомъ: какая разница между мною и часами?—

«Часы,» не смѣшавшись отвѣчалъ оспроумный *Лалоттъ*: «наполняютъ время, а ваша свѣтлость заспавляетъ забываетъ его.»

ПРОЗРАЧНАЯ БУМАГА.

Въ Вашингтонѣ одинъ бумажный фабрикантъ изобрѣлъ прозрачную бумагу, которую можно употреблять вмѣсто стекла и зеркалъ, и при томъ съ болѣею выгодой; ибо эта бумага не имѣетъ хрупкости и ломкости стекла.

ОТРЫВКИ

изъ *Рпги* профессора *И. И. Давидова*, о содѣйствіи Московскаго Университета успѣхамъ отечественной словесности.

7.

КАРАМЗИНЪ.

Карамзинъ—первый позналъ потребность вѣка, первый удовлетворилъ желаніямъ современниковъ. Образовавшійся еще по Европейскимъ писателямъ оснадцатаго вѣка, какъ писатель Русскій, онъ оплеченъ отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ: онъ знакомитъ насъ съ отечественными преданіями, очаровательною кистью рисуетъ предъ нами родные нравы, оживляетъ памятники, долго

плѣвшіе въ неизвѣстности, воспроизводитъ предъ нами даже мѣста, которыхъ до него мы не замѣчали, потому что жили мысленно въ Версали и въ Парижѣ. *Карамзинъ* мѣристъ и языкъ ученый съ народнымъ—сдружаетъ отъ двѣ стихіи, до него враждебныя: и языкъ его гибкій, живописный, благозвучный, принявшій изящныя формы, становится языкомъ всѣхъ людей образованныхъ. Это первое явленіе живаго языка Русскаго. Правда, вмѣстѣ съ жизнію народною, онъ необходимо измѣняется; но языкъ, которымъ началъ говорить *Карамзинъ*, всегда останется памятникомъ новаго образованія—памятникомъ великаго писателя. Понять требованія времени и духъ народа, увлечь за собою миліоны—это подвигъ великаго. При быстрыхъ измѣненіяхъ въ образованіи отечества нашего, *Карамзинъ* самъ совершенствуется вмѣстѣ съ своимъ временемъ. Сначала онъ приноситъ дань школь писателей прошедшаго вѣка, которой заплатили дань и сильные умы Германіи и Англіи; потомъ ищетъ вдохновеній въ *Макферсонѣ*, *Шекспирѣ*, *Шиллерѣ*, *Гетѣ*; наконецъ, удалившись отъ всѣхъ исканій свѣта, въ уединеніи, питающемъ умъ и сердце, воскрешаетъ предъ нами предковъ нашихъ, творитъ палладиумъ народной славы—отечественную Исторію: и здѣсь онъ является представителемъ народнаго самопознанія.

Слава, признаваемая въ писателѣ цѣлымъ народомъ, не есть еміямъ дружбы: это сліяніе чувствъ миліоновъ, жертва народа своему представителю слова. Такую славу достойно стяжалъ *Карамзинъ*. Привнеси въ порядокъ разбросанныя свѣдѣнія объ отечествѣ, сохранившіяся въ историческихъ попыткахъ его предшественниковъ, оживишь мертвые памятники и дашь языкъ нѣмымъ харшіямъ, угадаешь народный духъ въ словесности: такой подвигъ есть подвигъ высокаго ума, непреодолимой воли, излщнаго чувства. При нѣкоторыхъ недоспакахъ, какъ дань своему времени, Исторія Государства Россійскаго стоить въ ряду творческихъ произведеній словесности. Что сказать о языкѣ, которому изучился онъ въ Университетѣ, языкѣ, въ которомъ нѣтъ ему равнаго по

описаніямъ и повѣствованію, легкости, живости, проспошѣ, благозвучію, неиспощимому обилію? *Карамзинъ* шелъ съ того мѣста, на которомъ остановился *Ломоносовъ*. Сей заспалъ стихій языка нашего смѣшанныя, неуспроенныя: ему предспоялъ трудъ раздѣлить ихъ, привести въ порядокъ. *Карамзину* достался языкъ, запечатлѣнный формами Лапінскими; ему надлежало переучивать насъ родному языку, искасть стихій его въ родныхъ источникахъ, сблизить книжный языкъ съ народнымъ. *Ломоносовъ* искалъ языка въ спарянныхъ нашихъ книгахъ; *Карамзинъ* зналъ, что его должно изучать въ живой рѣчи народа,—что одушевленіе для Словесности находимъ мы подъ пѣмъ небомъ, съ котораго нисходитъ оно къ народу; что для этого пужно окружить себя воспоминаніями жизни предковъ. Вопъ чѣмъ восхипилъ онъ у всѣхъ современниковъ пальму *перваго* писателя, увлекъ всѣхъ за собою! Такъ вѣрно зналъ онъ стихіи Русской жизни, Русскаго ума и сердца! Съ появленіемъ Исторіи Государства Россійскаго прекрапимись споры о старомъ и новомъ слоѣ; пупъ убѣдились въ истинѣ, давно знакомой иностранцамъ, упредившимъ насъ въ просвѣщеніи, что языкъ образуется не по произволу писателей, но въ быту и жизни народной; что каждый вѣкъ самъ выбираетъ для себя сокровища изъ наслѣдія предковъ, самъ развиваетъ себя въ своемъ словѣ. Дайте при этомъ палладіумъ созрѣть еще одному поколѣнію — и вы увидите полное развитіе Русской Словесности.

Карамзину соревнуютъ высшіе таланты эпохи эпохи—*Дмитріевъ*, любившій бесѣдовать съ профессорами о Словесности, *Батюшковъ*, ученикъ *Муравьева*. Такъ сильно вліяніе преобразователя слова! Въ *Дмитріевѣ* отражается творчество и величіе *Державина*, глубокое предчувствіе и сознаніе народности нашего времени, благородство и возвышенность мыслей. Главный, опличительный характеръ его—изящество и окончанность формы, удивительное изящество языка; каждое стихотвореніе его представляетъ совершенно отдѣланную группу классической древности; онъ въ эпозъ оп-

ношеніи неподражаемъ. Въ *Батюшковѣ* мы не находимъ высокости мыслей, не любуемся живописью внѣшней и внутренней природы, какъ въ *Державинѣ*; но онъ роскошенъ въ повѣствованіяхъ, сладоспенъ его періодъ и стихъ.

СТИХОВТОРЕНІЯ.

МАДАГАСКАРСКАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ *Мильвеа*).

Взошла сребристая луна,
Лука омылся росю,
А Вайны пѣтъ, пейдетъ она!
О, Вайна, другъ мой, что съ побою? —

Готово ложе, и цвѣты
Его привѣсно украшаютъ;
Оно достойно красоты,
Тебя прекрасной называютъ!

Но ты идешь, я узнаю —
Одежды шумъ и колебанье,
Походку быспрую швою,
Твое успалое дыханье. —

Такъ опдохни-жь, другъ милый мой!
Какъ взоръ швой сердце восхищаетъ;
Какъ грудь колеблется съ рукой,
Которая шебя сжимаетъ!

Но, ахъ! какимъ огнемъ горю!
Какъ перенести чувствъ упоенья?
Остановись! или я умру...
Лязь умереть опъ наслажденья?

И вопъ—опо уже лепишь...
Зажглось, согрѣло,—исчезаетъ —
И взоръ швой меркнетъ, жаръ ланишь
Съ воспоргомъ спрасни ушхаетъ...

И ты идешь,—миѣ снова ждашь,
Въ борьбѣ сомнѣній и желанья,
Пока луна взойдетъ опять,
Наспанетъ сладкій часъ свиданья.

Ст. *Степановъ*.

E N I G M E.

Je ne puis exister sans l'esprit et le corps,
Sans être aucun des deux, ils sont mes deux ressorts.

Pour ma production, ô merveille étonnante!
Un seul sexe suffit, sans douleur il m'enfante.

Par mon rapide vol, je me perds dans les airs;
Je me plais à la ville, et me plais aux déserts.

Je suis agent d'amour, une source de haine,
Un gage précieux de la foi souveraine;

Sur tous les animaux mon empire s'étend,
A mon ordre parfois homme et brute se rend;
J'accorde les humains, c'est moi qui les divise
A tous ces traits, lecteur, connais-tu ma devise?

Въ No 74-мъ, помѣщенная шарада значить: *Равно-родный*.

M O D E S.

Une robe de mousseline laine à losanges de couleurs nuancées; ces losanges séparées les unes des autres par un encadrement de couleur tranchantes. Au bas de la jupe, un volant de demi-hauteur, à tête; cette tête était comme découpée à dents de loup; pour donner du soutien à ces dents, l'étoffe était remployée en dessous; au bord inférieur du volant, même disposition. Les manches de cette robe étaient demi-justes de l'épaule au coude, et tout à fait justes du coude au poignet. Pour garnir le haut de cette manche, des *jockeis* assez amples pour être froncés légèrement, leur bord inférieur; tombant à moitié de la longueur entre l'épaule et le coude était découpé comme le volant. Cette robe était nouvelle et jolie. On parle de porter des spencers. Nous encourageons cette innovation le plus que nous pourrons; rien n'est plus gracieux que cette mode dont nous avons déjà conseillé la reprise dans une de nos lettres sur la mode, l'année dernière: voilà que le bon goût arrivé à l'appui de notre avis.

Nous terminerons cet article en faisant une légère observation sur un usage qui s'introduit depuis quelque temps, et qui nous paraît bien peu en rapport avec le siècle galant et poli dont nous semblons, par

nos costumes, vouloir rappeler le souvenir. Il est à remarquer que beaucoup d'hommes maintenant entrent dans un salon le chapeau sur la tête, et ne se découvrent qu'en faisant leur premier salut. Le bon goût et l'usage veulent qu'il en soit autrement, car on doit même se découvrir le tête pour le valet qui nous ouvre la porte, c'est une marque de respect pour la maison dans laquelle on est reçu, et une politesse qui sera toujours remarquée en bonne part; ceci est dit sauf meilleur avis.

М О Д Ы.

Платье изъ шерстяной кисеи съ оплеченными кружками, которые раздѣлены между собою рамками яркихъ цвѣтовъ. Внизу юбки оборка средней ширины, съ перегибкою; эта перегибка была какъ будто вырѣзана острыми зубцами; а чпобъ они хорошо держались, то матерія была загнута вдвое; нижній рядъ оборки былъ также сдѣланъ. Рукава были не совсѣмъ въ обтяжку отъ плеча до локтя, а отъ локтя до кисти въ обтяжку. Для оплечки рукава, сверху эпюлетъ, довольно широкой, чпобъ быть слегка собраннымъ. Нижній край висѣлъ до середины между плеча и локтя и былъ вырѣзанъ какъ оборка. Это платье было ново и красиво. Поговариваютъ о спензерахъ. Мы одобримъ сие нововведеніе какъ нельзя болѣе; ничего нѣтъ милѣе этой моды, на щепъ которой мы подавали уже свой совѣтъ въ одномъ изъ нашихъ писемъ въ прошедшемъ году: вопъ и хорошій вкусъ свилсъ для подтвержденія нашихъ словъ.

Мы окончимъ эту статью, сдѣлавъ легкое замѣчаніе на обыкновеніе, введенное съ нѣкотораго времени, и кажется нисколько не сообразующее щеголеватому и учтивому вѣку, о которомъ мы хотимъ напомнить нашими костюмами. Нужно замѣнить, чпо многіе мужчины входящъ въ гостиную съ шляпою на головѣ, и снимающъ еѣ только при первомъ поклонѣ. Хорошій вкусъ и обычай хотящъ, чпобъ это было иначе, пошбому чпо должно снимать шляпу даже для слуги, отвворяющаго намъ дверь, это знакъ уваженія къ дому, въ которомъ мы приняты, и вѣжливостъ, которая всегда будетъ замѣчена съ хорошей стороны; это говорится въ совѣтѣ.

(*) Разумѣется, это дѣлается въ Парижѣ.—В.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ, и
Субботамъ.

№ 76.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 19 ДНЯ 1836 ГОДА.

Для похвалы его не нужно много словъ!
Служа, онъ прикрывалъ все формами закона;
Онъ ближняго пустилъ былъ по міру поговѣ,
Лишь бы имѣніе купилъ съ аукціона.

Н. С—въ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДОМЪ И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ АДМИРАЛА РУЙТЕРА.

Изъ *Евгенія Сю.*

(Разсказъ.)

Въ Амстердамѣ, на лѣвомъ углу соборной площади, стоялъ некогда домъ скромной наружности, съ довольно возвышенною; но чрезвычайно покатою кровлею, опустившеюся на карнизы пяти высокихъ округленныхъ оконъ главнаго фасада. Крупное крыльцо, изъ дикаго камня, всегда тщательно вымытое, вело къ дубовой двери, обитой огромными мѣдными гвоздями, которые свѣпились какъ золото.

Этотъ домъ принадлежалъ *Руйтеру*.

25 Юля 1675 года, преспарыльый адмиралъ оспался дома, промучась всю ночь сильнымъ припадкомъ каменной болѣзни, — отъ которой давно уже перепѣлъ онъ часныя и жеспокія спраданія.

Было семь часовъ; небо было ясно, вечеръ тихъ, воздухъ дышалъ благотворною теплотою — и *Руйтеръ* сидѣлъ въ саду своемъ.

По обычаю того времени, садъ *Руйтера* былъ регулярный, и состоялъ изъ длинныхъ широкихъ и темныхъ алей, усыпанныхъ мелкимъ булыжникомъ; деревья, остриженные по прихоти садовника, представляли по фестоны, по спранныя изображенія людей и живописныхъ, — то, сплепя густыя вѣтви свой, образовали изъ нихъ зеленый сводъ, въ глубинѣ котораго пайлась грубая спатуя одного изъ знаменитыхъ мореходцевъ республики, расписанная красками и выдолбленная изъ дуба, не искусною, но сильною рукою какого нибудь вайпеля-самоучки съ Амстердамской пристани.

Почти въ срединѣ сада находился большой прудъ, котораго берега выложены были плитами сняго и бѣлаго Японскаго фаянса. На пруду возвышался дюжій мраморной Непсунъ, мѣспами потемнѣвшій отъ времени и споявшій на искусственной мшистой скаль, о камни которой часто разбивались маленькіе деревянные корабли, игрушки, доспойные малолѣпной внуки *Руйтера*. Около пруда бродило множество желтыхъ и черныхъ Фламандскихъ куръ, пользовавшихся особенною милоспію адмирала; также нѣ-

сколькo красногoловыхъ хохлапыхъ цеса-рокъ и между ними спѣсивый павлинъ, копорый, распуская на солнцѣ песпро-блеспящій хвостъ свой; повертывалъ его во всѣ спороны, какъ какой нибудь золопой опахаль, расписанный лазурью и унизанный изумрудами и яхонтами. Въ концѣ длинной алей, раздѣленной прудомъ на двѣ части, находилась древесная бесѣдка, обсаженная розовыми кустами, покрытыми прекрасными цвѣтами своими, всегда спрашно любимыми *Руйтеромъ*. Нѣсколькo гибкихъ вѣтвей, опдѣляясь опъ кустовъ, обвивались около бѣлыхъ, серебристыхъ корней двухъ древнихъ вязовъ, росшихъ у самага входа бесѣдки, и попомъ, упадая внизъ, образовали легкя висящя гирлянды, которыхъ нѣжная зелень и алыя цвѣты пріятно опдѣлялись опъ мрачной внупренности эпога свѣжаго и прелестнаго убѣжища, гдѣ сидѣлъ тогда *Руйтеръ*, окруженный семействомъ своимъ.

Надобно имѣть нѣжную, свободную и могущественную кисть *Герарда Дова*, *Голбейна*, или *Вандика*, чпобы изобразить пу пріятную карпицу, копорую бесѣдка представляла въ эту минушу; однакожь, многя споронія обстоятельства, придававшя ей неизъяснимую прелесть и способствовавшя дѣйствию ея на воображеніе, не уловимы для живописи, безильной выразишь молчаніе, царствовавшее тогда въ саду, свѣжее благоуханіе розъ, тихое щебетаніе птицъ подъ листьями: однимъ словомъ, всю эту чудную гармонию звуковъ, свѣта, ароматовъ, копорая, обворожала чувства, не доступна никакому искусственному подражанію.

Одна сильная, вдохновительная мысль облагороживала эту веселую, улыбающуюся природу, и придавала ей въ глазахъ наблюдателя что-то величественное. Мысль, что въ эпомъ скромномъ уединеніи жилъ *Руйтеръ*—попъ славный, великій *Руйтеръ*, копорый, на всѣхъ моряхъ свѣта, поддержалъ честь Республики, ввѣрившей ему павильонъ свой; копорый, чувствуя глубокое знаніе свое, оставался спокойнымъ тогда, когда бунпующя волны, при спрашномъ пожарѣ неба,

поднимались до облаковъ — и спрашпый прескъ грома, казалось, грозилъ разрушить вселенную.—Словомъ, попъ *Руйтеръ*, копорый однимъ знакомъ поведѣвалъ цѣлому флоту иппи побѣждать многочисленныя силы непріятеля, и давалъ кровопролитныя сраженія, прекращавшяся только съ наступленіемъ ночи.

Но за эпою мыслію слѣдовала другая, горестная, опъ копорой невольнo сжималось сердце. Можно было почти навѣрное предпологать, что опъ всего эпога человеческого величія, опъ всей эпои земной минушной славы скоро оспанеится лишь одно громкое имя, что, можетъ бышь, менѣе нежели черезъ полгода, гробъ *Руйтера*, покрытый герцогскою манпиею (*) и окруженный всѣми почестями міра, оставитъ осиротѣлый и печальный домъ его, и соидетъ въ темныя нѣдра земли.

Эта разительная пропивуположность мірской славы съ ничтожествомъ, и переходящаго съ вѣчнымъ; эти тайныя предвѣщанія души, предузнающей будущее, въ мѣстахъ, гдѣ все еще дышетъ жизнью и веселиемъ, — невыразимы для живописца; но они заставляли благоговѣть передъ смиреннымъ жилищемъ *Руйтера*, и сообщали ему по величіе, которое не сполькo завидитъ опъ предметовъ вѣшнихъ, какъ опъ чувства, съ копорымъ мы смотримъ на нихъ.

Адмиралъ желалъ провести оспатокъ вечера въ любимой бесѣдкѣ своей, и попому *Анна Гельдеръ*, претья супруга *Руйтера*, велѣла-прицести туда большя кресла его, на копорыхъ онъ сидѣлъ, закупанный въ широкой шафрокъ сѣраго цвѣта, и опоясанный краснымъ кушакомъ. Въ промежутки темной и густой зелени проходили теплыя лучи заходящаго солнца, и чудно озаряли бѣлую голову спарца, прислонившуюся къ высокой спинкѣ кресель.

(*) Король Испанскій пожаловалъ *Руйтеру* герцогское достоинство, но дипломъ на него былъ присланъ тогда, когда *Руйтеръ* лежалъ уже на сподѣ.

Руйтеру было тогда ровно семьдесятъ лѣтъ; физіономія его выражала простоту, ясность души и добросердечіе; — но лицо, прежде полное и румяное, отъ болѣзни сдѣлалось блѣдно и покрылось глубокими морщинами. Сѣрые и проницапельные глаза его, пылая жаромъ лихорадки, сіяли блескомъ необыкновеннымъ.

У кресель, облокотясь одною рукою на спинку ихъ, сподялъ молодой человекъ, и съ видомъ горестнаго участія смотрѣлъ на адмирала. Онъ былъ лѣтъ 24, средняго роста, но крѣпкаго тѣлосложенія. — На немъ былъ темный кафтанъ съ оранжевымъ кушакомъ и шерстяные чулки шакого же цвѣта. Румяныя и полныя щеки его, длинные каштановые волосы, и большіе сѣрые глаза, напоминали *Руйтера* въ молодости, и всякой, взглянувъ на юношу, говорилъ, что *Энгель Руйтеръ*, сынъ адмирала, удивительно похожъ на отца своего.

Супруга *Руйтера*, въ черномъ плащѣ, съ бѣлою Фламандскою фрезой и въ бѣломъ чепчикѣ съ лопоспями, сидѣла возлѣ него на деревянномъ стулѣ и занималась пряжею, между тѣмъ какъ госпожа *Солмерсъ*, дочь адмирала, сидя подлѣ ней, распушывала нитки на ея пряслицѣ. Пропивъ *Руйтера* сидѣлъ зятя его, паспоръ *Солмерсъ*, человекъ лѣтъ 36, одѣтый по званію своему въ черный кафтанъ; на колѣнахъ у него лежала открытая библія большаго формата, и маленькая дочь его *Анна*, осемилѣтняя внука адмирала, опустивъ на книгу бѣлокурую головку свою, съ большимъ вниманіемъ разсматривала въ ней прекрасный эстампъ, представлявшій младшаго *Товія*, возвращающаго зрѣніе отцу своему.

Руйтеръ находилъ такое набожное удовольствіе въ священномъ Писаніи, что каждый день заставлялъ читать его для себя вслухъ, даже во время походовъ своихъ. Въ эту минуту чтеніе было прервано, и все семейство съ глубокимъ вниманіемъ слушало слова адмирала.

— Святое имя *Іоны*, — говорилъ онъ: напоминаешь мнѣ происшествіе, случившееся со

мною въ 1666 году, во время Чапамской экспедиціи. Я былъ тогда на корабль *Іонъ*, съ бѣднымъ моимъ *Корнелиемъ Виттолемъ*, такъ безчеловѣчно умерщвленнымъ. — При эпозомъ ужасномъ воспоминаніи *Руйтеръ* тяжело вздохнулъ. — Я помню также, продолжалъ онъ, что съ корабля *Іоны* далъ я приказаніе брандерамъ войти дальше въ Темзу, и зажечь чепыре большіе непріятельскіе корабля, которые защищали замокъ *Упноръ*. Надобно было брандерамъ моимъ проходитьъ подъ самыми стѣнами крѣпости, съ копторой лѣзли на нихъ ядра, но, не смотря на то, они благополучно достигли кораблей, и предпріятіе наше удалось намъ. —

«А кто командовалъ этими брандерами, бапюшка?» спросилъ *Энгель Руйтеръ*.

— Да помнишься, памъ былъ старый *Кёвенгауенъ*, *Вильгельмъ Виленцъ*. Кто еще? ... кажется *Попинга*? ... Да, да, точно *Попинга*, онъ командовалъ тѣмъ брандеромъ, который назывался *Золотымъ яблокомъ*. —

«А вы не помните именъ другихъ храбрыхъ капитановъ, бапюшка?» спросилъ паспоръ съ участіемъ, понятнымъ для тѣхъ, которые знаютъ, что онъ, намѣреваясь писать славою жизнь знаменитаго своего тещя, собиралъ тогда всѣ возможные свѣдѣнія, касающіяся до его предмета. Но онъ принужденъ былъ однакожъ щипательно скрывать отъ адмирала и предпріятіе и даже любопытство свое, потому что, когда *Руйтеръ* замѣчалъ, что его спрашивали о подробностяхъ военныхъ подвиговъ его, съ намѣреніемъ описать ихъ, то по невѣроятной скромности своей и истинно Христіанскому смиренію, онъ въ ту же минуту прерывалъ свое повѣствованіе и дѣлался печаленъ. «Я щипаю великимъ грѣхомъ и богопрошивною гордостью, говорилъ онъ часто дѣтямъ своимъ, позволяя описывать для потомства то, что совершилъ не я, а единая благость и всемогущество Создателя.»

Однакожъ, нимадо не подозрѣвая еще біографическихъ замысловъ зятя своего, добродушный спарець призадумался, и, по ми-

нупномъ молчаніи, сказалъ: Нѣтъ, не могу всѣхъ припомнить!.. Кого бишь назвалъ я?

— Спараго *Кёвенауена, Вильгельма Виленца и Попинга*, командовавшаго *Золотыми блокомъ*,—опвѣчалъ паспортъ, очень неосторожно обнаруживъ вѣрность памяти своей; но по щасію *Руйтеръ* былъ углубленъ въ свои воспоминанія.

«Эпо только прое,» говорилъ онъ про себя: «а ихъ было шесть... Постой! постой! вспомнилъ! Тамъ былъ еще *Вандеръ-Гевенъ*, да, *Вандеръ-Гевенъ*.... Потомъ *Мейндертъ-Сентисъ*.»

—Вопъ ужъ пятъ, бапюшка; кто-жь шестой? подумайте-ка!—

«Пятъ? Полно такъ ли, *Бернардъ?*» спросилъ адмиралъ.

—Конечно,—опвѣчалъ вѣпрено паспортъ: вы назвали *Кёвенауена, Вильгельма Виленца, Попинга, Мейндертъ-Сентиса и Вандеръ-Гевена*, оспаается вспомнить только одного, бапюшка.—

Руйтеръ осполбенѣлъ опъ чрезвычайной памяти зятя своего, и взглянулъ на него съ удивленіемъ. Тутъ въ первый разъ мелькнула ему мысль, что любопытство паспорта могло быть не спроса; однако онъ еще не хотѣлъ обнаружить свое подозрѣніе и только опвѣчалъ, что шестаго имени никакъ не можетъ вспомнить.

—И брандеры ваши сожгли Англійскіе корабли, не смотря на жестокую пальбу съ крѣпости?—сказалъ *Энгель*.

«Да;» опвѣчалъ *Руйтеръ* коротко и сухо.

—Правда ли, бапюшка, что тѣ корабли наши, которые прикрывали брандеры, гордо подошли подъ самый огонь крѣпости, и спали между ними и замкомъ?—

«Правда, сынъ мой.»

Эпошъ холодный опвѣтъ и внезапная молчаливость *Руйтера*, образумили паспорта, который ясно увидѣлъ, что адмиралъ догадался о его намѣреніи. Тогда онъ рѣшился употребить хитрость, и не смотря на то,

что могъ на минуто огорчить добраго спарика, сказалъ съ припворнымъ равнодушіемъ:

—Правда ли, бапюшка, также и то, что г. *Корнилій Виттъ*, обыкновенно рѣшительный и неуспрашимый, оказалъ себя въ этомъ дѣлѣ совершеннымъ прусомъ, и что не смотря на то, вся слава эпой экспедиціи приписана была ему?—

Эта хитрая уловка совершенно удалась паспорту, и не могла не удалться, потому что *Руйтеръ*, догадавшись уже о намѣреніи *Соллимерса* писать его исторію, не могъ выдать на поруганіе памяти друга своего *Корнилія Витта*, который, напроливъ того, въ этомъ сраженіи дѣйствовалъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и храбростію.

Между тѣмъ жена и дѣти *Руйтера* зная, какъ нѣжно любилъ онъ *Корнилія Витта*, упрашивали паспорта знаками прекращить разговоръ, который видимо разспроилъ добродушнаго спарца.

«Онъ прусъ!» закричалъ вдругъ *Руйтеръ*, покраснѣвъ опъ внутренняго волненія. «Онъ? *Корнилій Виттъ*? Кто осмѣлился произнести такую дерзкую клевету? Развѣ мученическая смерть его не удовлетворила еще злыхъ враговъ эпоаго нещаснаго семейства? Онъ прусъ!!! Боже милосердный! Онъ!... который въ тотъ самый день, увидя меня сходящаго въ шлюбку, чтобы самому командовать однимъ брандеромъ, спросилъ: куда я иду, и на опвѣтъ мой, что иду посмотреть, что будутъ дѣлать дѣти мои, онъ съ обыкновенною преспотою своею сказалъ мнѣ: такъ и я пойду съ вами,—пошелъ, и не смотря на пальбу съ 24 пушечнаго корабля, который хотѣли мы испребить, преспотѣлъ со мною на палубѣ до самыхъ тѣхъ поръ, пока мы зажгли его; но лишь успѣли мы сойти съ брандера, какъ корабль взорвало на воздухъ, и обломками его убило пятъ мапросовъ на нашей шлюбкѣ... И эпоаго чело-вѣка называютъ прусомъ! О, *Бернардъ!* грѣхъ поноситъ память усопшаго и особливо того, кто, претерпѣвъ ужасную смерть, спяжалъ вѣнецъ мученика.»

Но паспортъ не слыжалъ выговора, сдѣланнаго ему *Руйтеромъ*, и въ благоговѣйномъ энтузіазмѣ своемъ закричалъ, сплеснувъ руками:

— О, какое величіе въ этихъ простыхъ словахъ между вами и *Корнилемъ*!... Въ вашихъ, адмиралъ: я иду посмотреть что будутъ дѣлать дѣти мои,—въ его, когда онъ отвѣчалъ: такъ и я пойду съ вами! Бапюшка! это еще одна прекрасная страница въ жизни вашей, еще одна несраненная черта, въ характерѣ *Корниля Витта*.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ).

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ

принца Пюклеръ-Мюскау.

29 Апрѣля.

Рексъ-Юдеумъ давалъ сегодня великолѣпный обѣдъ, на которомъ одинъ десертъ спомилъ, какъ сказываютъ, сто фунт. стерд. Я сидѣлъ возлѣ одной очень умной дамы, которая дружна съ герцогомъ *Велинтономъ*. Это дѣвица А. Она имѣетъ чрезвычайно значительную, тонкую и совсѣмъ не Англійскую фізіономію. Можешь вообразить, съ какимъ жаромъ говоритъ она о полипикѣ! Но вѣроятно, я не очень понравился ей, во первыхъ потому, что люблю *Канинга*, во вторыхъ, что ненавижу политическихъ разговоровъ за обѣдомъ. Посуда была чудесная, вся серебряная вызолоченая, а за десертомъ, мнѣ кажется, золотая. Послѣ обѣда *Мошлессъ* игралъ также прекрасно, какъ прекрасна молодая жена его; въ два часа управился я на раупъ герцога Нортумберландскаго, на который звано было только тысяча человекъ. Тамъ, въ необозримой карпинной галереѣ, гдѣ вѣрно было не меньше 30 градусовъ тепла по *Реоллюрову* термометру; играла ученая музыка,—но за ужаснымъ шумомъ и тѣсношюю, никто неслыхалъ еѣ.—Спертой воздухъ, наполненный непріятными испареніями, чуть чуть не задушилъ меня—и я вышелъ, спрашивая самого себя:

не ужли это называется удовольствіемъ между просвѣщенными націями?

T.

ЛУДОВИКЪ XVIII БЫЛЪ ГОСУДАРЬ МУДРЫЙ.

Однажды *Виллельмъ*, докладывая королю *Лудовику XVIII* о дѣлахъ, забылся и положилъ свою табакерку на письменный столъ его величества.

Король, съ негодованіемъ замѣтивъ это, сказалъ: *мѣсто вашей портфели здѣсь, а мѣсто вашей табакерки въ вашемъ карманѣ.*

У М Н И Ц А.

Одинъ простопиля пришелъ въ Управу Благочинія жаловаться, что у него въ шапкѣ вынули книжничъ съ ассигнаціями.—Конечно вашъ сюрпукъ былъ распѣгнутъ,—замѣтилъ ему слѣдственный приставъ. «Нѣтъ, онъ былъ заспѣгнутъ.»—Если такъ: то мудроно, что вы не почувствовали, когда мошенникъ засунулъ къ вамъ въ карманъ руку.—«Я очень почувствовалъ;» горячо возразилъ простакъ: «но мнѣ показалось, что это моя рука!»

ПИСЬМО СЪ ТОГО СВѢТА.

Одинъ офицеръ, передъ сраженіемъ, отдалъ своему товарищу письмо, прося его, если онъ будетъ убитъ, переслать оное къ его родителямъ. Онъ дѣйствительно лишился жизни, какъ предчувствовалъ. Письмо это было слѣдующаго содержанія:

Дражайшіе родители!

Долгомъ починаю увѣдомить васъ, что роковая пуля прекрапила жизнь мою въ сраженіи подъ *Лейпцигомъ*. Не съпуйте обо мнѣ, я умеръ, какъ храбрый воинъ, съ мечемъ въ рукѣ сражался за независимость Европы.

Послушный сынъ вашъ

.....

О Т Р Ы В К И

изъ Речи профессора И. И. Давыдова, о содѣйствіи Московскаго Университета успѣхамъ отечественной словесности.

8.

ЖУКОВСКІЙ.

За *Карамзиньимъ* вступаемъ на поприще Словесности нашей пипомецъ Университетскаго Пансіона, *Жуковскій*. Поэзія его приняла совершенно иное, современное направленіе, увлекла за собою полпу подражателей и проложила новый путь къ преобразованію Русской поэзіи. Тайнственная тоска и грусть души, недовольной однимъ земнымъ, но парящей къ небу, къ своей опчизнѣ—чувство, переживающее всё земное, сила духа, проптивящагося всѣмъ силамъ лещеспвенной природы, возраждающаяся изъ пепла развалинъ городовъ и царствъ—сила, побждающая природу познаніемъ и раскрытіемъ завѣстныхъ пайнъ ея—поэзія не подражательная, но изъ души раждающаяся, соревнующая природѣ въ ея творчествѣ: такова поэзія новая, явившаяся въ словесныхъ созданіяхъ *Жуковскаго*! Это чувство поэта нашего пипалось однородными чувствами поэзи Германской и Англійской. Но больше сочувствуетъ душа его душѣ *Шиллера*—всеемлющаго и вмѣстѣ неопредѣленнаго, глубокаго и вмѣстѣ мрачнаго; это переселеніе души съ земли на небо опразилось въ нашемъ псѣтѣ. Идеальная поэзія его, витающая въ радужной сферѣ фантазіи, сладостная мечтательность—опозвались въ сердцахъ нашихъ: внезапное сопрясеніе чувства воспламеняетъ искры небснаго огня, въ насъ паяціяся. Опъ не проявляется въ осязаемыхъ образахъ жизни духовной, какъ *Державинъ*, но и самые рѣзкіе образы внѣшней природы переноситъ въ таинственный міръ идеальный.—А усладительная, гармоническая, разнообразная музыкальность, и вмѣстѣ поразительная изобразительность языка? Это собственность, птворчество *Жуковскаго*. Въ его живомъ словѣ образовались всѣ основные элементы нашей народности;

онъ довершилъ начатое *Карамзиньимъ* сляніе книжнаго языка съ народнымъ—сляніе, выражающее всё потребности современной жизни. Могу ли преппи молчаніемъ, что знаменитый современный поэтъ нашъ былъ однимъ изъ первыхъ членовъ дружескаго собранія Словесности въ Университетскомъ Пансіонѣ? Любовь ко всему изящному, взаимное искреннее довѣріе юношей, высказывавшихъ другъ другу первыя мысли свои и чувствованія, непритворныя, чистыя; стремленіе къ совершенствованію: вопъ что одушевляло это собраніе. Восхищительно было юноспи, въ мирныхъ бесѣдахъ своихъ, видѣть профессоровъ—воспитателей и паставниковъ, радушно внимавшихъ липерапурнымъ опытамъ, увеселявшихся мечтами невинными, подававшихъ добрыя совѣты не только для слова, но и для мысли, и для сердца.

Въ этомъ періодѣ перерожденія нашей Словесности, съ распространеніемъ вкуса ученою криппкою Университета, *Крыловъ* творитъ басню изъ опечеспвенныхъ элементовъ. Какъ въ баснѣ Эзопа видно общество Греческое, еще простое, немногосложное; въ Федръ—въкъ внѣшней славы Римской и внупренняго одряхлѣнія; въ Лафонтенъ—многоспихійное общество *Лудовика XIV*: такъ басенный міръ *Крылова* своевременъ и своеземень. Его басни—карпины съ дѣйствующихъ лицъ передъ нами, съ нравовъ и жизни, въ которой мы сами дѣйствуемъ. Прибавьте къ этому Русскую замысловатость, колоритъ Русской рѣчи, живой, люющей изъ устъ народа: и вы разгадаете очаровательную предестъ разсказа въ баснѣ *Крылова*.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

(Не въ зачетъ.)

Въ одномъ Русскомъ журналѣ, при разборѣ альманаха г. *Крыловскаго*, на спраницѣ 22-й Литературной лѣтописи Апрельской книжки, между прочимъ сказано:

«Вошь что только не понравилось намъ въ Новосель: нѣкии А. П. С—въ помѣспилъ (спр. 193—201) спашью Байкаль, будто бы письмо къ А. Е. Грену, изъ Иркутска, опъ 31 Января 1835 года; мы беремъ доказать, что А. П. С—въ не могъ написать его изъ Иркутска 31 Января 1835 года, потому что это опрывокъ спашьи, писанной совсѣмъ не г. С—въ, а въ пипнацать пому назадъ, въ Москвѣ. Если угодно, мы представимъ улику налицо; но, пока это попребуется, совѣспуемъ только г. С—въ не выдавать чужаго за свое. Какъ бы это ни называлось, а только оно очень нехорошо.»

Я хотѣлъ промолчать объ этой выходкѣ нашего знаменитаго крипика, хотя здѣсь и весьма дерзко упомянуто обо мнѣ: «будто бы то письмо къ А. Е. Грену;» но г. С—въ, спаринный другъ и поварищъ мой, въ письмѣ изъ Иркутска, опъ 27-го Юня сего года, проситъ меня оправдать его—и доказать, что письмо это дѣйствительно писано имъ и ко мнѣ.

Знайше жег. издатель журнала, что спашья Байкаль писана г. Сливуцкимъ, арміи полковникомъ, живущимъ въ Иркутскѣ; была напечатана въ 1813 году въ газетѣ *Съверная Порта*; въ 1835—съ большими перемѣнами—въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Р. И.* и въ *Моск. Вѣдомостяхъ*, а въ 1836 году въ альманахѣ г. Крыловскаго, также съ перемѣнами и улучшениями. Авторъ спашьи Байкаль имѣлъ право напечатать её, гдѣ ему было угодно. Авторъ проситъ барона Браубеуса, по общаію его, представить улику на лицо; ему очень, очень хочется видѣшь, какія доказательствва будутъ представлены по сему предмету.

А. Грень.

Мыза Ракаймски,
близъ Выборга.
6 Юля 1836.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ.

(Отрывокъ.)

Темно въ небѣ, мѣсяцъ всходитъ,
То бочкомъ ползеть межъ шучъ,
То наружу весь выходитъ
И бросаетъ томный лучъ.

Неподвижно боръ дремучій
Въ бѣломъ саванѣ спойшетъ;
На дорогѣ снѣгъ сыпучій
Сполбъ завьешъ и полешитъ;
Въ полусонной деревушкѣ
Жучка лаешъ у избушки,
А другіе псы у хатъ
Всю деревню спорожатъ;
Только въперъ вой разноситъ;
Только волкъ добычи проситъ;
Только жучка лишъ не спитъ,
На завалинкѣ сидитъ.
Въперъ спонешъ, снѣгъ срываетъ,
То начнешъ его мешать, —
Облаками поднимаетъ,
То упишетъ всё опять,
Средь порывовъ въпра злаго
Чуть намъ слышенъ вдалекѣ
Звонъ Валдайца удалаго....
Тройка мчитъ на-легкѣ!
Почтовал, удалая!...
Подъ копытомъ снѣгъ хруститъ.
Вмѣстѣ съ въпромъ завывал,
Колокольчикъ лишъ гудитъ.
Тройка съ вихремъ врьдъ несется...
Кто лепитъ въ шаковую ночь?!
Съ кѣмъ, кто хочешъ увидаться?
Или чьей бѣдѣ помочь?
Льсь глухой!... Въ дорогѣ скучно!...
Крѣпко всё и сладко спитъ!
Колокольчикъ лишъ гремитъ;
Съ нимъ и эхо неразлучно!
Всѣ-то вдетъ! Всѣ-ше скачетъ!
Всѣ поронитъ впередъ!
Снѣгъ копытами лишъ топчетъ
И покою не даетъ!
.....
А у кучера у Федьки
Что за пѣсня! Что за складъ!
Какъ заманешъ удалую...
Да присвистывашъ поидеть!...
И подъ пѣсенку шаковую
Головой лишъ самъ прясетъ.
Хопъ морозно! Хопъ замерзла
Борода у ямщика!

Онъ поешъ себѣ на козлахъ!
 Вѣдь охопа велика!!..
 Какъ возгаркнешь! Какъ залъешься!
 Чпо романсы и финаль?!
 Никуда ужъ негодяться!
 Передъ Федькой конченъ балъ!....

Василій Негорюй.

Августа 22-го
 1836 года.

Нижній-Новгородъ.

Ш А Р А Д А.

Начало—разъ, не два и не четыре вдругъ;
Конецъ, какъ бышенный баранъ, все ходишь вокругъ
 И Славянщицкой пахнешь.
 А *цѣлое* есть спросать
 Гнуснѣйшая; отдавшись ей во власть,
 Румяный юноша спалъ опозоренъ; чахнешь
 И тѣломъ и душой.

Въ No 75-мъ, помѣщенная загадка значить: *Parole.*

М О Д Е С.

On prend le temps comme il vient et les modes comme elles sont; mais quand elles ne viennent pas, qu'elles s'arrêtent en route, on est obligé de les attendre; et voilà où nous en sommes dans ce moment, nous attendons. Le mois prochain nous amènera tant de jolies choses! Dans l'expectative des nouveautés qui nous sont promises, contentons-nous d'examiner un peu le présent. Nous voyons que le velours est toujours en grande faveur sur les chapeaux de paille et que l'on commence même à s'en servir sur les chapeaux d'étoffe; nous avons vu une capote de *pou de soie*, lilas, ornée de rubans de velours noir, qui étaient d'un charmant effet. On voit beaucoup de petits bonnets de blonde ornés aussi de velours mêlés aux fleurs les plus légères; enfin le velours est devenu une fureur, il jouera cet hiver un grand rôle dans les accessoires de la toilette, on en garnira les douillettes et les manteaux. Si l'été eût été plus chaud, nul doute que la mode des manches courtes eût pris une grande exten-

sion; on avait déjà imaginé des bouts de manche qui s'attachaient et se détachaient à volonté, et donnaient la possibilité de sortir avec la même robe que l'on portait chez soi. Mais l'inconstance de la saison n'a pas permis d'adopter cette mode autant qu'on l'aurait voulu: espérons que le soleil ne tiendra pas, l'année prochaine, rigueur aux jolis bras, comme il le fait cette année.

Pl. No 26. 1) 2) 3) Coiffure. — 4) Collier-châtelaine en pierreries. — 5) Boucles d'oreille et boucle de ceinture. — 6) Aumônière. — 7) Corbeille en écaille.

М О Д Ы.

Временемъ довольствуются каково оно есть—и модами поже; но когда онѣ не появляющяся, останавливаются на дорогѣ, по надо ждаться... Вотъ положеніе, въ какомъ мы теперь находимся: мы ждемъ.... Будущій мѣсяцъ принесетъ намъ сполько хорошаго! Въ ожиданіи новостей, удовольствуемся разсмотрѣніемъ настоящаго. Мы видимъ, что бархатъ продолжаетъ быть въ большомъ употребленіи на соломенныхъ шляпкахъ и что начинаютъ даже имъ отдѣлывать шляпки изъ матерій. Мы видѣли капоть изъ лилового *pou-de-soie*, съ черными бархатными лентами, что составляло прелестный видъ. Видно много блондовыхъ чепчиковъ, отдѣланныхъ также бархатомъ, съ самыми легкими цвѣтами; наконецъ мода на бархатъ доходитъ до изсупленія; нынѣшнюю зиму онъ будетъ играть большую роль въ принадлежностяхъ туалета: имъ будутъ отдѣлывать дульшны и маншеты. Еслибы лѣто было шеплье, то нѣтъ сомнѣнія, что употребленіе корошкихъ рукавовъ весьма бы распространилось; придумали было дѣлать маленькіе рукава, которые привязывались и отвязывались по произволу, и давали возможность выѣзжать въ помѣже платьѣ, въ которомъ дома. Но непостоянство времени не позволило принять эту моду, сколько бы того ни желали. Будемъ въ надеждѣ, что на будущій годъ солнце не будетъ такъ жестоко къ красивымъ рукамъ, какъ нынѣшній годъ.

(*Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.*)

Карп. No 26. 1) 2) 3) Причѣска. — 4) Ожерелье. — 5) Серьги и поясная пряжка. — 6) Омоньерка. — 7) Черепашовая корзинка.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 77.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 карпинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 23 ДНЯ 1856 ГОДА.

Какъ долженъ быть ему весь кодексъ нашъ знакомъ:
Онъ по судьямъ—по подь судомъ.

М. Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДОМАШНЕЕ ШИПУЧЕЕ ВИНЦО.

У насъ, деревенскихъ жителей, съ полови-
ны Юня, до глубокой осени, между прочи-
ми занятіями по хозяйству, продолжаются
пріятныя хлопоты изъ различныхъ льготъ
варить варенье, дѣлать наливки и шипучее
винцо, названное иными неизвѣстно по-
чему *апогаре*, отъ чего оно впрочемъ ни-
сколько не сдѣлалось вкуснѣе. (Я спросилъ
одну даму, для чего она, называя прежде
шипучку шипучкой, нынче величаетъ ее
же названіемъ *апогаре*? Ей Богу не знаю,
отвѣчала дама). А вы, милоспивый государь,
или милоспивая государыня, пивали нашу
шипучку?—Если не пивали, то я искренно
сожалѣю о васъ! Это несравненно выше
и пріятнѣе, всего того, что вамъ когда
либо пить случалось! Это, какъ бы вамъ
изъяснилъ получше,—это, словомъ, прелестъ.
Это не напитокъ, а малина, какъ говоритъ
Петръ Петровичъ! Надобно вамъ знать, что
Петръ Петровичъ, все, что желаетъ превозне-
сти похвалами, называетъ малиной. Онъ
однажды султана *Махмуда* назвалъ малиной.
Это не султанъ, а малина! сказалъ онъ. Но

оставя султана, малину и *Петра Петрови-
ча*, покорнѣйше прошу васъ, и искренно со-
вѣтую вамъ отвѣдать эпаго напитка. Чу-
десный напитокъ! Увѣрю васъ.—Впрочемъ,
если вы не повѣрите мнѣ на слово, по спро-
сите у многихъ чиновниковъ, пріѣзжав-
шихъ въ нашу сторону ревизовать, слѣдо-
вать, или дѣлать что нибудь въ родѣ эпо-
го. Частенько ихъ важность и дѣловую су-
хость разводили и размачивали мы эшимъ на-
питкомъ. Никогда не забуду я, какъ однажды
пріѣхалъ въ нашъ уѣздный городъ одинъ ре-
визоръ; хотя чина весьма небольшого, гу-
бернскій секретарь, не болѣе; но онъ замѣ-
нилъ эпопъ недоспапокъ какимъ-то ему
только свойственнымъ величіемъ. А голова!
Ужъ голова была!—Благороднѣйшая полови-
на ея, то есть отъ бровей до темени, бы-
ла покрыта наивеликолѣпнѣйшею въ мірѣ
лысиною, а другая половина была всегда
усыана папильотами, копорыхъ никогда не
снималъ онъ, кромѣ только тѣхъ порже-
спвенныхъ случаевъ, когда ѣхалъ куда ни-
будь на вечеръ, и то званый; иначе не ѣ-
жахъ онъ. Любезнѣе и назидательнѣе бы-
ло видѣть эту чудную годову, какъ укра-
шавшая ее лысина полуглубосомъ, или луч-

ше, Чудскимъ озеромъ, на которомъ кое-гдѣ вмѣсто оспровковъ сидѣли кусочки лимонной помады, опдѣляя границы лба его, пропаханнаго дѣловымъ мыслями въ морщины, и возвышавшійся надъ всѣмъ эпимъ боевой парашетъ изъ буклей. Прелесно да и полько! Однажды, на званомъ вечерѣ, куда нѣсколькихъ изъ насъ пригласили ввроятно для того, чпобы сдѣлать компанію важному лицу, (въ которомъ и дѣлавшіе эпошь вечерѣ, да и посьпиптели нуждались). Какъ теперь смотрю на него, когда сталъ онъ посреди залы, запкнувъ руки въ карманы своихъ дроздоваго цвѣта инекспресиблей, запрокинувъ назадъ голову, и самой напурою приподнятый носъ свой вздернувъ такъ, что мнѣ показалось, будто онъ видитъ на потолкѣ какія нибудь пакія штучки, какихъ мы спроста не видимъ. Такъ оспановясь, неподвижно рисовался онъ. Музыканшы уже были готовы, но прежде его согласія хозяинъ не позволялъ пачинашь панцовъ; самъ же пригмашаешь его не осмѣливался. Молодежь спала перешептываешь, дамы попарно вышли въ залу, сѣли и начали поже шептатъ (впрочемъ онъ у насъ всегда шепчуть, какъ раки въ мѣшкѣ, полько вдругъ иная захохочетъ и потомъ оцпашъ зашепчетъ), не смопря на то, что одинъ умный человекъ, забѣжавшій къ намъ изъ Петербурга, сказывалъ имъ, что эпо неприлично. И такъ, всѣ шептались, обращая глаза на чиновника, споявшаго съ полнымъ величіемъ *Каменнаго гостя* среди залы. Вдругъ молодые люди подходятъ ко мнѣ, и просятъ, чпобы я спросилъ знаменитаго, угодно ли будетъ ему панцовать? И если угодно, то какой танецъ онъ назначитъ? — Помилуйте, господа, чпво вы?— Да съ какой спати подойду я его беспокоить вопросами: эпо дѣло хозяйна, кптому же есть здѣсь люди и постарше меня и почиовнѣе; мнѣ полько 69 лѣтъ, опвѣчалъ я, и я не болѣе, какъ...— Сдѣлайте милость, разомъ зашептала вся молодежь, вы хопъ и не такъ стары; но знаете... повиднѣе, порѣчистѣе, (кптому же у васъ золопая табакерка и часы съ репетиціей). Вы человекъ бывалый, кптому же *Куррушон-*

ковъ рѣшипельно отказался, онъ на опрѣтъ сказалъ, чпво ему уже не подѣ лѣпа связываешь съ знапью.— Нечего было возражать, и вопъ я рѣшилъ, подошелъ къ нему, хопя пихо, но съ приличною важностію, опираясь при каждомъ шагѣ на носки сапоговъ, копорые, къ щастью, у меня на топъ разъ были новенькіе, со скрипомъ, или, такъ сказатъ, съ форсицомъ.— Подошедши къ нему, «Милостивый государь, сказалъ я, все здѣшнее общество неперѣливо желаетъ доставить вамъ удовольствіе панцовать, и какъ человекъ жившій въ Столицѣ, вы ввроятно такъ любите панцы, какъ и должно такому превосходному тансеру, какимъ мы васъ щипаемъ.» Онъ на полдьюма опуспилъ внизъ голову и улыбнулся очень важно, такъ какъ улыбаются полько одни знапные люди. Впрочемъ и то сказатъ, у насъ провинція; онъ ревизоръ, или слѣдователь, слѣдователью можетъ улыбаешь какъ ему угодно. Я не потерялся однако же: «Милостивый государь, повторишь я, соблаговолите сказатъ, угодно вамъ будетъ панцовать или нѣтъ?» Онъ дьюма на при закинулъ назадъ голову, сморщился, какъ человекъ, собирающійся чихнуть, и крупно, опривиспо сказалъ: на мнѣ шапки нѣту!... Я неволью поклонился и опспунилъ назадъ шага два. Тупнъ молодежь пуспилась панцовать, а я, не обращая вниманія ни на шапцы, ни на чпво, старался непремѣнно найти его шапку. Какая эпо должна быть шапка, думалъ я, копорая мѣшаешь танцовать хорошему человеку! Наконецъ я нашелъ ее, и чпво же? Увѣряю васъ, чпво шапка весьма обыкновенная! И все пущь!

Вопъ чпво было у насъ. Ревизора нашего, какъ я послѣ услышалъ, такъ разсластили наконецъ нашими наливочками и шипучками, чпво онъ долго облизывался, и долго послѣ того, когда ему полько вспомнутъ о нашемъ захолустыи, то онъ всегда улыбается такъ сладко, какъ будто сію минушу сълъ кусочикъ соповаго меду.

И такъ, я увѣренъ, чпво вы попчасъ, по прочтеніи эпой спатейки, прикажете у себя дѣлать шипучки!— И прекрасно!...

Вопь вамъ и рецептовъ какъ они дѣлаются... Но нѣтъ, извините! Не дѣлайте шипучекъ, сдѣлайте милость не дѣлайте! Лучшее мы сами сколько угодно надѣлаемъ и пришлемъ вамъ, только вы не безпокойтесь! Теперь пришла мнѣ мысль, что если и вы наконецъ дойдете до нашей премудрости дѣлать шипучки, то мы лишимся одного изъ важныхъ преимуществъ нашихъ передъ вами. Вы во всемъ взяли верхъ; но у насъ остаются навсегда неопъемлемыми и почти неизвѣстными вамъ благами: душевное спокойствіе, свѣжій воздухъ и шипучіе вина.

Дл. II. . . . л—вх.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДОМЪ И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ АДМИРАЛА РУЙТЕРА.

(Окончаніе.)

При этихъ неоспорочныхъ словахъ пастора, на лицѣ *Руйтера* изобразилось вдругъ неудовольствіе и печаль, и онъ сказалъ ему прискорбнымъ и вмѣстѣ сердитымъ голосомъ:

«Такъ я не ошибся? Не хорошо, *Бернардъ*, подсперегаешь слова мои... ты знаешь, кажешься, какъ я не люблю этого! Боже милосердый!» продолжалъ онъ, съ горестію поднявъ глаза къ небу: «не ужьли я не могу жить спокойно посреди дѣшей своихъ?—Не ужьли долженъ обдумывать каждое свое слово и ежеминутно спрашивать, чтобы они изъ грѣховнаго тщеславія не нанесли намъ непого, что опять меня услышатъ?... О! это несносно!»

— Не превожься, другъ мой;—сказала г-жа *Руйтеръ*: у *Бернарда* и въ мысли не было. . . .—

«Пусть онъ мнѣ самъ скажетъ, что не было, тогда я повѣрю.»

Пасторъ, не смѣя лгать не отвѣчалъ ни слова и опустилъ голову.

«Ты видишь!» сказалъ *Руйтеръ*.

Въ эту минуту старый служитель показанъ у входа бесѣдки, и доложилъ, что совѣтникъ Амстердамской адмиралтейской коллегіи г. *Вельдтъ* спрашиваетъ, можетъ ли онъ переговорить съ г. адмираломъ о дѣлахъ.

«Введи г. *Вельдта* въ залу, и скажи, что я сей часъ приду;» отвѣчалъ *Руйтеръ*.

Тогда жена и дѣти его вспали, чтобы идти съ нимъ, и онъ съ прудомъ оставя креслы свои, оперся на руку сына и тихими шагами пошелъ къ дому.

На дворъ уже давно смеркалось и мало по малу наступала почти ночь, когда *Руйтеръ* вошелъ въ залу, обитую шпифными зелеными обоями, съ разводомъ такого же цвѣту, но гораздо свѣтлѣе; шесть желтыхъ восковыхъ свѣчъ горѣли въ люстры изъ красной мѣди съ подвѣсками и подсвѣчниками чрезвычайно выгнутому; въ комнатахъ расплавлены были свуля, обитые такимъ же шпифомъ какъ стѣны, съ высокими спинками и искривленными ножками; богатое бюро изъ чернаго дерева, на которомъ стояли двѣ Японскія вазы, красныя съ золотомъ; на стѣнѣ висѣлъ мастерской портретъ *Лютера* въ деревянной рамѣ, украшенной прекрасною рѣзбою, а подъ нимъ стоялъ большой сподъ, покрытый Турецкимъ ковромъ, котораго длинныя и широкія складки лежали на полу. Въ простое и благородное убранство комнаты, въ которой *Руйтеръ* нашелъ г. *Вельдта*, человека среднихъ лѣтъ, въ черномъ кафтанѣ и съ сѣдою головою.

«Здравствуйте, г. *Вельдтъ*,» сказалъ ему дружелюбно *Руйтеръ*, садясь съ помощію сына на большія кресла. *Энгель* поспѣшъ вышелъ.

— Какъ ваше здоровье, г. адмиралъ?—Проклятая болѣзнь ваша даетъ ли вамъ хопя немного опдыху?—

«Я все спрадаю, г. *Вельдтъ*, все спрадаю; но да будетъ воля Господня!... Ну что, скажите мнѣ, какъ рѣшила коллегія на шепъ экспедиціи въ Средиземное море?»

— Она держится прежняго мнѣнія своего. —

«Извѣстно ли какъ великъ Французскій флотъ въ Левантѣ?»

— У нихъ тамъ 18 кораблей и двѣнадцать галеръ... И такъ вы видите, г. адмиралъ, что коллегія поступаетъ благоразумно, давая вамъ 18 кораблей и четыре брандера, что съ присовокупленіемъ Испанскихъ кораблей составитъ эскадру, по числу гораздо значительнѣйшую Французской. Припомъ же вы знаете, что Французы моряки плохіе. —

Не отвѣчая *Вельдту*, *Руйтеръ* повторилъ только вопросъ:

«И такъ, гг. члены коллегіи не даютъ больше 18 военныхъ кораблей?»

— Нѣтъ, г. адмиралъ. —

«Ну такъ, сударь, я долженъ вамъ сказать, что гг. члены коллегіи дѣлаютъ непростибельную ошибку, въ которой они очень скоро раскаются.»

— Какъ такъ? —

«Этотъ флотъ, сударь, ничто въ сравненіи съ Французскимъ.»

— Возможно ли? Да развѣ не щипаете Испанскаго? —

« Не щипаю.»

— Но онъ состоитъ изъ 40 кораблей или галеръ. —

«Знаю! — Но нынче Испанскіе моряки стали хуже всѣхъ моряковъ въ свѣтѣ; они, сударь, имѣли вѣсперо болѣе кораблей, нежели непріятель, и со всѣмъ тѣмъ не умѣли удержатъ за собою пролива... Если я приму команду надъ флотомъ, то прежде всего буду просить коллегію позволить мнѣ не имѣть никакого дѣла съ этими *доналами*, которые вмѣсто помощи только свяжутъ мнѣ руки. И такъ, сударь, вопиъ почему я нахожу, что гг. члены даютъ мнѣ слишкомъ мало кораблей для этой экспедиціи.»

— Но, г. адмиралъ, въ эти послѣдніе несчастные два года мы сдѣлали столько из-

держекъ, что если-бъ не выгоды политики нашей требовали помочь королю Испанскому, по... —

«Извините меня, сударь, но я что-то не понимаю экономическихъ ращеповъ, когда дѣло идетъ объ экспедиціи этого рода. Ращепы, когда надобно поддерживать честь флага! когда зависитъ отъ того жизнь людей! — Такая неумѣстная скупость кажется мнѣ не только ошибкою, милоспивый государь, но пресупленіемъ... Ращепы! Но подумайте, сударь, что жалѣя какихъ нибудь прехъ или чепырехъ сотъ пысячъ червонныхъ, вы можете быть рискуете цѣлымъ флотомъ вашимъ!»

— О, господинъ адмиралъ! на этотъ щепъ мы совершенно спокойны, зная, что вамъ споитъ только явиться, чтобы обратиться Французовъ въ бѣгство. — Вы видѣли ихъ подъ Супвудомъ въ 72-мъ и въ сраженіяхъ 73 года. —

«Да, сударь, я видѣлъ ихъ, и потому-то и думаю о нихъ иначе, нежели вы. Конечно въ двухъ первыхъ дѣлахъ, о которыхъ вы говорите, адмиралъ ихъ по неслыханной прусоспи отдалился отъ мѣста сраженія, но за то въ 73 году они, оставшись одни, сражались храбро. Припомъ, сударь, вспомните, кто теперь командуетъ тамъ флотомъ ихъ, *Дюкень*, которому не знаютъ цѣны во Франціи и ставятъ выше его *Детрè* и *Вивòна*, пустыхъ царедворцевъ и ничего болѣе; но будьте увѣрены, что при первомъ важномъ случаѣ схватятся за *Дюкена*, и признаюсь вамъ, что мнѣ не хотѣлось бы вступитъ съ нимъ съ меньшими противъ него силами. — Одно присутствіе этого славнаго человѣка на кораблѣ, спобитъ уже десяти кораблей.»

Г. *Вельдтъ* не могъ скрыть своего удивленія и сказалъ *Руйтеру*:

— Какъ, г. адмиралъ! вы боитесь сразитъ-ся съ *Дюкеномъ*, имѣлъ меньше его кораблей? —

«Боюсь, сударь!» отвѣчалъ *Руйтеръ* съ проспоптою высокой души.

— Ахъ, г. адмиралъ! оказавъ столько опатовъ непобѣдимой храбрости, не ужьли вы вдругъ сдѣлались робки? —

Эпо восклицаніе, впрочемъ довольно глупое, не могло оскорбить *Руйтера*, который, какъ всѣ истинно храбрые и великіе люди, не боялся прослыть трусомъ, и потому онъ съ обыкновеннымъ простодушіемъ своимъ отвѣчалъ совѣснику:

«Я бы не сдѣлся робокъ, сударь; но опъ всего сердца моего жалю республику, которая пакъ не дорожитъ честью своего павильона.»

—Однакожь, адмиралъ, гг. правители республики не могутъ поступать неблагоразумно, а наиропивъ того думаютъ доказать прошивное, ввѣряя вамъ флотъ свой, и поручили мнѣ просить васъ принять надъ нимъ главное начальство. —

«Республика, сударь, должна не просить меня, а приказать мнѣ; и если бы она велѣла мнѣ идти съ однимъ только кораблемъ прошивъ цѣлаго флота, то я и тогда пошелъ бы.»

— Пошли бы, г. адмиралъ? —

«Пошелъ бы, сударь; потому что я готовъ жертвовать жизнію моею вездѣ, гдѣ только угодно будетъ республикѣ подвергать опасности флотъ свой.»

Эпотъ прекрасный отвѣтъ, данный просто, спокойно и безъ всякаго тщеславія, пакъ удивилъ совѣтника, что онъ не могъ сказать ни одного слова; черезъ нѣсколько минутъ онъ вспалъ, и спросилъ: поѣдетъ ли г. адмиралъ завтра въ совѣтъ, не смотря на бользнь свою? («Непремѣнно,» отвѣчалъ *Руйтеръ*, и совѣтникъ, опкланявшись, отправился въ коллегію, гдѣ было назначено присутствіе.

Наступила уже совершенная ночь, и послѣ скромнаго ужина, семейство адмирала собралось въ залу, о которой мы говорили. Потомъ вошли всѣ слуги, и когда пробило девять часовъ, *Руйтеръ* спалъ на колѣни, за нимъ всѣ прочіе, и преспартый адмиралъ громкимъ и прогательнымъ голосомъ прочелъ вечернюю молитву.

По окончаніи молитвы, которую всѣ слушали съ искреннимъ благоговѣніемъ, *Руйтеръ*, по обычаю, котораго во все печеніе

долгой жизни своей онъ не нарушалъ никогда, благословилъ дѣтей и внучатъ своихъ, спавшихъ передъ нимъ на колѣни. Потомъ подошли старые слуги, мапросы, служившіе прежде подъ его начальствомъ—и по очереди съ почтеніемъ цѣловали его руку.— Наконецъ *Руйтеръ* оперся на плечо сына—жена взяла свѣчу, чтобы свѣпить ему,—онъ тихо пошелъ въ спальню свою—и черезъ нѣсколько минутъ все это мирное, патриархальное семейство спало уже глубокимъ сномъ.

T.

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ

принца Пюклеръ-Мюскау.

31 Апрель.

Леди *Лондондери*, которая имѣетъ страшные доходы опъ каменнаго угля, и между пѣмъ одной ей свойственное личико, котораго цвѣтъ представляетъ разительную прошивуположность съ произведеніемъ обширныхъ помѣстьевъ ея, показывала мнѣ сегодня *базаръ* свой. — Эпо необыкновенный *базаръ*, милая *Юлія*! потому что въ немъ, по крайней мѣрѣ, на 300,000 червонцевъ разныхъ дорогихъ вещей. Я нашелъ еѣ въ предельномъ будуарѣ, гдѣ опъ красныхъ занавѣсокъ царствовало самое поэтическое смѣшеніе свѣто-тѣни (*clair-obscur*) и повсюду разносились ароматы рѣдкихъ цвѣтовъ и распеній. Сама маркиза, одѣтая въ желтое шѣдровое платье и лежа съ *приятною толпостью* въ длинныхъ креслахъ, представляла главное лицо этой роскошной картины. Алмазы, жемчугъ, золото, перья, чернилицы, книги, ящички и печати всѣхъ возможныхъ родовъ, всё это съ начатымъ кошелькомъ, всё это въ ужасномъ безпорядкѣ—лежало передъ нею. Между печатями я увидѣлъ двѣ, на которыхъ надписи прошиворѣчили одна другой совершенно. Первая содержитъ два стиха *Байрона*

Love will find its way

Where wolres fear to shay.

Любовь умлетъ пройти и тамъ, гдѣ боятся ходить волки.

Вторая дышетъ совершенно Французскою философіею:

Tout lasse, tout casse, tout passe.

Все въ сѣпть надѣдается, все истребляется, все проходитъ.

Въ этомъ домѣ въ каждой комнатѣ встречается глазамъ портретъ Императора *Александра I.* Мужъ маркизы былъ посломъ въ *Вѣнѣ*, и велъ себя тамъ совершенно по *Англійски*, но естъ онъ боксировалъ однажды съ кучеромъ наемной кареты, въ другой разъ представилъ Австрійскую императрицу женѣ своей, вмѣсто того, чтобы сдѣлать прошивное, и въ прешій побѣжалъ въ кухню съ обнаженною шпагою, съ пѣмъ, чтобы убить повара своего, за то, что онъ, по словамъ его, оскорбилъ маркизу неслыханною дерзостію. — Однимъ словомъ, онъ вошелъ въ такую моду, что, какъ говорятъ Французы *il faisait à Vienne la pluie et le beau tems*, то естъ производилъ въ *Вѣнѣ* и дождь и ведро; но я думаю, что онъ скорѣе сыпалъ на неѣ градъ и воздымалъ бури.

Суди послѣ всего этаго о несносной горести бѣдной маркизы, когда, возвращаясь въ отечество, она увидѣла, что вмѣсто блеска, который окружалъ еѣ въ Австріи, она должна была играть въ Лондонѣ самую посредственную роль. До сихъ поръ ни брилланты, ни знаменитость, ни заманчивое личико ея, ни что еще не могло доставить ей права на совершенную моду и высшую *исключительность*. Здѣсь къ модной аристократіи также прудно прицѣпился, какъ къ высшимъ степенямъ франмасоновъ. Она въ тысячу разъ своенравнѣе эписхъ господъ, хотя мода и умѣетъ производить нѣчто изъ ничего.

Я объѣдалъ у лорда *Дарнелля* съ лордомъ *Блуифильдомъ*, который въ молодость короля былъ его любимцемъ и игралъ значущую роль; также съ архіепископомъ *Йоркскимъ*, величественнымъ спарцемъ, бывшимъ сперва учителемъ его величества и возведеннымъ въ нынѣшнее его достоинство покровительствомъ августѣйшаго ученика своего. Я ничего не видывалъ

хуже и смѣшнѣе всѣдневной одежды Англійскихъ епископовъ. Вообрази: маленькой парикъ, какъ на школьномъ учителѣ, чуть чуть напудренный; черный Французскій кафтанъ, и короенькой черныи же шелковый женскій передникъ, приспегнутый спереди. Я спросилъ л. *Дарнелля*, не знаменуетъ ли этотъ передникъ *обѣта цѣломудрія*? Онъ расхохотался. Но я на ту минуточку позабылъ, что Англійскіе епископы выхлопотали себѣ отъ папы позволеніе жениться, хотя правду сказать, жены ихъ живутъ съ ними какъ любовницы, потому что имъ не позволяется носить фамиліи мужей ихъ.

О Т Р Ы В К И

изъ Речи профессора И. И. Давыдова, о содѣйствіи Московскаго Университета успѣхамъ отечественной словесности.

9.

МЕРЗЛЯКОВЪ.

Между противоположными направленіями, въ переходномъ періодѣ Словесности нашей, встрѣчаемъ палантъ, совмѣщавшій въ себѣ классическую древность съ новыми потребностями времени, сочувствовавшій духу новой поэзіи, и увлекавшійся въ роуаніемъ въ неизмѣняемость Пинтики и Риторики *Аристотеля*: это *Мерзляковъ*. Онъ самобытенъ, когда выражаетъ чувствованія сердца по собственному вдохновенію, и становится холоднымъ прелагашелемъ, когда вспоминаетъ уроки взыскательныхъ учителей — *Батте* и *Эшенбурга*. *Мерзляковъ* представляетъ рѣдкое, щастливое сочетаніе разнообразныхъ способностей—профессора, оратора и поэта. Онъ одинъ первенствуетъ на ученомъ поприщѣ отечественной Словесности въ этомъ періодѣ: излагаетъ во всей обширности науку изящнаго, въ главныхъ очеркахъ начатую *Соханкиль*, образуетъ ученую крѣпкую Русскихъ писателей, первый открываетъ публичный курсъ Словесности для любителей и любительницъ

отечественнаго слова, прославляешь безсмертные подвиги *Александра I*, перелагаешь древнихъ и новыхъ классиковъ, и дарить насъ собственными твореніями поэтически-ми. Къ нему спекаются юные таланты съ своими произведеніями, у него испрашиваютъ совѣтовъ, отъ него получаютъ одушевленіе. Отъ природы глубоко-чувствительный, изучавшій Греческихъ и Римскихъ писателей, послѣдователь *Лагарпа* въ литературной критикѣ, питомецъ Московскаго Университета въ Русскомъ словѣ: вопль незабвенный *Мерзляковъ*, честь и слава наша!

Высшее торжество дара слова являлось на профессорской кафедрѣ *Мерзлякова*, въ его чтеніяхъ о Словесности. Не ищите въ немъ глубокой теоріи искусства; въ этомъ онъ послѣдователь школы эмпирической; онъ въ-роваль въ подражаніе изящной природѣ; думалъ, что человѣка нужда научила и музыкѣ, и живописи; называлъ искусство навыкомъ и способностью дѣлать что-либо хорошо; не принималъ различія между Классическою и Романтической поэзіею, ни между красотою поэтическими мировыми и народными; не преслѣдовалъ духа Поэзіи и Краснорѣчія у разныхъ народовъ, въ различныхъ ихъ направленіяхъ; не разлагалъ и отечественной Словесности на различные ея элементы, самородные и чужеземные. Онъ даже разбиралъ *Россиаду*, *Димитрія Салозванца* и *Димитрія Донскаго* по правиламъ *Аристотеля*: отъ Русской эпопеи пребралъ языческаго чудеснаго, а отъ Русской трагедіи—трехъ единствъ. Онъ чуждался философіи Словесности, обогащенной въ текущемъ столѣтіи изслѣдованіями ученыхъ знаменитостей Германіи—*Шиллера*, *Бахмана*, *Фр.* и *Ав. Шлегелей*. Но онъ вѣренъ въ той критикѣ, которая излагалась не по курсамъ его учителей, а прямо исходила изъ его чувства; опеченивъ въ *Державинѣ*, которому сочувствовалъ въ поэтическихъ созданіяхъ. Мы, ученики его и почитатели, изумлялись его дару слова, обильной текущей рѣчи, его импровизации на лекціяхъ, когда онъ одушевлялся любимымъ чувствомъ—воспоргомъ къ отечественному слову и безкорыстной любовью къ Музамъ, копо-

рымъ принесть въ жертву всю жизнь свою, съ дивнымъ самоотверженіемъ (*).

Какъ поэтъ, *Мерзляковъ* неподражаемъ въ Русской пѣсни, въ эпосѣ чистомъ, свободномъ изліяніи его нѣжнаго, добраго сердца. Пѣснь его—опголосокъ Русскаго духа, по заувывный и помный, по радостный и игривый. Самые звуки эпои пѣсни намъ знакомые, родные. Къ первымъ вдохновеніямъ его юности относятся подражанія и переводы изъ Древнихъ. Въ нихъ одинъ только недостатокъ, оппечатокъ времени—безразличіе языка въ опривкахъ *Омира*, *Эсхила*, *Сократа*, *Эврипида*, *Теокрита*, и въ опривкахъ *Виргилія*, *Овидія*, *Горація*, *Тибулла*, *Проперція*. Шаспливѣйшія переложенія выражающъ господствующую его способность—чувство. Оно пробивается и въ тяжелыхъ ямбахъ перевода *Тассова Освобожденнаго Иерусалима*; оно умилительно и въ устахъ *Антигоны*, и въ рѣчахъ *Дидоны*, и въ изображеніяхъ *Эрминии* и *Танкреда*. Эпа главная стихія дарованій *Мерзлякова* очаровываетъ насъ и въ Похвальномъ словѣ *Александру I*: въ немъ видимъ излишнее повѣствованіе, скудость въ рѣзкихъ чертахъ *Благословеннаго*; но художественное изображеніе божественнаго Монарха нашего, Ангела-Хранителя цѣлой Европы, дарующаго побѣжденнымъ врагамъ миръ и прощеніе, изображеніе крепости и милосердія, заспавляетъ забывашъ недостатки вѣща. Изученіе древнихъ писателей придало его слову стройность и звучность; стихъ и періодъ его не гибокъ, не разнообразенъ, но, полный и округлый, ровенъ, величественъ. Сколько разъ съ эпои самой кафедры слышали мы и воспорженнаго поэта, и очаровательнаго оратора, повѣдаваша намъ въ усладительномъ отечественномъ словѣ или возвышенныя чувствованія искусства, или глубокія думы науки! Сколько разъ его краснорѣчіе, всегда чистое и благородное, въ первый разъ раздавшееся въ здѣшнемъ храмѣ наукъ во всемъ блескѣ и со всѣмъ

(*) Все ученіе *Мерзлякова* о Словесности можно читать въ Лекціяхъ его и Разсужденіяхъ; напечатанныхъ въ Вѣстникѣ Европы, Афонѣ и Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности, въ книжкахъ: 1, 5, 7, 13, 17, 18.

своимъ достоинствомъ, насъ увлекало, обольщало! Онъ и за нѣсколько дней предъ кончиною, какъ истинный жрецъ науки и искусства, уже слабѣвшимъ голосомъ, на закапъ мирной, но славной жизни, повѣдалъ чувствованія души своей, произнесъ прощальное слово сему храму наукъ, пропѣлъ послѣдній гимнъ *Шувалову*.

Въ № 76-мъ, помѣщенная шарада значить: *Рав-вращенье*.

М О Д Е С.

Les fichus à la paysanne ont donné l'idée de faire des bavettes aux tabliers, comme en portent les vieilles villageoises; c'est assez joli quand cette bavette est brodée et garnie comme le tablier. Il est à remarquer que nous sommes bien dans un temps où les extrêmes se touchent; voyez plutôt cette femme avec sa robe de mousseline bleue ornée de velours noir, son tablier à *bavette*, garni d'anciennes dentelles, son fichu à *la paysanne*, son petit bonnet à barbes, son velours noir au cou qui retient ce petit cœur et cette petite croix d'or: ne vous semble-t-il pas voir une petite laitière vêtue avec ses habits de fête, et croyez-vous que cette femme soit de la même classe que celle que vous voyez près d'elle en robe de cachemirienne blanche, ouverte devant, toute garnie de ruches de rubans de satin blanc, avec de dessous de *pou de soie*, couleur paille, garni d'un haut volant découpé; ce corsage décolleté, ces manches justes à coudes, avec ces hautes manchettes de *point d'Angleterre*, et cette coiffure à la *Ninon* ornée de perles et de fleurs? Cependant ces deux toilettes, que vous trouvez si différentes, sortent des mains habiles de *Mme Oudot-Manoury*; les étoffes des magasins *Delisle* et les deux élégantes qui les portent, vont monter toutes deux dans un joli coupé vert, à armoiries; et voilà la mode, la mode avec ses caprices et même ses *incohérences*, mais celles-ci étant gracieuses et jolies, nous les lui passons.

Quelques marchandes de modes ont senti que, les coiffures à la *Ninon* devenant très nombreuses, il fallait, par un moyen quelconque, remédier à l'inconvénient qui provenait de l'application des côtés du chapeau sur les joues, ce qui aplatisait la frisure et

amaigrissait la figure; pour cela on passe les brides sous les côtés de la passe, en y faisant une fente, cela donne à la coiffure toute facilité pour que les boucles jouent autour du visage; et chacun sait le charme que donnent à une jolie figure des cheveux qui l'enveloppent.

М О Д Ы.

Косыночки à la paysanne подали мысль дѣлать передники съ нагрудниками, какъ носятъ пожилыя крестьянки; это довольно красиво, когда нагрудникъ вышитъ и обдѣланъ какъ передникъ. Слѣдуетъ замѣтить, что теперь то время, гдѣ крайности сходятся; посмотрите лучше на эту даму въ ее голубомъ кисейномъ платьѣ, обдѣланномъ чернымъ бархатомъ, въ передникъ съ нагрудникомъ, обдѣланномъ старинными кружевами, въ косыночкѣ à *la paysanne*, въ ее маленькомъ чепчикѣ съ лопостями, черномъ бархатѣ на шеѣ, поддерживающимъ маленькое золотое сердце и такой же крестикъ: не кажется ли вамъ, что вы видите миленькую молочницу въ ея праздничномъ платьѣ? и думаете ли вы, что дама пого-же сослониа сидитъ возлѣ нее, въ бѣломъ кашемиреновомъ платьѣ, раскрытомъ спереди и обдѣланномъ рюшами изъ бѣлыхъ атласныхъ лентъ, съ эшымъ нижнимъ изъ *pou-de-soie* платьемъ, соломеннаго цвѣта, обшитымъ широкою вырѣзною обѣркою; это въ открытый лифъ, рукава въ обшляжку до локтя, съ широкими манжетами изъ Англійскихъ кружевъ, и въ эпоху прическѣ à *la Ninon* съ бусами и цвѣтами? Однако эти два наряда, столько различные между собою, вышли оба изъ искусныхъ рукъ г-жи *Oudot-Manoury*; материн изъ магазина г-на *Делилля*, и обѣ щеголихи сядятся въ красивую зеленую двумѣспинную карету, съ гербами. Вотъ и мода, мода съ ея капризами и даже несообразностями; но какъ эти красивы и ловки, то мы ей ихъ и прощаемъ.

Нѣкоторые модистки почувствовали, что прическа à *la Ninon* входитъ въ общее употребленіе; а потому и нужно какимъ нибудь способомъ поправить неудобство отъ прижатія шляпы къ щекамъ; для того пропускаютъ завязки подъ поле, дѣлаютъ на немъ прорѣзы; это даетъ полную свободу локонамъ, и всякой знаетъ прелесть, какую придаютъ лицу волосы, его окружающіе.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 78.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 26 ДНЯ 1836 ГОДА.

Пять душъ по списку послужному
И ровно семеро дѣшей;
А по окладу годовому
Всего три тысячи рублей!
Игралъ онъ въ банкъ; но неудача!
Живешь, какъ всѣ!—За эпитъ вѣдъ
Такая слѣдуешь задача:
Берешь онъ вязки, или нѣтъ?

М. Дмитриевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Г У Д У Л Л А.

Часть вторая.

1620.

I. *Николинъ день.*

Десять лѣтъ спустя послѣ свадьбы *Петра Рубенса* и *Елисаветы Брантъ*, *Гудулла* сидѣла въ кухнѣ у большаго стола, на которомъ лежало множество сладкихъ пирожковъ всякаго рода, нѣсколько грубо раскрашенныхъ картинокъ, куколь, цѣлый коробъ конфектъ и наконецъ картонные башмаки, непомѣрной и смѣшной величины, въ которые она всё это укладывала по порядку. Спарушка лѣтъ 60, давно знакомая намъ *Трелъ Деннезенсъ*, подавала ей поочереди каждую вещь, и *Гудулла*, принимая её, пщательно завершывала въ бумагу, и объявляла свое одобреніе или неодобреніе помощницѣ своей, кою раю слушала съ почтительнымъ вниманіемъ и спо-

ла передъ *Гудуллою*, какъ подобаешь низшему предъ старшимъ.

—Никогда еще не удавались намъ сахарные пирожки такъ хорошо, какъ нынче, — говорила *Гудулла*: за что крендели не выпечены, ты поздно посадила ихъ въ печь; вопъ вапрушки, такъ нечего сказать — пальчики облизешь! Ну, теперь, шепка *Трелъ*, уложи хорошенько куклу въ башмакъ *Катенькинъ*, а въ *Полинъкинъ* гусара, и пойдѣмъ въ кабинетъ г. *Рубенса*, поставишь это на каминъ. — Да не забыли-ль мы чего? —

«Ничего, хозяйюшка, всё шупъ. — Теперь только оспаетсѣ позавъ дѣшей. Можно сказать, что ни въ чемъ нѣтъ недоспапка.»

— Ни въ чемъ, *Трелъ*? ... — Ни въ чемъ? ... — А развѣ ты забыла, что у эпитъ бѣдныхъ дѣшей нѣтъ мапери? — сказала *Гудулла* съ пляжкимъ вздохомъ, опвернясь въ другую сторону, такъ что голова ея, бывшая передъ шѣмъ совершенно въ тѣни, освѣпилась вдругъ яркимъ свѣтомъ лампы. — Мапери! — по-

впорила она съ глубокимъ выраженіемъ опчаянія, на увядшемъ лицѣ ея, давно уже изнуренномъ лѣтами и горестію. — Машери!... —

И двѣ горячія слезы тихо выкапались изъ впалыхъ глазъ спарушки и упали на изсохшія щеки ея.

— Ахъ, *Трел!* Кпо-бъ сказала прежде, что она, мое дитяшко, послѣ осьми лѣтъ замужства, умреть на рукахъ моихъ, отъ долгой и тяжкой болѣзни, отъ которой ни какіе лекаря, не смотря на свою науку, не могли еѣ вылечить! Что я, спарал, дряхлая, никому ненужная на землѣ, закрою глаза ей, моей голубушкѣ, прекрасной, молодой, любимой всѣми, кто только видѣлъ еѣ—и приму на свои руки двухъ бѣдныхъ сиротъ, которыхъ Господь Богъ не судилъ ей вырастить!..... Какъ теперь гляжу на неѣ! Лежишь, какъ тихій ангелъ, на смертной постели своей, и только спрашиваетъ: Какая карета прѣехала? не мужъ ли мой воропился? — Нѣтъ! — мимо прѣехала! Вотъ другая застучала очень близко... Вѣрно отъ—вѣрно мой *Рубенсъ!*... И всё нѣтъ, да нѣтъ, и всё бѣдная поскуеетъ, да слушаетъ! — А господинъ *Рубенсъ*, ужъ при мѣсяца, какъ уѣхалъ погда въ Испанію, да и зажилъ тамъ, хотя ему не однажды писали, что жена его при смерти: вотъ прошелъ день, прошла и ночь,—кареты, какъ нарочно, скакали одна за другой по улицѣ, и ни одна не остановилась у дому. На другое утро, въ пять часовъ, лишь только денной свѣтъ спалъ мѣшались со свѣтомъ лампы, — вдругъ госпожа *Рубенсъ* приподнялась и подозвала меня къ себѣ: *Гудулла*, сказала она, протянувъ ко мнѣ свою холодную руку: принеси дѣшей, я хочу въ послѣдній разъ благословить ихъ! — Я пошла за бѣдными малюпками—и разбудила ихъ. Глупецкѣе не понимали, для чего ихъ такъ рано подняли съ постели, дивилась, когда я поставила ихъ на колѣни у кровати—и спаршая спрашивала: отъ чего маменька плачетъ?

— Послушай, добрая *Гудулла*, — сказала *Елисавета*: я знаю, что тебѣ жаль меня, но прощу тебя перенести смерть мою съ твер-

достію и помнишь, что жизнь своя нужна для бѣдныхъ сиротъ моихъ. Теперь я открою тебѣ тайну, которую я всегда отъ тебя скрывала, чтобы не огорчить тебя. Знай же, что я умираю не отъ болѣзни; о, нѣтъ, *Гудулла!* но я потеряла любовь моего *Рубенса*, — и не могла пережить этого несчастія, — оно убило меня! — Не вини его, *Гудулла!* Прекрасный, молодой, привыкшій къ удовольствіямъ большаго свѣта, онъ скоро раскаялся, что женился на дѣвушкѣ бѣдной, безъ отличнаго воспитанія, безъ блестящихъ талантовъ, и которая умѣла только любить его всѣмъ сердцемъ, смотря въ хозяйствомъ и воспитывать дѣшей его въ страхъ Божіемъ. Онъ спыдился, видя мое ничтожество и заспѣчивость въ обществѣ—и уговаривалъ оставить, въ угожденіе ему, — мою уединенную и единообразную жизнь. Я должна была повиноваться ему, *Гудулла*, — должна была жертвовать собою его удовольствіямъ, и не сдѣлала того; следовательно, я одна виновата во всемъ и ни въ чемъ не могу упрекать его. О! для чего не спаралась я казаться живѣе, любезнѣе; не училась кокетствовать, не хотѣла наряжаться, какъ другія женщины и блестя въ многочисленныхъ собраніяхъ, гдѣ всѣ наперерывъ удивлялись уму его и ловкости? — Тогда онъ не началъ бы постепенно отъ меня удаляться; не сидѣлъ бы со мною по принужденію—изъ одного приличія, и съ тайнымъ раскаяніемъ не читалъ бы въ заплаканныхъ глазахъ моихъ нестерпимой горести, отъ которой разрывалось мое сердце! — Ахъ, *Гудулла!* теперь не лежала бы я на спрадальческомъ одрѣ, щепно ожидая, чтобы онъ пришелъ и принялъ послѣдній вздохъ мой!... Боже! что я слышу? — Не карета ли?... — закричала она вдругъ съ радостію, — потомъ упала опять на подушку — закрыла лицо обѣими руками и — вздохнувъ проговорила тихо: нѣтъ! Мимо— всё мимо!..

— Помолчавъ, она опять приподнялась и сказала мнѣ: пока еще у меня есть силы, я должна всё сказать тебѣ, *Гудулла*; но время дорого и я чувствую, что голосъ измѣняетъ мнѣ... Слушай—*Рубенсъ* переспалъ любить меня погда, когда за первыми воспоргами

пламенной любви, послѣдовало для насъ простое, мирное щастіе домашней жизни; оно было несогласно съ пылкимъ его воображеніемъ и скоро ему наскучило. Съ эпаго времени онъ опять бросился за славою, которую сначала для меня оставилъ, и я дорого заплавила за короткое блаженство мое. Богъ не далъ мнѣ силы перенести нещастія моего для дѣшей, но ты, *Гудулла*, вступишь мое мѣсто, и я тебѣ поручаю ихъ. Будь имъ впроору матерью, *Гудулла*! Люби ихъ, какъ ты любила меня; воспитай *Катеньку* просто — въ скромности и благочестіи, и постарайся, чпобъ она была щастливѣе бѣдной матери своей!..... —

Она силилась сказать что-то еще, но ужъ не могла, и только глазами показывала мнѣ на дѣтскую, какъ будто говоря: не забудь же просьбы моей! —

Въ семь часовъ пришелъ священникъ, и съ нимъ множество постороннихъ людей, которые всѣ спали на колыни вокругъ кровати. Народъ толпился на улицѣ съ факелами, и въ приходской церкви хнымо раздавался колоколь, чтобы православные молились о разрѣшеніи Христіанской души опть пѣла. *Елисавета* приобщалась святыхъ Таинъ съ смиреніемъ ангела, готоваго летѣть на небеса, и когда всѣ вышли и я осталась съ нею одна, она сказала мнѣ, два раза ужъ едва ворочая языкомъ: дѣши мои! — дѣши! —

Тутъ громкія рыданія прервали голосъ старушки.

— На другой день, — продолжала она нѣсколько оправясь: на другой день, когда комнаты обили чернымъ сукномъ и собрались уже священники для погребенія, застучала у подъѣзда карета, которую бѣдная *Елисавета* прождала весь послѣдній вечеръ жизни своей, и г. *Рубенсъ* вошелъ въ сѣни. — Увидя приготовленія къ похоронамъ, онъ поблѣднѣлъ какъ смерть и, схватя меня за руку, пошатилъ съ собою въ залу, гдѣ стоялъ гробъ, —

«О, *Гудулла*! скажи, проспала ли она меня?» спросилъ онъ голосомъ, опть котораго мнѣ спало больно.

— Она благословляла васъ до послѣдней минуты. —

«О! ты не знаешь, какъ я мучилъ эпаго ангела! — Горе мнѣ злодѣю!» И онъ бѣгалъ какъ сумасшедшій, бросаясь изъ угла въ уголъ и бившись головою о стѣны; — когда же увидѣлъ гробъ, то громко закричалъ и упалъ на него почти безъ памяти.

— Я пошла за дѣшми и привела ихъ; онъ посмопрѣлъ на нихъ дико, попомъ вдругъ залился слезами. —

«Ты будешь имъ матерью! — Не правда ли, *Гудулла*?» сказалъ онъ.

— Я сдержала свое слово, и съ эпаго дни по сихъ поръ ни на минупу не распадалась съ бѣдными малюпками. Я непрестанно пвержу имъ, чпобъ они любили и боялись Бога, помнили мать и почитали опца своего. Такъ просила меня *Елисавета* воспитывать ихъ, и ты видишь, *Трел*, что я исполняю послѣдню волю ея. —

— Ахъ, Боже мой, да скоро шестъ часовъ! прибавила она, опирая глаза свои, — пора нести все эпо въ комнату г. *Рубенса*. — Ну, полно плакать; сегодня мнѣ надо быть веселѣй для дѣтскаго праздника, а по и *Катенька* расплачется и скажетъ: Ахъ, бабушка *Гудулла*, ты думаешь о маменькѣ, попому что у тебя красны глаза и ты не смѣешься съ нами! —

Послѣ эпаго продолжительнаго разговора, который найдемъ мы извинительнымъ, вспомнивъ, что *Гудулла* было семьдесятъ лѣтъ, добрая старушка взяла два огромные картонные башмака и понесла въ комнату *Рубенса*.

Знамениый художникъ ходилъ большими шагами взадъ и впередъ, по видимому углубленный въ какую нибудь важную мысль; казалось, что приходъ *Гудуллы* былъ для него очень непріятенъ; однако-жь онъ не показалъ эпаго.

«Что ты пащишь, добрая *Гудулла*?» сказалъ онъ.

— Ахъ, сударь! развѣ вы позабыли, что сегодня Николинъ день? Милые наши дѣтушки спросятъ, не проѣзжалъ ли свяпипель ночью по городу, и не оставилъ ли имъ го-спинцу, который онъ возитъ на ослѣ сво-

емъ въ большихъ корзинахъ для всѣхъ умныхъ и прилежныхъ дѣпей; — какъ же ихъ опечалишь и скажешь, что для нихъ нѣтъ ничего? Вопль я и смасперила два эпихъ башмака, и наклала шуда все, что только могло намъ помѣститься. Мы еще со вчерашняго дни наготовили съ *Трею Деннезенсъ* и сладкихъ пирожковъ и сахарныхъ кренделей и всякаго роду лакомствъ... То-то будетъ радость, то-то будетъ веселье!... Эй, *Полинъка!* *Катенька!* бѣгите сюда, милыя ребятишки! Ко мнѣ—ко мнѣ скорѣ!.. —

И она спала къ камину, распыря широкую юбку свою, чтобы заслонить ею подарки.

Катенька вбѣжала въ одной рубашенкѣ, только что вскочивъ съ постели; маленькій братъ ея, который ходилъ еще съ шрудомъ, шелъ за нею, держа няню за платье, и *Рубенсъ* схватилъ его къ себѣ на руки.

Попомъ принесли его маленькій спуль, въ который *Гудулла* усадила его, и милый младенецъ, не понимая, что происходило и что готовилось, спокойно игралъ съ собакою; но сестра его *Катенька*, маленькая, пяти-лѣтняя лукавица, безпрестанно бѣгала вокругъ *Гудуллы*.

— Не смотри по угламъ, плушочка; для тебя нѣтъ никакихъ госпинцевъ! —

«Неправда, мама *Гудулла*, есть; потому что я вчера была умна, и мнѣ вѣрно святой Никола оставилъ много пирожковъ и игрушекъ; покажи-ка, покажи-ка, что осель его сронилъ у воровъ нашихъ, съ своей большой корзины!»

И плушочка прищорываясь, будто хочетъ забѣжать съ правой стороны, вдругъ бросилась въ лѣвую, и прежде нежели *Гудулла* могла опомниться, очутилась возлѣ самаго карпоннаго башмака.

«Нашла! наша!» закричала она съ громкимъ смѣхомъ, прыгая и хлопая въ ладоши. «О! сколько пирожковъ! сколько конфетовъ! и какая кукла! смотри папа! да смотри! — На ней гродешуровая юбка и фреза кружевная; сегодня праздникъ, такъ она и нарядилась. — Папа, у ней голубенькіе глазки—и

рошикъ розовой—розовой! — Ахъ! и башмачки и чулки, и на головѣ волосы, настоящіе волосы, папа, какъ у меня; — только черные. —

Маленькій *Полинъка* грызъ сахарные крендельки, которые положила передъ нимъ *Гудулла*.

Эта почтенная старушка, стояла на коленяхъ передъ каминомъ, облокотясь одною рукою на спуликъ ребенка, а другою поддерживая *Катеньку*, которой открытая рубашечка выказывала бѣлинькую грудку и полненькіе плечики; — вокругъ на полу разбросанныя игрушки и большая собака, которая, пропянувъ голову на переднія ноги, съ завистью смотрѣла, какъ *Полинъка* ѣлъ пирожокъ и, по временамъ, розовымъ языкомъ своимъ облизывала себѣ рыло, обросшее длинною шелковистою шерстью — все это вмѣстѣ составляло прелестную и живописную группу.

Разсѣянный на минуточку эпою несравненною карпиною, восхищенный *Рубенсъ* забывъ мрачную думу свою; но скоро брови его опять нахмурились, и онъ началъ ходить по комнатамъ въ сильномъ волненіи духа.

— Что съ вами случилось, сударь? — спросила съ безпокойствомъ *Гудулла*.

«Ахъ, *Гудулла!* у меня на душѣ очень тяжело;» отвѣчалъ *Рубенсъ*, который съ нетерпѣніемъ ждалъ эшаго вопроса, и между тѣмъ не зналъ какъ и съ чего начать, чтобы объяснитьсь.

— Что же случилось? —

Рубенсъ покраснѣлъ, прошелъ еще разъ по комнатамъ — и вдругъ сказалъ скоро:

«Меня хотятъ женить.»

Гудулла перекрестилась.

— Женить,..... васъ женить!!! —

«Да; мнѣ предлагаютъ очень выгодную партію.... Друзья мои думаютъ, что одинока жизнь для меня не годится.»

— Вы отказали, не правда ли? О! вы отказали! —

«Конечно; но...»

— Вы не забыли шу, которая такъ васъ любила... —

Рубенсъ опивчалъ однимъ движеніемъ головы.

— А дѣши, бѣдные дѣши ваши! . . . О, Боже! не ужьли они будунъ называють матерью другую? Нѣтъ! это невозможно — невозможно! —

«Послушай, *Гудулла*,» сказалъ *Рубенсъ*, который съ досадою слушалъ всѣ эти возраженія, хотя предвидѣль ихъ: «послушай, ты не понимаешь моего положенія, не понимаешь моего груснаго одиночества, — не знаешь, какъ тяжело припнн послѣ работы домой, гдѣ никто не дожидается насъ.»

— Какъ никто, сударь?—А дѣши ваши? дѣши! эти ангелы небесные, на которыхъ радуется сердце! Я не говорю вамъ о себѣ; что я? бѣдная старуха, лишняя вездѣ, въ пятость можетъ быть и вамъ, потому что силы мои ужь не позволяють мнѣ быть для дому вашего полезной, какъ бы я желала. Но дѣши! . . . Ахъ! бѣдная моя *Елисавета*, часто цѣлые вечера, цѣлые сунки, цѣлыя недѣли просиживала одна одиухонька, со мной и съ маленькими дѣшми, своими, и не жаловалась!—

«*Гудулла*!!!»

— Простите, сударь! простите меня! — прервала *Гудулла*, бросаясь на колѣни передъ *Рубенсомъ*. . . Не принимайте словъ моихъ въ худую сторону; я сама не знаю, что говорю. . . Когда вы сказали, что васъ хопятъ женишь—я совсѣмъ обезумѣла. Именемъ Бога, именемъ *Елисаветы*, прошу васъ, не женишь, — вспомните, какое несчастіе для дѣшей имѣть мачиху. . . Сколько слезъ бѣдные прольютъ въ жизнь свою. О, Господи! пошли мнѣ слова, чтобы уговорить его!—

Гудулла горько плакала и, рыдая, обнимала колѣна *Рубенса*; *Катенька*, видя слезы старой своей няни, тоже начала плакать, — а маленькій *Полинька*, выроня изъ рукъ пирожокъ, наморщился, скривилъ рошикъ, и закричалъ изо всей силы.

«Но еще ничего не рѣшено! Успокойся, прошу тебя,» говорилъ *Рубенсъ*, вырываясь отъ *Гудуллы*.

Когда онъ вышелъ, она подбѣжала къ дѣшамъ, схватила ихъ и крѣпко прижала къ

груди своей, какъ будто боясь, чтобы ихъ у неѣ не опнняли.

— Молишь, дѣшущки,—сказала она имъ, показывая на небо: молишь Богу, и просите мать вашу молишь за васъ,—безъ ея молишьвы нѣтъ вамъ надежды на щасіе!—

И маленькая *Катенька* спала на колѣни, и сложила рученки свои, поднявъ глаза къ небу.

— Господи! умилосердись надъ ними!—говорила *Гудулла*.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ

принца *Пюклеръ-Мюскау*.

3 Юня.

Вчера оставилъ я большой свѣтъ и пошелъ ходить по лавкамъ; надобно видѣть трудную промышленность, посредствомъ которой работающій классъ людей доставляетъ прихотливой роскоши всѣ необходимыя для неѣ бездѣлицы; я удивлялся нещепному числу вывѣсокъ, и ново-выдуманному средству показывать ихъ публикѣ. Прежде облыляли ими только двери и спѣсныя магазиновъ; нынче носятъ ихъ по улицамъ; вдругъ встрѣчается съ побою высокой челошкѣ, въ шляпѣ необыкновенной величины, на которой крупными литерами написано: не угодно ли кому сапоговъ по 12 шиллинговъ за пару? Другой несетъ въ рукѣ родъ знамя, на которомъ намалевана прага, а внизу спонитъ слѣдующая надпись: только шесть пенсовъ съ рубаши! Далѣе, люди, или лошади, везутъ ящикъ, величиною съ домъ, похожій формою на *Новъ* ковчегъ, и испещренный печатными объявленіями. Но всѣ эти объявленія гнутъ такъ безсовѣстно, что знаменитый баронъ *Мунхаузенъ* вѣрно не можетъ сравняшья съ ними въ выдумкахъ своихъ.

Я пришелъ къ г. *Ротшильду*, и такъ успалъ, что съ радостью согласился обѣдать съ нимъ въ конторѣ его. За столомъ мы много философствовали о религии,

и я нашелъ въ немъ человѣка простосердечнаго и сговорчиваго, разумѣется въ томъ, что не касается до личныхъ выгодъ его, — но это я нахожу извинительнымъ. Вышедъ отъ него, я сѣлъ въ очень непрочную наемную карету, чтобъ возвратиться въ западную часть города (The westend of the town), гдѣ нѣтъ ни Христіанъ, ни Жидовъ, но живушь только *Исключительные* и никто, и гдѣ я долженъ былъ въ другой разъ обѣдать у г. П., слушать *Пасту* и играть въ экарте пополамъ съ лордомъ Г.

Лондонъ, 13 Октября 1826.

Мнѣ кажется, что здѣшній климатъ для меня не годится, потому что, съ самаго моего пріѣзда сюда, я чувствую себя каждый день болѣе или менѣе нездоровымъ. — Впрочемъ, это меня нисколько не пугаетъ, только бы мнѣ не бытъ принуждену сидѣть дома! Въспомо лекарства, много ѣзжу верхомъ; люблюсь пріятными Лондонскими окрестностями, и продолжаю осматривать достопамятности города.

Въ послѣдній разъ посѣпилъ я здѣшній Музеумъ, гдѣ безъ всякаго разбора собраны произведенія художествъ, рѣдкости природы, книги, модели, древности и пр. И вся эта странная смѣсь помѣщена въ самомъ жалкомъ зданіи (1).

На верху лѣстницъ, при входѣ, споятъ, какъ часовые, двѣ огромныя чучелы жирафовъ, и служатъ эмблемою изящнаго вкуса Англичанъ въ художествахъ. Далѣе, нѣсколько галерей сряду наполнены безъ сомнѣнія очень занимательными рѣдкостями; но, къ стыду моему, я долженъ признаться, что видавъ на вѣку моемъ сполько разныхъ чудесъ этого рода, что теперь вѣрно не умру отъ восхищенія ни въ какомъ музеумѣ въ свѣтѣ. Въ числѣ драгоценныхъ рѣдкостей,

(1) Зачѣмъ не пожалуетъ къ намъ въ Петербургъ принцъ *Пюклеръ-Мюскау*? Онъ бы удивился, въ какихъ великолѣпныхъ чертогахъ помѣщены у насъ Эрмитажная картинная галерея, Академія Художествъ, Кунстъ-Камера, Румянцовскій Музеумъ, Музеумъ Пупей-Кошениа и публичныхъ зданій, Кабинетъ Медалей, Публичная Библіотека. — В.

есть памъ непомѣрной величины оленьи рога, очень хорошо сохранившіеся, и копорые по крайней мѣрѣ въ шестеро огромнѣе пѣхъ, которые имѣетъ пріятель нашъ С... въ оленьей галерей замка своего. Зала *древностей*, которая походитъ на совершенную кладовую, славится такъ называемыми здѣсь *мраморами* графа *Эльгина* (2). Жаль, что мы не можемъ удивляться памятникамъ древней сполиты художествъ во всемъ блескѣ и цѣлостіи ихъ! — Осипавя всѣ поэпическія восклицанія, можно сказать, что спатуи, которыми принуждены мы довольствоваться, приносятъ только по наслажденіе, которое ощущаемъ мы при видѣ прекрасной женщины, но безрукой и безногой.

Больше всего поразилъ меня бюспъ *Иппократа*. Глаза, черныя лица, однимъ словомъ, выраженіе всей физіономіи его, пакъ все выказываетъ въ немъ лекаря, что я, увидя его въ Англіи, невольно опуспилъ руку въ карманъ, чтобы вынуть кошелекъ свой. — На славную *Портландову* вазу смопрѣлъ я такъ же съ удивленіемъ.

Посылаю тебѣ двѣ книжки: одну объ эпопій вазѣ, а другую о мраморахъ лорда *Эльгина*, съ рисунками, довольно хорошо гравированными. Теперь скажу тебѣ — проспи, и иду укладывать чемоданъ свой, потому что ѣду завтра въ *Ньюмаркетъ*, гдѣ пробуду нѣсколько дней, чтобы видѣть лошадиныя скачки.

T.

О Т Р Ы В К И

изъ Рѣчи профессора *И. И. Давыдова*, о содѣйствіи *Московскаго Университета* успѣхамъ отечественной словесности.

10.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕРЗЛЯКОВУ ПОЭТЫ И ПРОЗАИКИ.

Ученіе *Мерзлякова* образовало доспойныхъ липераторовъ, украшающихъ произведеніями своими нашу Словесность. Замѣчатель-

(2) Т. е. награбленные графомъ *Эльгиномъ* въ Аѳинахъ. — Онъ цѣлые храмы, цѣлые дома, разобравъ, нагружалъ на корабли и перевезъ въ Англію. — В.

но, что въ этомъ періодѣ Московскаго Университета мужи, знаменитѣйшіе по вліянію и власти своей, охотно преклоняли слухъ свой къ произведеніямъ словеснымъ, составляли изъ нихъ любимыя занятія. Въ это время обращено было особенное вниманіе на Словесность, какъ на занятіе, ведущее къ почестямъ и славъ. Умная бесѣда избранныхъ просвѣщенныхъ собрана была *Екатериною II* въ эрмипажѣ; въ царствованіе *Александра I*, въ Петербургѣ и Москвѣ, подобныя бесѣды уже не казались рѣдкостью. Въ нихъ молодые люди, соединенные любовью къ наукамъ и Словесности, сочиняли, переводили, разбирали свои сочиненія и переводы, не думая объ извѣстности, желая единственно собственнаго совершенствованія. Въ Московскихъ литературныхъ бесѣдахъ *Мерзляковъ* былъ корифеемъ. «Это время жизни моей, говорилъ онъ, почитаю и всегда почитаю буду самымъ щасливѣйшимъ, золотымъ, невозвратимымъ временемъ моей жизни. Мы строго крипиковали другъ друга письменно и словесно, разбирали знаменитѣйшихъ писателей, которыхъ почитали образцами своими; разсуждали о всѣхъ важнѣйшихъ для человѣка предметахъ, спорили много и шумно за споломъ ученыхъ, и расходились добрыми друзьями по домамъ. Нѣтъ ничего драгоцѣннѣе и усладительнѣе времени, проведеннаго въ кругу ровныхъ и ближнихъ, когда во всѣхъ еще чувства были свѣжи и невинны, когда пятосныя заботы не отправляли ихъ убійственнымъ своимъ дыханіемъ, когда спрасси не возмущали сердецъ, привязанныхъ къ занятіямъ благороднымъ, когда смотрѣли мы на бурный свѣтъ, чуждые свѣта. Кромѣ глубокихъ впечатлѣній, обыкновенно оставляемыхъ въ душѣ нашей минувшимъ щасливимъ, даже несчастливимъ временемъ, погдашнія дружескія бесѣды наши и по тому для насъ вѣчно памянны, что онѣ безъ всякаго сомнѣнія были предпечами Общества, послѣ Высочайшимъ соизволеніемъ учрежденнаго при Университетѣ (*).» Изъ сихъ-то дружескихъ литературныхъ бесѣдъ, которыхъ

душою былъ *Мерзляковъ*, распространялся вкусъ къ изящному; онѣ по во многихъ талантахъ породили любовь къ Словесности, обратившуюся въ нравственную потребность. Можемъ ли не отдать должной справедливости заслугамъ, оказаннымъ опечеченному слову питомцами Университета и Университетскаго Пансіона—изящнымъ повѣствователемъ *Дашковскимъ*, *Воейковскимъ*, переводчикомъ *Виргилія* и *Деллеля*, опличнымъ писателемъ въ Посланіяхъ и Сапирахъ? Забудемъ ли любимца *Талія*, *Кн. Шаховскаго*, замысловатаго *Милонова*, оспроумнаго *Писарева*, новаго творца Русской Комедіи, *Грибоьева*? *Мерзляковъ*, образовавъ доспойныхъ литераторовъ, не составилъ многочисленной школы, подобно *Карамзину* и *Жуковскому*; потому что пруды его были большею частью ученые, находящіе немногихъ послѣдователей и подражателей. Легкость прозы Русскаго Путешественника, плодъ высихъ дарованій и долговременнаго упражненія, казалась обольстительною. Новость Баллады внушала также многимъ смѣлость воспѣть другую *Свѣтлану*. Опъ того полны прозаиковъ и стихотворцевъ, безъ призванія къ Словесности и безъ глубокаго изученія искусства и языка, замечали о *сентиментальности*, и пустились въ невѣдомую даль. *Мерзляковъ*, поучавшій Словесности съ кафедръ, казался недосыгаемымъ: для подражанія ему, нужно было изучать писателей Греческихъ и Римскихъ. Послѣдователями его были одни его слушатели, которые у него заимствовали духъ критики, и не опасавали опъ современной учепости.

Въ Московскомъ Университетѣ воспитывался и другой переводчикъ *Иліады*, владѣвшій словомъ сильнымъ и могучимъ, *Гнлдицъ*, поэтъ не фанпазиз, но ума и чувства. Его переводъ *Иліады* столько же опличенъ опъ опыта перевода *Кострова*, сколько различные періоды Словесности, въ которыхъ поэтъ и другой образовался. *Гнлдицъ* глубоко изучилъ свой подлинникъ, зналъ, что твореніе *Омира* представляетъ энциклопедію Древнихъ. Кто любилъ восходить къ юности человѣчества, созерцать дѣвственную прелесть природы, или питался уроками

(*) Воспоминаніе о *Ф. Ф. Ивановѣ*.

временъ минувшихъ, предъ нѣмъ цѣлый міръ, земной и небесный, развивается въ *Иліадѣ*— предъ нѣмъ кипитъ жизнь и движеніе, и все въ картинѣ поразительнѣйшей, какую только создавалъ гений челоуѣка. Здѣсь всѣ спраши юнаго челоуѣчества, полного силоу духа, неснѣняемаго условіями гражданственности, всѣ спороны жизни героической, развивавшейся со всею роскошью и простотоу временъ первоначальныхъ. Такъ мыслить и переводчикъ *Иліады*, но не былъ вѣренъ мысли своей: *Омиръ* въ Русскомъ переводѣ кажется слишкомъ суровымъ, однообразнымъ, искусственнымъ. Тѣмъ же возвышеннымъ слогомъ *Гилдингъ* переводилъ *Танкреду*, передѣлывалъ *Леара*. Это также оппечатокъ времени—недоспатокъ радужныхъ оппчивовъ въ рѣчи—недоспатокъ народности.

Еще одинъ изъ питомцевъ Московскаго Университета, *Кошанскій*, бывший профессоръ Словесности въ Царскосельскомъ Лицеѣ, дѣлалъ въ юности много Поэма, съ душоу воспорженною, съ дивнымъ даромъ слова, Поэма, которому суждено гениемъ поэзии быть предспавителемъ современной Русской Словесности. *Полтава* и *Борисъ Годуновъ*—радоспное явленіе народности, начало литературной нашей самобытности.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ХРИСТИАНСКОЕ МУЖЕСТВО.

(*При картинѣ, изображающей мученицу.*)

Не зови судьбу на бой,
И надежды дерзновенной
Къ силѣ духа неизмѣнной
Не пытай... Но жребій свой,
Со смиреньемъ и мольбой,
Вѣрѣ зашишь Провидѣнья,
И проси: во всемъ шерпѣнья,

Какъ при буряхъ и бѣдахъ,
Такъ и щаспья при лучахъ.

Сокрушитса колесница,
Конь и всадникъ въ прахъ падешъ,
И могучая десница
На оружіи замрешъ.

И внезапно овладѣешъ
Непонятный пайный спрахъ;
Будшо черный духъ навѣешъ
Въ сердцѣ хладъ, а въ очи мракъ.

Посмотри же: здѣсь младая
И прекрасная жена.

Вошь: сѣкира роковая
Надъ главою вознесена.

Но небесный озарешъ
Лучъ прекрасное чело,
И незримый проспираешъ
Херувимъ надъ ней крыло.

И не влобы испупленье,
Не гордыня, не укоръ,
Но врагамъ своимъ прощенье
Оживляешъ ясный взоръ.

То души свѣлая сила,
Тайный пламень Божества—
Будешъ темная могила
Съ нею храмомъ шоржества.

Но не дерзоспи надменной
Посылаешся она;

Нѣтъ, лишь кротоспи смиренной
Съ дѣтской вѣроу дана.

И. Пальминъ.

При семь номерѣ прилагаются: *Оглавленіе двадцати третьей части, или третьей 1836 года, и Заглавный листъ къ четвертой части сего же года Литературныхъ Прибавлений къ Русскому Инвалиду.*

КОНЕЦЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ, или ТРЕТЬЕЙ 1836 ГОДА.

С. Петербургъ.— Въ Типографіи Главнаго Управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій.—

Печатанье позволяешся: 24 Сентября 1836 года.—Цензоръ А. Никитенко.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ,

ИЛИ ТРЕТЬЕЙ

НА

1856 ГОДЪ.

I. ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Порядочный челоѡкъ; пер. <i>Т.</i>	спрн. 425.
Пріятная ошибка	426.
Скучный; пер. <i>Т.</i>	433.
Одинъ мужъ замѣняетъ пять домашнихъ живописныхъ	434.
Комната Спелрна	—
Маленькія нещастія жизни; пер. <i>Т.</i>	449.
Карманы замѣна перчаткамъ	450.
Высокое мнѣніе о медицинѣ	—
Вліяніе хорошо сшипаго фрака на сердце женщины; пер. <i>Т.</i>	465.
Три проспн г. <i>Бальзака</i> ; пер. <i>Т.</i>	481.
Разщепливый	482.
Мнѣніе одного барона о газетныхъ новостяхъ	483.
Ничего немудрено	—
Скоторама, или театръ живописныхъ	489.
Домашнее шипучее вино; соч. <i>Дж. П...л—ва</i>	609.

II. СЛОВЕСНОСТЬ.

Бармесидъ; воспочн. повѣсть; пер. <i>Т.</i>	417.
Ужинъ мерпшцовъ у <i>Каліоспро</i> ; пер. <i>С.</i>	427.
Оберъ	430.
Причуды Англичанъ	431.
Греческая одежда въ IX вѣкѣ; пер. <i>В.</i>	435.
Благочиніе въ театрахъ Сѣверо-Американск. <i>Штаповъ</i>	—
Нравственная польза театровъ	—
Дядя изъ Америки; повѣсть; пер. <i>Т.</i>	441 и 450.
Свадьба; пер. <i>А.</i>	446.
Необыкновенный подарок	—
Сигарочная фабрика на островѣ <i>Манили</i>	—
Черты изъ жизни генералъ рекетмейстера <i>А. И. Терскаго</i>	451.
Нѣсколько мыслей прищипаннаго челоѡка; соч. <i>К. Х—ва</i>	453.
Упренный праздник; пер. <i>Т.</i>	454.
Спранный поединокъ	455.
Опкровенность диняши	—
Два пальца; повѣсть; пер. <i>Т.</i>	457.
Замѣчательныя особы, вытхавшія изъ Парижа нынѣш- нею весною; пер. <i>Т.</i>	462.

<i>Шеферовъ</i> памятникъ	спрн. 463.
Славная картина <i>Релбрандта</i>	—
Англискія добродѣтели	—
<i>Гаспарони</i> ; испини. происшествіе; пер. <i>Т.</i>	466.
Россійская Спамисника	471.
Американскія древности	472.
Библиотека для чпенія въ <i>Константинополѣ</i>	473.
Уголовныя пресупленія, вины пресупка въ <i>Лондонѣ</i>	—
Новая механическая сила	—
Добрый сынъ; разсказъ; пер. <i>Т.</i>	483.
Письма объ Англии принца <i>Пюклеръ-Мюскау</i> ; пер. <i>Т.</i>	484.
533, 556, 580, 588, 597, 605, 613 и 621.	
<i>Габриелли</i> ; повѣсть; пер. <i>Т.</i>	490, 497, 505 и 521.
Добровольное наказаніе; разсказъ; пер. <i>Т.</i>	492.
Мекская мечеть, описанная г. <i>Буркгардомъ</i>	—
Аукціонъ рѣдкостей; пер. <i>В.</i>	494.
Дѣв записки; пер. <i>Т.</i>	499.
Два новые анекдота о <i>Наполеонѣ</i>	500.
Куда вы бѣжите? пер. <i>К. Х—ва</i>	501.
Выдержки изъ кн. <i>Вяземскаго</i> : Русское общественное мнѣніе	502.
Продовольствіе Лондона водою	—
Письмо къ издателю <i>Липп. Прибавл. опъ 22 Іюля</i> , изъ <i>Ревеля</i> , опъ <i>Полковника Г. К. Я—ва</i>	510.
Крыпкое сложеніе <i>Петра Великаго</i>	525.
Достопамятное новое сочиненіе <i>Карла Дюпеня</i>	526.
Бѣдный актеръ	—
Английская Литература; пер. <i>Т.</i>	529.
О сооруженіи обелисковъ въ <i>Египтѣ</i> и <i>Индіи</i> ; пер. <i>Я.</i>	537.
Случай изъ жизни <i>Жанъ-Жака Руссо</i> ; пер. <i>Н.</i>	540.
Десяти лѣтній баъ и пятидесяти лѣтній дискантъ	542.
Безсонница; соч. <i>Я.</i>	545.
Парижское извѣстіе	547.
Спамисника масляницы	—
Вѣжливая спросость врача	—
Число жителей <i>Земнаго шара</i>	—
Дешевые обон	548.
<i>Гудудла</i> ; повѣсть; пер. <i>Т.</i>	553, 561 и 569.
Спранная пляжба	557.
Профессоръ <i>Гейнсъ</i>	—
Экипажи <i>Петра Великаго</i>	564.

Благопворишельныя общества двѣиць въ Женевѣ, стрн.	565.
Объ уваженіи Французовъ къ древнимъ классикамъ . . .	574.
О новой Парижской модѣ издавалъ многопомный пво-	—
ренія пентрадями	—
Серали въ Египтѣ; пер. Т.	577.
Журналъ для несчастныхъ мужей	582.
Косейные дома	—
Путешествіе Императрицы <i>Екатерины II</i> въ Та-	—
вриду	585 и 593.
Всѣ пворенія <i>Байрона</i> въ одной книгѣ	589.
Выдержки изъ кн. <i>Веземсаго</i> : Наша драма—подкидышъ	—
О Нью-Йоркскихъ практирахъ; пер. Т.	596.
Тонкая похвала	598.
Прозрачная бумага	—
Домъ и семейная жизнь адмирала <i>Руйтера</i> ; разсказъ;	—
пер. Т.	601 и 611.
<i>Лудовикъ XVIII</i> былъ государь мудрый	605.
Умница	—
Письмо съ пого свѣпа	—
Гудулла; часть 2-я; пер. Т.	617.

III. Отрывки изъ Рѣчи профессора И. И. Давыдова, о содѣйствіи Московскаго Университета успѣхамъ Отецественной словесности.

1. Учрежденіе Университета	542.
2. Цѣль Университета	548.
3. Ломоносовъ	557.
4. Новый періодъ опечеспенной словесности	565.
5. Рядъ юныхъ писателей съ новыми идеями, съ но-	—
выми направлениемъ	582.
6. Народность въ словесности	590.
7. Карамзинъ	598.
8. Жуковскій	606.
9. Мерзляковъ	614.
10. Современные Мерзлякову поэты и прозаики	622.

IV. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

81. 82.	420 и 431.
83. 84.	436 и 446.
85. 86.	456 и 463.
87.	473.
88.	486, 495 и 503.
89.	513.
90.	526, 534, 543 и 550.
91.	558.
92. 93. 94.	566 и 567.
95. 96.	574 и 575.
(Не въ зачетъ); соч. <i>А. Греча</i>	606.

V. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Кто она? соч. <i>Н. Баталина</i>	стрн. 422.
Лиспокъ; соч. <i>М. Делидова</i>	431.
Карпины; соч. <i>Ө. Глинки</i>	437.
Душа и море; соч. <i>Мызникова</i>	448.
Эпиграмма; соч. <i>Фонъ-Бейера</i>	456.
Воспоминаніе; соч. <i>К.</i>	463.
Къ М. П. Вр—къ; соч. <i>Мызникова</i>	474.
На смерть Е. Н. Г.; соч. <i>А. Гльбова</i>	487.
Лекаръ-воннъ	496.
Ночь и утро; соч. <i>Мызникова</i>	503.
Чувство осиротѣлаго сердца; соч. <i>Мызникова</i>	518.
Раздумье; соч. <i>М. Делидова</i>	528.
... му, сердившемуся на рецензента своей поэмы: Спращ-	—
ный сонъ; соч. <i>Фонъ-Бейера</i>	544.
Къ вѣтхому денюмъ; соч. <i>Мызникова</i>	552.
Поэпъ; соч. <i>Язикова</i>	567.
Романсъ; соч. <i>А. Гльбова</i>	576.
Софронъ Гурьянчъ; соч. <i>Ө. Сльмушкина</i>	591.
Мадагаскарская пѣснь; пер. <i>Ст. Степанова</i>	599.
Зимняя ночь; опривокъ; соч. <i>В. Негорюя</i>	607.
Христіанское мужество; соч. <i>И. Пальмина</i>	624.

VI. НОВЫЯ КНИГИ.

Другъ; <i>Н. Т. м. ш. в. к. го.</i> —соч. <i>М.</i>	425.
Сѣрый армякъ, или исполненное обѣщаніе; повѣсть для	—
дѣшей; кн. <i>Вл. Львова</i> ;—соч. <i>В. Бурлянова</i>	458.

VII. РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Ревизоръ; <i>Н. Гоголя</i> ;—соч. <i>П. Серебрянаго</i>	475.
---	------

VIII. ШАРАДЫ, ЛОГОГРИФЫ, ЗАГАДКИ.

Русскія.—*Шарады*: 1) Кол-ода; 2) На-вѣсъ; 3) Раз-громъ; 4) Оп-бой; 5) При-бой; 6) За-рядъ; 7) Пипь-на-десять; 8) Оп-возъ; 9) Разно-родный; 10) Раз-вращенье.

Французскія.—*Шарады*: 1) J'en-quille; 2) Chardon-ne-ret; 3) Lise-rage; 4) Pois-sou; 5) Courbure.—*Логогрифы*: 6); 7) Mélancolie; 8) Carême; 9) Caire.—*Загадки*: 10) Pensée; 11) Saphir.

IX. М О Д Ы.

Спашьи о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Петербургскихъ модахъ были помѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ вѣдомъ листкѣ; выдано 9 искусно выгравированныхъ, на лучшей веленовой бумагѣ превосходно отпечаанныхъ и раскрашенныхъ карпинокъ, и сверхъ того двѣ прибавочныхъ.